

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года № 18/2012
Выходит 4 раза в год

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования (ФГБОУ ВПО)
«Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук,
профессор, ректор КемГУКИ

Зам. главного редактора

А. В. Шунков, кандидат филологических
наук, доцент, проректор по научной
и инновационной деятельности КемГУКИ

Ответственный секретарь

Е. А. Кагакина, кандидат педагогических
наук, доцент

Редакторы *Н. Ю. Мальцева, В. А. Шамарданов,*
О. В. Шомшина
Перевод *А. А. Щербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:

650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств», 2012

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006 № 18/2012
Published quarterly

Founder

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education
(FSFEI HPE) «Kemerovo State University
of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor, Rector of KemGUKI

Assistant Chief Editor

A. V. Shunkov, Candidate of Philological
Sciences, Docent, Vice-Rector for Research
and Innovation of KemGUKI

Administrative Secretary

E. A. Kagakina, Candidate of Pedagogical
Sciences, Docent

Editors *N. Yu. Maltseva, V. A. Shamardanov,*
O. V. Shomshina
Translation *A. A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:

650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © FSFEI HPE «Kemerovo State
University of Culture and
Arts», 2012

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Коллин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН (г. Москва)

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, ректор Московского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва)

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности СПбГУКиИ (г. Санкт-Петербург)

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, заведующая сектором культурологических проблем социализации Российского института культурологии (г. Москва)

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, директор Томского областного колледжа культуры и искусств (г. Томск)

Волощенко Г. Г., доктор культурологии, доцент кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, заведующий сектором региональной культурной политики Сибирского филиала Российского института культурологии (г. Омск)

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, ведущий специалист сектора социокультурных процессов и систем Российского института культурологии, профессор кафедры социологии и социальной антропологии МГУДТ (г. Москва)

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, генеральный директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы (г. Москва)

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва)

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Chairman of editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Chief Scientist of the Institute for Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Rector of Moscow State University of Culture and Arts, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow)

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Head of the chair of Socio-cultural Activity of St. Petersburg State University of Culture and Arts (St. Petersburg)

Astafieva O. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Head of the chair of Culturology and Business Communication of Russian Academy of State Service for the President of the Russian Federation (Moscow)

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the Sector of Culturologic Problems of Socialization at Russian Institute of Culturology (Moscow)

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Director of Tomsk Regional College of Culture and Arts (Tomsk)

Voloschenko G. G., Doctor of Culturology, Docent of the Chair of Socio-cultural Activity of F. M. Dostoevsky Omsk State University, Head of the Sector of Regional Cultural Politics of Siberian Branch of Russian Institute of Culturology (Omsk)

Gavrov S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, senior specialist of the Sector of Socio-cultural Processes and Systems of Russian Institute of Culturology, Professor of the Chair of Social Science and Social Anthropology of Moscow State University of Design and Technology (Moscow)

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogic Sciences, General Director of the All-Russia Library for Foreign Literature (Moscow)

Dolzhenko O. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Professor of the National Institute of Business of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск)

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки (г. Москва)

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РФ (г. Санкт-Петербург)

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, руководитель кафедры ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва)

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва)

Сонинтогос Э., ректор Монгольского государственного университета культуры и искусств (г. Улан-Батор, Монголия)

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР)

Тарчиньски Вальдемар, доктор экономических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша)

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик АН Республики Молдовы, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета (г. Москва)

Чешев В. В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Томского государственного архитектурно-строительного университета (г. Томск)

Чжао Циминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР)

Янашек Кристина, доктор филологических наук, профессор, директор Института славянских языков Щецинского университета (г. Щецин, Польша)

Donskikh O. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Philosophy of Novosibirsk State University of Economy and Administration (Novosibirsk)

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Chief Scientist of the Russian State Library (Moscow)

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Theory and History of Culture of St. Petersburg State University of Culture and Arts, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg)

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the Russian Author's Society, UNESCO Chair «Knowledge Society and New Information Technologies» of the Russian New University (Moscow)

Lukov V. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Vice-rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Sonintogos E., Rector of Mongolian State University of Culture and Arts (Ulan-Bator, Mongolia)

Sun Yuhua, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Tarczynski Waldemar, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Szczecin University (Szczecin, Poland)

Ursul A. D., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, Director of the Centre for Research into Global Processes and Sustainable Development of the Russian State Trade Economic University (Moscow)

Cheshev V. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Philosophy of Tomsk State University of Architecture and Construction (Tomsk)

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China)

Janaszek Krystyna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of Slavic Languages Institute in Szczecin University (Szczecin, Poland)

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Документальная информация»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки РФ, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа и информационной грамотности, директор НИИ информационных технологий социальной сферы КемГУКИ.

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе КемГУКИ, член Совета Российской библиотечной ассоциации.

Раздел «Культурология»

Кулемзин Анатолий Михайлович, доктор культурологии, профессор, заведующий лабораторией музееведения, заведующий кафедрой музейного дела КемГУКИ.

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии КемГУКИ, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

Ултургашева Надежда Торжувевна, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Тывы, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры КемГУКИ.

Раздел «Философия»

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, доцент, директор НИИ прикладной культурологии КемГУКИ.

Петров Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и психологии КемГУКИ, член Российской академии естественных наук, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Раздел «Социально-культурная деятельность»

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности КемГУКИ.

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JUOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Documentary Information

Gendina Natalia Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Rector of KemUCA, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO expert on the development of indicators of media and information literacy, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere of KemUCA.

Pilko Irina Semyonovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Academic Work of KemUCA, Member of the Russian Library Association Council.

Section of Culturology

Kulemzin Anatoly Mikhailovich, Doctor of Culturology, Professor, Head of Laboratory of Museology, Chair of Museum Activities of KemUCA

Minenko Gennady Nikolayevich, Doctor of Culturology, Professor of Chair of Culturology of KemUCA, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Arts and Sciences, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education and Culture.

Ulturgasheva Nadezhda Torzhuevna, Doctor of Culturology, Professor, доктор культурологии, профессор, Honored Worker of Culture of Tyva, Chair of Theory and History of Folk Art Culture of KemUCA.

Section of Philosophy

Guk Aleksey Aleksandrovich, Doctor of Philosophic Sciences, Docent, Director of R&D Institute of Applied Culturology of KemUCA.

Petrov Igor Fyodorovich, Doctor of Philosophic Sciences, Professor of Chair of Pedagogy and Psychology, Member of Russian Academy of Natural Sciences, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Arts and Sciences.

Section of Socio-cultural Activities

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Creative and International Activity of KemUCA.

Брижатова Светлана Борисовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул).

Раздел «Искусствоведение»

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра КемГУКИ

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Умнова Ирина Геннадьевна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусств КемГУКИ

Раздел «Филология»

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

Минералов Юрий Иванович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой русской классической литературы и славистики Литературного института им. А. М. Горького (г. Москва).

Раздел «Педагогика»

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации.

Мирошниченко Лариса Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии КемГУКИ

Корчуганова Вера Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии КемГУКИ.

Brizhatova Svetlana Borisovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Chair of Socio-cultural Activity of Altai State Academy of Culture and Arts (Barnaul).

Section of Art studies

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Professor, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Director of Institute of Theatre of KemUCA

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor of Arts, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Natural, Chair of History of Native and Foreign Art of Altai State University (Barnaul).

Umnova Irina Gennadievna, Candidate of Arts, Docent, Chair of Theory and History of Arts of KemUCA

Section of Philology

Arayeva Lyudmila Alekseyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member of IAS HS, Chair of Stylistics and Rhetoric of Kemerovo State University.

Mineralov Yury Ivanovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Chair of Russian Classic Literature and Slavistics of A. M. Gorky Literary Institute (Moscow).

Section of Pedagogy

Zaruba Natalia Andreyevna, Doctor of Sociologic Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation.

Miroshnichenko Larisa Vasilievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Pedagogy and Psychology of KemUCA.

Korchuganova Vera Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Pedagogy and Psychology of KemUCA.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Мартынов А. И. Археология в контексте истории (некоторые вопросы методологии археологии).....	10
Звягин С. П. Судьба коллекции предметов искусства сенатора Н. П. Еракова.....	16
Макарчук С. В. Экономическое состояние и политическая культура Кузбасса на рубеже XIX–XX вв.	22
Кулемзин А. М. Мировоззренческие аспекты музееведения.....	27
Родионова Д. Д. Феномен моды в зеркале философии.....	33
Романова Н. И. Эсхатологические представления старообрядцев.....	42
Маркдорф Н. М. К вопросу о толерантности иностранных военнопленных в послевоенном обществе.....	51
Аксенов П. В. Методологические проблемы исследования интеллектуальной элиты: культурологический ракурс.....	56
Филиппов В. Л. Кризис культуры как точка пересечения различных концепций.....	66

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Бородина Е. М. «Воинские» песни сибирских казаков: тематика, образы и мотивы.....	73
Чепурина В. В. Героиня нашего времени: поиск ценностной идентичности (актриса Наталья Юдина на сцене Кемеровского областного театра драмы им. А. В. Луначарского)..	79
Шестакова И. В. Монтажная техника в литературном сценарии В. Шукшина «Живет такой парень».....	83
Аршакян С. Г. Грани творчества Арно Бабаджаняна.....	89
Клименко А. Е. Музыка для ансамбля духовых инструментов в России в конце XVIII и в первой трети XIX в. (на примере творчества А. Алябьева).....	95

ФИЛОЛОГИЯ

Ань Лихун Типы текста, многомерность текста и пресуппозиции как необходимые знания для переводчика.....	103
Минералов А. Ю. «Каторжно-лагерная» сюжетно-образная традиция в русской прозе XX в.	106
Арефьева Н. Г. Роль древнегреческих мифопоэтических образов в «итальянских» стихотворениях Вячеслава Иванова.....	113
Павлов А. М. Внешнее и внутреннее в монодраме В. Хлебникова «Госпожа Ленин»: к проблеме читательской/зрительской «конкретизации» пьесы.....	119
Кайрамбаева А. Ж. Синтаксические приемы как экспрессивные средства рекламного дискурса (на материале наружной рекламы г. Павлодара).....	127
Салимьянова Г. В. Стратегии инвитивной побудительности в ритуале гостеприимства (на материале башкирского языка).....	132

Фаломкина И. П. Реализация фрейма «животноводство» в пределах диалектной слово-образовательной ниши с формантом -н/я/..... 139

Лушникова Г. И., Старцева Т. В. Структурные особенности лингвокультурного типажа «ирландский эмигрант» (на материале произведения Дж. О'Коннора «Звезда моря»).... 145

Омеличкина Е. О. Дискурсивная реализация стереотипа «héros-combattant»..... 152

ПЕДАГОГИКА

Заруба Н. А. Управление формированием компетентности педагога в сфере образовательных инноваций как отражение тенденций развития российского общества..... 159

Касаткина Н. Э., Семенова Т. Н. Проблема адаптации студентов вуза к процессам обучения и сохранения здоровья..... 165

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Жегульская Ю. В., Коваленко О. В., Кувшинов Ю. А., Лазарева Л. И., Милькова Е. В., Привалова Г. Ф., Фалилеев В. В. Повышение качества подготовки социальных педагогов в контексте ФГОС ВПО третьего поколения: проблемы и решения..... 174

Виниченко Е. А. Подготовка студентов к ответственному восприятию родительской роли..... 183

Борисенко Е. Н. Стратегия педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студента вуза..... 189

Филатова Е. В. Организация наставничества как формы социального партнерства в области профессионального образования..... 196

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Астахова Л. В. Библиотека как субъект обеспечения информационно-психологической безопасности населения региона..... 202

ФИЛОСОФИЯ

Басалаева И. П. Фронтير как *место* в пространственном анализе социальной динамики..... 208

Басалаева О. Г. Функция понимания в частнонаучной картине мира..... 215

Берестова Т. Ф., Невелева В. С., Апухтина Н. Г. Философско-культурологические основания исследования генезиса, эволюции, сущностных характеристик документа..... 221

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Антонова Л. Ю. Социально-культурные предпосылки организации досуга в Сибири XIX–XX вв. 230

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Насонов А. А., Насонова Е. Н. Научно-просветительская акция «Международный день всех религий»..... 235

Сведения об авторах..... 237

CONTENTS

CULTUROLOGY

Martynov A. I. Archaeology in the context of the history (some methodological issues of Archaeology).....	10
Zvyagin S. P. The fate of the collections of art objects of senator N. P. Erakov.....	16
Makarchuk S. V. Economic status and political culture of Kuzbass at the turn of the XIX–XX centuries.....	22
Kulemzin A. M. Ideological aspects of museology.....	27
Rodionova D. D. The phenomenon of fashion in the mirror of philosophy.....	33
Romanova N. I. Eschatological concepts of old believers.....	42
Markdorf N. M. About tolerance of foreign war prisoners in post-war society.....	51
Aksenov P. V. Methodological problems in research of the intellectual elite: culturological perspective.....	56
Filippov V. L. Cultural crisis as a cross point of different concepts.....	66

ART STUDIES

Borodina E. M. «Military» songs of siberian cossacks: themes, images and motifs.....	73
Chepurina V. V. The heroine of our times: finding the value identity (actress Natalia Yudina on stage of Lunacharsky Kemerovo regional drama theatre).....	79
Schestakova I. V. Editing technology in the Schukshin's literary scenario «There lives such a guy».....	83
Arshakyan S. G. Facets of creativity of Arno Babadjanyan.....	89
Klimenko A. E. Music of the wind instruments ensemble at the end of XVIII and in the first third of XIX century (on the example of A. Alyabiev's creative work).....	95

PHILOLOGY

An Lihun On the importance of types of text, multidimensionality and presupposition for translators.....	103
Mineralov A. Y. «Prison camp» plot and image tradition in the russian prose of the XX century.....	106
Arefieva N. G. Role of ancient greek mythopoetic images in the «italian» poems of Vyacheslav Ivanov.....	113
Pavlov A. M. External and internal in Khlebnikov's monodrama «Madame Lenin»: problem of the reader/viewer «specificity» of the play.....	119
Kairambayeva A. Z. Syntactical methods as the expressive means of the advertising discourse (on the material of Pavlodar outdoor advertisement).....	127

Salimyanova G. V. Strategies of invitational inducement in the ritual of hospitality (on the material of the bashkir language).....	132
Falomkina I. P. Realization of the frame «livestock» within the dialect word-forming niche with formant -н/я/.....	139
Lushnikova G. I., Startseva T. V. Structural peculiarities of lingua-cultural type «irish emigrant» (on the basis of work of J. O'Connor «Star of the Sea»).....	145
Omeličkina E. O. Discursive realization of the stereotype «héros-combattant» («hero-fighter»).....	152

PEDAGOGICS

Zaruba N. A. Formation of management competence of a teacher in education innovation as a reflection of trends of the russian society.....	159
Kasatkina N. E., Semenkova T. N. Problem of adaptation of university students to processes of training and healthcare.....	165

ROUND TABLE

Zhegulskaya Y. V., Kovalenko O. V., Kuvshinov Y. A., Lazareva L. I., Milkova E. V., Privalova G. F., Falileev V. V. Quality training of social teachers in the context of fsei hpe of the third generation: challenges and solutions.....	174
Vinichenko E. A. Students' preparation for responsible perception of parental role.....	183
Borisenko E. N. The strategy of the educational support of the formation of higher educational institutions students social competence.....	189
Filatova E. V. The organization of preceptorship as a form of social partnership in the field of vocational training.....	196

DOCUMENTARY INFORMATION

Astakhova L. V. Library as a subject of providing the information and psychological safety for region population.....	202
--	-----

PHILOSOPHY

Basalaeva I. P. Frontier as <i>place</i> in spatial analysis of social dynamics.....	208
Basalaeva O. G. Hermeneutic function of personal scientific world outlook.....	215
Berestova T. F., Neveleva V. S., Apukhtina N. G. Philosophic and cultural research foundation of genesis, evolution, essential characteristics of the document.....	221

SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Antonova L. Y. Socio-cultural preconditions of leisure organization in Siberia of XIX–XX centuries.....	230
--	-----

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

Nasonov A. A., Nasonova E. N. Scientific elucidative event «The international day of all religions».....	235
Information about the authors.....	237

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 008

А. И. Мартынов

АРХЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ (некоторые вопросы методологии археологии)

Статья посвящена методологическим проблемам современной археологии. На конкретных примерах из археологии Евразии рассматриваются: археологические факты и их связь с историческим процессом, влияние геосреды на историю, исследуются возможности наскального искусства в реконструкции истории и роль народов-лидеров в истории человечества.

Ключевые слова: Артефакт, геосреда и исторический процесс, народы-лидеры в истории, наскальное искусство и реконструкция истории.

A. I. Martynov

ARCHAEOLOGY IN THE CONTEXT OF THE HISTORY (some methodological issues of Archaeology)

The article is devoted to the methodological problems of modern archeology. Specific examples from archeology of Eurasia display the archaeological facts and their relationship to the historical process, the impact of geoenvironment on history, research the possibilities of rock art in the reconstruction of the history and role of the leading nations in the history of mankind.

Keywords: Artifact, geoenvironment and historical process, leading nations in the history, rock art and reconstruction of the history.

Известно, что XX в. в Советском Союзе был отмечен двумя основными тенденциями в археологической науке: накоплением вещественных археологических источников и обоснованием археологических культур. Археология превращалась в науку фактов и примеров, а исторический процесс в археологии воспринимался в основном как система смены эпох и археологических культур.

Археологический факт и исторический процесс. В XX в. на евразийском пространстве накоплено большое количество архео-

логических материалов по неолиту, эпохе бронзы и раннему железному веку, которые позволяют перейти от археологических фактов, их констатации, к реконструкции исторических процессов, к историческим выводам, что в свою очередь требует новых методологических и методических подходов и понимания новой роли археологии, как исторической науки в XXI в.

В связи с затронутой проблемой соотношения факта и исторического процесса в археологии хочу остановиться на двух весь-

ма показательных, на мой взгляд, примерах. Известны факты весьма раннего использования лука и стрел в палеолите. Это факт. Однако надо ли его использовать как вывод о широком распространении лука и стрел в домезолитическую эпоху. Думаю, что оснований для этого нет, так как условия охоты позднего плейстоцена вряд ли способствовали широкому применению этой новации. Скорее всего, применение ограничивалось ритуальной практикой применения этой новации, но не хозяйственной. Обстановка изменилась только в голоцене, что и привело к довольно быстрому распространению лука и стрел в мезолите.

Вероятно, не следует преувеличивать и факт ранней даты появления керамических сосудов в Японии. Он совсем не означает, что керамическая посуда распространяется в связи с этим значительно раньше неолита. Вполне возможно, что свойства керамической массы, ее пластичность, возможность формироваться, затвердевать и подвергаться обжигу, были известны раньше, еще в палеолите. Однако керамика как материал и керамические сосуды широко распространены лишь только в неолите как важный в истории процесс.

Геосреда и исторический процесс. За последние годы археологией, культурологией, географией и другими науками накоплен большой материал о роли геосреды в исторических и культурологических процессах в археологические периоды. В результате, можно сделать несколько важных общих выводов. Во-первых, надо учитывать, что весь археологический период истории человечества – это система взаимоотношений человеческих популяций и природной среды в ее макросистемах (степные, горные и лесные (таежные) массивы) и микросистемах (конкретные ландшафтные системы). Мы подошли к пониманию того, что природа, ее особенности являются культурообразующим фактором в истории археологических периодов. Это великолепно прослеживается на территории

Казахстана и Западной Сибири в мезолите – неолите. Во-вторых, в археологии, особенно при характеристике хозяйственной деятельности, надо шире учитывать действие закона рационального использования природной среды. Он объективно действовал в эпоху палеометалла и при сложении таких глобальных исторических систем, как сакский или скифо-сибирский мир как историческое явление, а также при рассмотрении более мелких историко-культурных образований, отмеченных отдельными археологическими культурами эпохи бронзы и раннего железного века. Здесь отмечается роль нескольких природных факторов: роль Уральско-Казахстанского и Саяно-Алтайского горно-металлургических центров в палеометаллическую эпоху; роль степного евразийского коридора в распространении новаций, скотоводства, колесного транспорта, передвижении групп населения, что хорошо прослеживается по археологическим памятникам, распространению изображений повозок в наскальном искусстве, курганных захоронениях палеометаллической эпохи в степной Евразии. Важен факт появления в степях и горных долинах курганов как архитектурных сооружений, их связь с ландшафтами и в то же время с новым мировоззрением населения палеометаллической эпохи.

Качественно новое освоение степной и горных долин Евразии началось с важнейшего в истории человечества события – с распространения на этой огромной территории производящих форм хозяйства, как основы цивилизационного развития человечества. Его расценивать как величайшее событие в истории Евразии, оказавшее влияние на весь дальнейший ход исторического развития вплоть до современности. Для большинства евразийских территорий события освоения земледелия и скотоводства приходятся на палеометаллическую эпоху (энеолит – бронза). Надо признать, что в истории Евразии палеометаллическая эпоха была временем ши-

рокого распространения разных типов производящего хозяйства, исторически важного разделения производящего хозяйства на два основных направления: оседлое земледелие, связанное с водными ресурсами и по этой причине более ограниченное территориально, и подвижное скотоводство, с него началось освоение огромных пространств Евразии. Это было время активного влияния фактора геосреды на хозяйственную специфику, формирование крупных культурно-исторических макрозон с особенностями материальной и духовной культуры. В Евразии их было четыре: территория оседлого поливного земледелия (от триполья до яньшао); скотоводческо-земледельческая (андроновская, катакомбная общности); зона подвижного скотоводства (степная и горная) и лесная территория присваивающе-производящего хозяйства. Для каждой из культурно-исторических макрозон были характерны диктуемые геосредой особенности производящего или присваивающего хозяйства, культовомировоззренческий комплекс представлений, духовные ценности, выразившиеся в погребальных комплексах и искусстве. Мировоззрение отражено в сложном орнаментальном искусстве двух первых зон: расписная керамика триполья, кукутени, анау, яньшао, женские скульптуры плодородия, украшения стен глинобитных жилищ и сложный штампованный орнамент культур андроновского и катакомбного круга. В зоне подвижного скотоводства и присваивающе-производящего хозяйства развивается в это время наскальное искусство. Оно стало значительной составной частью этих двух культурно-исторических макрозон Евразии [8, с. 27].

Наскальное искусство и реконструкция истории. В настоящее время, как известно, накоплен колоссальный материал по наскальным изображениям, который позволяет делать исторические выводы. В связи с материалами по наскальным изображениям, думается, не-

обходимо обратить внимание на некоторые факты. Памятники наскального искусства с изображениями оленей в стиле «оленных камней» расположены в Саяно-Алтайском пространстве: на петроглифах Тувы в Монголии и Горном Алтае. Факт не единичный и требующий исторических выводов. Нельзя не обратить внимания, что образы и сюжеты, характерные для скифской эпохи, появляются на памятниках наскального искусства там, где уже были изображения предшествующего времени [8]. Это свидетельствует о том, что священные места воспринимались в новую эпоху как свои, понятные людям новой, сакской эпохи. Они не уничтожались. Видимо, мифотворческая основа, включающая представление о структуре мироздания, идеи реинкарнации, представления о божественных символах (золотом олене-солнце и баране-фарне) не были новыми. Новым была их знаковость, символизм. Скифская эпоха породила в искусстве «читаемые» символы: поза животного, знаковая трактовка рогов и другие аксессуары, например, солярные знаки, крылья на некоторых изображениях оленей, алтари для священного огня и многое другое.

Археология и социальные процессы. Вероятно, в XXI в. археологи больше внимания будут уделять изучению проблемы социальной структуры, государственности и цивилизационным процессам в сакскую и послесакскую эпохи [1, 5], процессам распространения новации, культурогенезу в археологии. Новых материалов, фактов за последние годы накоплено много. Однако не хватает новых методологических подходов к этим материалам. Обратимся к примерам из истории, когда археологический материал становится основой реконструкции исторических процессов.

Такой подход оправдал себя в рабовладельческих обществах Древнего Востока. Фактически весь Древний Восток, включая большинство клинописных текстов, был открыт благодаря работам археологов: раскопки

Шумера, Акада, Вавилона, раскопки археологических памятников в Египте, цивилизации хеттов в Турции, Урарту, исследования в Сузах, Персеполе, наконец, открытие археологами памятников эпохи Шан-Инь в Китае и дравидской цивилизации в Индии. Все это – археология. Не будь археологических материалов, и мы практически ничего не знали бы о Древнем Востоке. Примерно по такому же пути, накапливая археологические факты, надо реконструировать евразийскую скотоводческую степную цивилизацию: Бесшатыр, Шиликта, Иссык и Берель в Казахстане, Филипповка у савроматов, новые материалы по скифам, Аржан 1 – 2, грандиозный Салбык и масса других зафиксированных археологических фактов. Данные по конструкциям погребальных сооружений надо использовать не только как материал констатации фактов, но и как источник (а других нет) изучения обществ скифо-сибирского мира. Значительные материалы накоплены по хозяйственной деятельности: высокоразвитое строительное дело, сложившиеся различные типы продуктивного скотоводства и многое другое свидетельствуют о степной евразийской цивилизации, представленной раннегосударственными образованиями скифов, савроматов, саков и другими обществами Южной Сибири и Центральной Азии. Понять все значение новых археологических материалов и данных по территории скифо-сакского мира, думаю, мешает только некоторая методологическая ограниченность и однолинейность взглядов на процессы исторического развития. Мы по-прежнему рассматриваем археологические материалы в основном с учетом формационного развития истории, согласно которого, как известно, последовательно развивались общественно-экономические формации, а цивилизационное развитие рассматривалось исключительно через развитие оседлого земледельческого хозяйства и выработанных этим направлением культурогенеза ценностей. При этом не учитывалось основ-

ное – что лежит в основе цивилизационного процесса развития истории? Основой, как известно, является производящее хозяйство и только оно. А на евразийском пространстве оно, начиная с палеометаллической эпохи, было представлено двумя основными направлениями – оседлым земледелием с домашним скотоводством и подвижным скотоводством степного и горно-долинного пояса Евразии с подсобной ролью земледелия. Причем, каждое из этих двух направлений исторического развития занимало в Евразии свою макротерриторию, развивая свои особенности хозяйства, диктуемые законом рационального использования природной среды, вырабатывая свои духовные ценности, отразившиеся в погребальных комплексах и искусстве. Надо признать и понять, что это были две параллельно развивающиеся цивилизации с разным набором цивилизационных ценностей [8].

Особенно ярко эти цивилизационные различия выглядят в контактных территориях между двумя основными цивилизационными макроразонами в Причерноморье, на юге Казахстана и в предгорных территориях Средней Азии [9].

Новые открытия памятников раннего железного века в Казахстане, Монголии, Западном Китае и Алтае-Саянском регионе позволяют решить и другие вопросы истории степной Евразии I тысячелетия до н. э. Материалы ранних курганов (Аржан и др.), оленные камни IX–VII вв. и **наскальные изображения** с образами летящих стилизованных оленей с вытянутыми (утиными) мордами, комплексы «раннескифских» предметов вооружения, конской сбруи, украшений подтверждают вывод о том, что наиболее ранние центры формирования культуры сакского мира сложились на востоке степной и горно-долинной Евразии, в Алтае-Саянском регионе и на территории Казахстана. Полученные новые материалы на территории Казахстана позволяют отметить ведущую роль в этом процессе саков [3; 10]. Скифия и скифы

были, вероятно, западной окраиной этого мира, испытывавшие к тому же значительное влияние древнегреческой, фракийской и других культур.

О народах-лидерах в истории. При рассмотрении процессов сложения единства в VII–III вв. до н. э. и распространения новаций на рубеже эпохи бронзы и железа можно отметить сложение нескольких основных форм скотоводства, тесно связанных с конкретными природными особенностями степных и горно-долинных ландшафтов, развитие транспорта: колеса со спицами, втулкой и ободом, освоение конной верховой езды, сооружение общественно значимых грандиозных по трудозатратам курганов, возникновение информативно-знакового искусства образов, роль природных святынь с образами искусства и многое другое [11]. При изучении перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку важно понять историческую роль лидерства в истории и объяснить изменения в материальной и духовной культуре. В VIII–VII вв. до н. э., очевидно, повсеместно в степной Евразии произошла смена лидерства. Скифы на западе, саки и другие группы индо-иранцев на востоке создают этнополитические образования, в которых лидерство было за ними. Скорее всего, они были в то же время носителями более прогрессивных технологий в материальной культуре, новых идей в мировоззрении, общественных отношениях и распространяли свое лидерство на другие этнические группы населения. Они образуют новые структуры власти, система господства-подчинения, новые этносоциальные структуры, возникали новые символы лидерства и власти, новые погребальные обряды и церемонии, грандиозные погребальные сооружения и погребальная мифология, отражением которой является искусство погребальных склепов (погребальное искусство): изображения на саркофагах, кошмовых коврах, головных уборах, украшения конской

сбруи в пазырыкских курганах, погребальных комплексах Берель, Аржан, Иссык и других.

Понимание системы лидерства этнических групп как инструмента объяснения глобальных исторических изменений очень важно при изучении исторических процессов в археологические периоды в евразийских степях.

С этим явлением мы сталкиваемся и позже. Археологически прослежены изменения в культурах скифо-сакского мира в II в. до н. э.: нарушение хозяйственной, социальной стабильности, сбалансированности, которая была характерна для сакского мира, отмечено увеличение подвижности населения, в археологических культурах. Войны, захваты территорий, скота становятся характерным явлением новой эпохи. В то же время это была и смена лидерства индо-иранцев хуннами, создавшими первую империю кочевников Центральной Азии.

В новую эпоху создается и распространяется новое, более совершенное наступательное и оборонительное вооружение: длинный меч, трехлопастные железные наконечники стрел, усовершенствованный лук. В быту и военной практике первостепенной становится верховая езда, роль коня. Появляется жесткое седло, железные стремяна и многое другое, характеризующее уже новую историческую эпоху. Важен сам исторический факт и его глобальные последствия, выразившиеся в целом ряде археологических фактов тесинской, таштыкской культур и в изменениях, которые происходят в это время в Туве, Горном Алтае, на территориях современного Казахстана и Киргизии.

Новая эпоха привела к изменению бытовой культуры, распространению юрт и многоугольных столбовых жилищ, умению размещать все необходимое для жизни в рундуках, кожаных сумках. Особую роль в одежде и снаряжении приобретает, как известно, пояс. Постепенно меняются мировоззрен-

ческие и эпические представления, связанные с воином-героем, героическим конем. Все это нашло отражение в археологических материалах рубежа и первой половины I тыс. н. э. Однако надо иметь в виду, что при смене народа-лидера никогда не происходило полной замены народов. Этого не было в эпоху сакского господства, очевидно, не было и в эпоху гуннского великодержавия. С полным основанием гуннскую эпоху можно назвать эпохой синкретизма, соединения всего положительного, что было достигнуто в предшествующее время и новых начал. Об этом свидетельствуют разные типы погребальных сооружений и обрядов захоронения, продолжавшие существовать предметы скифской эпохи, сохраняются традиции в наскальном искусстве. В евразийских степях происходят изменения и в социальных структурах. Произошла смена представлений о культурных ценностях. В этом процессе значительную роль в новую эпоху сыграли материальные

и духовные достижения предшествовавшей скифо-сакской эпохи. Это связано с тем, что значительная часть населения сакской эпохи осталась на местах своего обитания, она была хранителем генотипа скифо-сакской эпохи и оказала значительное влияние на формирование этнических групп населения новой гунно-сарматской эпохи.

Следующий период смены лидерства в степях произошел в середине I тыс. н. э. В недрах гуннской державы, по последним данным, формировались древние тюрки, которые в I тыс. н. э. мощно заявили о себе в процессе, так называемой, тюркизации обширных территорий Южной Сибири, Казахстана, север по Лене, далее на запад и Среднему Енисею, в лесостепных и лесных территориях по Томи, Иртышу, в Поволжье и Приуралье. Здесь явно прослеживается еще одна мощная смена народа-лидера, которым в Южной Сибири и на юге Восточной Европы в I тыс. н. э. становятся тюрки.

Литература

1. Альтернативные пути цивилизации. – М., 2000.
2. Вопросы археологии Казахстана: сб. науч. ст. в честь 75-летия Бекмуханбета Нурмуханбетова. – Алматы, 2011.
3. Казахстан и Евразия сквозь века. История, археология, культурное наследие: сб. науч. тр., посвященный 70-летию со дня рождения академика Национальной академии наук РК Карла Малдахметовича Байпакова. – Алматы, 2010.
4. Кони, колесницы и колесничие степной Евразии. – Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010.
5. Крадин Н. Н. Империя хунну. – М., 2001.
6. Мартынов А. И. Археологический ресурс Казахстана и его реализация в годы независимости // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011). – Алматы, 2011. – С. 415–422.
7. Мартынов А. И., Елин В. Н. Скифо-сибирский мир Евразии. – М., 2009.
8. Мартынов А. И. Наскальное искусство и исторические процессы // Наскальное искусство в современном обществе: мат-лы междунар. науч. конф. 22–26 августа 2011 г. – Кемерово, 2011. – Т. 1. – С. 26–31.
9. Роль степных городов в цивилизации кочевников: мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 10-летию юбилею г. Астана, 2 июля, 2008 г. – Астана, 2008.
10. Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана // Научные чтения памяти Н. Э. Магапова. – Алматы, 2010.
11. Самашев З., Чжан Со Хо, Боковенко Н., Мургабаев С. Наскальное искусство Казахстана / Астанинский филиал Института археологии им. А. Х. Мургулана, 2011.
12. Скифо-сибирское культурно-историческое единство: сб. тр. конф. – Кемерово, 1980.

УДК 7.074(571.53)«192/193»

*С. П. Звягин***СУДЬБА КОЛЛЕКЦИИ ПРЕДМЕТОВ ИСКУССТВА
СЕНАТОРА Н. П. ЕРАКОВА¹**

В Иркутске в 1937 г. после ареста врача Е. В. Даукшо сотрудниками НКВД была изъята коллекция предметов искусства. Ее собрал тесть врача – старший председатель Иркутской судебной палаты, сенатор Н. П. Ераков. Впоследствии более 400 предметов оказалось в Иркутском художественном музее. В 2004 г. праправнучка сенатора начала процесс по возвращению ей этой коллекции. Пока ее иски не удовлетворены.

Ключевые слова: сенатор, Н. П. Ераков, Иркутск, коллекция, возвращение имущества наследникам, Октябрьская революция, репрессии.

*S. P. Zvyagin***THE FATE OF THE COLLECTIONS OF ART OBJECTS
OF SENATOR N. P. ERAKOV**

In Irkutsk in 1937, after the arrest of Dr. E. V. Dauksho, NKVD removed collection of art objects. It was collected by the father-in-law of doctor, senior chairman of the Irkutsk Trial Chamber, Senator N. P. Erakov. Subsequently more than 400 subjects were in the Irkutsk Art Museum. In 2004 the great-great-granddaughter of the Senator started the process of returning this collection to her. Her claims are still not satisfied.

Keywords: Senator N. P. Erakov, Irkutsk, collection, return of property to the heirs, October evolution, repressions.

До сих пор не создан коллективный портрет российского дореволюционного коллекционера. На мой взгляд, там бы преобладали аристократы и купцы. Тем не менее, среди коллекционеров были и чиновники. Одним из них был старший председатель Иркутской судебной палаты кавалер многих российских орденов, тайный советник Николай Петрович Ераков (23 декабря 1853 г., Нижегородская губерния – 13 октября 1923 г., Иркутск).

До Октябрьской революции на территории от Урала до Тихого океана функционировали всего две (Омская и Иркутская) из 14 судебных палат Министерства юстиции.

К округу Иркутской судебной палаты относились Благовещенский, Владивостокский, Камчатский, Красноярский, Пограничный (действовал в полосе отчуждения КВЖД), Читинский и Якутский окружные суды [1]. Таким образом, территория, которую обслуживала эта палата, составляла целый континент.

Жизни и судьбе Н. П. Еракова посвящена лишь небольшая публикация Т. Л. Курас [2]. Главные испытания в его жизни выпали на послеоктябрьское время. При советской власти его трижды арестовывали. Причем каждый раз его выпускали без предъявле-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00222а).

ния обвинений. 13 октября 1923 г. Н. П. Ераков был убит на улице Рабочей, недалеко от своего дома [3]. Его жизнь оборвалась на 70-м году. По городу поползли слухи об убийстве бывшего высокопоставленного судьи с целью ограбления. Однако вряд ли это являлось мотивом преступления. При Николае Петровиче остались золотые часы и портмоне с деньгами [4].

Сегодня мало кому известно, что Н. П. Ераков был судьей, тем более коллекционером. Судьба иркутянина купца В. П. Сукачева и его художественной коллекции хорошо известны в Сибири [5]. Иное дело Н. П. Ераков. Публикация А. И. Шинкового стала первой в этом отношении [6]. В книге Н. М. Полунина «Кто есть кто в коллекционировании старой России: новый биографический словарь» его имя вообще не значится [7]. В публикации А. П. Банникова и С. А. Сапожникова содержится лишь короткая справка о нем [8].

Увлечение Н. П. Еракова коллекционированием А. И. Шинковой относит ко времени его службы в Красноярске. Тогда у него состоялась поездка по делам в Минусинск. Из нее он вернулся с сотнями художественных и исторических предметов. Их выкопали из курганов Абаканских степей. Среди них были китайские бронзовые фигурки даосских бессмертных святых (сяней), слонкурительница, сосуды и прочее.

В Иркутске Н. П. Ераков приобрел множество предметов искусства в комиссионном магазине Собакарева. Его коллекция росла благодаря различным подаркам, которые делали ему жители города, зная об увлечении сенатора. Это выглядит несколько странно, зная о принадлежности Н. П. Еракова к судебному ведомству. Он часто ездил по делам службы в Санкт-Петербург и Москву. Был он и в странах Западной Европы. Из каждой поездки он возвращался с новыми экспонатами. При этом он был отцом восьмерых детей.

Какого-либо каталога или буклета о коллекции издано не было. Мы можем судить о количестве и качестве предметов, ее составлявших, лишь по воспоминаниям современников или исследователей. По сведениям А. И. Шинкового, до революции 1917 г. Н. П. Ераков считался крупнейшим коллекционером Иркутска. Он владел живописными произведениями известных русских, итальянских и голландских художников. У него была богатая подборка фарфора: сервизы Императорского фарфорового завода, изделия фабрик Гарднера, Никитина, Перевалова и Попова. Кроме этого датский, английский, финский и итальянский фарфор, фарфор стран Дальнего Востока, а также замечательные восточные изделия из бронзы, камня и других материалов. Коллекция Н. П. Еракова, по некоторым оценкам, по числу предметов превосходила известные частные собрания Иркутска, в том числе замечательное собрание Иркутского городского головы, купца первой гильдии В. П. Сукачева, которая положила начало Иркутскому художественному музею, ныне носящему его имя.

В коллекции были произведения художников Голландии, Фландрии, Италии, Австрии: Х. Тербрюггена, Г. Сегерса, П. Берхема, И. Грасси. В том числе работа Д. Цампьеры – портрет Сивиллы (Неаполь, 1641 г.), а также картина голландского живописца Шарля Луи Марлина «Буря на море» (1783 г.).

Среди скульптур обращали на себя внимание работы Е. Е. Лансере «Табун кабардинских лошадей, возвращающихся с поля» (1878 г.) и бронзовая статуя Ф. Рюда «Мальчик с черепашкой».

В собрании насчитывалось сорок наименований керамических и фарфоровых изделий, исполненных в Китае и Японии, а также многочисленные статуэтки буддийских богов [9].

Н. П. Ераков владел чрезвычайно ценной коллекцией гравюр. Среди них работы анималистов Мальтрука, Цобеля, Жави и дру-

гих. О ней даже ходили легенды. Художник-график В. И. Лебединский, учившийся у В. В. Матэ, одно время был хранителем Иркутского художественного музея. В 1960 г. он вспоминал: «Мне пришлось видеть из коллекции Еракова только небольшую часть той обширной коллекции, которая была хорошо известна до революции, так как там хранились листы ведущих мастеров Западной Европы (называлось до семи листов Рембранта)».

По предположению Г. Красовского, эти гравюры «выгребла» с Иркутской периферии Москва в 1938 г. и они теперь находятся в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, что по улице Волхонка дом № 12. В апреле 2004 г. Г. Красовский работал в архивах этого музея. Он выяснил, что под записью «сдано НКВД» в регистрационной книге музея числится немало произведений искусства мировой значимости, в том числе самого Рембранта.

Наконец следует добавить к перечисленным экспонатам и картины с изображением Екатерины Второй и Петра Первого. В совокупности все перечисленные экспонаты могут быть оценены на мировых аукционах, по мнению Г. Красовского, в сотни миллионов евро. На взгляд автора данной статьи, эта оценка сильно преувеличена.

В конце 1919 г. через Иркутск отступали войска колчаковцев и интервентов, преследуемые Красной армией. К Н. П. Еракову обратились американцы. Они предложили продать им всю коллекцию. Ему предлагали большие деньги и возможность выехать с семьей в Харбин. Николай Петрович отклонение предложения. Он заявил, что произведения искусства собирал для России, а не на продажу. Половина коллекции им была завещана Иркутску с тем, чтобы на ее основе создать городской музей. Другая половина – детям.

Обычно тяжелая судьба ожидает коллекции после смерти владельца, когда свои права предъявляют наследники. Несчастья обру-

шились на коллекцию Н. П. Еракова еще при жизни коллекционера. Его семью несколько раз «уплотняли». С каждым разом помещение, занимаемое большой семьей уменьшалось. Это, безусловно, негативно сказалось на сохранности собрания.

Большая часть собранного Н. П. Ераковым оказалась в разные годы в Иркутском художественном музее. Его экспозицию украшают граненый хрустальный сервиз в серебряной оправе из 5 предметов с надписью «Дорогому Николаю Петровичу Еракову от сослуживцев по Красноярскому окружному суду 1897–1901». Сервиз был изготовлен по заказу ведущими мастерами российской фирмы ювелирных изделий К. Фаберже. Привлекают внимание посетителей упомянутые мной работы Е. Е. Лансере и Ф. Рюда.

Отдельные предметы из коллекции отца Вера Николаевна и Сергей Николаевич видели в 1923 г. в Харбине, будучи в эмиграции в Маньчжурии.

В 1930-х гг. власти пытались найти коллекцию гравюр. Ее хотели национализировать, но разыскать не удалось. Судьба этой части коллекции Н. П. Еракова до сих пор не известна. Сам владелец мог раздать гравюры своим многочисленным родственникам для хранения. У него было несколько братьев и сестер, живших в Санкт-Петербурге – Ленинграде. В Иркутский художественный музей перешло лишь небольшое собрание гравюр анималистов Мольтрука, Цобеля, Жави и др.

В 1936 г. родственники Н. П. Еракова подарили 33 предмета из этой коллекции Иркутскому художественному музею, среди них 13 бронзовых статуэток даосских бессмертных.

В 1992 г. в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве прошла выставка «Искусство стран Ближнего Востока», на которой экспонировались предметы из коллекции Н. П. Еракова и его портрет [10]. Пока не известно как туда попали предметы из собрания Н. П. Еракова.

Тем не менее, часть коллекции вдове удалось сохранить. После смерти С. И. Ерако-

вой в 1928 г. вещи перешли к дочери Н. П. и С. И. Ераковых – Софье Николаевне и ее мужу Е. В. Даукшо. 21 июля 1937 г. врач кассы Коопинсоюза в Иркутске Е. В. Даукшо был арестован. 6 января 1938 г. он был приговорен к расстрелу. 19 февраля его казнили.

Во время его ареста было изъято, по подсчетам А. И. Шинкового, 1536 предметов искусства. Среди них: полное облачение сенатора, гравюры, бронзовые канделябры, шкатулка, табакерки, монеты, кошельки, броши, кольца, сережки, цепочки, часы, медальоны. Привлекает внимание и такая запись в протоколе изъятия: «...№ 113. Боги буддийские, бронзовые – 8 штук. № 114. Части к богам – 9 штук».

Изъятые были вывезены и брошены на пол в комиссионном магазине на улице Урицкого. Тогда Иркутскому художественному музею удалось приобрести 411 предметов. Всего в музее находится 444 экспоната из коллекции Н. П. Еракова.

Но не все изъятые по описи от 21 июля 1937 г. дошло до Госхрана и Иркутского областного художественного музея. Из 1536 предметов в музей попали лишь 413 наиценнейших произведений искусства. НКВД пытался установить, что же не дошло, но все их внутренние расследования не помогли установить истину по исчезновению золота, бриллиантов и редчайших каминных часов [11].

Следы ведут куда как далеко. В 1980 г. в Иркутск для устройства выставки приехал со своим богатейшим собранием часов знаменитый коллекционер из Ангарска Павел Васильевич Курдюков. Там Г. Красовский видел часы Н. П. Еракова. П. В. Курдюков объяснил, что купил их у кассирши магазина «Диета», который находится рядом с музеем, всего за 400 руб. Курдюков продавал кое-что из своей коллекции. Эти часы были проданы в Томский музей.

Иркутский юрист Г. Красовский несколько лет назад выступил с идеей помочь законным наследникам Н. П. Еракова вернуть

конфискованное. Согласно «Инструкции по применению положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда от 2 марта 1982 г. (п. 7)», возмещению подлежит «имущество, конфискованное или обращенное в доход государства судом либо изъятые органами дознания или предварительного следствия, а также имущество, на которое наложен арест». В случае смерти гражданина имущество возвращается его наследникам.

Г. Красовский полагает, что коллекция Н. П. Еракова, конфискованная согласно акту НКВД от 7 августа 1937 г. и другим документам, должна непременно быть возвращена ее истинным и законным наследникам – а именно Наталье Викторовне Бобковой и ее многодетной семье, живущей теперь у самой черты бедности.

Н. В. Бобкова с помощью юристов составила исковое заявление «Об истребовании имущества из чужого незаконного владения» в Кировский районный суд. Документов и фотографий, прилагаемых к заявлению, по мнению Г. Красовского, предостаточно для того, чтобы доказать, что Н. В. Бобкова является истинной и единственной наследницей конфискованного у ее прадедушки Е. В. Даукшо антиквариата [12].

26 ноября 2004 г. Кировский районный суд Иркутска, несмотря на противостояние, состоящее в изложении опровергающих сторону ответчика доводов и фактов, вынес решение. Оно, по мнению Г. Красовского, игнорирует здравый смысл и саму Конституцию Российской Федерации [13]. Судебная коллегия по гражданским делам Иркутского областного суда 26 января 2005 г. отказала Бобковой в ее кассационной жалобе.

Сделав вывод, что, пока существует такое уродливое законодательство в нашей стране и в связи с этим все возможности добиться возврата награбленного имущества

исчерпаны, Г. Красовский подготовил и отправил жалобу в Европейский суд по правам человека в Страсбург (Франции).

Он сослался на нарушение Россией прав, которые гарантированы Европейской конвенцией. Речь идет о праве на справедливое судебное разбирательство и право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. России предъявлен иск в 101 001 тыс. евро (100 млн – за имущество, 1 млн – за жизнь Е. В. Даукшо, 1 тыс. – за судебные расходы). Жалоба была отправлена 7 июня 2005 г. Из Страсбурга ответ был получен 19 июля 2005 г. Секретарь суда, юридический референт Наталия Брэиди, уведомила Г. Красовского, что жалобе присвоен номер. Она будет рассмотрена судом на основании представленных документов и информации, как только это будет возможным [14]. На просьбу сообщать суду о всех важных изменениях по делу я выслал копии определения Верховного суда РФ и ответа Конституционного суда РФ.

Есть, как считает иркутский юрист, и другой путь возврата, уже в обход злополучного Закона «О жертвах политических репрессий». Это добиться возврата, но только уже не конфискованного имущества, а самой коллекции Н. П. Еракова. Эта коллекция после убийства Еракова в 1923 г. досталась по наследству его жене Софье Ильиничне. Она умерла в 1929 г. в Иркутске, оставив наследство всем своим детям, в том числе и Софье Николаевне, ставшей женой Е. В. Даукшо. Эта коллекция ему вовсе не принадлежала и была конфискована НКВД по ошибке. Г. Красовский получил из Москвы письмо от всех родственников Еракова, которые еще проживают в Москве, Санкт-Петербурге, Омске и других городах.

В настоящее время наследниками коллекции являются две внучки Еракова – В. К. Ефанова и О. Ю. Еракова. Им юрист предложил побороться за возврат коллекции их дедушки в московских судах, предъявив иск к Министерству культуры РФ. Хотя дело

в иркутских судах и проиграно, Г. Красовскому удалось собрать и накопить все необходимые сведения, касающиеся «движения» и нахождения коллекции в Иркутском областном художественном музее. Выяснено, какие конкретно экспонаты сохранены и сколько их на самом деле. Из 1537 наименований экспонатов в музее числится всего 413, но зато самых ценных. С исчезновением семи гравюр Рембрандта, если будет какой положительный сдвиг по делу, можно поработать в розыске их в музеях Москвы, в частности в том же Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

В итоге, считает Г. Красовский, можно спокойно сделать пусть даже предварительный вывод о том, что это дело по восстановлению исторической справедливости по возврату коллекции Еракова его родственникам будет со временем выиграно. Подача иска вызвала непредвиденные последствия. Сразу же после рассмотрения кассационной жалобы в Иркутском областном суде работники музея пришли в дом к Бобковой. Они предложили продать увиденную ими по телевидению старинную мебель, находившуюся в ее квартире. Поняв, что семья Бобковых находится в очень затруднительном материальном положении, они предложили купить старинный комод за 35 тыс. руб., трюмо за 60 тыс. руб., а резной стол, за которым когда-то сидел сам Н. П. Ераков и на котором, по рассказам его дочери Софьи Николаевны ретивые держиморды из НКВД писали протокол обыска и составляли опись изъятого имущества, всего за 40 тыс. руб. Наталья вынуждена была согласиться с этим предложением в связи с безысходностью ситуации, в которую попала ее многодетная семья, в связи с нищетой. Теперь в их семье не осталось ни одного экспоната, принадлежавшего их знаменитому прапрадедушке Н. П. Еракову. Остается только созерцать их в экспозиции художественного музея им. В. П. Сукачева и верить в то, что когда-нибудь в недалеком будущем все вста-

нет на свои места и экспонаты вернутся в их опустевший многострадальный дом [15]. непонятно только, о каком доме говорит Г. Красовский.

Оптимизм иркутского юриста не разделяет заслуженный работник культуры Российской Федерации, старший научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея Л. Ф. Кузнецова. По ее, авторитетному для нас мнению, в России не было прецен-

та возвращения из фондов государственного музея кому-либо каких-либо экспонатов [16].

Хочется надеяться, что данная публикация не только вернет из небытия имя видного российского юриста, крупного коллекционера, отдавшего полвека работе в Сибири, главным образом в Иркутске. Возможно, она будет способствовать выявлению новых сведений об этом незаурядном человеке и его коллекции.

Литература

1. Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. – С. 76.
2. Курас Т. Л. Деятельность старшего председателя Иркутской судебной палаты Н. П. Еракова (1905–1920 гг.) // История белой Сибири: мат-лы 6-й междунар. науч. конф. 7–8 февраля 2005 г. / отв. ред. С. П. Звягин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – С. 149–151.
3. Красовский Г. Страшная тайна музейных экспонатов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://info.irk.ru/irkutsk/peoples/erakov/tainaexpon.htm> (дата обращения 27.06.2008).
4. Шинковой А. И. Коллекционеры И. Д. Перевалов и Н. П. Ераков // Меценаты России: мат-лы науч. конф. «Сукачевские чтения – 1992». – Иркутск, 1994. – Вып. 3. – С. 34.
5. Владимир Платонович Сукачев. К 140-летию со дня рождения иркутского просветителя / сост. и авт. вступ. статьи А. Д. Фатьянов. – Иркутск: Ирк. отделение фонда культуры СССР, 1989. – 28 с.
6. Шинковой А. И. Коллекционеры И. Д. Перевалов и Н. П. Ераков // Меценаты России: мат-лы науч. конф. «Сукачевские чтения – 1992». – Иркутск, 1994. – Вып. 3. – С. 26–35.
7. Полунина Н. М. Кто есть кто в коллекционировании старой России: новый биографический словарь. – М.: Рипол-классик, 2003. – 560 с.
8. Банников А. П., Сапожников С. А. Собиратели и хранители прекрасного. Энциклопедический словарь российских коллекционеров от Петра I до Николая II. 1700–1918 гг. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. – С. 187.
9. Красовский Г. Закон для мертвых, ограбивший живых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://srn.su/?p=1238> (дата обращения: 09.12.2011).
10. Шинковой А. И. Коллекционеры И. Д. Перевалов и Н. П. Ераков // Меценаты России ... – С. 30–38.
11. Красовский Г. Дело о ценностях из художественного музея рассмотрят в Страсбурге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.babr.ru/?IDE=29414> (дата обращения: 09.12.2011).
12. Красовский Г. Страшная тайна музейных экспонатов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://info.irk.ru/irkutsk/peoples/erakov/tainaexpon.htm> (дата обращения: 27.06.2008); Николаева Е. «Оборотни» НКВД // Кузбасс. – 2004. – 29 июля. – С. 13.
13. Красовский Г. Закон для мертвых, ограбивший живых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://srn.su/?p=1238> (дата обращения: 09.12.2011).
14. Красовский Г. Дело о ценностях из художественного музея рассмотрят в Страсбурге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.babr.ru/?IDE=29414> (дата обращения: 09.12.2011).
15. Красовский Г. «Закон для мертвых» не помешает вернуть коллекцию Н. П. Еракова его наследникам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pressa.irk.ru/sm/2005/40/018001.html> (дата обращения: 09.12.2011).
16. Беседа С. П. Звягина с Л. Ф. Кузнецовой от 19 декабря 2011 г. // Личный архив С. П. Звягина.

УДК 94(571.17):[338.1+329]«189/190»

С. В. Макаrchук

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КУЗБАССА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

В статье на основе конкретно-исторического материала изучается состояние экономики на территории Кузбасса. Показано влияние экономического развития на социальные и политические процессы. Выявляется связь уровня социально-экономического развития с политической культурой региона. Применяются традиционные общенаучные и исторические методы исследования (хронологический, сравнительно-исторический, исторических параллелей) при сочетании цивилизационного и формационного подходов.

Ключевые слова: Экономика, политическая культура, Кузбасс, политические партии, промышленность, сельское хозяйство, оппозиция, социальные противоречия, социалистические группировки.

S. V. Makarchuk

ECONOMIC STATUS AND POLITICAL CULTURE OF KUZBASS AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

The article on the basis of concrete historical material reviews the state of the economy on the territory of Kuzbass. It shows the influence of economic development on social and political processes. The link of the level of socio-economic development with the political culture of the region is displayed. It applies traditional general scientific and historical research methods (chronological, comparatively-historical, historical parallels) with a combination of civilization and formational approach.

Keywords: Economics, political culture, Kuzbass, political parties, industry, agriculture, opposition, social contradictions, socialist group.

В рассматриваемое время основная территория Кузбасса в административном отношении входила в Мариинский и Кузнецкий уезды Томской губернии. Уезды делились на волости. Кузнецкий уезд состоял из 15 русских и 24 инородческих волостей, а Мариинский – из 17 русских и 1 инородческой волости [1]. Полукочевой характер занятий аборигенного населения, малочисленность и многокилометровая удаленность друг от друга улусов, поголовная неграмотность не способствовали включению коренных жителей Кузбасса в общественное движение, тем более выработки у них даже основ политической культуры.

Жители русских волостей занимались, главным образом, сельским хозяйством. Прокладка Великого сибирского железнодорожного пути привела к росту товарности сельского хозяйства, бурному развитию торговли и товарно-денежных отношений в Кузбассе. На железнодорожных станциях, появившихся в прилегающих к железной дороге селах ежегодно грузились десятки тысяч пудов овса, ржаной и пшеничной муки. До 300 тыс. пудов хлебных грузов ежегодно отправлялось со станции Мариинск. Даже в селах, находящихся сравнительно далеко от магистрали – Брюханове, Коураке, Салаирском, Усть-Искитимском – открыли ярмар-

ки, где сбывали мед, пушнину, кедровый орех и другие продукты, выдерживающие гужевую перевозку до железнодорожных станций. О расширении регулярной торговли свидетельствует тот факт, что к началу XX в. только в волостях Мариинского уезда насчитывалось 193 торговых заведения [2].

Быстро росли села, прилегающие к магистрали: село Поломошное в начале XX в. насчитывало 500 жителей, Ижморское – 650, Берикуль – 950, Суслово – 1900, Тяжин – 1200, Итат – свыше 2,5 тыс. жителей. Медленнее возрастало население сел и деревень, оказавшихся вне железнодорожной магистрали: Кемерово – 41 двор и 212 жителей, Кольчугино – 180 дворов и 324 жителя, улус Осиновский – 85 дворов и 390 жителей.

Проведение транссибирской магистрали оказало влияние на возникновение и развитие промышленного маслоделия. Основными районами производства масла стали села Брюханово и Усть-Сосновское, а также поселки при железнодорожных станциях Юрга и Топки. Всего в начале XX в. в Кузнецком и Мариинском уездах насчитывалось более 300 маслодельных заводов, производивших около 130 тыс. пудов масла. Именно в этой отрасли получили широкое развитие кооперативы и артели [3]. Эти организации экономического характера стали в условиях развивающихся рыночных отношений первыми предвестниками возникновения гражданского общества и политической культуры.

Значительный толчок к росту народонаселения Кузбасса после прокладки железнодорожной магистрали дала проводимая с 1906 г. аграрная реформа П. А. Столыпина. Повсеместно в стране, в том числе на казенных землях Кузбасса, разрушался общинный строй, а разделенная на хутора и отруба земля передавалась «в частное владение на правах постоянного наследственного пользования». Это был шаг к введению частной собственности на землю в Сибири. Хуторское хозяй-

ство не получило развития в Томской губернии, зато здесь было сосредоточено свыше половины всех сибирских отрубов – более 10,5 тыс [4].

Чтобы обеспечить крестьян землей и не допустить «аграрных беспорядков» правительство предприняло широкомасштабную акцию по переселению малоземельных крестьян из районов Центральной России в Сибирь. Здесь было создано восемь специальных переселенческих районов, в т. ч. Томский, куда вошли и уезды Кузбасса. Почти все приезжающие обосновывались на переселенческих участках, отводимых, как правило, на свободных землях, а не в селах старожилов. На территории Кузбасса с 1906 по 1911 г. появилось 120 новых переселенческих поселков, а общая численность населения увеличилась почти на 200 тыс. человек. Если в Мариинском и Кузнецком уездах в 1903 г. насчитывалось 355515 человек, в 1906 г. – 377306, то в 1914 г. население составляло уже 630890 человек [5].

Трудности освоения новых земель, недостаточность выделяемой правительством ссуды, многочисленные просчеты в организации переселенческого дела привели к тому, что новоселы, в основном, пополнили бедняцкую группу крестьянского населения Кузбасса и на завершающем этапе революции 1905–1907 гг. приняли участие в акциях протеста. В Томское губернское жандармское управление (ТГЖУ) стали приходить депеши о ропоте и недовольстве деревенских мужиков. Все же переселение сыграло позитивную роль в хозяйственном развитии Кузбасса. С волной переселенцев здесь получают развитие новые сельскохозяйственные культуры – кукуруза, подсолнечник, томаты. Начинается бурный рост товарного скотоводства. Значительно увеличились посевные площади и выросли сборы зерна.

Появление свободных рабочих рук оказало влияние и на развитие промышленного производства в Кузбассе. Уже само строи-

тельство железной дороги привело к возникновению железнодорожных станций, депо, ремонтных мастерских. Возникли отряды железнодорожных рабочих и служащих, строительных рабочих, работников промышленной инфраструктуры. Железнодорожные пункты, особенно крупная станция Тайга, ставшая в 1911 г. безуздным городом, превращались в центры рабочего, общественно-политического, революционного движения. В них зарождалась политическая культура.

Проведение железной дороги оказало благоприятное влияние на развитие угольной промышленности Кузбасса. Именно к этому времени относится начало промышленного освоения угольных месторождений. Появился не только крупный потребитель угля, но и возможность овладеть угольными рынками Урала и Поволжья. Непосредственно на нужды железной дороги стали работать Судженские копи, принадлежащие Л. А. Михельсону, и принадлежащие Министерству путей сообщения Анжерские каменноугольные копи. Развитие угольной промышленности сопровождалось высокой концентрацией рабочих. Уже в 1900 г. на Судженских коях было занято 600, а на Анжерских – до 1500 рабочих. Получили развитие также Кольчугинские и Кемеровские копи. Если в 1899 г. в Кузбассе было добыто 50 тыс. тонн угля, то в 1908 г. его добыча выросла до 540 тыс. тонн [6].

Экономическое положение шахтеров представляется крайне тяжелым. На подземных работах безраздельно господствовал тяжелый, малопроизводительный и малооплачиваемый физический труд. Рабочий день на коях продолжался 11–16 часов. Жить рабочим приходилось в бараках и землянках. Отсутствовала должная медицинская помощь, а также система воспитания и образования шахтерских детей. Недовольство углекопов вызывали высокие штрафы, злоупотребления администрации, плохое снабжение копей продовольственными и промышленными товарами.

Получила развитие и золотопромышленность Кузбасса, причем в начале XX в. она росла только за счет механизации, ручная добыча золота на рудниках Мариинской и Кузнецкой тайги резко сокращалась. На крупных рудниках Кузнецкого Алатау – Центральном, Лотерейном, Богомдарованном – строились электростанции, электрифицировались водотлив и подъем руды, освещались подземные выработки. Добыча золота с момента открытия в 1820-х гг. в Мариинской тайге на реке Бериколь ссыльным крестьянином Егором Лесным первых золотых россыпей увеличилась с 1 пуда до 108 пудов в год. Численность приисковых рабочих постоянно росла. Уже в конце XIX в. она составляла в уездах Кузбасса около 6 тыс. человек [7].

Но, несмотря на рост механизации, материальное положение приискателей не изменилось к лучшему. Поденная зарплата составляла зимой 50–80 коп., летом – до 1 руб. 20 коп. Приисковые рабочие жили в казармах, спали на нарах. Здесь же на железных печках готовили пищу, у печей сушили одежду и обувь. Продукты рабочие брали в кредит из приискового амбара. Золотопромышленники присвоили себе право монополично снабжать своих рабочих всем необходимым. Ассортимент товаров в приисковых амбарах был крайне ограничен, процветала дороговизна. Хотя на золотых приисках официально запрещалась торговля вином и водкой, артельщики нелегально продавали этот товар по завышенным ценам, спаивая рабочих [8]. Тяжелые условия жизни и сверхэксплуатация заставляли рабочих в массовом порядке покидать золотые прииски, а также принимать участие в забастовочной борьбе.

Добывающая промышленность в Кузбассе доминировала над обрабатывающей. Небольшие железоделательные заводы (Томский, Гавриловский) были закрыты из-за нерентабельности еще в XIX в. Продолжал действовать лишь Гурьевский металлургический завод, в 1908 г. также подвергшийся консерва-

ции. В уездных городах фабрично-заводское производство также не получило развития. В Мариинске промышленное производство ограничивалось несколькими небольшими кожевенными, кирпичными, мыловаренными заведениями, в которых трудилось несколько десятков рабочих [9].

Более 30 подобных заведений насчитывалось в Кузнецке. Сумма их годового производства составляла 16 тыс. руб., а число рабочих всего 64 человека. При этом только одно заведение – пивоваренный завод – могло быть отнесено к фабрично-заводским [10]. Население Кузнецка, занимающееся в основном сельским хозяйством, достигло к 1917 г. 3875 жителей [11]. Примерно вдвое больше проживало в Мариинске.

Уездные центры Кузбасса, являясь местами сосредоточения наиболее образованных и интеллигентных элементов населения, постепенно становились пунктами общественно-политической деятельности. Мариинск и Кузнецк обладали правом общественного самоуправления. В Мариинске действовала городская дума, а жители Кузнецка избирали городское управление во главе с городским старостой [12]. Происходило становление городской политической культуры, основанной на выборности и легитимности городских представительных органов.

В Мариинске общественно-политическая жизнь проявлялась более ярко, т. к. он находился на главной железнодорожной магистрали и в непосредственной близости от губернского центра – г. Томска. В уездных центрах сильное влияние на общественно-политическую жизнь и формирование политической культуры оказывали находящиеся здесь на поселении политические ссыльные. С их участием, а часто и по их инициативе создавались общественные организации, в т. ч. группировки политических партий.

В Кузбассе не сложилась социальная база для возникновения крупных организаций монархических и либеральных партий. Здесь

не было помещиков, крупной буржуазии, отсутствовал сколько-либо значительный слой интеллигенции. В результате в Мариинске, Кузнецке, Тайге и ряде сел Мариинского уезда в 1905–1906 гг. отделы монархических организаций только начинают зарождаться, а достаточно вялая деятельность отделов и подотделов Союза русского народа протекает уже в послереволюционное время.

Организации Союза 17 октября (октябристов) сформировались в 1905 г. в Мариинске и Кузнецке. В мае 1906 г. в Мариинске октябристам даже удалось провести в выборщики I Государственной думы своего кандидата М. В. Чевелева [13]. Что касается организаций Конституционно-демократической партии (кадеты), то они на территории Кузбасса так и не возникли вплоть до 1917 г.

Социальная база социалистических, революционных партий также не была широкой из-за малочисленности и разобщенности рабочего класса, большей зажиточности, в сравнении с Европейской Россией, крестьянского населения. Все же на севере Кузбасса, где более ускоренными темпами шел процесс формирования рабочего класса, накануне и в годы революции 1905–1907 гг. успели сложиться группировки социалистических партий-анархистов, социалистов-революционеров, социал-демократов.

Крупная группа анархо-синдикалистов сложилась перед революцией на станции Тайга, но уже в период отступления революции она вынуждена была прекратить свое существование [14].

Летом 1905 г. оформилась Мариинская группа эсеров, ставшая в ходе революции одной из крупнейших организаций партии социалистов-революционеров в Сибири. Небольшие группы эсеров сформировались к концу революции в Кузнецке и Тайге. Под влиянием эсеров в ряде деревень Кузбасса действовали группы Всероссийского крестьянского союза.

Самой крупной социал-демократической организацией в Кузбассе стала возникшая накануне революции Тайгинская группа РСДРП. Немногочисленные кружки социал-демократов сформировались в Мариинске, на Анжерских и Судженских каменноугольных копях [15].

Несмотря на малочисленность и разобщенность, социалистические группировки Кузбасса стремились стать инициаторами рабочего и крестьянского движения или возглавить многократно усилившиеся в 1905–1907 гг. народные выступления. Однако успехов в этом деле они добивались лишь в единичных случаях. В целом социалистам не удалось внести сколько-нибудь значительных элементов политики и организации в стихийно развивающееся на экономической почве народное движение.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. Кузбасс представлял собой сельскохозяйственную окраину страны, где с прокладкой транссибирской железнодорожной магистрали только начинали зарождаться торгово-промышленные, товарно-денежные отношения, основанные на добывающем производстве и сырьевой базе. Тем не менее, и здесь нарастали присущие капитализму в стадии первоначального накопления политические и социальные противоречия, которые привели к мощному революционному взрыву, возглавить который оказались не в силах только лишь формирующиеся в регионе оппозиционные политические группировки. Вместе с тем, ускорившееся социальное и экономическое развитие края привело к началу формирования политической культуры либерализма и революционизма.

Литература

1. Историческая энциклопедия Кузбасса. – Кемерово, 1996. – Т. 1. – С. 40.
2. Летопись села Кузбасса. – Кемерово, 2001. – С. 31.
3. Цукрова Н. Г., Зяблицева С. В. Роль транссибирской железнодорожной магистрали в развитии предпринимательства и торговли в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Кемеровской области – 60 лет: мат-лы Всерос. науч. конф. – Кемерово, 2003. – С. 47.
4. Седых Г., Сергиенко В., Тивяков С. Земля Кузнецкая – история Сибири. – Кемерово, 1997. – С. 84.
5. Летопись села Кузбасса... – С. 34.
6. Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996. – Кемерово, 1997. – С. 37; Баев О. В. Из истории становления угольной промышленности в Анжеро-Судженском районе (конец XIX – начало XX вв.) // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. III Всерос. науч. чтения. – Кемерово, 2003. – С. 145.
7. Волчек В. А. Складывание основ законодательства и имперского регулирования частной золотопромышленности в Сибири // Проблемы истории управления Сибирью конца XVI – начала XX в.: сб. ст. Кемерово, 2004. – С. 22; Горняки Кузбасса. – Новосибирск, 1971. – С. 36.
8. Горняки Кузбасса... – С. 50.
9. История Кузбасса. – Кемерово, 1967. – Ч. I–II. – С. 140–141.
10. Скубневский В. А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. 90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г. – Томск, 1991. – С. 54.
11. Города Кузбасса: серия – города Сибири. – Кемерово, 2002. – Т. 1. – С. 74.
12. Зинякова В. М. Уездный Кузнецк на рубеже XIX–XX веков // Кемеровской области – 55 лет: мат-лы науч.-практ. конф. – Кемерово, 1998. – С. 54; Она же. Из жизни города Мариинска конца XIX века // Кемеровской области – 60 лет... – С. 58.
13. Дробченко В. А. Политические партии в Кузбассе в дофевральский период // Кемеровской области – 60 лет... – С. 68.

14. Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. – Ч. 1: 1900–1918 гг. – Омск, 1996. – С. 81, 86, 91.
15. Макарьчук С. В. Эсеры Кузбасса в 1905–1917 гг. // Исторический опыт социалистического преобразования и дальнейшего развития Кузбасса: тез. науч. конф. – Кемерово, 1989. – С. 28–33; Он же. Социал-демократическое движение в Кузбассе на рубеже XIX–XX веков // Кемеровской области – 55 лет... – С. 60; Исачкин С. П. К вопросу о существовании анжеро-судженской организации РСДРП в период между буржуазно-демократическими революциями // Кемеровской области – 60 лет... – С. 76–79.

УДК 008

А. М. Кулемзин

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

Музеология как теоретическая часть науки о музеях имеет не только прикладное, но и мировоззренческое значение. Однако, это проблема еще не достаточно освещена в музееведческой науке. Задачей музееведов является разработка мировоззренческого аспекта музееведения.

Ключевые слова: Музееведение, музеология, мировоззрение, историко-культурное наследие.

A. M. Kulemzin

IDEOLOGICAL ASPECTS OF MUSEOLOGY

Museology as a theoretical science of the museums has not only applied but also the philosophical significance. However, this problem does not have enough coverage in museology. The objective of museologists is to develop philosophical aspects of museology.

Keywords: museum science, museology, philosophy, historical and cultural heritage.

Музей в новых реальностях. Музей как социокультурный институт является исторически обусловленной специфической системой сохранения и передачи социального опыта людей. Его специфика состоит в том, что этот опыт музей фиксирует не в теоретических обобщениях, как это делается в других сферах научного познания, а в реальных артефактах некогда случившейся реальности. В этом его преимущества и проблемы.

Преимущества состоят в том, что музей познает реальность предметно, используя в качестве «кирпичиков» для построения своих концепций носителей подлинной,

объективной, аутентичной информации, давая миру истинные, достоверные знания о прошлом. Проблемы же вытекают из двух обстоятельств. Первое – музейный (эмпирический) способ познания неоперативный, малоэффективный в динамически развивающемся и стремительно изменяющемся обществе. Поэтому многие исследователи, да и значительная часть общества считают его закостенелой, консервативной структурой, трудно поддающейся новациям. Второе – в условиях современного общества, раздираемого всевозможными противоречиями (политическими, идеологическими, нацио-

нальными, религиозными) спрос на истинные знания невелик. Л. И. Скрипкина считает, что «главной ареной, на которой ведутся поиски социальных и политических технологий, является история страны. В связи с чем, наиболее остро встают проблемы исторического синтеза и передачи исторических знаний» [1]. Большой востребованностью пользуются всевозможные исторические фальсификации, «состряпанные» угодливыми историками и политологами. Поэтому музей всегда находится перед выбором: либо служить исторической истине и оставаться на нищенских дотациях, либо служить государственному заказу и надеяться на увеличение «милостыни» со стороны власти. Если музеем пойти по первому пути, т. е. служить исторической истине, то он останется музеем со своим специфическим способом познания и выполнит свою миссию. Если пойдет по второму пути, т. е. станет искажать музейный источник, то музей перестанет быть музеем и превратится в пропагандистскую структуру.

Однако в зависимости от усиления демократических процессов в глобальном масштабе и повышения роли культурных контактов в процессе построения устойчивого мирового сообщества народов, особенно усилившихся после второй мировой войны, роль музея как одного из факторов гуманизации общественного сознания постоянно повышается. Музеи становятся с каждым годом все больше, по типу и профилю все разнообразнее, из элитных учреждений, удовлетворяющих запросы избранных, они становятся все более открытыми, зачастую решающими насущные потребности всего населения региона.

В настоящее время во всем цивилизованном мире наблюдается очередной музейный бум. Все чаще появляются музеи с несвойственными ранее для музеев функциями. Существенно меняется социокультурная функция музея. Появился так называемый «интегрированный музей», включенный в социальную жизнь конкретной местной общины.

Возникшее новое музейное явление вызвало к жизни оригинальную музейную теорию, «новую музеологию» или «неомузеологию», основоположниками которой являются Ж. А. Ривьер и Юг де Варин. Однако пока неомузеология лишь фрагментарно раскрывает и обосновывает роль музея в новых социокультурных реальностях, не удовлетворяет потребностей быстро изменяющейся музейной практики. А самое главное, не раскрывает полностью социальных функций музея в современных реальностях. Музеология, как теоретическая часть музееведения, призвана решать эти противоречия и дать культурологическое объяснение происходящих процессов изменения общественной роли музея, причин и последствий изменения отношения общества к ценностям прошлого. Ибо, как считает Х.-Г. Гадамер, эволюция общества заставляет менять отношение к культурному наследию и, следовательно, методы деятельности музея и расширять его функции [2].

Реальность такова: изменение музея есть следствие изменения общества.

Однако как гипотеза возникает вопрос: может ли музей опережать, предопределять или обуславливать изменения в обществе?

О структуре музееведения. В связи с изменившейся ролью музеев появилось желание в пересмотре структуры науки о музее – музееведении.

Прежде в советском и российском музееведении придерживались деления, данного в «Кратком словаре музейных терминов»: «Составными частями музееведения являются: теория музейного дела, история музейного дела и методика музейной работы» [3]. В настоящее время существует и иная структура, разработанная чехом З. Странским и принятая советским музееведением. Она включает: «А. Историю и историографию музееведения. Б. Теорию. В. Музейное источниковедение. Г. Прикладное музееведение» [4]. В целом, поддерживая инновационные начинания в исследовании структуры музееведения, мы

не отказываемся от устоявшейся трактовки. На это ориентирует и позиция одного из ведущих современных музееведов С. Ю. Первых, определяющих три задачи музееведения как научной дисциплины: исследование истории становления и развития музейной деятельности, разработка теоретических основ музееведения, разработка дидактических принципов трансляции историко-культурных знаний посредством музейных источников [5]. Это деление не отрицает и С. И. Сотникова, инициатор учреждения в системе российского образования специальности «Музеология» [6]. Таким образом, одной из составных частей музееведения является теория музейного дела, по выражению С. Ю. Первых «философия музееведения» [7], т. е. музеология.

О понятиях. Оформление музеологии как теории музейного дела было положено в 1983 г. на Генеральной конференции ИКОМ в Лондоне. Замена термина «музееведение» на «музеологию» не внесла большей ясности в понимание структуры этой науки. Появилось лишь новое параллельное название одной и той же науки. Формирование терминологического аппарата для науки, которая по определению Т. Ю. Юреновой, сама еще пока «находится в стадии формирования» [8], явление неизбежное. На наш взгляд, введение параллельного термина – это не более, как попытка «подстроиться» под европейскую терминологию в связи с желанием России войти в общеевропейское культурное пространство после длительных десятилетий самоизоляции.

Нас же более всего в настоящем случае интересует центральное понятие музееведческой науки – «музей». Некоторое время назад, в 2004 г., на международном уровне по инициативе вице-президента ИКОМ Бернис Л. Мерфи возникла дискуссия об определении понятия «музей». Эту идею она выразила следующими словами: «Что касается определения музея, на мой взгляд, ИКОМ следует поставить перед собой следующую задачу – повернуться лицом к обществу и

принять простое определение, дающее понятие о том, что *есть музеи и каков род их деятельности*. Нам необходимо определение большой интеллектуальной целостности, которое в то же время могло бы служить в качестве справочного материала для правительств, неправительственных организаций и различных групп во всем мире» [9]. Дискуссия возникла не случайно, но на постановке проблемы и остановилась.

На протяжении многих столетий, с момента появления протомузейных форм сохранения объектов культурного наследия, музей постоянно расширяет свои социальные функции в зависимости от изменения отношения к историко-культурному наследию. В центре же этого процесса стоит вопрос: что является для общества исторической или культурной ценностью, т. е. что может стать музейным предметом. В зависимости от этого и будет формироваться музейный фонд, являющийся основой работы всякого музея. Отношение к историческому и культурному наследию определяет и социальные функции музея. Таким образом, «Музейная потребность» (стремление общества использовать историко-культурное наследие для осознания своей духовной и нравственной связи с прошлым) в конечном итоге определяет музейные функции. Постоянно меняющиеся аксиологические ценности общества формируют его музейную потребность, а она, в свою очередь, социальные функции музея. Логика изменения социальных функций музея такова: меняются времена, меняется и музей. Поэтому музей считают исторически обусловленным социокультурным явлением.

Итак, мы пришли к выводу о том, что музейный предмет, музейные функции и сам музей как факторы культурной жизни явления не постоянные, изменяющиеся. Следовательно, и определение центрального понятия музееведения – «музей» – не может быть постоянным, а изменяется в зависимости от изменения его социальных функций. Со-

шлемся на высказывание куратора рабочей группы по реформе ИКОМ Генри Эдсона: «На мой взгляд, в определении должен быть отражен фундаментальный характер музея, а не описание разных его элементов» [10]. В научной и учебной литературе существует множество определений музея. Однако большинство российских музееведов придерживаются двух устоявшихся определений. Первое, данное А. М. Разгоном, интерпретированное авторским коллективом учебника для вузов: музей – «исторически обусловленный многофункциональный институт социальной информации, предназначенный для сохранения культурно-исторических и естественно-научных ценностей, накопления и распространения информации посредством музейных предметов. Документируя процессы и явления природы и общества, музей комплектует, хранит, исследует коллекции музейных предметов, а также использует их в научных, образовательно- воспитательных и пропагандистских целях» [11].

В данной формулировке совершенно излишними являются слова об исторической обусловленности музея, ибо любое социальное явление всегда исторически обусловлено. Ничего не проясняет слово «многофункциональный», так как последующее перечисление функций музея раскрывает его многофункциональность. Мало применимо здесь и словосочетание «институт социальной информации», так как социальная информация фиксируется и другими более эффективными способами. «Культурно-исторические и естественно-научные ценности» подпадают под более емкое и более точное понятие – «историко-культурное и природное наследие». При этом, надо иметь ввиду, что «культурно-исторические ценности» являются не только научной ценностью. «Накопление и распространение информации» – это привилегия не только музея. Раскрытие понятия «музей» через словосочетание «посредством музейных предметов» недопустимо, так как не раскрыто еще содержание самого

музея. Это логическая ошибка. В заключительных словах «комплектуя и храня» вновь повторяется хранительская функция музея.

Второе определение принято на XI Генеральной ассамблее ИКОМ в 1974 г. Музей – это «постоянное некоммерческое учреждение, признанное служить обществу и способствовать его развитию, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и его среде обитания в целях изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей» [12].

Во-первых, музей не постоянное учреждение. Он как социокультурный институт имеет начало, а, следовательно, может иметь и конец. Если его рассматривать как учреждение, то тем более нет постоянных учреждений. Во-вторых, музей не учреждение. Он может существовать в различных формах: учреждение, организация, частное или общественное предприятие и др. Многим музеям свойственна коммерческая деятельность, и это не наносит ущерба, а только способствует исполнению их основных функций. Не все музеи доступны широкой публике. Не все музеи служат для удовлетворения духовных потребностей. Некоторые служат для развития наук и образования.

Приведенные формулировки вполне приемлемы. Они раскрывают основную суть музея. Однако неудобны для пользования в силу громоздкости из-за перечисления второстепенных функций музея, а также из-за фактических и логических ошибок. Вместе с тем из них прорисовываются основные функции музея, через которые можно дать емкое определение, раскрывающее его основную суть. На наш взгляд, **музей – это социокультурный институт сохранения, использования и трансляции историко-культурного и природного наследия.** Определение следовало бы дополнить нормой из музейного законо-

дательства РФ о целях музейной деятельности, состоящих в развитии науки, культуры, образования и просвещения [13]. Как бы ни менялся музей в обозримом будущем, на наш взгляд, он сохранит названные его основные функции. Потеря одной из них приведет музей непременно к изменению его сущности, и он тут же перестанет быть музеем.

Миссия. На наш взгляд, основная миссия музея состоит не в исполнении частных функций, а в чем-то большем, в частности, в формировании мировоззрения широких масс населения. Об этом также нам намекают многие музейеды, начиная с Н. Ф. Федорова [14]. Заместитель директора отдела культурного наследия ЮНЕСКО Лоран Леви-Стросс утверждает, что «Материальный след следует рассматривать не как нечто обособленное, а в контексте с вещественным и духовным окружением» [15]. С. И. Сотникова считает, что музей – это инструмент формирования мировоззренческих основ личности [16]. Т. Ю. Юренева также утверждает, что современный музей «должен играть одну из ведущих ролей в познании человеком своей природной и социальной среды во всех ее проявлениях» [17]. Социальную направленность современного музея и мировоззренческий характер науки о музее подчеркивает А. В. Зыков, исследователь музейедческих взглядов Н. Ф. Федорова [18]. Музей – это специфическое отношение человека к действительности, как считает одна из современных исследовательниц А. Г. Гиль [19]. Музей – это активный участник современных культурных, национальных, политических процессов, по утверждению известного музеолога И. В. Чувилова [20].

Обстоятельную критику определения музейеведения как науки, занимающейся лишь только музейными технологиями, дал Н. А. Томилов [21]. Подводя итог поиску места музейедческой науки в системе наук, А. М. Разгон еще в 70-е гг. XX в. отнес ее к общественным наукам [22].

Этим далеко не исчерпывается перечень высказываний исследователей-музейедов в пользу того, что музей имеет более фундаментальную социальную миссию, чем собирать, хранить и демонстрировать объекты исторического, культурного и природного наследия. Также и музейеведение не ограничивается изучением истории музеев и способов использования музейных предметов. Однако музейедами лишь только подчеркнут мировоззренческий характер социальной миссии музея, но не сформулированы задачи и основные направления развития одного из главных разделов музейеведения – музеологии как теоретической ее части.

На наш взгляд, мировоззренческий характер музейеведения в ее музеологической части состоит в специфике музейного способа познания, подводящего музейного посетителя к познанию реальности через подлинник историко-культурной информации таковой, какова она была и есть в действительности. В отличие от других источников знаний музейный источник потенциально способен сформулировать в людях истинные знания, а не идеологические ложные инсинуации. Задача музейных работников раскрыть эти потенции, заложенные в музейном предмете.

Музейный способ познания, а следовательно, и музеология только тогда станут самостоятельными и независимыми, когда они будут функционировать в свободном, демократическом обществе. На Генеральной конференции ИКОМ в 1983 г. была поставлена глобальная задача изменения социальной миссии музея: отказ от классического статичного музея, тесно связанного с политикой государства и переход к музею, обладающему самостоятельностью, объективно показывающему прошлое через наследие [23]. Музейный способ познания посредством раскрытия достоверной исторической истины подводит широкие массы людей к борьбе с тоталитаризмом, фанатизмом, историческими фальсификациями. Однако музей не только

раскрывает объективную картину исторического прошлого, вооружая людей объективными истинными знаниями, он побуждает их к переустройству своего общества на демократических принципах, знакомя с культурами других народов, он способствует утверждению гуманизма и толерантности в сознании людей. Таким образом, музееведение, опираясь на прошлое, формирует современное мировоззрение. В этом состоит мировоззренческий аспект современной музеологии.

Задачей современных музееведов (музееологов) является разработка концептуальных принципов теории музееведения как мировоззренческой науки и способов ее реализации в учебном процессе.

Заключение. Музейное мировоззрение XXI в. возникло не сегодня и не на пустом месте. Оно было подготовлено всем ходом мировой истории, движимой, прежде всего,

прогрессивно мыслящими людьми, цветом и совестью нации, гениями человечества. Основной постулат, на котором базируется современное музейное мировоззрение, был сформулирован еще в ветхозаветные времена (все сущее на земле имеет ценность) и повторен в различных вариациях лучшими сынами и дочерьми человечества.

Для музейщика ценность представляют не только высокохудожественные произведения, но и дьявольские творения, как назидательный урок того, что больше никогда не должно повториться, как иллюстрация тяжкого восхождения Человека от несовершенства к совершенству. Миссия музеологии состоит в том, чтобы освободить человечество от политических, идеологических, национальных и прочих заблуждений, научить мыслить свободно, опираясь только на достоверные факты.

Литература

1. Скрипкина Л. И. Социальная миссия музея // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2005. – № 7. – С. 55.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 700 с.
3. Краткий словарь музейных терминов. – М., 1976. – С. 26.
4. Музееведение. Музеи исторического профиля: учеб. пособие для вузов по спец. «История» / под ред. К. Г. Левыкина, В. Хербста. – М.: Высш. шк., 1988. – С. 23; Юренева Т. Ю. Музееведение: учебник для высшей школы. – М.: Академический проект, 2003. – С. 10–11.
5. Первых С. Ю. Проблемы обоснования и построения научной системы музееведения // Культурологические исследования в Сибири. – 2000. – № 2(6). – С. 128.
6. Сотникова С. И. Музеология: пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2004. – С. 3–4.
7. Первых С. Ю. Проблемы обоснования и построения научной системы музееведения // Культурологические исследования в Сибири. – 2001. – № 2(6). – С. 128.
8. Юренева Т. Ю. Музееведение: учебник для высшей школы. – М.: Академический проект, 2003. – С. 6.
9. Бернис Л. Мерфи. Определение понятия «музей»: От справки для специалистов к социальной роли // Информационный бюллетень ИКОМ России. – 2004. – № 4. – С. 2.
10. Генри Эдсон. Переоценка понятия «музей» // Информационный бюллетень ИКОМ России. – 2004. – № 4. – С. 5.
11. Музееведение. Музеи исторического профиля: учеб. пособие для вузов по спец. «История» / под ред. К. Г. Левыкина, В. Хербста. – М.: Высш. шк., 1988. – С. 18.

12. Кодекс профессиональной этики музейного работника. Международный совет музеев (ИКОМ) // Международное право и охрана культурного наследия: документы, библиография / под ред. С. И. Сотниковой, И. М. Вандулакиса. – Афины, 1997. – С. 133.
13. Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников (1991–1996). – М., 1998. – С. 199.
14. Голербах Э. Ф. Апология музея: роль музейного строительства по учению Н. Ф. Федорова // Советский музей. – 1992. – № 1. – С. 25–27.
15. Лоран Леви-Стросс. Новейшие представления о культурном наследии и Конвенция по всемирному наследию // Всемирный доклад по культуре. 2000+. Культурное многообразие, конфликт и плюрализм. ЮНЕСКО. – Париж, 2000. – С. 155.
16. Сотникова С. И. Естественно-исторический музей: от фактологии науки к формированию основ экологической культуры (исторический экскурс) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rsuh.ru/open_museum/rggu-04.htm (дата обращения: 22.05.2002).
17. Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре. – М.: Русское слово-РС, 2003. – С. 464.
18. Зыков А. В. Музееведческие взгляды Н. Ф. Федорова и современное музееведение: дис. ... канд. культурологии. – Кемерово: КемГУКИ, 2004.
19. Гиль А. Г. Музей в культуре информационного общества: дис. ... канд. филос. наук. – Томск: ТГУ, 2009. – С. 64.
20. Чувилова И. Классификация музеев и проблемы наследия // Музей. – 2009. – № 5. – С. 20.
21. Томилов Н. А. Музееведение (музеология: определение как научной дисциплины // Культурологические исследования в Сибири. – 2001. – № 2(6). – С. 130–131.
22. Музееведение. Музеи исторического профиля: учеб. пособие для вузов по спец. «История» / под ред. К. Г. Левыкина, В. Хербста. – М.: Высш. шк., 1988. – С. 9.
23. Мастеница Е. Н. «Новая музеология» в контексте идей экологии культуры // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. VI: Культурное наследие: от прошлого к будущему. – М.; СПб., 2009. – С. 365.

УДК 008

Д. Д. Родионова

ФЕНОМЕН МОДЫ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФИИ

В статье анализируется феномен моды как атрибут социума. Рассматриваются семиотические и социально значимые аспекты модной одежды.

Ключевые слова: мода, функции моды, знак, символ, костюм, одежда.

D. D. Rodionova

THE PHENOMENON OF FASHION IN THE MIRROR OF PHILOSOPHY

This article analyzes the phenomenon of fashion as an attribute of society. It considers the semiotic and socially significant aspects of fashion.

Keywords: fashion, fashion features, sign, symbol, costume, clothes.

Как известно, философия исследует вечные, непреходящие измерения бытия. Ее не интересует мимолетное, временное, преходящее. Казалось бы, мода, по определению, относится к явлениям как раз последнего типа: временным, недолговечным, изменчивым, преходящим. При чем же тут философия? Направляя свой испытующий взор на вечный пласт бытия, философия вечное и бесконечное обнаруживает через явления временные и конечные, ибо само вечное и бесконечное существует в них и через них. Задача философии в том и состоит, чтобы исследовать *метафизические начала* в феноменальном, являющемся чувственно данным мире.

Мода – атрибут социума, который свойствен ему с момента зарождения. Речь идет о модной одежде. Этнографические исследования свидетельствуют, что человеку было присуще стремление следовать моде даже тогда, когда он ходил практически обнаженным (бусы, татуировки, росписи тела, украшения и пр.). Само тело человека может быть «модным» и «не модным». Мода сопутствует общественной жизни везде и всегда, но проявляется ее присутствие в различные эпохи и в различных человеческих сообществах по-разному. Здесь-то и оказывается, что понять метафизическую природу моды, ее подлинную суть можно, в конечном итоге, только через призму философского исследования.

Что же такое мода с точки зрения философии? Мода – прежде всего наглядный, визуализированный язык, язык образов, имиджей и символов. Данный язык с того момента, как была изобретена одежда, и до наших дней обладает для людей чрезвычайно многомерным, эвристическим коммуникативным и информационным потенциалом, который в определенных социальных контекстах оказывается абсолютно ничем не заменимым.

Искусство костюма в целом (модной одежды в частности) как процесс отражения

действительности располагает определенной системой знаков в виде форм, линий, цветов и т. д. Они имеют сходство с объектом, который благодаря цепи ассоциаций вызывает в человеческом воображении образное представление. Этим утверждается попытка логического осмысления костюма как способа отражения действительности. В теории костюма символы особенно важны, так как благодаря им мы можем распознавать эпоху через черты, идентичные чертам других видов искусства. В то же время символы характеризуют структуру костюма, его содержание, сущность. Цель символической системы костюма – передать информацию от его владельца к окружающим. В этой связи костюм является способом установления коммуникации между кодами и источником информации.

Всякая информация независимо от того, в какой форме она выражается, несет в себе определенное сообщение, под которым обычно понимают конечное упорядоченное множество элементов восприятия, взятых из некоторого «набора» и объединенных в некоторую смысловую структуру. Информация вызывает психофизиологические явления, определяющие реакцию индивида на те или иные раздражения. Под *информацией* в костюме (одежде) следует понимать сложность и своеобразие пластического и пространственного расположения элементов и степень их качественного и количественного изменения, особенность их взаимоотношений и новизну (ткани, цветов, узора и т. д.). Поскольку костюм как разновидность одежды не может пользоваться общепринятым языком ни музыки, ни живописи, ни архитектуры, ни пластики, хотя в определенной мере элементы их языка заимствованы костюмом, он вынужден был формировать свой язык, свою знаковую систему, которая могла быть понятна и служить средством информации. Любая

информация, независимо от ее сложности, может быть кодирована и перекодирована. Следовательно, для передачи информации всегда должен быть код, с помощью которого можно производить любые операции. *Кодом* называется правило, описывающее отображение одного набора знаков в другом наборе знаков (или слов). Кодом называют и множество образов при этом отображении. Например, нежность можно передать и средствами модного костюма, и средствами живописи. В современном европейском костюме она будет выражена через мягкие пастельные цвета, плавные линии, простые рисунки ткани и т. д., которые и будут служить кодом.

Некоторые из знаков и элементов, уменьшающих оригинальность информации и позволяющих усвоить сообщение, носят постоянный характер. Такие моменты или знаки можно нормализовать и свести в набор, условно обозначить их как *символы*. Символ в процессе познания или отражения действительности играет существенную роль. Одним из важнейших психофизиологических средств воздействия модной одежды является именно то, что она изначально и принципиально содержательно символична.

Итак, диалектика отражения действительности модой в целом такова, что формирование модного познавательного образа предполагает в нем противоположность – применение знаков, элементов условности. «Знаки и символы в костюме связаны с ассоциативным восприятием реальных предметов и не являются идентичными им, так как представляют класс довольно условных зрительных знаков, значение которых должно быть заучено и которые, обладая собственным смыслом, передают изображение, отличное от него самого, но субъект при этом реагирует на него так же, как на сам предмет. Например, в костюме редко мы встречаемся с реальным изображением предметов, но ко-

стюм заставляет нас порой реагировать так же, как симфоническое произведение или великолепный букет цветов. Осмысленность знаков определяет творческий процесс употребления того или иного языка, эвристическую роль знаков (включая и язык моды). Из взаимосвязи мысли и слова с полной очевидностью явствует, что язык не является всего лишь простым средством представления уже известных истин, в большей мере он служит средством открывать еще не известное.

Говоря о социокультурных функциях модной одежды, прежде всего, нужно отметить, что одежда выполняет функцию *знака*: ведь она несет на себе отпечаток статусной позиции человека. Часто это отпечаток, создающийся независимо от воли ее обладателя. Порою, он хотел бы от него избавиться, но это не всегда удается. Одежда – текст, состоящий из знаков и символов, который в самую первую очередь читается в процессе взаимодействия людей (наряду с лицом, глазами). Зачастую одежда отражает социально-экономическое положение: бедная одежда – бедный человек, богатая – богатый. Правда, в наше время роль одежды как статусного (социально-классового) знака заметно уменьшилась в сравнении с прошлыми веками. Нередко человек, будучи не в силах, к примеру, разбогатеть, имитирует экономический успех дорогой одеждой. Действительно же богатый человек в настоящее время не обязательно одет очень дорого, но обязательно и не бедно; бедный же не может одеться выше своих материальных возможностей.

Одежда является также знаком, который может читаться окружающими как *текст*, характеризующий вкус ее обладателя. Разумеется, никто не хочет демонстрировать плохой вкус, но знак – это непроизвольный след статуса, поэтому он читается независимо от желания его носителя. Наличие же плохого вкуса, проявленного в одежде, нередко чи-

тается как текст, говорящий о характере и уровне полученного образования, об общей культуре человека. Вопреки желанию человека его одежда может говорить о наличии таких качеств, как снобизм, потребительство, хвастовство и т. д. Свою личность трудно скрыть, и она прорывается вопреки нашей воле в знаках одежды. Наряду с непроизвольными *знаками* существуют и сознательно конструируемые *символы*. Человек отбирает вещи, символизирующие, с его точки зрения, что-то такое, что он хотел бы сказать о себе: о своей половой принадлежности, возрасте, доходах, профессии, вкусах, настроении и т. д.

Одежда как текст состоит из знаков и символов. В качестве символов выступают как отдельные элементы костюма (галстук, запонка, фасон пиджака и т. д.), сам костюм как единое целое, так и весь набор используемой одежды. Они соотносятся как слово, предложение, законченный текст. Если знаки – это непроизвольные, а значит, правдивые следы, то о символах этого не скажешь. Они говорят то, что хотел сказать сам человек.

Идея художника-модельера также вначале «записывается» в виде короткого символа, который является «ключом» или кодом, определяющим пространство и набор образов, элементов, в пределах которых развиваются все формы костюмов данной моды. Показательно также и то, что демонстрационные показы модных моделей и их реклама на телевидении и в журналах всегда сопровождаются некоторым вербальным пояснением, текстом комментатора, раскрывающим содержание символики костюма. История развития костюма (модной одежды) неразрывно связана с системностью знаков (функций, образов), используемых в нем.

Новизна модной формы определяется теми «информативными» точками, по которым идет трансляция новой моды. Параметрами трансляции могут быть силуэт, члене-

ние линии, орнамент, цвет, которые характеризуют структуру формы костюма. Так, от дизайнера (отправитель) сообщение (идея) попадает к носителю костюма (получатель) через модель костюма (канал связи). Сообщение закодировано (применение определенного силуэта, формы, цвета и др.) и соотнесено с определенным контекстом (модное направление). Код выполняет опосредующую функцию в процессе коммуникации творца моды и ее потребителя. Знаковость в костюме имеет целью, с одной стороны, выразить социальные характеристики человека, его принадлежность к той или иной группе общества, например:

- костюм – знак сословно-классовой дифференциации;
- костюм – знак богатства (экономической престижности);
- костюм – знак общественной интеграции (униформность);
- костюм – знак принадлежности к определенной социальной группе;
- костюм – знак респектабельности;
- костюм – знак полового различия;
- костюм – знак индивидуального вкуса человека;
- костюм – знак культуры.

Цель знаковости – обозначить отдельные функции частей костюма или фигуры. Собственно, первоначально знаковость и возникла как обозначение основных частей человеческого тела и их функций. Позже она стала проявляться в типе костюма, материалах, форме, цвете, расположении и характере деталей, манере ношения, украшениях и т. д. Иерархические установки общества исторически выражались в сложной регламентации сочетаний элементов костюма.

Отражая определенные идеи, одежда может быть свободной, плотной, тесной, жесткой, непровокационной или, наоборот, вызывающе провокационной по цвету. Она

может свидетельствовать о непреклонности характера, жесткости моральной установки, чистоте моральных побуждений, отражая этический символизм, который играет большую роль. Скажем, в строгих и официальных мужских европейских костюмах в наши дни. Толщиной материала, добротностью своего костюма, глубокой и спокойной чернотой ботинок, безупречной чистотой воротничков и манжет мужчина демонстрирует окружающему миру свою потенциальную силу, твердость духа, неподверженность легкомысленным соблазнам. Таким образом, данный вид мужской одежды выражает серьезный и деловой настрой.

Плотная облегающая одежда также имеет свои моральные особенности, и женщины время от времени любят пользоваться этим эффектом. Вся одежда этого типа контрастирует с более яркой, свободной, более мягкой и светлой, которая приличествует празднику.

Различные источники информации способствуют увеличению ассоциаций подобного рода, из которых наиболее важными считаются следующие. 1. *Цвет* – универсальная связь черного цвета с серьезностью и белого с непорочностью и моральной чистотой, в отличие от других цветов, особенно ярких, которые выражают свободную игру эмоций. 2. *Степень покрытия тела* – аскетическое понятие о теле человека как о причине греховных страстей, о которых легче забыть или которые легче контролировать, если закрыть тело, насколько это возможно. 3. *Плотность* – реальное защитное свойство плотной одежды от определенных физических воздействий бессознательно переносится в моральную сферу. 4. *Жесткость* – символическое уравнение физической силы и «вертикальности» с моральной чистотой и стойкостью. 5. *Теснота* (ассоциация возникла, бесспорно, в связи с плотно приле-

гающей одеждой) – явление физическое, но очень легко и свободно переносится в моральную сферу. Теснота плотно прилегающей одежды может символизировать жесткий контроль человека над собой (держит «в узде» свои страсти), в противовес чему свобода и неряшливость в одежде ассоциируется с аморальностью. Известно, что, оказываясь в некоторых ситуациях (дискомфорт, вызванный людьми и природой), человек старается застегнуть одежду, т. е. защитить себя с помощью одежды со всех сторон. Периоды депрессии, потерянности, одиночества или тоски могут сопровождаться желанием человека быть тепло одетым, закрыть свое тело от чьего бы то ни было воздействия. 6. *Символика цвета*. Цветовая символика в модном костюме изначально тесно связана с отражением жизненных процессов. Изученные учеными древние источники знаковой функции цвета указывают на биологичность первопричины, порождающей психологические концепции и представления у народов, находящихся на низшей стадии развития. Выразительные и символические потенции цвета реализуются в современном модном костюме. Студенты-дизайнеры, отвечая на вопрос о том, каковы, по их мнению, критерии модного, все как один, прежде всего, отмечали цвет. Та же тенденция наблюдается и во мнениях потребителей.

Древние называли цвета «божествами». Ученые обратили внимание на психорегуляторные возможности цвета. Цвет динамичен и может оказывать действенное влияние на физиологию и психику человека. Исследователи называют три основных пути цветового воздействия: через кожные рецепторы, передающие на бессознательном уровне необходимую информацию и специфическую энергию цвета, через зрение, воспринимающее цвет уже на уровне подсознания и сознания; через социум, поведение и взаимо-

действие членов которого часто ставится в зависимость от особенностей их цветовосприятия.

Кстати, методы цветолечения, разработанные на этой основе, позволяют в кратчайшие сроки восстановить необходимый для человека компромисс между состоянием физического и психического здоровья. Цвет здесь выступает и как классическое психоаналитическое средство, которое «позволяет высказать не высказываемое». Цель – оптимальная адаптация внутренней и внешней среды пациента друг к другу.

Триадность возникновения цветов объясняется особенностями физиологии и психологии человека. Цвет использовался для выражения общественной дифференциации, религиозных представлений, обозначения возрастных и половых различий, праздничности и траура и т. д.

На индивидуальном уровне цвет одежды обычно вызывает ассоциации с чувствами, мыслями и даже мировоззрением воспринимаемого человека. На уровне цивилизаций цветовая гамма костюма выражает дух времени, геополитические, культурные особенности цивилизации. Многообразие цветовой гаммы и особенности ассоциативных впечатлений, которые цвета вызывают у людей, принадлежащих к различным культурам, создают дополнительные условия моделирования одежды.

Степень теплоты или холодности, света или темноты того или иного цвета имеет особое психологическое значение. Учеными выявлено, что *теплота – холодность* цвета влияет на некоторые психофизиологические процессы человеческого организма. Например, теплые тона повышают артериальное давление, температуру тела и аппетит.

По мере развития костюм все больше теряет свои биофизиологические признаки и функции и приобретает целый ряд социаль-

ных, символических функций, выражаемых знаками, понятными только определенной общественной группе людей. Возникают информативные «костюмные коды», связанные с определенным содержанием, обусловленным классовой или групповой психологией. Кроме цветовых символов, в костюме широко применяются знаковые системы форм или фасонов.

Существовали периоды, в которые система предписаний была разработана до мельчайших подробностей, все детали имели вполне определенное значение. *Роль одежды как опознавательного знака социальных характеристик личности растет с увеличением степени «иерархичности», «формализованности» общества* (или его частей и отдельных социальных институтов). Например, в армиях всего мира статус всегда фиксируется в одежде однозначно, и трудно представить себе армию без военной формы.

Одежда людей высокого социального положения многими называется «строгой», «официальной». Чаще всего эти слова относятся к силуэту. Исследования, проведенные на разнообразной выборке испытуемых, показывают, что «высокостатусным» считается силуэт, приближающийся к вытянутому прямоугольнику (для мужчин – даже вытянутому треугольнику, нижний острый угол которого является его основанием) с подчеркнутыми углами, а «низкостатусным» – приближающийся к окружности (шару). Действительно, с высоким статусом обычно несовместим, например, пиджак типа реглан, свитер (особенно пушистый), мягкие брюки или джинсы (нет стрелок) и пр. И все эти особенности фиксируются людьми, влияя на оценку статуса.

Разнообразие фасонов зависит еще и от того, для какого возраста предназначается модель. И если костюмы дочери отличаются разнообразием, то в костюме матери, как правило, отражается элегантность и просто-

та, а в костюме для бабушки – сдержанная скромность. Вместе с демократизацией общества официальная роль одежды меняется. Сейчас, например, здесь нет запретов или правил, каждый может надеть все, что захочет. Тем не менее, связь одежды с социальным статусом или родом занятий остается достаточно сильной. Символическое значение имеют качество одежды, частота встречаемости данной модели (дефицитность), ее соотношение с модой. Все эти характеристики, как правило, находят свое выражение в цене костюма, которая, собственно, и несет информацию о человеке. Речь идет, прежде всего, о его статусно-ролевых характеристиках. Чем выше цена, тем выше статус.

Индикатором общественного положения наряду с фасоном одежды является и такой семиотически значимый элемент костюма, как обувь, усиливающий, по мнению специалистов-дизайнеров, символическое значение одежды.

Символика пола (гендера), выражаемая модной одеждой, имеет особое значение. Символическая система модного костюма в значительной степени определена биологическими, психологическими и социокультурными различиями представителей мужского и женского полов, а также характером их взаимоотношений.

Вполне естественно, что при моделировании костюма учитываются особенности мужской и женской фигур, психология мужчин и женщин, что затем находит отражение в конструкции и символике формы.

Знаки сексуальности и эротики наиболее ярко проявляются в женском платье. Периодически возникает мода и на прозрачную или полупрозрачную одежду. Например, платья из тонкого муслина или батиста во времена Наполеона. Надетые на трико или обнаженное тело, они подчеркивали волнующие формы женской фигуры и грациозную пластику женского тела.

Каждая эпоха создает свои пропорции сексуально эстетического идеала. Сравните, к примеру, пышные формы рубенсовских моделей и предпочитаемые в наше время стройные, узкие, высокие линии. Одежда подчеркивает или скрывает определенные части тела с целью приближения силуэта к общепринятому идеалу. Так, например, средневековый силуэт женской фигуры был с выступающим животом, а силуэт в стиле рококо – с «осиной» талией. Европейские нормы приличия в костюме долгое время оставались почти неизменными. Переворотом стало обнажение ног женщины в начале XX в. Сегодня в моде откровенно эротичная одежда, что вызвано комплексом социокультурных тенденций. В современной европейской одежде наблюдается стремление к возрастающей обнаженности, что происходит под влиянием спортивного стиля.

С древнейших времен человек стремился прикрыть свое обнаженное тело, на что имеется несколько причин. Наиболее распространенное объяснение изобретения одежды – это защита от неблагоприятной погоды. Однако если бы человек не мог согреться без дополнительных приспособлений, он бы вымер как вид. Кроме того, в жарких странах, где не было необходимости в согревании, тоже пришли к идее одежды. Адам и Ева были наги и не мерзли. Платье им понадобилось после грехопадения. И оно-то как раз, став их первым самостоятельным творчеством (до этого все творил Бог), стало и знаком грехопадения (невинному нечего скрывать). Но чувство стыда тоже не всегда все объясняет, есть другая версия – символическая. Элемент костюма вроде талисмана – такое же платье, как и любое другое, потому что он знаково-символически связывает человека и окружающий мир. Люди всегда стремились избавиться от черт своего звериного прошлого. В моде это могло принимать причудливые формы. Одежда есть символ пола.

В этом смысле показательна история, которая произошла с маленькими мальчиком и девочкой, которые рассматривали изображение Адама и Евы. «Кто из них Адам, а кто – Ева?» – спросила девочка. «Откуда же я знаю, – ответил мальчик. – Они же раздетые». То есть костюм является одним из главных семиотических отличий пола.

В истории моды были периоды, когда женская одежда столь сильно походила на мужскую, что это становилось предметом осмеяния в карикатурах. В наше время в женской моде твердо закрепились такие элементы костюма сильного пола, как: шляпы мужского покроя, галстуки, пиджаки, брюки. Однако некоторые стойкие половые различия и символы дошли до наших дней из древности. Например, застегивание одежды на разную сторону у женщин и у мужчин. Половая полярность в одежде – способ показать себя, чтобы понравиться.

Таким образом, мода всегда служила символично-языковым средством коммуникации, выражающим характер гендерных отношений, господствующих на данный момент в обществе. Не утратила – и даже наоборот, усилила – она эту знаково-символическую функцию и в эпоху постмодерна. Подобное положение моды в постмодернистской культуре обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего – экономическими. Постмодернистское общество является унифицированным, экономически базируясь на массовом производстве. мода сама превратилась в важный и универсальный фактор производства, так как периодическая смена моды вызывается, несомненно, в решающей степени именно экономическими задачами. Тем самым, с одной стороны, мода отражает тенденцию к росту унификации и однообразия индивидов, ибо именно такие индивиды и востребованы самой спецификой массового производства, а с другой – тенденцию к росту индивидуализации и разнообразию,

поскольку в условиях унификации люди всеми силами стремятся отстоять право на индивидуальность, «свое особое лицо». Этой второй тенденции способствует культура постмодерна, внутренне ориентированная на децентрацию, рост мозаичности и разнообразия, отказ от монополизма, от тотально-универсальных и унификаторских претензий.

Сексуальность как один из знаков костюма нивелируется в результате нарушения в костюме точности передачи сообщений о половой принадлежности владельца костюма. При этом всегда существует определенная вероятность неадекватного прочтения окружающими написанного «текста», которая зависит от степени осведомленности потребителя в смысле потребляемых им символов. На языке одежды можно лгать точно так же, как вы можете это делать на английском, французском или латыни, но этот вид обмана имеет преимущество: обычно нельзя прямо обвинить лгущего в том, что он делает это сознательно. Костюм, говорящий о юности или богатстве, в отличие от словесного утверждения, что вам двадцать девять лет и что ваш доход измеряется шестизначной цифрой, нельзя с ходу опровергнуть.

Ложная информация, передаваемая символами одежды, может быть сознательно написанным текстом или результатом заблуждения. В первом случае человек со знанием дела приобретает символы, чтобы ввести кого-то в заблуждение. Во втором случае человек совершает символические покупки, плохо зная смысл приобретенных символов. В результате он лжет, но не подозревает об этом, так как, по его мнению, символы говорят о другом.

С помощью одежды часто стремятся подкорректировать текст, передаваемый знаками тела. Чем несовершеннее тело с точки зрения существующих стандартов, тем больше оснований скрывать его реальные контуры и

создавать искусственные. Одежда скрывает то, что показывать нежелательно, и создает иллюзию наличия того, что на самом деле отсутствует.

В то же время во все века одежда, особенно женская, конструировалась так, чтобы подчеркнуть достоинства фигуры: обнажаются красивые женские плечи, ноги и руки. Веками одежда конструировалась по единым канонам, игнорирующим индивидуальные «достоинства». Только к концу XX в. мода стала гибкой, позволила женщинам учитывать свои индивидуальные особенности, либо демонстрируя их, либо скрывая. Таким образом, одежда удовлетворяет потребность человека создавать иллюзию наличия тела, приближающегося к принятым эталонам, и передавать окружающим текст, усиливающий его привлекательность.

Униформа – это одежда, жестко привязанная к статусу. Поскольку любая одежда – это текст, то униформу можно назвать текстом, который написан руководством организации. Униформа подчеркивает, что перед нами не свободный в своих мыслях и словах человек, а статусная позиция. Соответственно, его устами говорит не он сам, а представляемая им организация. Нам бессмысленно обижаться на него – все претензии к организации. Введение в разных организациях униформы – это способ усилить дисциплину, подавив личностное начало в самом личностном моменте – выборе собственной одежды.

«Сидит как литой» – так говорят о костюме, ношение которого не вызывает ни физического, ни психологического дискомфорта.

Костюм срастается с человеком, выражает его вкусы, желания, настроения. Костюм – это биография, характер, национальные признаки, характерные черты времени.

Костюм, а точнее то, как он носится, какими деталями дополняется, в каких сочетаниях составлен, является воплощением психологической, культурной и индивидуальной характеристики человека: доброты, скупости, чванства, скромности, удалства, щегольства, деловитости и др. Костюм постепенно приобретает очертание и характер владельца, который перестает его замечать, потому что костюм – часть его самого, но именно поэтому костюм больше всего характеризует своего хозяина, именно поэтому в нем отражается каждое событие, участником которого является человек.

Вышеприведенный анализ не претендует на всестороннюю философскую исчерпанность. Мы коснулись только семиотических и социально значимых аспектов модной одежды. В философском измерении модная одежда, независимо от того, в каких формах она выражается в ту или иную историческую эпоху, предстает как вечная и непреходящая субстанция человеческой жизни. Человечество (не каждый в отдельности индивид, но человечество в целом) всегда будет стремиться быть модным, чтобы вокруг не происходило. Даже в гробу близкие и друзья покойного хотят его видеть «в лучшем виде». Мода выражает стремление человека к красоте, творчеству и свободе, и именно в этом состоит ее непреходящая метафизическая (философская) ценность.

Литература

1. Баранов Г. С., Родионова Д. Д. Мода и гендер в эпоху постмодерна. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2006. – 204 с.
2. Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. – 2-е изд. – М., 2000. – 232 с.
3. Килошенко М. И. Психология моды: теоретический и прикладной аспекты. – СПб., 2001. – 192 с.
4. Косырева Е. А. Мода XX века. Развитие модных форм костюма. – СПб., 2006. – 468 с.: ил.

УДК 008

*Н. И. Романова***ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ**

Эсхатологизм – основная черта средневекового христианского мировоззрения. В православной традиции после раскола Русской православной церкви эсхатологические воззрения интенсивно развиваются в старообрядчестве и по-разному представлены в его направлениях – поповщине (умеренность) и беспоповщине (радикализм). Эсхатологизм в старообрядческом мировоззрении связан с концептом «страх Божий».

Ключевые слова: христианская эсхатология, мировоззрение, страх Божий, старообрядчество, поповщина, беспоповщина, старообрядческая семья.

*N. I. Romanova***ESCHATOLOGICAL CONCEPTS OF OLD BELIEVERS**

Eschatologism is the main attribute of Christian concepts in medieval times. The eschatological views took predominance in religious concepts of Old Believers forming various manifestations within subdivisions of Old Believers church (such as «popovschina» – moderation, and «bespopovschina» – radicalism) after the Russian Orthodox Church split up. The Eschatologism is deeply connected to the concept of «Divine Fear» in Old Believers' faith.

Keywords: Christian Eschatology, outlook, Divine Fear, Old Believers' Church, Popovschina, Bespopovschina, a family of old believers.

Христианская православная эсхатология наиболее активно разрабатывалась и поддерживалась в сознании верующих в эпоху Средневековья. Поводов и причин в этот период было достаточно. Однако после раскола русской православной церкви эсхатологические воззрения интенсивно развивались старообрядцами (наследниками и хранителями средневековой культуры) и даже были выстроены ими в целые теологические теоретические построения. В условиях постоянных гонений апокалипсизм получал питательную почву и потому был ярко выражен в сознании старообрядцев. Таким образом, эсхатологичность является наиболее характерной чертой старообрядческого религиозного мировоззрения. Отсюда начинается концептуальное расхождение с официальным православием (апокалипсический накал которого постоян-

но ослабевает), а вместе с тем и с новой идеологией в отношении к миру и ко времени, в нем проистекающему.

Для мировоззрения эпохи русского Средневековья исход человеческой истории был предопределен концом света и последующим за ним Страшным судом, поэтому для Средневековья была характерна ориентация на вечность, которая должна наступить после Страшного суда. Для сознания того времени проблема состояла не в том, что наступит в будущем, а в том, когда это свершится. Средневековье жило в напряженном ожидании Страшного суда и постоянно «вычисляло» его [13, с. 54]. Для традиционалистов время как бы остановилось, «свилось, как свиток» («Апокалипсис»). Они жили в эсхатологическом времени, полагая, что Страшный суд – у порога или уже насту-

пил [19, с. 54]. Иначе смотрели на время новые идеологи – проблема антихриста, второго пришествия и Страшного суда становится для новой церкви теоретической – конец мира произойдет, но не сейчас и не скоро. На смену эсхатологической идее приходит идея жизненного оптимизма, уверенности в вечности земного существования [19, с. 434]. Исторический акцент переместился с вечности на землю, с прошлого на будущее, и русские люди – та их часть, которая строила и переняла новую культуру, – перестали думать о сроках светопреставления и готовиться к нему [13, с. 55]. Новая идеология не боялась Страшного суда, верхи предлагали русским людям новое будущее. Но с точки зрения тех, кто не мог отрешиться от средневекового сознания, этим верхи будущее у них отнимали. Самоуморения и самосожжения, которые в совокупности не поддаются никакому рациональному объяснению, и были попыткой вернуть это утраченное будущее [13, с. 255]. Неслучайно апокалипсические настроения наиболее выражены были в ранний период раскола, в период наибольших гонений на приверженцев старой веры, когда антицерковный протест слился с антифеодальным и антимонархическим. Последние времена уже наступили, а антихрист уже царствует в мире – этот тезис дал большие возможности выразить недовольство против существующих порядков. Эсхатология стала реакцией широкой старообрядческой оппозиции на репрессивные меры властей. Да и как могло традиционное сознание оправдать разрушение традиции? Ведь отрицалось почти все, что было создано со времен Владимира-Святого. Отрицались книги и профессиональная музыка, иконы, фрески и зодчество, навыки общения между людьми, одежды, праздники, развлечения. Отрицались многие традиционные институты, например, институт юродства, который на Руси выполнял важнейшие функции общественной терапии.

Анафеме предавались и событийная культура, и культура обиходная, вся национальная топка и аксиоматика, вся сумма идей, в соответствии с которой жила страна, уверенная в их незыблемости и непреходящей ценности [13, с. 39]. Однажды все это должно было рухнуть. Для человека того времени разве неуместна была аналогия с концом света, а с теми, кто это разрушение спровоцировал и провел, – как с антихристами? Поэтому на протяжении первых десятилетий после раскола защитники древнего благочестия вычисляли и предсказывали одну за другой даты конца света.

Характеризуя развитие эсхатологических настроений старообрядчества XVIII–XIX вв., необходимо учитывать его конфессиональную специфику, в частности, как эти настроения выражались в поповских и беспоповских согласиях. Можно сказать, что в поповщине более оптимистическое отношение к миру, в отличие от беспоповщины, с ее крайним пессимизмом, поэтому эсхатологическая доктрина поповства носит умеренный характер. В беспоповских согласиях, напротив, эсхатологическая доктрина глубоко радикальна. Крайняя эсхатологичность в беспоповщине особенно присуща странническому толку, с его проповедью ухода от мира, с отказом от паспортов, денег, от всяких сношений с миром. Постоянное размышление о последних временах характеризует и поморщину. Поморцы сохранили эсхатологическую традицию, особенно акцентируя внимание на признаках этих времен, отраженных в Евангелии, поэтому часто в психологии поморца можно обнаружить апокалипсический страх.

В. П. Рябушинский, как представитель Белокринницкой старообрядческой Церкви, приемлющей священство, осудил религиозный пессимизм беспоповцев: «Религиозный пессимизм – настроение очень опасное: оно делает душу человека легкой добычей вся-

кого соблазна и прелести, поэтому случаи перехода из старообрядчества, уже не говоря про нетовщину – религию отчаяния, и все же как-то связанную с православием – в хлыстовство, баптизм, любую секту и веру, для беспоповцев много более часты, чем для приемлющих священство. Есть еще одна сторона у религиозного пессимизма: чтобы существовать и не вырождаться, он требует пищи, а между тем с годами ее становилось все меньше и меньше – прошло после Никона целое столетие, а мир стоял, гонения утихли, и признаки антихристового пришествия, указанные в Писании, не осуществлялись. В результате, учение об уже бывшем пришествии антихриста приходилось дополнять или заменять всякими толкованиями о невидимом его присутствии» [14, с. 83–84].

Объяснить отличие эсхатологических взглядов поповщины и беспоповщины можно тем, что, в отличие от беспоповцев, старообрядцам-поповцам удалось воссоздать сильную централизованную иерархичную самостоятельную Церковь с сохранением и исполнением всех христианских таинств, без которых нет и не может быть спасения. Белокринницкая Церковь более устойчива в своих мировоззренческих позициях. Будучи менее пессимистически настроенными, поповцы утверждали, что, хоть и вся иерархия отклонилась от правой веры, но благодать священства, по учению церкви, сохраняется и у еретиков, посему и от них может быть восстановлена. В соответствии с этим и благодать вообще с земли не исчезла, и антихрист, ни телесный, ни духовный, на земле не царствует, поэтому поповщина принимала священников, переходивших в старообрядчество из господствующей церкви в их сане, а в 40-х годах XIX в. приняла к себе греческого митрополита Амвросия, благодаря чему восстановила епископат, а вместе с ним и полноценную церковную иерархию и организацию.

Ужасы петровского и бироновского режимов, затем николаевских времен внушали представителям беспоповщины мысль об исчезновении благодати вообще и благодати священства в частности. Беспоповские согласия не чувствуют за собой такой силы как поповцы: разбросанность, слабая централизация, а порой даже отсутствие таковой, менее жесткая иерархия (и даже отсутствие ее), отсутствие самого института Церкви (а «без Церкви благодати быть не может»), а отсюда из-за неимения священников невозможность принятия некоторых обязательных для каждого христианина таинств – все это придает беспоповским согласиям неуверенность и страх перед будущим. И здесь предпринимается попытка как бы «оправдать» себя перед Господом (за невозможность принятия таинств) через построение теории антихриста. Глубокое исследование последней в старообрядческих беспоповских толках (поморском, федосеевском и бегунском) посвятила Н. С. Гурьянова [3]. На основе изучения широкого спектра источников она выделила несколько теорий антихриста в старообрядческой эсхатологической литературе беспоповства. 1. Теория чувственного антихриста, т. е. воплощенного в образе определенного реального человека: это были Никон, Алексей Михайлович, потом Петр I. Некоторые авторы использовали и элементы теории расчлененного антихриста, под которым понимался чувственный антихрист, воплощенный в ряде лиц. 2. Теория духовного антихриста (мысленного), суть которой в том, что он чувственно не воплощен, а Алексей Михайлович не есть «последний антихрист», он только «послушник» его. 3. Теория мысленно-чувственного антихриста: *чувственный антихрист проявляется в «послушниках»*, через которых он действует, самого же антихриста нужно понимать в духовном смысле, предсказанные же в священном писании признаки наступления царства

антихриста, а также описания «лица» этого антихриста следует понимать не буквально, а иносказательно. Н. С. Гурьянова увидела, что каждая из этих теорий «перетекала» в новую по мере социально-экономического развития России: если в ранний период раскола крестьянский антимонархический и антицерковный протест был крайне выражен (теория чувственного антихриста), то в дальнейшем сила протеста постепенно снижается, и, наконец, со временем исчезает сама антимонархическая направленность эсхатологической теории (у поморцев), приведшей к принятию моления за царя. Постепенно место действия антихриста было ограничено только Церковью, поскольку уже не было необходимости оправдывать эсхатологическими построениями антигосударственный протест, выражавшийся в форме немоления за «внешних владык» [3, с. 32]. Затем исчезает антицерковная направленность эсхатологических теорий, «сочинения превращаются в чисто богословские, лишённые всякого политического подтекста – эсхатологические построения не соотносятся авторами с действительностью» [3, с. 32]. Это вызвало отделение от поморщины радикального филипповского толка.

Но крайний радикализм в отношении эсхатологической теории был проявлен в бегунском толке, в их идеологии антимонархические идеи приобрели особенную четкость и даже некоторую системность. Именно эсхатологические воззрения идеологов странничества (прежде всего отраженное в учении основателя толка инока Епифания) и их тесная связь с идеей спасения души «являлись толчком для “ухода в странство” и становились тем самым механизмом, который способствовал массовому крестьянскому переселению» [4, с. 33]. Страннические пустынножительские скиты в дореволюционное время покрывали всю Западно-сибирскую тайгу. «Наделение апокалиптики ролью хранителя идей, имеющих вневременной и вселенский

смысл, давало небольшой группе силы для противостояния государственной машине царской и советской России, а обязательная для пустынножительства норма подчинения монашескому уставу служила основой для активного хозяйствования и внутригрупповой консолидации» [4, с. 45].

Развитие апокалипсических взглядов старообрядчества как формы протеста против существующего строя продолжалось и в XX в. в период существования СССР. Представитель поповского направления Епископ Кишиневский (ранее нижегородский) Иннокентий (Иван Усов) – крупнейший старообрядческий писатель XX века – предпринял новую интерпретацию аллегорических образов Апокалипсиса в книге «Апокалипсические чудовища» [7]. И как продолжение антигосударственной направленности старообрядчества можно рассматривать его отношение к СССР, символизированное в «Апокалипсисе» красным драконом как непосредственно сатанинская сила, как безбожническая свирепая власть, «государство явно враждебное христианству и всякой другой религии».

В коллективном сочинении староверов, созданном в монастырском центре часовенных (фактически беспоповцев), Урало-Сибирском патерике, подробно рассказывается обо всех фактах преследований староверов, арестованных после разгрома скитов и обвиненных в антисоветской деятельности и агитации, перенесших репрессии, Сиблаг. «Основные идеи патерика достроили на современном материале 300-летнюю теорию о русских властях – предтечах Антихриста и антихристовом времени» [6, с. 174].

«Странническое “учение о побеге” по сей день остается одной из наиболее радикальных моделей, созданных старообрядчеством в целях спасения “древлего благочестия”. Сегодня бегунское согласие серьезно уступает другим течениям по численности и влиянию

на общественную жизнь, но его присутствие на конфессиональной карте России говорит о том, что идея фактического разрыва с “никонианским миром” по-прежнему востребована “староверческими социумом”» [4, с. 43–44].

Многолетние авторские наблюдения за общинами приходов Русской православной старообрядческой церкви – РПСЦ, Белокриницкой в прошлом (Томская область и г. Усть-Каменогорск Восточно-Казахстанской области) и поморской общины (г. Риддер Восточно-Казахстанской области) позволяют сделать вывод о том, что в современном старообрядчестве присутствует все та же конфессиональная специфика эсхатологических представлений в поповских и беспоповских согласиях. В мировоззрении верующих из приходов РПСЦ, безусловно, наличествуют эсхатологические взгляды на современный им мир, но они все также остаются весьма умеренными и в большей степени прослеживаются только тогда, когда ведутся беседы на эту тему, особенно в среднем и молодом поколении. У поморцев же эсхатологический накал прослеживается постоянно, любые темы пронизываются разговорами о последних временах, и даже есть верующие, придерживающиеся крайних радикальных взглядов вплоть до отказа от денег, пенсий, пособий, паспортов (что само по себе уже выходит за рамки установок поморского толка). В последнем случае их содержит вся община. Поморцы Н. Т. и А. И. Гусляковы так рассказали о «последних временах»: «Не Горбачев виноват. Все от Бога, Бог наказывает. Божество и повеление невидимы. Это не Горбачев дурак, а Антихрист пришел. Пробыл час. Не стало в человеке слова Божия. Молитесь, бодрствуйте, готовьтесь. Попробуем и о народе. А начало-то не в 1917 г., а в XVII в.! Прокляли писание! Менее всего повинны староверы во всем, но чаша страдания общая. Вера не уйдет до скон-

чания века, сидели по 5–6 лет за это. Мы – терпители, а вы борцы, вы за нас боритесь».

Закономерным представляется тот факт, что превалирование в беспоповщине эсхатологических взглядов является причиной того, что молодое поколение не идет в ее общины. Представители беспоповских толков, лишённые преимуществ института Церкви, либо переходят в поповщину (происходят случаи перехода целыми общинами), или, доживая свой век, остаются верны своей вере, ссылаясь на своих отцов и дедов, которые ее «истово держали». Наблюдается старение беспоповских общин, которые лишены идейного источника обновления. Русская православная старообрядческая церковь, напротив, усиливается и укрепляется, и особенно за счет молодежи – как новичков, так и детей постоянных прихожан (связь поколений не нарушена, традиция продолжает жить). Иерархи РПСЦ уделяют серьезное внимание своей молодежи: организуются и работают воскресные школы, христианские летние лагеря, созываются съезды старообрядческой молодежи и конференции, на которых молодые люди выступают с докладами, дети и молодежь активно вовлекаются в крестные ходы, проходящие по всей стране и др. Все это, благодаря церковной централизации и иерархии, позволяет говорить о положительном прогнозе развития Русской православной старообрядческой церкви.

Говоря об эсхатологическом мировоззрении старообрядчества, следует особое внимание уделить и духовной практике, помогающей верующему связать апокалипсические представления о Страшном суде с повседневной жизнью, в том числе и повседневной жизнью общины. Своеобразной духовной практикой старообрядчества (безусловно, практика молитвы превыше всего) выступало культивирование мировоззренческого концепта «страх Божий».

О страхе Божиим многократно упоминается в Священном Писании. Более часто в ветхозаветной традиции понятие страха Божия встречается в Псалтыри. Псалмопевец подчеркивает: «Трепещет от страха твоего плоть моя, и судов Твоих я боюсь» (ПС. 118: 120). «Это состояние страха и трепета... – состояние особое, отличное от простого человеческого страха по отношению к чему-то, в котором нет трепета или благоговения. Бояться Бога – это значит крепко любить его заповеди, исполнять их (ПС. 111, 1). “Если любите Меня, заповеди мои соблюдайте”, – вторит Давиду Христос (Ин. 14, 15). Страх Божий, исполнение его заповедей – это блаженство (ПС. 127, 1). Именно страх Господень, исполнение его заповедей ведет человека к земному благополучию (ПС. 33, 10)» [17, с. 52]. Проповедь Христа направлена к тем, кто примет его учение. Это «кроткие», «чистые сердцем», «милостивые», те, кто способен на нерассуждающую веру и долготерпение. Но для них, избранных, дается новый путь обретения веры – не столько через страх, а, сколько через любовь, причем любовь и к ближнему, и к самому себе, и даже к врагу. Но любовь эта утверждается через любовь к самому Христу, опять же: «Если любите Меня, заповеди мои соблюдайте» (Ин. 14, 15). Святоотеческая мысль не стала противопоставлять Страх и Любовь и нашла достаточно оригинальное толкование их взаимной связи. Страх Божий «проходит с наступлением “любви”, уступая место качественно иному, “вторичному” страху Божию, который является неизменным спутником любви» [17, с. 54].

Связь страха перед Страшным судом со страхом Божиим очевидна. Эта связь описана в Святоотеческом предании: «Человек приобретает страх Божий, если имеет память смерти и память мучений; если каждый вечер испытывает себя – как он провел день и каждое утро – как прошла ночь; если не будет дерзким в обращении и, наконец, если

будет находиться в близком общении с человеком, боящимся Бога» (Преподобный авва Дорофей). «...Душа: пока остается нерадивой, покрыта проказой сластолюбия – не может чувствовать страха Божия, даже если бы кто непрестанно толковал ей о Страшном суде Божиим. А когда начнет очищаться, углубленно внимая себе, тогда начинает чувствовать, как некое живительное врачевство, страх Божий, пережигающий ее, как в огне, неким действием обличений, и, таким образом, мало-помалу очищаясь, достигает, наконец, совершенного очищения» (Блаженный Диадокх).

Особая актуальность концепта «страх Божий» для старообрядчества носит объективный характер. В характеристике средневековой русской культуры исследователи отмечают ее дуалистический характер. Так, Б. А. Успенский характеризует языковую ситуацию на Руси как «двуязычие» (книжный – церковнославянский и некнижный – русский языки), а конфессиональную – как «двоеверие» (сосуществование христианского и нехристианского поведения) [16]. Дуализм Средневековья проявлялся в самом мировоззрении русского человека, что нашло отражение в абсолютизировании противопоставления категорий: Добро и Зло, Правда и Кривда, Христос – Антихрист, Благодетель – Грех и т. д. [19, 1, 15, 11, 8]. Для старообрядческой культуры, существовавшей в категориях средневековой традиционной культуры, свойственно дуалистическое разделение мира: добро-зло, свое-чужое, сакральное-профаническое, полезное-вредное и др. Этот дуализм был даже гипертрофирован, возведен в абсолютную норму по причине постоянной угрозы: внутренней (необходимость хранить внутреннюю чистоту от обмирщения, существовавшие разногласия внутри самого староверия, которые порождали новые толки и согласия) и внешней (преследования со стороны властей – светских и духовных,

веяния культуры Запада). В связи с этим староверы вынуждены были изолироваться от второго, негативного начала и всячески препятствовали проникновению «чужого» в «свое» религиозное пространство. Находясь в условиях «катакомбного существования» [2, с. 73], старообрядцы для того, чтобы различать «свое» и «чужое», «внутреннее» и «внешнее», обозначали эти категории знаками. Исследователи выделяют две группы символов конфессиональной замкнутости и изоляции староверов: одни были направлены на внешнюю социальную среду (бытовые явления и символы веры), другие – бывали внутри разных толков (догматы вероучения, излюбленные иконы, обряды, типы молебен, духовные сочинения, кладбища у каждого толка) [10]. «Нежелание носить мирские одежды, сохранение старых форм есть также символ верности вечным ценностям старой веры, которую исповедовали их деды. Кажется, до сих пор сохранилась вера, что старозаветное платье поможет защититься от разрушительного влияния внешнего мира» [18, с. 247]. Староверие А. С. Ахиезер определяет как «манихейское движение широких народных масс», выступающих против сословного общества и основанной на нем государственности, видя во власти, в Западе, в богатстве зло, Кривду [1, с. 113–118]. Нечто парадоксальное видится в восприятии староверами самой Церкви. «Религиозное сознание воспринимает Церковь Христову как явление “внутреннее” по отношению к миру. Старообрядческая культура, многие ответвления которой построены на гипертрофированном переживании отдельных сторон Священного Писания, церковный дух “овнутрения”, гармонизирующий взаимоотношения Церкви и Мира, восприняла как посылку для возможной изоляции от всего внешнего, причем в числе “внешних” оказался и сам институт ортодоксальной церкви» [12, с. 131]. Более того, таковыми являются и все другие старообрядческие толки и согласия (кроме своего).

Для самосохранения от негативного «второго» (чужого) в условиях мировоззренческой дуальности любая традиционная культура вводит систему запретов, но любой запрет должен иметь идеологическое основание. В качестве такового в старообрядческой системе запретов, наследованной от прошлого, выступал концепт «страха Божия», который был актуализирован и даже абсолютизирован и играл очень серьезную роль в воспитании верующего. Почему именно «страх Божий»? Сам по себе страх ведет к покорности, к дисциплине. В условиях угрозы он был своеобразным механизмом, обеспечивающим единство и спасение общины, каждого ее члена. Страх Божий дисциплинировал и объединял людей вокруг традиции, направлял мысль в привычное русло консерватизма, к общезначимым архаическим ценностям, а не новациям, служил средством для быстрой мобилизации человеческих возможностей. Кроме этого, имелись более глубокие причины культивирования страха Божия в старообрядчестве, а именно идейные истоки, на которые оно опиралось.

Страх – это наиболее «соборное» чувство, позволяющее на эмоциональном уровне *быстро* объединять людей в одну группу и управлять ими. В этой связи культивирование концепта «страх Божий» было насущной необходимостью для старообрядчества, особенно в условиях постоянного выживания по причине гонений, а апокалиптические настроения, боязнь слиться с миром и светская неграмотность усиливали эту потребность. Благодаря страху Божию, руководителям религиозных староверческих общин было проще объединять верующих в случае опасности.

Рассмотрение на основе эмпирических данных (по экспедиционным материалам) системы ограничений в повседневной культуре старообрядчества Рудного Алтая подтверждает тезис о том, что в их основе лежит культивирование страха Божия. В связи с тем, что

основным направлением «в идеологической программе старообрядчества является воспроизводство религиозности в подрастающем поколении» [9, с. 84], особый, едва ли не главный акцент или ставка в нем делается на семью. Семья по праву может считаться оплотом старообрядчества. Перед ней стояла задача дать детям основы христианского вероучения. Старообрядческая семья являлась своеобразной общиной, так как собой объединяла кровных родственников, тружеников и единоверцев одновременно. Зачастую она объединяла от 20 до 40 и даже более человек. Поэтому понятие Страха Божия прививалось прежде всего, в семье, причем в ее повседневной жизни.

Повседневная жизнь старообрядческой семьи регламентировалась строгими религиозными нормами. Прежде всего, от верующего требовалось соблюдение обязательного моления: в старообрядческой семье день начинался с молитвы, ею он заканчивался, любая работа начиналась с нее, принятие пищи, буквально все. Строгие требования распространялись на внешний вид – для мужчины обязателен пояс, глухой ворот, для женщины еще больше ограничений – покрытая голова, сарафан до пят, ворот, плотно прилегающий к шее и длинные рукава, скрывающие запястья, – все это символизировало внутреннюю собранность человека, помогало сдерживать отрицательные моменты своей натуры, закрываться от тлетворного воздействия мира. Сам образ жизни, нравственное и физическое здоровье обеспечивались строгим отношением к соблюдению здоровья, чему способствовали отказ от алкоголя, курения табака, отсутствие распутства, здоровая пища, размеренный труд.

В основе всех норм и требований лежало привитие верующему страха Божия. В ходе непосредственных авторских наблюдений за жизнью старообрядческой семьи, а также воспоминаний людей преклонного возраста

(информаторов) было отмечено довольно частое употребление выражений типа: «Бойся Бога!», «Да убоимся гнева Божия», «Бога совсем не боится!» (на непослушного ребенка), «Не гневи Бога и людей!». Боязнь наказания Божьего особенно сильный аргумент против провинившегося человека. В ребенке страх Божий насаждался достаточно изобретательно, в соответствии с его уровнем понимания и детского сознания. Интересны в связи с этим два рассказа информаторов. И. В. Егоров: «Бывало, родители уйдут куда-нибудь, а мы одни оставались, бесились же да баловались. А мать, уходя, говорит-наказывает: “Будете баловаться – Боженька камушком по голове стукнет”, – и уйдет. Вот сидим и молчим, шепотом сначала разговариваем, боимся и ждем – вдруг Боженька по голове камушком стукнет. Ну а потом ждем-ждем, ан все нету. А мы возьмем и Боженьку тряпкой закроем, чтоб не видел, и начиналось». Подобную ситуацию описывала Н. М. Ермолаева: «У нас сестры, которые постарше уже, с нами одни оставались во время поста, хочется уж что-нибудь вкусненькое поесть, оскоромиться. Они возьмут иконы тряпкой закроют, приговаривая: «Теперь Боженька не увидит». Залезут под лавку и ели что-нибудь скромное». Как видим, дети тоже были сообразительны в своем желании укрыться от наказания Божия.

Одним из методов воспитания в семье были наказания. Родителям в «Слове из притчи о воспитании детей» в Измарагде (сборник для домашнего чтения поучений Святых) назидательно говорилось: «Наказывайте смолоду детей своих. Вещает премудрость Божья: “Любящий сына своего палки для него не пожалует. Наказывай его в юности, чтобы он принес тебе покой в старости. Если же смолоду его не накажешь, то ожесточится и не покорится”». А вот что о наказании говорил Иоанн Златоуст: «Если кто детей своих не учит покоряться воле Божьей, то осужден будет суровее, чем разбойник: убийца ведь тело умерщвляет, а родители,

не воспитывающие своих детей, душу губят» [5, с. 40]. Информатор А. М. Козлова вспоминала слова своей матери: «Мама моя, Марья, помню, говорила: “Детям свою любовь показывать больно-то не надо, лучше построже с ними, иначе погубишь дет`я. Богу угодно, если ты его наказываешь за послушание, ослушался тебя – ослушался Бога! Не надо им сильно-то любовь показывать. Люби его, но не потворствуй своей любовью! Дети, оне сразу смекают, где ослабло, а где ослабло – там и греха жди!”» В подобных словах подчеркивается воспитательное значение страха Божьего, его привитие ребенку было основным идейным помощником родителям в повседневном воспитании. Практикой его культивирования в духовном сознании была исповедь, благодаря которой ребенок учился анализировать свои поступки, отличать доброе от злого. Через исповедь в ребенке с детства воспитывалось под

страхом Страшного суда понятие греха перед Богом. Дети уже с семи лет исповедуются и отмаливают епитимию. Большой вклад в воспитание твердости и стойкости духа детей также вносили долгие посты, за которыми следовали церковные праздники.

Таким образом, в повседневной культуре старообрядческой семьи концепт «страх Божий» выступал и как идейная основа регламентации этой жизни, и как воспитательная доминанта в жизни каждого верующего – и ребенка, и взрослого. Что же касается жизни старообрядческой общины, то и здесь данный концепт помогал ей в самосохранении и объединении ее членов в сложных, порою опасных жизненных обстоятельствах (в ситуации постоянных гонений, сложных природных условий), создающих питательную почву для апокалипсических настроений.

Литература

1. Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта: в 3 т. – М., 1991. – Т. 1. – 318 с.
2. Белоусов А. Ф. Из заметок о старообрядческой культуре: «великое понятие нужды» // Вторичные моделирующие системы / отв. ред. Ю. М. Лотман. – Тарту, 1979. – С. 68–73.
3. Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. – Новосибирск: Наука, 1988. – 188 с.
4. Дутчак Е. Е. Старообрядческие таежные монастыри: Условия сохранения и воспроизводства социокультурной традиции: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Томск, 2007. – 55 с.
5. Златоструй. Староверческий журнал. – Рига: Центральный совет Древлеправославной поморской церкви Латвии. – 1990. – Вып. 1. – С. 40.
6. Зольникова Н. Д. Урало-сибирские староверы в первой половине XX в.: древние традиции в советское время // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв.: сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1998. – С. 174–190.
7. Иннокентий, старообрядческий епископ. Апокалипсические чудовища. Выходные данные отсутствуют.
8. Кондаков И. В. Культурология: история культуры России: курс лекций. – М.: ИКФ Омега-Л: Высш. шк. 2003. – 616 с.
9. Кузьмина Л. П. Старообрядцы в современном мире (обзор журнала «Церковь» за 1982–1988 гг.) // Традиционная духовная и материальная культура русских поселений в странах Европы, Азии и Америки: сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 79–85.
10. Липинская В. А. Об устойчивости малых конфессиональных групп в однонациональной среде (по материалам юга Западной Сибири) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 213–217.

11. Лотман Ю., Успенский Б. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. – 1977. – № 3. – С. 148–166.
12. Назаренко Ю. А. К вопросу о религиозной обособленности у русских старообрядцев // Общности и человек в средневековом мире. – М.; Саратов, 1992. – С. 131–134.
13. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. – Л., 1989. – 206 с.
14. Печальный юбилей. По материалам журналов «Церковь», 1909 г. – № 3; 1913 г. – № 9; «Старообрядческий церковный календарь», 1913 г. // Сибирский старообрядец. – 1998. – № 16. – С. 11.
15. Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. – М.: Наука, 1974. – 407 с.
16. Успенский Б. А. К проблеме христианско-языческого синкретизма в истории русской культуры: 1. Языческие рефлексy в славянской христианской терминологии; 2. Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина // Вторичные моделирующие системы / отв. ред. Ю. М. Лотман. – Тарту, 1979. – С. 68–73.
17. Филин Д. А. Концепт «Страх Божий» в Библии и святоотеческой традиции // Православие – культура – образование: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. – Кемерово: КемГАКИ, 2002. – С. 51–59.
18. Фурсова Е. Ф. Женская одежда старообрядцев юга Западной Сибири (кон. XIX – нач. XX в.) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 240–247.
19. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. – М., 1998.

Информаторы:

1. Егоров И. В., 1939 г. р., запись: ноябрь 1999 г., г. Лениногорск.
2. Ермолаева Н. М., годы жизни 1929–1994, запись: апрель 1993 г., г. Лениногорск.
3. Козлова А. М., годы жизни 1929–2001, запись: август 1992, р. Уба, заимка 39-й км.
4. Гусляков Назар Тимофеевич, годы жизни 1932–1999, и
5. Гуслякова Александра Ильинична, 1934 г. р., запись: июнь 1992, 2–4 октября 1994 г., заимка Гусляковых на р. Убе, муж и жена.

УДК 355.257.72:94(571.1)

Н. М. Маркдорф

К ВОПРОСУ О ТОЛЕРАНТНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПОСЛЕВОЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В рамках статьи рассмотрены проблемы восприятия иностранными военнопленными послевоенной социалистической действительности. Автор приходит к выводу, что воспитание военнопленных происходило с большим трудом и постоянно наталкивалось на непонимание, скрытое сопротивление, а зачастую на открытую конфронтацию. Определенных успехов в политико-воспитательной деятельности политотделы достигли к только концу 1948 г., когда большинство западносибирских лагерей смогли в основном справиться с тяжелой экономической ситуацией, осуществить комплекс мер по решению важнейших вопросов жизнеобеспечения подневольного контингента, отладить социально-производственные механизмы.

Ключевые слова: военнопленные, толерантность, образ врага, послевоенное общество, СССР, НКВД-МВД СССР, лагеря для военнопленных.

N. M. Markdorf

ABOUT TOLERANCE OF FOREIGN WAR PRISONERS IN POST-WAR SOCIETY

This article discusses the problems of perception of foreign prisoners of war of the post-war socialist reality. The author concludes that the prisoners of war education in the socialist system took place with great difficulty and constantly ran into confusion, covert resistance, and often in open confrontation. Some success in the political education of political departments was achieved only by the end of 1948, when the most of the West Siberian camps were able mainly to cope with difficult economic situation, implement complex of measures to address the important issues of life support of involuntary contingent social and tune-up the mechanisms of social production.

Key words: prisoners of war, tolerance, the image of the enemy, post-war society, the USSR, NKVD – the Internal Affairs Ministry of the USSR, prison camps.

Проблема толерантности в условиях советского военного плена в рамках данной статьи может быть рассмотрена, на наш взгляд, с двух позиций. Во-первых – проблема восприятия военнопленных различными категориями сибирского населения как нового социокультурного элемента военного и особенно послевоенного общества. Во-вторых – оценка немецкими военнопленными через призму притяжения или неприятия новой иноэтничной, инокультурной среды. В зависимости от политической и экономической ситуации восприятие военнопленных гражданским населением было неоднородным. До Второй мировой войны немецкая история и культура пользовались у советских людей традиционным уважением, а немецкий язык преподавался в средней школе в качестве основного иностранного языка, велось радиовещание, издавались газеты и журналы для рабочих-интернационалистов, работающих в угольной промышленности.

В годы войны отношение к немцам (не только на бывших оккупированных территориях, но и в глубоком тылу) во многом конструировалось на основе личной неприязни и было обусловлено осознанием глобальной национальной трагедии всего советского народа. Усиленно работала советская

пропагандистская машина, справедливо рисуемая образ национального врага-немца и призывающая внести свой вклад в дело победы над фашистскими захватчиками. Ненависть к вчерашним завоевателям мира проявлялась в форме физической, вербальной либо косвенной агрессии в лагерной зоне, на производстве, на улицах городов и поселков как со стороны граждан сибирской глубинки (особенно городских детей и подростков), так и со стороны эвакуированного населения западных районов страны, в том числе блокадников Ленинграда и раненных фронтовиков. У советских людей был прочно выработан обобщенный стереотип немца-врага и только после ее окончания средства массовой информации стали подчеркивать необходимость отделять понятия «немецкий народ», который, так же как и советский, пострадал от фашизма, и «нацизм». Соответственно вина за развязывание войны и преступления фашизма возлагались отныне не на нацию в целом, не на немецкий народ, а на финансово-промышленные круги фашистской Германии, содействующие приходу Гитлера к власти.

В условиях мирного времени ситуация коренным образом изменилась. В послевоенном обществе двойная мораль порождала

в народном сознании слияние образов врага «своего» и «чужого», что не только приводило к отождествлению с фашизмом других подневольных контингентов – интернированных немцев, детей репрессированных немцев-спецпоселенцев, немцев-трудармейцев, но и способствовало формированию негативизма в отношении к советским немцам, к немецкому языку, культуре, да и Германии в целом. В послевоенное время военнопленные стали довольно привычным явлением в Сибири. Складывались новые своеобразные производственные и личностные отношения, которые вскоре во многом поменяли укоренившиеся военные стереотипы. Вместе с местными жителями военнопленные работали на заводах и фабриках, в шахтах, на строительстве промышленных и гражданских объектов, на лесоповалах, в сельском хозяйстве, занимались озеленением, улиц городов и поселков. Воспоминания большинства очевидцев событий свидетельствуют, что военнопленных жалели, «подкармливали», делили с вчерашними врагами свой скудный кусок хлеба, помогали выхаживать больных. Когда это было необходимо, русские рабочие вставали на защиту слабых и беззащитных, нуждающихся в помощи так называемых «врагов». Жалость и сострадание вызывал внешний облик вчерашнего противника. Расконвоирование части военнопленных, их свободное передвижение по городам и селам приводило к массовому попрошайничеству. Нередко военнопленные с протянутой рукой просили милостыню на улицах городов.

Вновь сформированный в сибирских лагерях контингент военнопленных испытывал серьезный «шок поступления», обостривший до крайности восприятие окружающей сибирской действительности. Враждебным и непонятным казалось все – от советской политической и экономической систем до сибирской природы и русских людей.

Сильнейший психоэмоциональный стресс, вызванный искусственно поддерживаемым нацистами страхом перед советским пленом, способствовал душевной депрессии, мог проявляться в виде неадекватного поведения (или неадекватных реакций), истерического и маниакально-депрессивного психозов, разного рода шизофренических заболеваний. Уровень адаптированности, как и проявление конфронтации в новой этносоциальной среде, характер межличностных, внутрилагерных, производственных взаимоотношений и конфликтов, напрямую зависели от партийной принадлежности, социального происхождения, от стойкости духа, физического и нравственного здоровья, степени идеологической, религиозной и национальной толерантности.

В годы войны задачи идеологического «просвещения» военнопленных вытекали из указаний И. В. Сталина о пробуждении классового самосознания у солдат, одурманенных нацистской пропагандой, о воспитании их в антифашистском духе для создания революционных рабоче-крестьянских кадров – основы демократического движения в Европе, готовых с оружием в руках к борьбе с германским фашизмом [1, с. 365–368]. Однако первый опыт антифашистской работы в лагерях показал всю сложность идеологического перевоспитания бывших солдат и особенно офицеров вермахта, в сознании которых прочно укоренились классовые предрассудки, стереотипы нацизма и расизма. Во-первых, для подавляющего большинства немцев военное поражение Германии рассматривалось как крушение и катастрофа. Оказывал воздействие созданный национал-социалистической пропагандой образ «врага-русского». Страх перед Советской армией и советским пленом был чрезвычайно велик [2, с. 261]. Во-вторых, пропагандистский тезис о пробуждении в «обманутых немцах» классовой пролетарской солидарности во многом дезориентировал политап-

параты лагерей, ограничивал формы, методы и тематику политико-воспитательных мероприятий. В-третьих, в числе преимущественных направлений было изучение сущности советского социалистического строя, основ марксизма-ленинизма, истории классовой борьбы (на территории Германии, Румынии, Венгрии и т. п.), вопросов международной политики. Идеологизированность, демагогия и декларативность скорее отталкивали, нежели привлекали военнопленных в ряды антифашистского движения. В этой связи характерны мнения пленных немцев, зафиксированные оперативниками в мае 1945 г.: «Было бы глупо превращать коммунистов в национал-социалистов, так почему же из нас насильно хотят сделать антифашистов. Почему из нас хотят сделать борцов за коммунизм...» [8, л. 64]. «Даже если Германия войну проиграет, пока жив хоть один немецкий солдат, то он будет бороться против русских и видеть в каждом из них своего врага. Доверия к “кашистам» нет...” [9, л. 16–17].

Администрация промышленных предприятий стремилась максимально использовать подневольный контингент. В результате вопросы организации политико-воспитательной работы уходили на второй план. В 1946 г. комиссии ГУПВИ НКВД – МВД СССР выявили низкий уровень политического воспитания, морального состояния контингента, многочисленные факты диверсий и саботажа на производстве. Как результат, наряду с рекомендациями по активизации разъяснительной, культурной, агитационной и пропагандистской антифашистской деятельности были усилены карательно-репрессивные меры и жесточесные наказания [6, л. 211].

После окончания войны в новых политических условиях потребовалась перестройка всей воспитательной работы среди пленных на основе директив Политотдела ГУПВИ МВД СССР. «Просвещение» контингента

западносибирских лагерей в соответствии с политическими целями осуществлялось через периодические массовые издания для иностранных военнопленных. Большинство советских политработников не знали иностранных языков, на протяжении всего периода своего существования лагеря в Западной Сибири испытывали острый дефицит переводчиков, поэтому газеты концентрировали свое внимание на публикации материалов, призванных способствовать становлению массовой политической работы. При разнотипности целевых установок в подготовке антифашистских кадров, при отсутствии единой тематики, неразработанности учебных программ все материалы периодики являлись существенным подспорьем для пропагандистов и агитаторов [7, л. 1–2].

В контексте послевоенной идеологии в советских средствах массовой информации часто пропагандировался тезис о необходимости отделять немецкий народ от «правлящей верхушки» Германии, виновной в развязывании войны. В тоже время газета «Нахрихтен» в статьях и публикуемых письмах из тыловых лагерей неоднократно поднимала проблему «вины немцев» [2, с. 264–265] и этим вызывала постоянную критику со стороны Политотдела ГУПВИ МВД СССР. Газета объясняла свою позицию борьбой с буржуазным высокомерием и национализмом, имевшим место в лагерях и выражавшимся в пренебрежении к подвигу в войне советского человека. Например, в 1946 г. «Нахрихтен» поместила подборку писем, отразивших немецкое националистическое превосходство: «Если бы не мы, немцы-военнопленные, честно трудившиеся в СССР, если бы не мы, сыновья немецкого народа, с нашими талантами и трудолюбием, то никогда советский народ не смог бы ликвидировать последствий войны и оккупации. В очень большой степени советские люди обязаны всеми успехами нам» [3, с. 566]. Подводя итоги дискуссии, обобщая поступившие материалы из различных

регионов страны и подчеркивая роль СССР как спасителя Европы от фашизма, «Нахрихтен» в противовес официальной идеологической парадигме настаивала на своей позиции: преступления нацизма обусловлены виновностью всего немецкого народа, допустившего их совершение [9, л. 211]. В Германии после окончания войны ряд публицистов также поднимали проблему вины немцев: и тех, кто преднамеренно совершал преступления, и тех, кто способствовал и допустил их. Эту точку зрения высказал, например, Ганс Фидлер (Альфред Деблин) в брошюре «Уроки Нюрнбергского процесса», изданной в 1946 г. [2, с. 264–265].

Борьба на идеологическом фронте в лагерях носила острый характер на протяжении всего периода деятельности лагерей. Чем активнее действовали «школы коммунизма» (антифашистские активы), тем серьезнее становилось сопротивление из деятельности. Степень конфронтации и соответственно частота внутрилагерных конфликтов зависели от классового фанатизма, религиозных убеждений, довоенного социального (классового) статуса немцев и японцев. Оперативные отделы фиксировали многочисленные факты «политического брожения», наличие в лагерях Западной Сибири профашистского подполья, противостоящего демократическому движению [4, л. 143]. Зачастую в ответ на профашистскую агитацию, призывы к убийствам и избиению антифашистов демократические активы от методов убеждения и агитации также переходили к радикальным действиям. Например, в феврале 1947 г. в лаготделении № 1 лагеря № 128 после концерта были жестоко избиты и командир батальона, и руководитель антифашистского клуба [5, л. 145–146]. В лагере № 511 реакцией на роспуск командиром батальона демократического совета солдат стало избиение трех немецких офицеров. Открытые столкновения идеологических противников были пре-

кращены только после активного вмешательства оперативных и политических отделов [5, л. 19; 194–196]. Однако скрытое сопротивление антифашистской деятельности продолжалось до начала 1949 г.

Таким образом, эволюция идеологических парадигм в контексте меняющейся международной обстановки и экономической ситуации в стране и регионе определяла пропагандистские и агитационные методы и формы работы. С целью улучшения антифашистской деятельности политотделы использовали различные методы как разъяснительного, так и силового характера. До конца 1948 г. политико-воспитательная работа среди военнопленных была поставлена слабо по причинам: отторжения военнопленными идеологии социализма, основанной на принципах двойной морали; укоренившихся в сознании нацистских, классовых стереотипов; невосприимчивости агитационно-пропагандистских мероприятий; высокого уровня заболеваемости и смертности и, как следствие, медленного процесса психологической, социальной, языковой, трудовой адаптации. Воспитание «новых сторонников» социалистического строя происходило с большим трудом и постоянно наталкивалось на непонимание, скрытое сопротивление, а зачастую на открытую конфронтацию и националистические настроения контингента лагерей. Наиболее высокая степень сопротивления антифашистской деятельности наблюдалась в 1945–1948 гг. Определенных успехов в политико-воспитательной деятельности политотделы достигли к только концу 1948 г., когда большинство западносибирских лагерей смогли в основном справиться с тяжелой экономической ситуацией, осуществить комплекс мер по решению важнейших вопросов жизнеобеспечения подневольного контингента, отладить социально-производственные механизмы.

Литература

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг. Документы и материалы / под ред. М. М. Загоруйко. – М.: Логос, 2000. – С. 365–368.
2. Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция / под ред. Рейнгарда Рюрупа. – Берлин, 1994. – С. 261, 264–265.
3. Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД – МВД СССР. 1941–1952 гг.: Отчетно-информационные документы и материалы. – М.: Логос, 2000. – Т. 4. – С. 566.
4. Информационный центр Главного управления внутренних дел Алтайского края (далее – ИЦ ГУВД АК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Л. 143.
5. ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5. Л. 19; 194–196; 145–146.
6. Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области (далее – ИЦ ГУВД КО). Ф. 11. П. 7. Д. 1. Л. 211.
7. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 9. Л. 1–2.
8. РГВА. Ф. 4п. Оп. 11. Д. 7. Л. 64.
9. РГВА. Ф. 124п. Оп. 1. Д. 6. Л. 8; 16–17; 211.

УДК 316.344.32:303.1+316.75

П. В. Аксенов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

В статье представлен критический анализ сложившихся методологических подходов к проблеме элит; выявлена необходимость комплексного, ориентированного на междисциплинарный подход осмысления феномена интеллектуальной элиты. Обоснована актуальность и перспективность культурологического анализа, наиболее полно раскрывающего сущностные особенности столь многоаспектного социокультурного явления.

Ключевые слова: элитологический дискурс, культурология, социология, теории элит, социокультурное пространство, исторический процесс.

P. V. Aksenov

METHODOLOGICAL PROBLEMS IN RESEARCH OF THE INTELLECTUAL ELITE: CULTUROLOGICAL PERSPECTIVE

The article presents critical analysis of existing methodological approaches to the problem of the elites, identifies the need for an integrated, multidisciplinary approach based on understanding the phenomenon of the intellectual elite. It proves importance and perspective of culturologic analysis, revealing the essential best features of such a multifaceted socio-cultural phenomenon.

Keywords: elitological discourse, culturology, sociology, theory of elites, socio-cultural sphere, historical process.

Все возрастающий за последние два десятилетия исследовательский интерес к проблемам элит не случаен, поскольку именно они являются движущей силой политического, экономического, культурного развития, задают их темп и вектор. Сегодня термин «интеллектуальная элита» достаточно часто фигурирует на различных уровнях: от публицистического до академического, что, с одной стороны, объяснимо сложностью и широтой трактовки данного термина, а с другой – реальностью современного мира, базирующегося на культурном многообразии. В результате данный термин не всегда применяется с должной степенью рефлексии, как правило, служа либо простым синонимом к понятиям «интеллигенция», «высокообразованные», «высококультурные», «научная элита» и пр., либо используется в различных, часто взаимоисключающих смыслах, что вносит путаницу в исследовательский анализ. Представляется, что назрела необходимость введения различных трактовок и интерпретаций интеллектуальной элиты в рамки методологического ригоризма, с целью упорядочения и дальнейшего выявления отличительных особенностей данного феномена в складывающейся системе плюрализма элит. Важным при этом выступает условие исторической ретроспективы, поскольку теоретические и методологические аспекты исследования интеллектуальной элиты, вырванные из контекста определенных хронологических рамок, неизбежно ведут к размытости и неопределенности данного феномена.

Впервые в отечественной научной мысли проблема элит прозвучала в середине прошлого века в трудах Г. К. Ашина, которому удалось представить на тот момент имеющийся мировой опыт в исследовании различных типов элит. Именно Ашин вводит в научный оборот термин «элитология» (признаваемый сегодня в качестве отдельной отрасли научного знания), что, на наш взгляд, без преуве-

личения можно считать отправным пунктом исследования элит в отечественной научной мысли. Уже с 1989 г. образуется сектор исследования элит в Институте социологии РАН во главе с О. В. Крыштановской, проводятся также исследования общественного мнения аналитическим центром Ю. А. Левады и др. Наряду с этим растет количество публикаций, книг, переводов, статей, защищенных диссертаций и даже учебников по элитологии, проводятся конференции и семинары, посвященные проблемам элит. Не исследуемый до этого времени феномен элит начал активно обсуждаться во всем спектре общественных наук. На этом фоне актуальной методологической задачей становится концептуализация накопленного как зарубежного, так и отечественного теоретического и эмпирического материала. Это дает возможность определить критерии выделения интеллектуальной элиты, выделить сущностные черты и характеристики, выявить ее функции и роли в социальных и культурных процессах в различные исторические периоды.

Важная особенность существующих теорий элит заключается в том, что в историко-мировоззренческом аспекте они предлагают собственное альтернативное видение хода истории, где главным субъектом и творцом является тот или иной тип элиты, который задает общий вектор и динамику исторического процесса. Известный тезис представителя классических теорий элит В. Парето – «история – это кладбище аристократий» – является тем стержнем, вокруг которого стали строиться теории элит. При этом вопрос о положении народных масс в истории остается в стороне, их роль и значение либо преуменьшаются, либо вовсе отрицаются. История поэтому представлена в виде сменяющих друг друга в результате борьбы типов элит, их вечного перманентного обновления и противостояния. Элиты являются в некотором смысле двигателем истории, и от того, какой

именно из типов элит является главенствующим в конкретный период времени, можно судить о той или иной эпохе – таков универсальный закон истории с точки зрения теории элит. Если попытаться синтезировать все имеющиеся на сегодняшний день основные постулаты теорий элит, то можно обнаружить общий для всех методологический костяк, который, в свою очередь, базируется на следующих принципах.

1. Исторический процесс рассматривается сквозь призму совокупности социальных циклов, определяемых господством определенных типов элит. Теории элит предлагают свое собственное видение человеческой истории, «другую модель общества, движимого конфликтом между конкурирующими элитами», история – это «бесконечное сражение элит за власть, а человеческое общество проходит циклы взлета и падения правящих групп» [10, с. 25, 38].

2. Фундаментальным принципом социальной системы открыто признается ее дифференциальный характер. Любое общество иерархично по сути, неравенство индивидов в нем – имманентный признак его естественного, извечного и неизбежного состояния, атрибут цивилизации. Причем дифференциация общества по мере своего развития только расширяется и углубляется, достигая своего апогея (согласно теориям постиндустриального общества) в постиндустриальной цивилизации, именуемой как «общество интеллекта», где главным ресурсом и критерием отнесения к элите выступает интеллект.

3. Все общество в силу различного рода причин (в зависимости от конкретной теории) не может являться главным субъектом трансформаций, и далеко не всегда все индивиды стремятся участвовать в управлении обществом. В результате появляется привилегированное властвующее меньшинство, берущее на себя (или делегируемые ему) эти функции, и пассивное большинство. Показатель-

ны в этом отношении концепции З. Фрейда и Ф. Ницше, которые с разных сторон объясняют это явление. Так Фрейд выявил, что каждому индивиду с детства свойственна потребность в авторитете и родительской опеке, которые потом на подсознательном уровне переносятся во взрослую жизнь и проявляются в потребности защиты, подчинения устанавливаемым правилам и нормам, то есть такие индивиды составляют пассивное большинство. Ницше, выступая с позиций выработанных им концепций «воли к власти» и «сверхчеловека», демонстрирует нам активное меньшинство, образующее элиту.

Основным принципом, в соответствии с которым строятся теории элит, является разделение общества на две категории: элита и масса. Уже классические теории элит указывают нам на то, что во всех обществах и при любой форме правления, начиная с первых цивилизаций и заканчивая современными состояниями, всегда существует две общности – меньшинство и противостоящее ему большинство. Провозглашаемая «дихотомия элита – масса является ведущим методологическим принципом анализа социальной структуры» в любом элитологическом исследовании [1, с. 66].

4. В теориях элит «общим знаменателем практически всех определений является представление об избранности (декларируемой либо действительной – автор) определяемой категории лиц» [3, с. 8]. Элита представляется как некая совокупность индивидов и рассматривается в качестве основной составляющей социокультурной динамики, двигателя цивилизационных процессов, главной конструктивной силы общества.

5. Между элитами и массами существует определенная психологическая, культурная, интеллектуальная, социальная и др. дистанция (пропасть), что обусловлено спецификой элитной среды (определенной субкультуры), качественно отличной от среды массовой.

Другой особенностью существующих теорий элит является также то, что практически все они рассматривают проблему элит в сложившейся социологической традиции. Зародившись в недрах социологической мысли (вышеуказанный классик теории элит В. Парето, а также Г. Моска и Р. Михельс были, прежде всего, социологами), теории элит продолжают развиваться в рамках устоявшихся парадигм. В Европе, а в дальнейшем и в США, сложилась своего рода монополия исследовательского интереса к проблемам элит, где доминируют именно социологические аспекты анализа, а объектом исследования выступают преимущественно политические, экономические и даже военные элиты. Существующие на сегодняшний день отечественные исследования в области элит в большинстве своем являются рецепцией уже сложившихся западных концепций и, на наш взгляд, продолжают придерживаться классических теорий, разработанных социологией. В тоже время современные социологи все больше начинают говорить о том, что «элита – пожалуй, единственная из страт, претендующая на то, чтобы быть объектом изучения отдельной специализированной области знания, выходящей за рамки собственно социального. Понятие элитарности, будучи разрабатываемо в различных сферах действительности, обладает несравненно большим методологическим потенциалом, чем комплекс представлений о любом другом социальном слое» [5, с. 10]. Речь идет об элитологии, предметом изучения которой выступают элиты во всех сферах своего проявления. Однако сами отечественные элитологи констатируют, что подавляющему большинству современных исследований элит свойственна их односторонняя социологическая направленность, что «нет работ, которые бы с позиции гуманитарных дисциплин подходили к изучению элитности не как социально-политического или экономического яв-

ления, а как общечеловеческого социокультурного феномена» [8, с. 4], а также что «культурные тенденции современных российских элит в большинстве случаев остаются за скобками современных элитологических исследований» [7, с. 3]. Представляется, что культурология может восполнить существующий пробел, поскольку является той комплексной наукой, интересы которой как раз пролегают в поле междисциплинарных исследований. А в плоскости культурологического исследования элиты вообще и интеллектуальной элиты в частности становится возможным не только систематизировать существующие исследовательские концепции ее изучения и выделить тот методологический пласт, на котором они базируется, но позволяет также обосновать и интерпретировать интеллектуальную элиту в качестве целостной социокультурной категории, влияющей на развитие культуры и общества в целом.

Таким образом, ключевой методологической задачей, существующей ровно столько, сколько существует проблема элит, остается глубокое теоретическое, целостное осмысление феномена элиты, определение критериев отнесения к элите, ее места и роли в историческом процессе и современном социуме. Современные исследователи, в зависимости от разделяемых ими методологических подходов к проблеме элит, по-разному определяют сущностное содержание термина «элита». Наиболее влиятельными методологическими подходами в элитологическом дискурсе сегодня признаются: **структурно-функциональный** (именуемый также как альтиметрический, статусно-функциональный, организационный, позиционный, институциональный, властный, формальный и др.) и **ценностный** (аксиологический, нормативно-оценочный, меритократический, сущностный и др.). Оставляя в стороне существующие разночтения

в употреблении двух методологических подходов, отметим их сущностные основания. Доминирующим из двух подходов к определению элиты на сегодняшний день является структурно-функциональный подход (наиболее активно применяемый в социологии), как среди зарубежных, так и отечественных исследователей, подавляющему большинству которых свойственно отождествлять элиту с правящим классом (политической элитой, правящими кругами, властвующей элитой или истеблишментом). Данная традиция берет свое начало с работ Г. Моска и продолжает существовать в социологической парадигме. Критериями отнесения к элите в рамках данного методологического подхода являются принадлежность к власти, способность управлять и осуществлять властные полномочия, посредством принятия стратегически важных для всего общества решений. Другими словами, элитой признается тот, кто имеет максимальный объем властных полномочий, потому что возглавляет ключевые посты и должности, и в результате этого имеет привилегированное положение в обществе. Трудно не согласиться с критикой в адрес структурно-функционального подхода в его чрезмерной формализации, который, по сути, под элитой подразумевает не личность как таковую, а «элитное кресло» ею занимаемое. Вместе с тем данный методологический подход к определению элиты остается популярным и преобладает среди отечественных социологов и политологов, так как позволяет легко и эффективно определить объект исследования: социолог, открыв Конституцию РФ, обнаружит в ней объектное поле своего эмпирического исследования, равное структуре органов государственного управления. В результате структурно-функциональный подход стал применяться для исследования именно политической элиты, причем с позиций принадлежности индивида к власти и политическим структурам,

что, на наш, является фрагментарным и недостаточным, поскольку не исчерпывает весь методологический потенциал (спектр) данного подхода. Сегодня термин «элита» рассматривается в структурно-функциональном контексте (вернее отдельной его части), став синонимом «политической элиты» или «правлящей элиты» и даже «чиновничества». На данную тенденцию указывал еще Г. К. Ашин в 1985 г., когда писал, что понятие элиты, употребляемое в каком-либо контексте без уточняющего прилагательного, какая именно элита имеется в виду («культурная», «интеллектуальная», «экономическая» и т. д.), начинает мыслиться в сугубо узком значении – элиты политической [1, с. 78–79]. Если четверть века назад данное обстоятельство рассматривалось в качестве тенденции элитологического дискурса, то сегодня это стало неотъемлемой методологической установкой структурно-функциональных концепций элит. Ярким тому подтверждением является позиция упоминаемого ранее социолога О. В. Крыштановской, для которой «словосочетание “властвующая элита” является тавтологией, так как элита, по определению, есть правящая группа общества», «элита не может не быть политической» [10, с. 75, 76]. Налицо явный перекося в сторону структурно-функционального подхода, претендующего на универсальность, причем в его узком и упрощенном виде. Следуя данной логике, элита априори является элитой политической (властвующей, правящей), следовательно, ни о каких других элитах не может быть и речи, которые, видимо, отнесены отечественным социологом в разряд массы. Отрицаются в данном случае и теории плюрализма элит и неоднородность социального пространства, а также неоднозначность и многоаспектность самого термина «элита» с точки зрения критериев отнесения к ней на различных этапах исторической эволюции. Из всего многообразия критериев выделения элиты сторонники

структурно-функционального подхода предпочитают именно альтиметрический (от лат. *altus* – высоко; высотомер): элитой признаются индивиды, находящиеся на вершине вертикального разреза общества, что позволяет им обладать властью, и, наоборот, – власть позволяет оказаться им наверху иерархии и стать элитой. Ответ на вопрос, кто является элитой в структурно-функциональных концепциях, лежит на поверхности – это люди, обладающие властью, за что социологи иногда не без основания подвергаются критике в чрезмерной формализации.

Кроме сказанного о том, что проблема элит в современных отечественных исследованиях преимущественно рассматривается сквозь призму социологии и крайне популярного структурно-функционального подхода, положение дел усугубляется также предельной широтой трактовок и понимания, «общеупотребительностью» слова «элита». Можно наблюдать, как термин «элита» все больше заполняет публицистические тексты, претерпевая при этом смещение в сторону структурно-функциональной методологии в том виде, в котором ее понимает О. В. Крыштановская. В настоящее время данный термин все больше теряет свое первоначальное значение, причем «смещение идет в сторону от интеллектуальных, творческих групп людей, которые и осознавались как элита нации, к определению словом *элита* верхних уровней политической власти» [15, с. 74]. Термин «элита» утрачивает свое первоначальное этимологическое значение не только в структурно-функциональной методологии, но и в повседневных практиках своего употребления, что заставляет всерьез задуматься о правомерности такого его использования. Можно ли считать нынешние правящие группы элитой в подлинном смысле этого слова? Все чаще встают вопросы о «подлинной» или «настоящей» элите, возникают новые термины, с разных сторон обличающие сущность властей предрежащих: от нейтрального «ис-

тэблишмент» и «публичная элита» до «псевдозлита», «квазиэлита», «пораженческая элита» и пр. Данные смысловые и функциональные трансформации отражают одну из сторон современного элитологического дискурса, являются индикатором утраты этимологических первооснов, смещения аксиологических векторов.

Вместе с тем структурно-функциональная методология обозримо шире, чем принято сегодня ее применять для исследования именно политической элиты. Другие виды элит также обнаруживают собственную структуру, иерархию и выполняемые в обществе функции. В этом смысле феномен интеллектуальной элиты также может быть осмыслен с точки зрения рассматриваемой методологии. Так, в исследовании Е. М. Левинтовой наблюдается постепенный уход от сугубо властно-альтиметрической трактовки, где «под интеллектуальной элитой подразумевается **социологическая категория** (выделено автором), включающая в себя: а) официально действующих интеллектуалов-политиков, находящихся или находившихся у власти ... и б) официальных советников, экспертов, консультантов, идеологов, находящихся при политической элите, но в нее не входящих в нее непосредственно» [11]. То есть для того, чтобы называться интеллектуальной элитой, уже не совсем обязательно входить в состав элиты политической. Все попытки представить интеллектуальную элиту в качестве социологической категории в большинстве своем переплетаются со структурно-функциональной методологией, что является немаловажным, но далеко не исчерпывающим дополнением для исследовательского анализа. Интеллектуальная элита в таком видении предстает в двух аспектах. Во-первых, наблюдаемая конвергенция двух видов элит даже на теоретико-методологическом уровне и выделение на этом основании общего понятия «интеллектуалов-политиков» неслучайно, поскольку позволяет политической

элите, с одной стороны, пополнить свои ряды представителями из интеллектуальной элиты и не допустить тем самым собственного вырождения (о чем в свое время писали еще В. Парето и Г. Моска), а с другой – легитимировать свое статусное положение в глазах масс. Во-вторых, именно интеллектуальная элита признается сегодня одним из основных субъектов государственной идеологии, выступая в качестве «экспертократии» или чаще всего «интеллектуальной obsługi» политической элиты. «Блестящая интеллектуальная элита важна для страны, ее существование льстит самолюбию правящей элиты. Но интеллектуальная элита обычно стремится к независимости, что очень неудобно» [4, с. 103]. Факт вхождения некоторых представителей интеллектуальной элиты в состав политической и других видов элит признается большинством современных исследователей, что является одной из немаловажных ее характеристик и одновременно одной из трудностей ее исследования. Однако на данном этапе и исключительно в рамках структурно-функциональной методологии можно вывести главную особенность такой мобильности представителей интеллектуальной элиты – данный канал мобильности работает только в одном направлении. Если допускается переход интеллектуала в политическую элиту, то для политика вход в интеллектуальную элиту обычно закрыт. Известный российский политолог О. В. Гаман-Голутвина ратует за открытость инкорпорации в политическую элиту, ставя ей это в заслугу: «Принципиальной особенностью политической элиты является то, что в отличие от профессиональных элит она является открытой системой. Не имеющей специального образования и опыта работы по избранной специальности новобранец, как правило, не может претендовать на вхождение в сообщество профессиональных элит. Круг политической элиты пополняется за счет лиц различного образовательного, профессионального и имуществен-

ного статуса» [3, с. 12]. Такая «открытость» политической элиты, в конечном счете, заставляет усомниться в ее элитном статусе, с одной стороны, а с другой – подтверждает выдвинутый нами тезис о заградительных барьерах инкорпорации в интеллектуальную элиту представителя из политики.

В результате политическая элита, исследуемая в рамках структурно-функциональной методологии, если и приносит определенные эмпирические результаты, то механическая экстраполяция подобного подхода в исследовательское поле интеллектуальной элиты выглядит малоубедительной, поскольку феномен интеллектуальной элиты обозримо сложнее и многограннее, чем политическая элита, поэтому не может быть в полной мере раскрыт в претендующей на универсальность альтиметрической парадигме. Такая универсализация характерна также и для современной политологии, стремящейся унифицировать весь элитологический дискурс в рамках структурно-функциональной методологии и вокруг политической элиты. Социология и тем более политология не могут дать исчерпывающую характеристику интеллектуальной элите даже в ее статичном «вне-историчном» состоянии, так как она может находиться в различных фазах отношения с социальной системой: от отстранения и отчуждения до противостояния и антагонизма. «Не обладая в каждом конкретном случае прочной связью с какой-либо социальной общностью или классом, интеллектуал есть нечто вне-, над-, а иногда антиобщественное» [6, с. 177]. В складываемых российских условиях углубляющейся и расширяющейся общественной дифференциации трудно говорить об однородности социального происхождения представителей интеллектуальной элиты, пытаясь расположить их в плоскости размытых социальных границ. Все более «статус и идентичность постсоветского интеллектуала не определяемы ни социальной принадлежностью, ни иерархическим по-

ложением, ни доходом, ни образованием, ни профессией» [13, с. 83]. В результате категория интеллектуальной элиты оказывается размытой по своим социальным параметрам и поэтому не может быть с необходимой точностью зафиксирована с позиций одной только научной дисциплины или одного научного метода. Феномен интеллектуальной элиты многогранен, имеет комплексный характер, требующий своего уточнения и конкретизации.

Наиболее глубокому осмыслению феномен интеллектуальной элиты может быть подвергнут с позиций ценностно-нормативной методологии. Если структурно-функциональная методология тяготеет к онтологической описательности и позволяет зафиксировать интеллектуальную элиту здесь и сейчас, причем без необходимой конкретизации объекта исследования, то для ценностно-нормативной методологии свойственно вскрывать гносеологическую природу, сущностно-содержательную сторону этого явления, причем в его исторической ретроспективе с учетом генезиса и особенностей эволюции на различных этапах человеческой истории, у различных народов и общностей. Трудно в этом смысле переоценить роль и значение культурологии. Именно культурология, в отличие от социологии и политологии, на более высоком уровне обобщения позволяет интегрировать различные теоретико-методологические подходы к исследованию феномена интеллектуальной элиты в качестве онтологической и гносеологической целостности, путем глубокого осмысления сопредельных социально-гуманитарных знаний. При этом необходимо осуществить перевод теоретических знаний в операциональное поле исследования и использовать полученные эмпирические данные для уточнения теоретических положений. Культурология вводит не один, а целую систему критериев всего спектра социально-гуманитарных наук, посредством которых возможно уточне-

ние и содержательный анализ интеллектуальной элиты, что придает культурологическому исследованию комплексный и междисциплинарный характер. «Подход политического социолога отличается от подхода культуролога», – справедливо замечает Г. К. Ашин. «Культурологи обычно применяют термин “элита” к выдающимся деятелям культуры, к творцам новых культурных норм. Иногда он выступает как синоним “аристократии духа”. Для политического социолога элита – та часть общества (меньшинство его), которая имеет доступ к инструментам власти» [2, с. 28]. Если подход политического социолога, как было показано ранее, пролегает в альтиметрической парадигме и является на сегодняшний день наиболее применяемым в современной элитологической мысли, то подход культуролога не столь распространен, и лишь с недавнего времени стали осознавать, что методологический потенциал культурологического подхода к исследованию элит огромен: «Менее всего изучена элита с точки зрения нашей отечественной культурологии. В то же время культурологический подход позволяет обосновать, понять и интерпретировать элиту как культурно-антропологическую категорию, представляющую собой духовно-ментальную целостность, способную влиять на развитие отечественной культуры в целом» [9, с. 13].

Таким образом, феномен интеллектуальной элиты может быть рассмотрен не только в узких рамках структурно-функционального подхода, но и с позиций перспективной ценностно-нормативной методологии, став предметом исследования культурологии. Важно при этом учитывать достижения всего спектра социально-гуманитарных наук и использовать весь имеющийся методологический инструментарий, обусловленный задачами исследования. Если вся критика в адрес структурно-функционального подхода основана на тезисе о его субъективности, фрагментарности и размытости объекта ис-

следования, то ценностно-нормативная методология также рискует быть уличена в субъективности и оторванности от реальности, но уже со стороны апологетики, идеализации интеллектуальной элиты как некоего трансцендентного социокультурного образования. Все больше назревает необходимость формирования целостного, комплексного представления об элитах, где исследовательские подходы будут не противостоять, а взаимодополнять, взаимообуславливать друг друга, образуя единое концептуальное исследовательское поле, а не изолированные научные изыскания отдельных научных отраслей. Этого требует и сам термин «элита», обладающий неоднозначным (а порой противоречивым) набором критериальных характеристик, множеством трактовок и областей своего применения. Все чаще исследователи, обращающиеся к методологическим проблемам исследования элит, приходят к выводу о необходимости формирования общей «методологической основы для формирования «единой» теории элит, интегрирующей концептуальные положения отдельных теорий в контексте «постклассического» видения. На наш взгляд, таким подходом при анализе элитных групп может выступать так называемый «интегративный» подход, в котором допускается существование множества оснований для формирования элиты» [12, с. 101]. При этом «именно социокультурные стандарты, исторические традиции формирования и функционирования представителей элиты становятся ключевыми характеристиками их деятельности. Заметим, что данные обстоятельства позволяют рассматривать развитие элиты в качестве целостного исторического, экономического и социокультурного процесса» [14, с. 32]. Сказанное в полной мере применимо к элитам вообще и интеллектуальной элите в частности, подходы и исследовательские стратегии к которым пока не приобрели статуса исчерпывающих научных парадигм.

Но важная особенность комплексного анализа интеллектуальной элиты заключается в том, что критерии ее идентификации заключены не столько в узкие (но немаловажные) рамки структурно-функционального подхода, сколько в сфере ценностной методологии, посредством которой возможно раскрыть всю природу отношений внутри интеллектуальной элиты и ее роли в сложноорганизованном социокультурном пространстве. Последним определяется актуальность культурологического аспекта исследования интеллектуальной элиты, обусловленная необходимостью формирования более целостного представления и осмысления этого социокультурного феномена на различных этапах исторического процесса.

Кратко подводя итоги, следует отметить, что проблема элит в российском исследовательском дискурсе относительно молода. Говорить о сформировавшемся и устойчивом методологическом аппарате исследования элит преждевременно. Представляется, что на современном этапе уместней будет применять понятие «методологического вакуума», хаотично заполняемого системой принципов, методов, подходов, приемов, терминов из смежных социально-гуманитарных наук, что нередко приводит к методологической синонимии и, как следствие, методологической путанице и рассогласованности. Возникает острая потребность фундаментального исследования, глубокого осмысления феномена интеллектуальной элиты. Необходима конвергенция онтологического и гносиологического с целью объективного исследования существующей действительности, с одной стороны, и четкого теоретического понимания сущности феномена – с другой. Все насущнее потребность проведения комплексного, разноаспектного, интегративного, междисциплинарного исследования столь многосложного феномена, коим является интеллектуальная элита. Как мы выяснили, наиболее используемый в современных эли-

тологических исследованиях односторонний анализ интеллектуальной элиты с позиций исключительно структурно-функциональной методологии неизбежно ведет к необоснованному отрицанию ценностно-нормативной парадигмы (берущей свое начало со времен Платона), что в результате приводит к поверхностной, субъективной и сиюминутной интерпретации. В результате необоснованно зауженное понимание элиты в современных российских исследованиях привело к этимологическим трансформациям, когда под

элитой стали понимать исключительно политическую элиту. Ценностно-нормативная же методология, в большей мере раскрываемая посредством культурологи, позволяет исследовать проблему интеллектуальной элиты в качественно ином, содержательном уровне. При таком ракурсе видения проблемы интеллектуальной элиты проясняется многое, осознается ее роль и место в социокультурном пространстве во всем многообразии аспектов, реализовавшихся в истории и актуальных для современной России.

Литература

1. Ашин Г. К. Современные теории элиты: Критический очерк. – М.: Международные отношения, 1985. – 256 с.
2. Ашин Г. К. Элита элите – рознь // Трибуна русской мысли. – 2008. – № 9. – С. 25–30.
3. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.
4. Григорьев Л. М. Элиты и средний класс // SPERO. – 2010. – № 13. – С. 87–110.
5. Казакова В. И. Границы элиты в социальном пространстве // Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии: тр. НГТУ им. Р. Е. Алексеева. – Н. Новгород: НГТУ, 2008. – С. 8–23.
6. Казакова В. И. Интеллектуал в пространстве стратификации: границы и социальная судьба // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 4(16). – С. 175–183.
7. Кайбушев А. Д. Политическая культура и основные культурные тенденции современной политической элиты России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2009. – 25 с.
8. Карабущенко П. Л. Антропологическая элитология. – М.; Астрахань: АстрМОСУ, 1999. – 179 с.
9. Комиссаренко С. С. Российская элита как предмет Отечественной культурологии // Вопросы культурологии. – 2007. – № 7. – С. 13–17.
10. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.
11. Левинтова Е. М. Российская интеллектуальная элита и ее дискурс (1992 – 2001 гг.) [Электронный ресурс] // Полемика. – 2001. – Вып. 12. – Режим доступа: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/12/levintova> (дата обращения: 03.01.2012).
12. Логинова О. А. Методологические проблемы изучения элит в классической и неклассической социологической традиции // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 98–101.
13. Мартынов В. С. Постсоветская Россия. Социально-теоретические размышления // Мыслящая Россия: история и теория интеллигенции и интеллектуалов / под общ. ред. В. Куренного. – М.: Наследие Евразии, 2009. – С. 72–95.
14. Наронская А. Г. Методологические аспекты изучения феномена элиты // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 3(69). – С. 29–34.
15. Резанова З. И. Элита, элитный, элитарный: семантика и функционирование // Язык и культура. – 2009. – № 2(6). – С. 69–79.

УДК 008

В. Л. Филиппов

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ КАК ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Сложность происходящих в современном мире процессов связана с необходимостью верного их толкования и, прежде всего, понимания того, как и почему современная культура переживает кризис. Несмотря на имеющийся философский материал, непосредственно в обозначенном нами аспекте данная тема ранее раскрыта не была.

Ключевые слова: философия, культура, смысл, картина мира, личность, кризис культуры, общество.

V. L. Filippov

CULTURAL CRISIS AS A CROSS POINT OF DIFFERENT CONCEPTS

The complicity of processes happening in the contemporary world needs proper interpretation of them, and, first of all, it is necessary to understand why modern culture becomes the concentration of the senses of XX century. Despite the existing philosophic knowledge, the topic was not studied in the denoted aspect.

Key words: philosophy, culture, sense, world view, personality, crisis of culture, society.

С какой бы концепцией мы не соотносили наше мнение, анализируя истоки кризиса, пути его преодоления и исторические закономерности, отметим, что все исследователи признают огромное значение как такового кризиса культуры для ее последующего развития. Таким образом, кризис культуры становится одновременно тормозящим и стабилизирующим ее фактором. Тормозящим потому, что разрушаются некоторые традиционные для социума стереотипы и ценности, что нередко оказывается опасным для психического состояния каждого конкретного индивида и общества в целом. Стабилизирующим потому, что в результате любого кризиса происходит неизбежный переход на новый уровень развития.

Впоследствии сама история определяет, насколько позитивен для всего челове-

ства был этот новый уровень, однако именно благодаря ему оказывается возможным преодоление застоя и разрушение устаревших для культуры традиций. Последнее утверждение делает необходимым краткое рассмотрение понятий перехода и переходности, которые представляют собой неизбежные составляющие происходящих в культуре процессов.

Безусловно, именно переходные стадии развития культуры фиксируют и отражают как уровень ее развития, так и опасные сигналы грядущего кризиса. Причем именно в переходные периоды развития культуры ярко запечатлевается менталитет народа, его картина мира со свойственными ей ценностями, стремлениями и переживаниями. Отметим также, что как таковой переход и переходность в культуре трудно рассматри-

вать как понятие, изолированное от кризиса культуры, картины мира, а также общей для данного общества системы координат: политической, моральной, эстетической, психологической его жизни.

Отметим, что последнее заключение открывает нам грани исследования кризиса культуры в следующих научных аспектах: философском, психологическом, социальном, мифологическом, историческом, культурологическом. В момент переживания своего кризисного состояния культура словно соединяет в одной точке все эти составляющие, открывая свободное от идеологического и социального заказа истинное положение и состояние. На каком уровне развития находится отечественная культура и чем это обуславливается – вопрос спорный, находящийся вне рамок нашего исследования. Мы же в рамках данной статьи постараемся проанализировать некоторые происходящие в отечественной культуре процессы, обуславливающие ее кризис.

Отметим также, что мы не склонны сужать спектр кризиса культуры и ее переходного состояния до рамок исключительно отечественной культуры, на наш взгляд, чем полнее и всестороннее возможен охват обозначенной в заглавии работы проблемы, тем больше вероятности раскрыть ее максимально объективно и научно достоверно. Именно с этой целью мы приводим ниже некоторые научно достоверные мнения, пересекающиеся в одной интересующей их точке – анализе кризиса культуры.

Отчасти принимая многое из того, что было предложено классической философией, и по ряду позиций соглашаясь с ней, отметим также имеющее отношение к кризису культуры положение Гераклита о борьбе противоположностей. Философ считает, что при переходе друг в друга противополож-

ности сохраняют свою общую сущность, это послужило основой для развития в дальнейшем идеи о тождестве противоположностей: «Враждующееся соединяется, из расходящихся – прекраснейшая гармония, и все происходит через борьбу». Наиболее ярко философию перехода и изменчивости мира являют слова: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды» [3, с. 145].

Законы всеобщей изменчивости и причины возникновения кризиса исследовал также Платон, который утверждал, что «если есть текучесть, то это значит, что должно быть и нечто нетекучее, так как иначе оказывается непознаваемой и сама текучесть. И если есть что-нибудь относительное, то это значит, что есть и нечто абсолютное» [4, с. 470].

Аристотель, размышляя над логикой развития и причинами возникновения кризисов в философии и культуре, сформулировал теорию причинных мест, доказал теологичность развития общества. Интересно, что в своих «Категориях» Аристотель рассматривает следующие шесть видов движения, искаженное развитие которых приводит к возникновению кризиса: возникновение, увеличение, уничтожение, уменьшение, превращение, перемещение.

Одним из способов преодоления кризиса и, в определенной степени, его профилактики является взаимодействие между этими формами движения. Причем данные взаимодействия или переходы осуществляются как между внешним и внутренним, так и наоборот. Философ также отмечает возможность переходного состояния культуры, как между сходными ее состояниями, так и между противоположными.

О том, что при анализе кризиса культуры необходимо рассматривать и ее переходные состояния, свидетельствовали многие философы. Некоторые отмечали сходство

между периодами развития культуры и периодами личностного становления и жизни отдельного индивида. Так, например, Хренов писал: «Переход представляет такую же значимую реальность в жизни отдельной личности, о чем знали во всех древних культурах. Как показал А. Ван Геннеп, «жизненный цикл человека представляет цепь переходов, например, от одного возраста к другому, или от одного рода деятельности к другому» [6, с. 14].

Отметим также, что к числу исследований, в которых рассматривались кризисы культуры в нетрадиционном ключе, стоит отнести теорию, согласно которой кризис культуры каждого народа неизбежно заканчивается переходом на новую, более совершенную стадию. Поэтому необходимо рассматривать кризис культуры как переход от одной истории, философии, религии и мифологии к другой.

Например, кризис культуры, как смену героев, эпох, богов, в преломлении через призму жизни человека, исследовал итальянский философ и историк Дж. Вико, в том числе им была предвосхищена новая методология историко-культурных взаимодействий, то есть развитие культуры рассматривалось как переход от детства к юности, от юности к зрелости, от зрелости к старости. Анализируя жизнь человека в контексте его религиозных, мифологических и исторических взаимодействий, ученый приходил к выводам, которые распространял на всю культуру в целом.

Углубил данную концепцию и детализировал ее Гегель. Он, будучи продолжателем идей древнегреческих ученых, в созданной им теории истории человечества рассматривал жизнь культуры как жизнь живого организма, который переходит с одной стадии своего развития на другую. Развитие это, со-

гласно представлению ученого, выглядело следующим образом:

- детство представлялось философу в качестве колыбели истории развития всей культуры – истории развития Древнего Востока;
- юность, согласно мнению философа, виделась им как история Древней Греции;
- зрелость – как история Древнего Рима;
- старость исследовалась как история культуры гегелевской Германии.

Признавая как достоинство, так и недостатки данной теории, отметим, что сама философия Гегеля тоже была порождением своего времени и своей культуры со следующими, свойственными ей чертами: в основе философии Гегеля был идеализм, методология и терминология были прагматичны и рациональны, отношение к кризису культуры складывалось на основе понимания философией диалектического развития.

Безусловной новизной философии Гегеля применительно к рассматриваемой нами теме стало то, что ученый исследовал и сформулировал систему кризиса и перехода в культуре, обществе и природе, причем не просто предложил миру некоторую теоретическую концепцию, но и возможные ее практические апробации. Отметим также, что Гегель сформулировал философские, диалектические и иные процессы развития культуры и общества: «Если мы теперь бросим взгляд на всемирную историю вообще, то мы увидим огромную картину изменений и деяний, бесконечно разнообразных формирований народов, государств, индивидуумов, которые непрерывно появляются одни за другими» [2, с. 93–94].

Необходимо также подчеркнуть, что последующее развитие общества и культуры привело к тому, что в философии Гегеля обнаружили свой научный фундамент сторонники материалистической диалектики. В частно-

сти, их привлекало положение гегелевской философии, согласно которому существует взаимозависимость между состоянием естественных разновременных ступеней бытия и изучением социально-исторических процессов, которые находят свое выражение и отражение в культуре. Понятие кризиса культуры, по их мнению, было тесно связано с концепциями развития исторической изменчивости систем и явлений.

В философии известны также иные стороны исследования кризиса культуры, так, например, сторонник позитивной философии О. Конт рассматривал историю культуры как хронологию, которая определяется кризисными периодами и переходами от одного состояния к другому. Ученым была предложена концепция переходного процесса, который оценивался как некая смена теологического мышления на метафизическое, далее происходила смена метафизического мышления позитивным.

Согласно концепции этого ученого, кризис культуры знаменует собой такое состояние культуры, при котором неизбежно происходит ее развитие в плане усовершенствования, позитивизации и гармонизации. В частности, О. Конт подчеркивал, что развитие общества происходит от простых состояний к сложным, от хаоса к организации, причем ни одна прошедшая фаза развития не повторяется, а каждая последующая занимает более высокую позицию относительно предыдущей. Отметим также, что философ определил такие понятия, как социальная динамика и историчность, что в дальнейшем повлияло на принцип единства логического и исторического, который сформулировал К. Маркс.

Таким образом, бегло оценивая открытия и исследования философии применительно к понятию кризиса культуры, отметим два

основных подхода, которые являются своего рода водоразделом с позиций периодизации и оценки истории развития культуры:

- формационный, основателем которого можно считать К. Маркса, он в своем социальном учении прослеживает линейно-прогрессивную траекторию развития общества, рассматривая переход развития культуры от одного уровня к другому как исключительно прямое восхождение его от ступени к ступени;

- цивилизационный, который представляют такие известные философы, как А. Тойнби, О. Шпенглер, Н. Я. Данилевский, согласно их концепции, фундаментальные основы циклично-генетических закономерностей динамики общества определяют развитие культуры и ее кризисы, причем само понятие «переход» связывали с движением из настоящего в будущее.

Философы, доказывающие правомерность цивилизационного подхода, исследуют некие всеобщие, обобщающие циклы развития культуры, государства, общества, мирового сообщества, человечества на примере анализа исторической повседневности. Они считают, что ритм данных циклов в последующее развитие культуры определяется малыми циклами накопления определенного исторического, социального и культурного опыта. Переход от прошлого цикла к более совершенному, качественно новому отражает неизбежный процесс совершенствования развития культуры и общества, способствует появлению обновленной формы культуры.

Не оценивая ни положительно, ни отрицательно методологию и философию материалистической диалектики, отметим некоторые важные для нашей проблемы положения. К числу основных в этом ряду относится исследование понятия перехода от одного

периода в развитии культуры к другому как возможность решения сущностных противоречий:

- переход как существенное видоизменение, своего рода, обращение в свое иное – это состояние перехода с иными качественными характеристиками;
- переход как превращение в свою противоположность – это состояние перехода с качественными характеристиками, которые существенным образом отличаются от предыдущих характеристик перехода;
- разрушение противоположностей как результат кризиса культуры представляет собой качественные изменения в культуре и их последующие метаморфозы с помощью разрушительных качественных характеристик;
- переход как перерождение в иное состояние с качественными характеристиками, отличными от характеристик перехода, однако, в отличие от предыдущего рассмотренного нами момента, момент негативного разрушения здесь отсутствует.

Анализируя данные противоречия, отметим, что результаты переходов в свою противоположность или в-свое-иное не всегда соответствовали совершенствованию развития культуры и ее переходу на более высокую ступень развития. Отметим, что история хранит и свидетельства разрушений, которые произошли в результате кризиса культуры, однако и такое состояние может быть рассмотрено как подготовка к иному, следующему шагу в развитии культуры, который несомненно будет более совершенным.

Подобная логика рассуждений привела Карла Маркса к следующему утверждению, согласно которому всякое развитие, независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является отрицанием другой [6].

Опуская роль В. Ленина в истории нашей страны, отметим лишь его мысль о том, что очень важно соединение разных этапов развития культуры и общества и появление связи между этими этапами в ходе отрицания. А также мнение о том, что диалектика вообще состоит в отрицании первого положения, смене его вторым (переходе первого во второе, в указании связи первого со вторым) [6].

Социологическая концепция Н. Михайловского применительно к кризису культуры и общества была опровергнута В. Лениным как несостоятельная: «...особенно необходимо, чтобы с такой же точностью был исследован ряд известных состояний, последовательность и связь между различными ступенями развития».

Отметим, что современная отечественная философия не изобилует исследованиями в данной области, наиболее яркие в этом ряду принадлежат перу западных и американских ученых. Так, А. Уайтхед сформировал и уточнил понятия «процесс», «виды процесса» и предпринял попытку исследовать кризис культуры в системе координат переходных процессов. В частности, философ описал реальное развитие культуры как процесс, в котором любое действительное явление показывает себя именно как процесс, который одновременно является становлением.

К кризису культуры имеют непосредственное отношение и два вида ее становления, которые описал А. Уайтхед:

- «сращивание», или внутреннее конструирование реально существующего социального объекта;
- «процесс как переход от одного состояния социального объекта к другому» [5, с. 717].

Анализируя концепцию А. Уайтхеда, отметим, что она базировалась на философии

Д. Локка, доказывал следующие принципиальные моменты:

- процессы уничтожения и возникновения в истории развития культуры появляются именно в рамках перехода от одного состояния культуры к иному;
- вне осознания концепции древовидности времени по отношению к прошлому и будущему, нельзя представить себе единство прекращающихся и начинающихся процессов в культуре;
- границы происходящих в культуре процессов ученый не связывал с оценкой деятельности, законченности или незаконченности процесса, но рассматривал их в связи с установлением реального существования объекта или явления;
- концепции этого ученого была свойственна попытка объединения отмеченных им видов становления и развития культуры с понятиями макроscopicких и микроscopicких процессов.

Под макроscopicкими им понимались переходы «от достигнутой актуальности к актуальности достижения», под микроscopicкими – «превращение реальных условий в определенную актуальность» [1, с. 4–14].

Важно также отметить, что в процессе перехода культура претерпевает макроscopicкие изменения, обретая новый облик в будущем, причем будущее в данном контексте рассматривается как реальное и не может быть историческим. Суть микроscopicкого процесса явлена перетеканием реальных условий в актуальное существование. Следуя данной логике размышлений, приходим к тому, что макроscopicкий процесс становится причиной, из-за которой впоследствии происходит кризис культуры, в отличие от микроscopicкого процесса, который становится, своего рода, теологическим про-

цессом, направленным на достижение тех или иных идей или культурных или социальных целей.

А. Уайтхед в своей концепции берет за основу некоторое настоящее, в которое входят микроscopicкие процессы и только начинают происходить макроscopicкие, во многом, опираясь на концепцию Д. Локка, А. Уайтхед в итоге приходит к классической схеме Аристотеля: актуальное – потенциальное, при которой существенной проблемой являлась проблема отношения прошлых актуальных состояний к настоящему.

А. Уайтхед оценивал настоящее состояние культуры как стартовое состояние теологического процесса, в результате развития которого реальность превращалась в актуальную. Согласно его концепции, прошлое есть связь актуальностей, из чего следует, что цель микроscopicких процессов – не определенное настоящее как начало процесса, а любая прошлая актуальность.

Мы согласны с исследователем в том, что данная ситуация приводит к кризису культуры, важно также отметить, что каждое состояние актуальности в прошлом являет собой определенный индекс времени, который вбирает в себя микроscopicкие процессы, ведущие впоследствии к макроscopicким. В целях предотвращения кризиса культуры необходимо модифицировать трансформации в схемах процесса, по которым они происходят.

В результате последнего процесса возможно изменение смыслов в культуре и возникновение нового, позитивного смысла. А. Уайтхедом отмечаются различные смыслы, которые вкладываются им в указанные процессы, эти смыслы не всегда укладываются в систему трактовки их как составной части макроscopicкого или микроscopicкого

ческого процессов. Систематизируя и разделяя этот механизм становления на отдельные участки, ученый приходит к выводу о причинах кризисов в культуре.

Признавая условной любую классификацию, подчеркнем важность работы А. Уайтхеда, которая, в первую очередь, представляет собой непосредственно философский момент, который не всегда может быть апробирован и реально доказан на практике. Поскольку первый вид становления представляет собой соединение различных объектов, то в результате этого формируется новый самостоятельный объект, с тенденцией на-

полняться новыми смыслами. В том случае, когда последний возникший объект останавливается в своем развитии, это является условием и причиной для возникновения иных объектов.

Соглашаясь с ученым в основных, высказываемых им положениях, отметим, что формирование нового объекта невозможно без образования внутри них новых смыслов и соединения их между собой, что приводит к выводу, согласно которому переход культуры из одного состояния в другое становится движущей силой и даже причиной механизма сращивания.

Литература

1. Абалкин Л. И. Экономическая теория на пути к новой парадигме // Вопросы экономики. – 1993. – № 1.
2. Гегель Г. Философия истории. Антология. – М., 1993.
3. Гераклит Эфесский. Фрагменты. – М., 1998.
4. Лосев А. Ф. Комментарии к диалогам Платона. – М., 1990.
5. Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М., 1990.
6. Хренов Н. А. Переход как повторяющееся явление в истории культуры: опыт интерпретации. – М.: Государственный институт искусствознания, 2000.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ ART STUDIES

УДК 785.13(571.1)

Е. М. Бородина

«ВОИНСКИЕ» ПЕСНИ СИБИРСКИХ КАЗАКОВ: ТЕМАТИКА, ОБРАЗЫ И МОТИВЫ

Казачьи «воинские» песни создают своеобразную песенную летопись многочисленных войн. Все воинские песни раскрывают тематическое и образное содержание, аккумулируя в себе сложнейшие периоды разных эпох, а различного рода мелодические и ритмические комбинации еще больше подчеркивают и характеризуют их специфику.

Ключевые слова: сибирское казачество, воинские песни: исторические, военные, походные, строевые, привальные, героико-патриотическая тематика, образ, содержание, композиция, жанр, мотив, мелодия, ритм.

Е. М. Borodina

«MILITARY» SONGS OF SIBERIAN COSSACKS: THEMES, IMAGES AND MOTIFS

Cossacks' military songs create the original song chronicle of numerous wars. All military songs reveal thematic and imaginative content, accumulating the difficult periods of different epochs with various types of melodic and rhythmic combinations emphasizing and characterizing their specificity.

Keywords: Siberian Cossacks, military songs: historical, military, camping, front, fender, heroic-patriotic themes, image, content, composition, genre, theme, melody and rhythm.

Воинские песни у казаков пользовались особой популярностью. Это вполне закономерно: русское казачество, начиная со второй половины XVI в., принимало активное участие во всех важных исторических событиях государственного масштаба.

Богатейшие впечатления непосредственных участников русской военной истории и социальных движений в России запечатлелись в народной памяти, а впоследствии поэтически претворились в казачьих воинских песнях.

Доминантой воинских песен выступает героико-патриотическая тематика, которая, в первую очередь, раскрывается в исторических песнях. В сюжетную основу этих песен были заложены рассказы и предания русского народа. Активизировав народное сознание и неисчерпаемое творчество, наиболее значимые для русского народа трагические события, острые социальные процессы получили отражение в народном творчестве, например:

*Нам смерть не может быть страшна.
Свое мы дело совершили:
Сибирь Царю покорена,
И мы не праздно в мире жили [6, с. 33].*

Боевые подвиги стали основой всех воинских песен, а их главными персонажами – герои или прототипы из реальной истории.

Так, в своих песнях казаки рассказывали о полководческом таланте Александра Суворова, Михаила Кутузова, воспевали храбрость атаманов Матвея Платова, Ермака, а также Степана Разина, Емельяна Пугачева и не забывали о таких исторических фигурах, как Иван Грозный, Петр I, Александр I. **Ярким примером** тому служат тексты казачьих песен:

*«Смерть врагам», – сказал Кутузов,
И с дружиною своей
Начал потчевать французов
По-казачьи, без затей!*

или

*Собирались там казаки, люди вольные;
Собирались они во единый круг.
Атаман у них Ермак, сын Тимофеевич,
Есаул у них Останка, сын Лаврентьевич
[6, с. 111].*

Наиболее популярными героями казачьих песен стали те, кто в труднейших обстоятельствах проявили стойкость, исполнили свой долг, сохранили достоинство ценой своей жизни. Все военно-исторические песни не только создают своеобразную песенную летопись многочисленных войн, но и раскрывают наиболее драматичные, непосредственно касающиеся народа стороны войны как социального явления [7, с. 214–217], например, «Сибирский казак» [6, с. 131] и привальная «На родной сторонushке» [2, с. 23]:

*... Он бы рад на войну, –
Жаль покинуть жену
С голубыми, как небо, очами...*

*...На родной сторонushке, заря ясная.
Ой, да на чужбинушке, солнце хмурое.
На родной сторонushке, вербочка цветет.*

*На родной сторонushке, мать сыночка
ждет...*

Героико-патриотическая тематика выдержана и в наиболее любимых жанрах казачьих песен: военных, походных, строевых и привальных. Эти песни любимы потому, что они всесторонне отражали многогранные стороны военной жизни казаков.

В Сибирь казаки принесли свою культуру из России, основанную на непреходящих христианских православных ценностях. Православие определяло и освящало весь жизненный путь, определяло его мировоззрение. Возможно поэтому многие песни сибирских казаков говорят о глубокой вере и высокой духовности, например, «Братья близок час сраженья»:

*...Братья, грудь свою пред битвой
Осеним святым крестом,
Подкрепим себя молитвой,
К Богу дух свой вознесем... [6, с. 34].*

Большое место в военных и походных песнях занимают мотивы, воспевающие верность казачьим присяге и долгу («Слава вам, братцы, героям Амура!» Омская обл.):

*...Долго стояли на страже Амура,
На страже родимой земли.
Ровно полвека мы царскую службу
Верой и правдой несли... [1, с. 81].*

Старые военные, походные, строевые и привальные песни казаков занимали большое

место еще и потому, что это была их своеобразная неписаная история. Сама служба в песнях изображалась с большой реалистичностью. Особенно эмоциональны песни, посвященные теме гибели казака. Наиболее значительны и популярны песни гибели молодого казака или об умирающем казаке в чистом поле. Ярким примером являются песни «Эй, по дороге» и «Вы поля, вы поля» (С. Березовка, Кемеровская обл.):

*Эй, там убили, да, эй, там убили, да.
Там убили молодого казака...
Эй, схоронили, да гэй схоронили, да
Схоронили близ дороги казака... [2, с. 37].*

*...Как под этой вербой
Казак битый лежит.
Он убит, не убит,
Тяжко ранен лежит... [2, с. 17].*

Военные и походно-строевые песни отражали специфику идеологии казачества. В них полнее всего показаны патриотизм и религиозность; удаль и молодечество, смелость, мужество и храбрость; воинственность, благородство, а самое главное – готовность жертвовать собой ради общего дела [4, с. 188]. Важным для казаков была дисциплина: подчиненность, исполнительность, сознание своего долга перед престолом, церковью и Отечеством. Казак всегда верил в свои силы, в начальников. Он был находчив и решителен, бодр и вынослив.

Казака всегда отличали такие качества как: чувство самосохранения, сильная воля, твердость характера, настойчивость, уверенность в себе, душевный подъем, стремительность, ясность сознания, хладнокровие, терпеливость, воодушевление. Эти поистине воинские качества и отражены в текстах воинских песен:

*Живо сабли на ремень,
Фураженки набекрень
И на бой, как на пир поскакали... [1, с. 89].
...За веру, честь в бою с врагами
Мы жизнью жертвуем своей.
Готовы сделать жен вдовами
И встретить тысячу смертей...
[6, с. 185].*

С одной стороны, в воинских песнях нашли отражение соборность казачества, его единение с православным государем – отцом русской земли («государь наш, Батюшка», «пресветлый наш царь», «великий князь», «сбирал наш атаманушко»), с другой – пренебрежительное, уничижительное отношение к захватчикам-инородцам («басурмане», «собака крымский хан», «смердный пес турецкий хан»). Например, песня «Мы, Сибирские казаки»:

*Покорим мы для царя,
Степи, горы и моря.
Перейдем лишь мы за грань
Азиатскую бить дрянь... [6, с. 150].*

Внутренние качества казаков в песенном творчестве характеризуют яркие образы. Во всех песнях военно-бытовой тематики отражается образ самого «казака», который ассоциируется с вольным, отважным наездником, независимым человеком, удалцом, бесстрашным воином: «появился в Сибири славный крепкий казак», «мы, казаки, гурьбой по чисту полю идем», «казак на службу собирался», «вы казаченьки, лихие усачи», «нас тут сто казаков, все лихих молодцов», «из похода возвращался в край родной казак лихой» и т. д. Эти песни определяют суть казачества – архаическое отождествление мужчины и воина [3, с. 18].

Казак всегда при себе имел оружие, которое служило характерным атрибутом свободного человека, храброго воина. Главным оружием казака, имевшим символическое значение свободы, была шашка. Без нужды

шашку казак никогда не снимал со стены и не вынимал из ножен, а в случае отсутствия наследника шашку ломали пополам и укладывали погибшему или умершему в гроб, так как «шашку и шапку казак теряет только с головой». Отсюда образ казака-воина рисуется в песнях с оружием. Например: «*остры шашки приопущены, штыки примкнуты к ружьям*», «*пикой, шашкой и ружьем всю Сибирь мы бережем*». Часто казачий быт изображается метафорически: «*сестра-сабля моя*», «*наши сабли острые*», «*сваха – сабля вострая*», «*жена молодая – винтовочка*»,

... Огнестрельное ль ружье-то
Сохраняет нас оно;
Долгомерное копьё-то
Страх наводит уж давно... [6, с.160];

... Ой, жена у меня –
Сабля острая.
Ой, теща моя –
Мать сырая земля... [2, с. 17].

В воинских песнях перед нами часто предстает образ коня, как быстрого, сильного и резвого скакуна. Конь всегда являлся главным участником военных событий, многих обрядовых действий, в том числе и различного рода состязаний. Традиционные конные игры в своей изначальной сущности являлись своеобразной проверкой боевой подготовки коня и всадника. Все эти действия и объясняют отношение казака к коню: «*кони борзые ржут, пыль копытами бьют*», «*конь степ-*

стует в роли боевого друга. В текстах таких песен прослеживается преданность, глубокое уважение и доверие к боевому другу [2, с. 7]:

Уж ты конь, ты мой конь,
Ты товарищ мой.
Ты лети-ка домой,
Ко моим, ко родным [2, с.17];

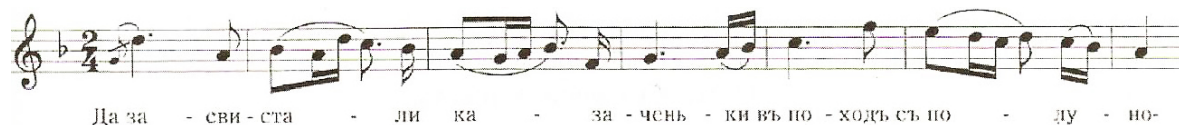
...Когда лошадь подо мною
Тогда Бог всегда со мной.
Стремено меня накормит,
Остра шашка напоит... [6, с.160].

В казачьих песнях прослеживается великая любовь к своей родной земле.

Казачья песня выступает как целостная композиция, в которой стиховые и музыкальные элементы находятся в органической связи. Важную роль в создании печального настроения играют задумчивые нисходящие плавные мотивы, составляющие центральную часть напева. При спокойном, умеренном темпе исполнения подобное строение напева обычно ассоциируется с состоянием созерцательности, размышления.

Образное содержание воинских песен главным образом связано с мелодическими скачками. Они рожают объемные пространственные ассоциации.

Ярким примером является песня сибирских казаков «Засвистали казаченьки», где с первой строки (запева) прослеживаются мелодические интервалы, как в восходящем, так и нисходящем движении.

ной рвет узду, и хрипит, и бодрится», «*конь мой милый, конь ретивый*», «*под ним конячко вороненький*». Конь для казака не только средство передвижения, чаще всего он вы-

Мелодические ходы на кварту, квинту, септиму и даже октаву в восходящем движении способствуют быстрому нарастанию экспрессии и воспринимаются как всплеск

энергии. Благодаря активности, решительности исполнения угловатые, прихотливые интонации придают напевам этих песен несколько своеобразный, своенравный характер [8, с. 218].

В походных песнях более подвижный темп, где основная динамическая роль скачков сохраняется: в восходящем движении они действительно повышают накал чувств, в нисходящем – быстро успокаивают общее настроение. В то же время образный смысл таких скачков обычно несколько иной – он чаще всего связан с взволнованным, активным состоянием.

Широко представлены в казачьих песнях узкие скачки – терцовые. Не образуя резкого контраста с поступенным движением, они вносят разнообразие в мелодический рисунок. Чередуясь терцовыми и квартовыми ходами, подъемы и спады на терцию составляют основу напевов привальных песен.

Итак, разнообразные скачки в сочетании с поступенными нисходящими и восходящими

ляет стилевой облик, влияет на формообразование песен. В песенных формах большое значение имеет ритм поющего слова – согласование ритмики стиха и напева.

Среди метрических форм, образующихся в песнях с силлабическим стихом, чаще всего встречаются варианты с одной цезурой. Такие песни относятся к позднему музыкально-стилевому слою с текстами литературного происхождения с силлабо-тоническим стихосложением, на что указывает четкая последовательность ударных и безударных звуков, а также сохранение равенства слогов в стихах [8, с. 107; 115]. Например, «Дума темная, дума тяжкая» (С. Зарубино, Топкинский р-н, Кемеровская обл.):

Структура стиха: 5+5 сл.; (КЕ) композиционная единица стиха: abcd; (РК) ритмическая композиция напева: abcd

Ду-ма тем-на-я, / ду-ма тяж-ка-я 5 + 5 сл.

Чер-ным ка-ме-нем / на ду-шу лег-ла 5 + 5 сл.

1. Ду-ма тем - на - я, ду - ма тяж - ка - я

чёр-ным ка - ме - нем на ду - шу лег - ла.

ми мелодическими ходами являются своего рода строительным материалом для казачьих песен. Различные комбинации этих «кирпичиков», простейших элементов структуры, образуют бесчисленное множество конкретных мелодических рисунков [5, с. 13–14].

В комплексе средств музыкальной выразительности чрезвычайно важную роль в раскрытии образа произведений играет *ритм*. Ритмическая организация во многом опреде-

Для песен поздней музыкально-стилевой группы (строевые, походные) характерен силлабо-тонический стих (ямб, хорей). Эти песни отличает четкий пунктирный ритм, мелодический рисунок характеризуют интервальные скачки на кварту, квинту. Структура композиционной строфы представлена квадратным периодом.

Поэтический текст казачьих песен насыщен сверхнормативными слоговыми вставка-

ми – восклицаниями, междометиями, короткими вставными частицами или словами. Они заметно увеличивают объем поэтического текста, вызывают дробление в типовых рисунках слогового ритма [9]. Например, воинские песни «Эх, зимушка – зима» и «Напою в реке коня»:

*Вы казаченьки-друзьки, ой,
Воротитесь на лужки, да.
Эй-эй, эха-хо,
Воротитесь на лужки*

или

*Напою в реке коня, эха!
Коня вороного, эха!
Эх, а ну-ка, друг, свежи меня, эх!
До крыльца родного [2, с. 27].*

Характерные образы создаются и своеобразной казачьей манерой исполнения. С одной стороны, исполнение воинских песен (исторических, военных, привальных) напоминает «беседу, где каждый исполнитель высказывает свою мысль-интонацию, прислушиваясь к собеседнику, но не прерывая в то же время течения собственной речи. Специфика этой музыкальной беседы... состоит в наличии моторного контакта между поющими, осуществляемого, прежде всего, посредством песенного темпоритма» [5, с. 21].

С другой стороны, казачьи песни звучат эмоционально, постепенно переходя на экспрессивную декламацию. В походных и

строевых песнях прослеживается активное, резкое, чеканное, отрывистое формирование звука. «Строевые связаны с определенными условиями исполнения: “пешие” поются под “шаг”, “под ногу”, “кавалерийские” – под ход коня» [5, с. 13]. «При всем разнообразии ритмической организации поздних и строевых песен их объединяет моторно-двигательная природа интонирования. Она проявляется в скандировании слогов поэтического текста, привнесении в любую слоговую музыкально-ритмическую форму элементов равномерной акцентности, что сообщает мужским казачьим песням ритмическую упругость, присущую и их исполнению» [5, с. 21]. Немаловажную роль в образном содержании играет удивительное мастерство исполнения, красота многоголосия, мощь и тембральное богатство мужских голосов.

На основании вышесказанного можно заключить следующее. Воинские песни сибирских казаков характеризуются определенной устойчивостью жанров, их тематики, образов и мотивов. Воинские песни являются олицетворением силы, мужества и воинства казаков. Мотивы, тематическое и образное содержание этих жанров определенно подчеркивают яркость и самобытность песенного творчества сибирских казаков. Такой синкретизм придает воинским песням выразительность и желаемый смысл, который вкладывали в них и создатели? и исполнители.

Литература

1. Аркин Е. Я. Запевает казак песнь: песни казачьих станиц Омской области – Омск: Наследие: Диалог-Сибирь, 1999. – 144 с.: ил.
2. Бородина Е. М. Казачьи песни Кемеровской области: сб. мат-лов фольклорных экспедиций / зап. нот., сост. вступ. ст. и коммент. Е. М. Бородиной. – Кемерово: КемГАКИ, 2002. – 73 с.
3. Бородина Е. М. Музыкально-поэтические образы в песенном творчестве сибирских казаков // Народная культура Сибири: мат-лы XV науч. семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т. Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. – С. 88–91.

4. Бородина Е. М. Фольклор сибирского казачества как социокультурный феномен // Ученые записки НИИ прикладной культурологии. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2006. – Т. 2. – С. 97–102.
5. Песни уральских казаков / зап., нот., сост., вступ. ст. и коммент. Т. И. Калужниковой. – Екатеринбург, 1998. – 235 с.
6. Песни и марши сибирских казаков («Пикой, шашкой и ружьем всю Сибирь мы бережем!») / авт.-сост. Ю. А. Фабрика. – Новосибирск: ОАО «Новосибирский полиграфкомбинат», 2006. – 280 с.
7. Фольклор Ижморского района / сост. Е. Лутовинова. – Кемерово: Каменя, 1993. – 160 с.
8. Щуров В. М. Стилевые основы русской народной музыки. – М.: Моск. гос. консерватория, 1998. – 464 с., нот.
9. Иванова И. Н. Русская традиционная культура [Электронный ресурс]: альманах. Вып.: Казачьи песни. – Режим доступа: www.scarb.ru/.../o-pesnjah-donskih-kazakov/

УДК 792

В. В. Чепурина

ГЕРОИНЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ: ПОИСК ЦЕННОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (АКТРИСА НАТАЛЬЯ ЮДИНА НА СЦЕНЕ КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ТЕАТРА ДРАМЫ ИМ. А. В. ЛУНАЧАРСКОГО)

В статье рассматривается проблема идентичности современного человека как результат процесса его идентификации с другими людьми, социальными группами, носителями других культур. На материале спектакля «Целлофан» по пьесе Б. Якобсдоттир в постановке Д. Петруня (г. Кемерово) выявляются ценностные оппозиции, влияющие на характер идентичности современной женщины.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, ценность, ценностная оппозиция, героиня, гендерная принадлежность, образ женственности, спектакль.

V. V. Chepurina

THE HEROINE OF OUR TIMES: FINDING THE VALUE IDENTITY (ACTRESS NATALIA YUDINA ON STAGE OF LUNACHARSKY KEMEROVO REGIONAL DRAMA THEATRE)

The article describes the identity of a modern human as result of identification with other people, social groups, with other cultures. On the material of performance «Cellophane» by B. Yakobsdottir, directed by D. Petrunya (Kemerovo), it identifies the values of the opposition, influencing the nature of identity of a modern woman.

Keywords: identity, identification, value, opposition value, heroine, gender, femininity, performance.

Стремление к осознанию современно- И целостная концепция спектакля, и вопло-
го состояния мира всегда считалось одной щение отдельной роли всегда есть интер-
из первостепенных задач искусства театра. претация драматургического текста в со-

ответствии со своим временем, отображение размышлений творческого коллектива о жизни.

Среди современных проблем развития общества научная мысль различных областей знания (прежде всего, философии, социологии и психологии) выделяет кризис идентичности человека. Энциклопедия «Культурология. XX век» дает следующее толкование интересующему нас понятию: «Идентичность – психологическое представление человека о своем Я, характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самотождественности и целостности; отождествление человека самого себя (частично осознаваемое, частично неосознаваемое) с теми или иными типологическими категориями (социальным статусом, полом, возрастом, ролью, образцом, нормой, группой, культурой и т. п.)» [1, с. 238]. Ценностная идентичность означает представление личности о некой системе ценностей, принятие ее, усвоение и постоянное сопоставление с ней собственных действий.

В России проблема идентичности ощущается наиболее остро. Согласимся с исследователем П. В. Векленко, который совершенно правомерно рассматривает ее в связи с отсутствием последовательности, преемственности в культуре: «Взрывообразный скачок от коммунистических ценностей, коллективизма, бескорыстия и упорного труда во имя пресловутого “светлого будущего”, к ценностям рыночного общества и принципам социал-дарвинизма, сделал внутренний мир новых поколений эклектичным...» [2, с. 103]. Естественно, что в условиях быстрого изменения социокультурной среды «конструктивные модели поведения не укореняются в личностных структурах» [2, с. 103].

В ситуации, когда нет образца, в соответствии с которым следует действовать, человек как бы проживает процесс раздвоения. Благодаря массовому воздействию ин-

формационных средств и технологий, он, вопреки собственной социальной и культурной принадлежности, оказывается вписанным в систему совсем иных, иногда совершенно чуждых ему взглядов и представлений. Современный театр и демонстрирует именно такое разрушение целостного сознания человека. Это разрушение целостности во многом связано с системой ценностных оппозиций действующего лица. Под термином «ценность» понимается признание субъектом особой значимости предмета или явления.

Долгие годы действующее лицо (персонаж) художественного произведения отождествляли с героем как субъектом мужского пола. Подавляющее большинство исследователей в области драмы и театра под «героем» понимали человека, «чей собирательный образ представляет наиболее характерные, типичные черты своей эпохи, среды» [3], но в качестве такого человека рассматривали чаще всего героя-мужчину. Различия между мужскими и женскими интересами, стремлениями, идеалами практически не принимались во внимание. Действительно, в тех случаях, когда востребованы лишь гражданская энергия женщины, ее равноправие в обществе, следование общечеловеческим ценностям, гендерные аспекты роли не представляются принципиально значимыми. Однако развитие современного театра (как и драматургии, и литературы в целом) позволяет говорить о разработке «женской темы». Актуализация женского мира, включающего в себя вопросы не только предназначения женщины, но и ее возраста, привлекательности, отношений с мужчиной, является реакцией на разрушение традиционного понимания таких понятий, как семья, любовь, гендерная принадлежность.

В Кемеровском театре драмы им. А. В. Луначарского женская тема наиболее ярко воплощается в моноспектакле «Целлофан» по пьесе исландского драматурга Бьорк Якобсдоттир. Постановка этой пьесы

в 2010 г. Дмитрием Петрунем оказалась чрезвычайно значимой для театра и востребованной публикой: спектакль стал участником II Международного фестиваля «Театральное вече» (г. Новгород, 2010 г.), на Международном фестивале «High Fest-2010» он был удостоен Гран-при «Золотой сертификат» (г. Ереван, 2010 г.), на XVIII Международном театральном фестивале «Рождественский парад» получил «Приз зрительских симпатий» (г. Санкт-Петербург, 2011 г.), в рамках гастрольной поездки был показан в «Русском центре» г. Хельсинки (Финляндия, 2011 г.).

Фабула спектакля представляет собой течение одного, самого обычного дня из жизни современной женщины. Героине Натальи Юдиной, актрисе Кемеровского театра драмы, приходится играть одновременно несколько социальных ролей: заботливой матери, рачительной домохозяйки, любящей жены. Она везде хочет быть безукоризненной – и на работе, и в воспитании детей, и в общении с родственниками. Для поддержания хорошей физической формы надо еще успеть в спортзал и бассейн. Поведение героини обусловлено желанием достичь успеха, но связан он не только с признанием, уважением со стороны окружающих, но и с важной составляющей жизни – с проявленностью женского начала, гармонией в отношениях с мужем.

В постсоветском пространстве в условиях идеологического вакуума *образ женственности* стал целиком копироваться с западных глянцевого журналов, которые кемеровская журналистка О. Штраус остроумно называет «библией для преуспевающих и деловых» [4]. Так, на официальном сайте популярного журнала «Glamour» в разделе «Красота» читателя «ждут советы по уходу за собой, последние косметические новинки, модные тенденции макияжа»; раздел «Фитнес и диеты» рассказывает все о «здоровом образе жизни, правильном питании и о том, как держать себя в хорошей физической фор-

ме, о том, как похудеть за короткий срок без ущерба здоровью, как тренироваться в офисе, как иметь подтянутую фигуру, идеальную талию, стройные, длинные ноги»; раздел «Отношения» содержит советы, «как построить успешную карьеру, как быть успешным в любви, сексе и отношениях» [5]. Другой модный журнал – «Cosmopolitan» – среди главных вопросов в жизни женщины признает три: «Что купить? Где купить? С чем носить?» [6]. Образцы внешности, стандарты поведения, рекомендуемые в этих и подобных им изданиях, отодвигают на второй план ценности материнства, семьи, и уж тем более не касаются вопросов образования, воспитания, духовного общения и т. д.

Сравнивая распорядок дня героини спектакля с рекомендациями из известных гламурных журналов, нетрудно обнаружить некоторые сходные моменты. Наконец, когда для возвращения утраченного ощущения счастья она находит в глянцевого журнале рецепт, позволяющий освежить отношения с мужем, завернувшись в дорогом белье, как конфетка, в целлофан, сходство становится очевидным, практически абсолютным. Обращение к специальным технологиям сохранения молодости и красоты обусловлено новыми, привнесенными из чужих культур жизненными ценностями, которые и выполняют функцию важнейших регуляторов социального поведения женщины.

Героиня ставит цели, сообразуя их с требованиями социума, которые не вполне соответствуют (а иногда и противоречат) ее истинным желаниям. Ее прообраз в реальной действительности подтверждает это несоответствие. Исследователь Л. Л. Рыбцова говорит: «Сочетание социальной деятельности женщин с выполнением семейных, материнских функций часто имеет противоречивый характер. Это выражается в том, что женщины не всегда могут проявить себя и свои способности в полной мере, как в социальной, так и в семейной деятельности. Кроме того,

с развитием общества требования к воспитанию, содержанию, обучению детей постоянно растут. А значит, и растут материальные, моральные, физические траты, а с увеличением числа детей в семье происходит перераспределение не только материальных средств, но и внерабочего, свободного времени» [7, с. 27]. В результате к каким-то видам деятельности женщина вынуждена относиться почти механически, не соотнося их ни со своими глубинными потребностями, ни с традициями национальной культуры. Рецепты из журналов, которые сосредотачивают внимание только на поверхностном слое жизни, приходится как нельзя кстати, создавая иллюзию решения любых проблем достаточно простым способом. Такой подход к жизни максимально упрощает ее, так как трансформации и совершенствования не распространяются на внутреннюю суть женщины.

Однако декларируемые ценности – «сногшибательный» внешний вид, флирт и искусство соблазна, жертвенность «ради впечатления», – оказываются пустыми и бесполезными. Поэтому внутри прозрачного пленочного материала, в который заворачивается героиня спектакля, возникает гипертрофированный в своей нелепости голосоречевой рисунок. Использование микрофона, трансформирующего естественный голос Натальи Юдиной, преобразующего его в откровенно сценический, более подходящий для шоу-программы, нежели для театрального действия, усиливает комический эффект. Не менее нескладными, неуклюжими выглядят жесты, и вся ее телесная пластика. Возникает ирония, намеренно выстроенная режиссером и актрисой, что позволяет считать ценности героини псевдоценностями.

Освобождаясь от целлофанового свертка, она, напротив, выходит совершенно другая, готовая к осознанию безумной торопливости жизни и к серьезным размышлениям. На фоне иронии и насмешки рождаются ис-

кренные, исповедальные интонации. И хотя эта готовность к откровенности не перерастает в полноценный доверительный диалог со зрителем, она свидетельствует о наличии совершенно других жизненных ценностей. Через привычную повседневность, как через целлофановую пленку, пробивается неискоренимая потребность в любви и счастье. Благодаря Н. Юдиной ценности не декларируются, оставаясь в разряде красивых афоризмов. Они возникают в воображении зрителей как забытые, но вдруг отчетливо вспомнившиеся, поднятые из глубин сознания образы идеального дома, счастливой семьи.: «Мамы следили за детьми и шили... одалживали друг у друга варенье...». Актриса говорит об этом очень просто, но с такой болью в голосе, что зрителю становится понятно – те времена прошли безвозвратно. И горькое сожаление о том, что она лишь «рабочая лошадка на каторге», еще больше акцентирует простые желания героини «быть женщиной», «вырастить детей, которые станут лидерами своего поколения». Такие исповедальные высказывания носят фрагментарный характер, но неоднократно подтверждаются и усиливаются вокальным материалом – исполнением известной песни о любви.

Новый тип женственности, проявленный в героине спектакля «Целлофан», подразумевает неоднозначное сочетание ценностных ориентаций современной женщины. С одной стороны, в реальном жизненном бытии она следует новым образцам поведения, связанным с репрезентацией успехов (подчас прозрачных) во внешний мир. С другой стороны, сознанием своим она укреплена в ценностях традиционной культуры, в которой понятия любви, дома, согласия, духовности в ценностной иерархии занимают главенствующее место. Таким образом, процессы идентификации в современном российском обществе не завершены. Идентичность как результат этих процессов, находится в стадии становления, приобретая постепенно все более отчетливые черты.

Литература

1. Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. – СПб.: Университетская книга, 1998. – Т. 1. – 447 с.
2. Векленко П. В. Конструктивная идентичность: ситуационный подход // Воспитание духовности: Ценностные основы идентичности личности: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., 19–20 декабря 2007 г. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2007. – С. 101–106.
3. Русский Викисловарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wiktionary.org/wiki/>.
4. Штраус О. Л., Юдина Н. А. Пришла, сыграла, покорила // Кузбасс. – 2010. – 16 октября.
5. Glamour [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.glamour.ru/>.
6. Cosmopolitan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fppressa.ru/>.
7. Рыбцова Л. Л. Жизненные ценности женщины // Социс. – 1997. – № 10. – С. 26–30.

УДК 821.161.1Р

И. В. Шестакова

**МОНТАЖНАЯ ТЕХНИКА В ЛИТЕРАТУРНОМ СЦЕНАРИИ
В. ШУКШИНА «ЖИВЕТ ТАКОЙ ПАРЕНЬ»**

В статье выявляется связь рассказов В. Шукшина и его литературного сценария «Живет такой парень», рассматриваются принципы композиционного единства и различные приемы монтажа текста.

Ключевые слова: искусство, жанр, рассказ, сценарий, фильм, текст, композиция, монтаж.

I. V. Schestakova

**EDITING TECHNOLOGY IN THE SCHUKSHIN'S
LITERARY SCENARIO «THERE LIVES SUCH A GUY»**

The article reveals the link of Schukshins' stories and his literary scenario «There Lives Such a Guy», covers the principles of composition unity and different techniques of editing the text.

Keywords: art, genre, story, script, film, text, composition, editing.

Кинематограф с каждым годом все больше влияет на разные виды искусства, и литература не является исключением. Именно кино способствовало развитию новой области литературы, к созданию которой были причастны М. Булгаков, И. Ильф и Е. Петров, А. Толстой, В. Шукшин. Из вида литературного творчества, выполняющего по отношению к кинематографу только вспомогательную функцию, сценарий превратился в самостоятельный многожанровый литературный род.

Обычно сценарий рассматривался в идеологическом или литературоведческом плане, но есть смысл и в его искусствоведческой интерпретации. Актуальность изучения киносценария обусловлена, прежде всего, необходимостью определения принципов его текстовой организации. Такой анализ продиктован его диалектической природой: киносценарий одновременно выступает как «предтекст кинематографа и как самоценный художественный литературный текст, спо-

собный существовать в отрыве от фильма; он осознается как новый тип текста, способный выразить мироощущение современного человека, и одновременно – как наследник старших литературных родов» [1, с. 28].

Признание за сценарием статуса литературного текста не может игнорировать тот факт, что его своеобразие обусловлено ориентированностью на перевод в семиотическую систему киноискусства, что влечет за собой необходимость учета в анализе сценария динамической и визуальной природы киноискусства.

Сценарий, как предтекст кинематографа, не существует без движения. Для целостного осмысления текста как динамического феномена мы выбираем аспект, сопряженный с понятием композиция, определяющим гармонию целого текста. Композиция предстает в сценарии в своей специфической монтажной форме. Являясь одним из самых главных эстетических понятий XX в., монтаж в филологическом отношении остался почти не исследованным. Выступая не только как искусство режиссера, но и как искусство сценариста, монтаж предоставляет возможность своего изучения в тексте сценария.

Термин «монтаж» пришел из киноведения, где под этим словом подразумевается сложная технология создания кадров и, в конечном итоге, всего фильма. Однако само понятие монтажа являет собой общий универсальный принцип, охватывающий все области гуманитарного знания: кинематограф, музыкальное искусство, филологию и др. В широком смысле оно означает составление некоего целого из отдельных частей. Филологами неоднократно подчеркивалась мысль о соотношении кинематографа и художественной литературы. Сущность монтажа в художественном произведении выражается в соединении относительно самостоятельных литературных фрагментов, в специальном расчленении текста, взаиморасположе-

нии элементов его структуры. Текстовый монтаж естественно предполагает определенные смысловые связи различных частей художественного повествования. Исследователь И. Мартынова выясняет механизмы влияния кинематографа на литературное произведение. Автор вводит новый термин литературной кинематографичности: «Это характеристика текста с монтажной техникой композиции, в котором различными, но прежде всего композиционно-синтаксическими, средствами изображается динамическая ситуация наблюдения» [2, с. 9].

Сценарий фильма «Живет такой парень» был издан отдельной книгой в 1964 г. [3], но первоначально для съемок картины В. Шукшин написал литературный сценарий, который был первым опытом работы писателя в этом жанре. Существует стенограмма заседания редакционного совета киностудии имени М. Горького от 11 июня 1963 г., где обсуждался литературный сценарий фильма «Живет такой парень». Участники редакционного совета, известные кинематографисты и писатели, единодушно оценили его как «действительно редкое литературное произведение по своей талантливости, по своей правдивости, по своей оригинальности, новизне замысла» [4, с. 82]. Известный сценарист Б. А. Метальников, похвалив редкостную жизнерадостность и обаятельность героя, высказал мнение, что его «смущает не столько якобы видимая несюжетность вещи, сколько некоторая статичность характера героя», что является противопоказанным для сценария [4, с. 72]. В. П. Рослякова, напротив, привлекает «свобода, естественный ход событий» [4, с. 73]. Писатель А. И. Приставкин, отметив интересную композицию сценария, когда бесконечное множество правдивых сцен «хорошо нанизываются на характер Пашки с его великопной чистотой», прозорливо представляет жизненный и точный второй план фильма: «самобытную, характерную обстановку края,

где автор родился» [4, с. 77]. Редакторы единодушно советовали автору при дальнейшей разработке сценария подробнее прописать какие-то мелочи, детали второго плана. Это касается сцены знакомства с Настей, и «тогда сны и представления будут выглядеть не вставным номером» [4, с. 72]. В целом, редколлегия одобрила сценарий и рекомендовала его запустить в кинопроизводство.

К тому времени у В. Шукшина уже был опыт работы в кино: он снял свою дипломную картину «Из Лебяжьего сообщают» (1960), где выступил одновременно и сценаристом, и режиссером, и актером. Успешный первый студенческий опыт стал основанием для дебюта картины «Живет такой парень» на киностудии им. М. Горького. Он знал технологию постановки фильма и придал своему сценарию настоящую профессиональную форму.

В основу литературного сценария «Живет такой парень» легли рассказы В. Шукшина «Гринька Малюгин» и «Классный водитель» (1963), в которых проявилась характерная для писателя «сценарная техника» повествования. Сценичность его рассказов общеизвестна. Диалогичность, лаконизм характеристик, динамическое повествование, игровое начало в прозе писателя стали предметом пристального изучения в работах Л. Т. Бодровой, С. М. Козловой, О. Г. Левашовой, И. И. Плехановой и других шукшиноведов. Да и сам В. Шукшин в письме редактору Алтайского радио разрешил инсценировку рассказа «Гринька Малюгин», заметив, что особенной «переделки не потребует, так как рассказ близок к сценарию» [5, с. 171].

В литературный сценарий из рассказа «Гринька Малюгин» вошли два значительно сокращенных эпизода, *опущена* первая часть, содержащая развернутое статическое описание характера и образа жизни героя, выброшены некоторые второстепенные персонажи с их диалогами, чтобы сконцентрировать все

внимание на главном герое – Пашке Колокольникове – и его подвиге. Эпизод «Пожар на бензохранилище» предваряется короткой сценой (на хмелесовхозе), затем – монтажный стык с эпизодом совершения подвига, который заканчивается словами: «Машина летела по дороге, ревела... Горячие бочки грохотали в кузове, Пашка закусил до крови губу, почти лег на штурвал...» [6, с. 253]. Затем вновь – монтажный стык, соответствующий законам кинематографа, и введен эпизод «Больница»: «В палате, куда попал Пашка, лежало еще человек семь. Большинство лежало, задрал кверху загипсованные ноги. Пашка тоже лежал, задрал кверху левую ногу. Около него сидел тот самый человек с нефтебазы, который предлагал брезентом погасить пламя» [6, с. 254]. Как справедливо отмечает С. М. Козлова, «в повествовании обнажены монтажные стыки, присутствуют специфические кинематографические ремарки, пояснительные пометки – как-то: выделение крупным планом мимики актера, его жеста или какой-либо иной детали, непрерывность действия, монтажное построение диалогов, указание на звучащий за кадром голос, лаконичные описания кадров» [6, с. 117]. В сценарии В. Шукшин часто использует малые абзацы и отбивку, чтобы разделить разные сцены и эпизоды. Но при этом он стремится сохранить литературную стилистику рассказа, которая выражается в описании пейзажа, развернутых диалогах.

В рассказе «Гринька Малюгин» буквально в нескольких предложениях описывается сон Гриньки в больнице, когда он танцевал ритмический вальс и был разбужен матерью. В сценарии онейрический эпизод с воображаемой картиной выделен особо, *расширен* и переосмыслен. В этом сне он представляет себя генералом, который посещает в больницы палате женщин: Катю Лизунову, корреспондентку, Машу-птичницу, городскую женщину, женщину с нефтебазы и даже тетку

Анисью. На его вопрос «Что болит?» каждая из них отвечает: «Сердце». Сон постоянно перебивается явью. После сна вместо разговора с матерью автор решил по совету члена редакционного совета С. А. Герасимова дать возможность Пашке побеседовать с умным человеком – учителем – о простом человеческом счастье. Как показывает анализ, В. Шукшин в сценарии значительно *удлиняет и расширяет эпизоды*, взятые из его же рассказов.

Композиция рассказа «Классный водитель» тоже как бы состоит из эпизодов, выделенных самим автором пробельной строкой. Почти все эпизоды рассказа *сохранены* и вошли в литературный сценарий фильма.

В сценарии также прослеживается принцип *замещения*: вместо сцены в кино из рассказа «Классный водитель» автор дает развернутую сцену демонстрации мод; вместо сцены, когда Пашка подвозит двух юных влюбленных, – эпизод с городской женщиной и ее мужем. Этот же принцип В. Шукшин использует в рассказе «Гринька Малюгин» в сцене с матерью и белобрысым больным, которая заменена на сцену с учителем. Он понимал, что появление матери, которая столь большую роль играла в жизни самого писателя, не может быть эпизодическим. Эпизод «В больнице», когда диалоги ведут только одни больные, оказывается гораздо более органичным.

Узелки драматических коллизий двух рассказов «Классный водитель» и «Гринька Малюгин» составили сюжет литературного сценария фильма. Гринька Малюгин и Пашка Холманский, начинающие длинный ряд «странных людей», в сценарии сливаются в одном герое. Объединяя в Пашке Колокольникове два разных характера, В. Шукшин отдает предпочтение «классному водителю» Пашке Холманскому, сохраняя его имя, яркую внешность, веселый, открытый душевный склад, жизнелюбие, фатовство и самодовольство. От Гриньки Малюгина в новом

герое остались бездумно-отчаянное подвижничество в сцене пожара на нефтебазе и бесхитростно-наивная бравада в больнице.

Тяготея к форме рассказа, В. Шукшин стремится к точному плану сценической постановки, в которой будут совмещены задачи связного изложения фабулы и постановочного сценария. Его сюжет строится по хроникально-эпизодическому принципу, объединившему рассказы в одно целое, но при этом сценарист всегда помнит, что этот материал должен иметь внутреннюю логическую связь, тематическое единство, отвечающее идее произведения.

В. Шукшин при написании сценария фильма «Живет такой парень» еще не совсем осознавал разницу законов кинематографа и литературы, пытаясь синтезировать средства и принципы самого массового вида искусства и искусство слова. Тем не менее, он использовал приемы и средства организации сценарного текста, обеспечивающие его динамичность, зримость. Спецификой кинематографа обусловлен композиционный принцип монтажа эпизодов. Владение принципом монтажа текстового материала дает автору неисчерпаемые возможности создавать яркие экспрессивные эффекты. Показательна сцена фантазий Пашки, когда «волшебством кинематографа высокая Катькина кровать сменяется низкой тахтой, срываются со стен вышивки и заменяются репродукциями картин больших мастеров, исчезают слоники... <...> А в комнате Катьки Лизуновой (по команде женщины, под ее голос) продолжают происходить чудесные преобразования...» [6, с. 239]. В сценарии достаточно бегло описана сцена красивой жизни, когда герой видит себя во фраке и цилиндре, с тросточкой и сигарой, а вместо Катьки появляется какая-то француженка. Именно визуальные возможности кинематографа подскажут Шукшину-режиссеру обогатить этот эпизод различными деталями в самом фильме.

По мнению исследователя С. М. Козловой, сценарист использует *вертикальный монтаж* – «в сцене преобразования комнаты Кати Лизуновой в сознании Пашки», *интеллектуальный монтаж* – «движение машины – покой палаты, сон – реальность», *обертонный монтаж* – «сцена, в которой старуха-хозяйка рассказывает Пашке сказку про женщину-смерть, заказавшую шоферу белый саван, монтируется со сном героя, где он видит Настю Платонову тоже в белом» [7, с. 119, 120].

В. Шукшин также использует приемы *параллельного монтажа*, когда чередуются фрагменты сцен с одновременно происходящими в разных местах событиями. Это позволяет подчеркнуть их взаимосвязь, противопоставить героев и явления, сделать анализ событий, то есть отделить причину от следствия. С помощью этого приема значительно сокращается общая длительность эпизодов, а сюжет становится динамичнее, так как появляется возможность исключить рутинные и малоинтересные сцены, не вызывая скачков в развитии действия. Так, сцена ссоры Насти и жениха монтируется с задумчивым обликом Пашки, который решил похитить невесту: «А в это время в ночной библиотеке ссорились Настя с Геней.

– Генка, это же так все смешно, – пыталась урезонить Настя жениха.

– А мне не смешно, – упорствовал тот. – Мне больно. За тебя больно...

– Неужели ты серьезно думаешь, что...

– Думаю, потому что – вижу! Если ты можешь с первым встречным...

– Перестань! – оборвала его Настя.

– А почему «перестань»? Если ты можешь...

– Перестань!! – опять властно сказала Настя.

Стоит Пашка у окна, о чем-то крепко думает. И вдруг сорвался с места и пошел вон из комнаты, пропел свое любимое:

“И за борт ее бросает

В набега-авшую волну...”

Хлопнула дверь.

Гена тоже сорвался с места и без слов пошел вон из библиотеки.

Хлопнула дверь.

Настя осталась одна. Горько ей.

Была сырая темная ночь. Недавно прошел хороший дождь, отовсюду капало. Лаяли собаки. Тарахтел движок. <...> Пашка завел машину и выехал со двора» [6, с. 235, 236].

В рассказе «Классный водитель» этот эпизод обрисован более подробно с указанием места действия, психологических характеристик героев, их внутренних монологов, каких-либо деталей. В сценарии эпизод «Похищение невесты» выглядит более кратко и лаконично. После пощечины изъята длинная сцена с философствованиями Пашки и горькими словами Насти об эгоизме жениха, который собирается уехать, сокращена сцена воссоединения влюбленных. Далее в сценарии следует вставка о посещении Катуня, которой решил пожаловаться главный герой, и кинематографическая ремарка: «Шумит, кипит в камнях река... Слушает Пашку, понимает и несется дальше... <...> Утро ударило звонкое, синее. Земля умылась ночным дождиком, дышала всей грудью» [6, с. 238]. И вновь в повествовании обнажен монтажный стык со следующим эпизодом «Городская попутчица», которого не было в рассказе.

Будучи режиссером, В. Шукшин при создании литературного сценария записывает в качестве действий только то, что он представляет себе в виде конкретного куска времени, которое он потом зафиксировал на кинопленку. Прорабатывая сюжет сценария, он его разбивает на куски, соответствующие частям, каждая часть разрабатывается по эпизодам, эпизод по сценам, и, наконец, сцена строится монтажно из кусков, снятых с разных точек зрения. Хотя автор и не разбивает сценарий на кадры, не делает техно-

логических разбивок на объекты съемки, он строит все действие таким образом, чтобы оно состояло из отдельных эпизодов, от столкновения которых возникает определенный художественный эффект.

Самыми разнообразными приемами монтажа он сопоставляет, отбирает наиболее важные элементы действия, сталкивает между собой контрастирующие по построению эпизоды, оперирует временем и пространством, создает кульминационные моменты. Художественные возможности монтажа текста, его необычность, соединение разных временных и пространственных пластов создают особую его поэтику. В результате этого у читателя возникает свой образ – в зависимости от интеллектуального, эмоционального, жизненного запаса, а также от индивидуальной способности к образному восприятию.

Можно ли говорить о литературном сценарии В. Шукшина как сценарии, предназначенном к постановке? Конечно, можно. Он стремится к полноте и конкретности кинодраматургической формы, приближаясь к постановочному сценарию. В. Шукшин учитывает раскадровку, чтобы при превращении в постановочный сценарий оставалось только уточнить его монтаж-кадровку (применительно к декорации, режиссерской трактовке тех или иных мизансцен, техническим приемам съемки) и снабдить его всеми необходимыми техническими ремарками. Более того, настоящая кинематографическая кадровка-монтаж (последовательность включения материала, его движение) скрыта в сплошном тексте с обычным делением его на абзацы, разделенные пробельной строкой.

Все эти художественные приемы, которые привносят в повествование жанровое своеобразие и новизну, мыслятся как преднамеренный способ использования кинематографических средств в целях достижения выразительного эффекта. С другой стороны, доминирование установок на зрелищность

над повествовательными принципами в сценарии привело к упрощению структуры характера главного героя, «омассовлению», социальной типажности его образа, что обусловило его рецепцию в критике как комедийного простака. В «Послесловии» к фильму «Живет такой парень» В. Шукшин вынужден был защищать своего героя, развертывая его психологическую характеристику: «Это добрый, отзывчивый парень, умный, думающий, но несколько стихийного образа жизни. Он не продумывает заранее, наперед свои поступки, но так складывается в его жизни, что все, что он имеет, знает, успел узнать, он готов отдать людям. И еще: он не лишен юмора и всегда готов выкинуть какую-нибудь веселую штуку – тоже от доброго сердца, потому что смех людям необходим. И все равно он не комедийный персонаж» [8, с. 10]. Впоследствии, обращаясь к жанру киноповести, автор будет стремиться к более гармоничному взаимодействию кинематографических и литературных принципов в художественной разработке характеров.

Литературный сценарий «Живет такой парень» стал новым самобытным произведением, в котором В. Шукшин продемонстрировал владение приемами синтеза двух видов искусств – литературы и кинематографа. Анализ взаимоотношений рассказов и сценария, предназначенного для постановки, показал, что оба вида искусства отвечали запросам времени. Не только кино нуждалось в поддержке старшего вида искусства, литературы, но и литература видела в кинематографе выражение «духа времени». Поэтика кино стимулировала развитие, усложнение приемов и средств организации текста сценария. Автор использует наиболее очевидный способ обработки текста рассказов – их дословное сохранение. Самым распространенным видом преобразований текста рассказов в сценарий является опущение, обусловленное суровой необходимостью сократить литературный текст до стандартного двухчасового фильма.

В основном опущения касаются авторского текста, в котором описываются герои, их действия и поступки, а также окружающая их обстановка. По своей природе кино позволяет избежать описания сцены, которую можно изобразить. В рамках преобразования текста сценарист добавляет новые эпизоды. Кроме того, при преобразовании текста рассказов происходят самые различные их перестановки. Помимо сохранений, опущений, добавлений и перестановок встречаются замещения некоторых сцен.

Таким образом, литературный сценарий имеет право называться новым художественным текстом, в котором активно используются композиционно-монтажные приемы. В данном тексте передается мировосприятие писателя, во многом опосредованного его опытом киновосприятия. Именно под влиянием сценария формируется особый тип литературного произведения, занимающего промежуточное положение между прозой и собственно сценарием – киноповесть В. Шукшина.

Литература

1. Каган М. Морфология искусства. – М., 1972. – 441 с.
2. Мартыанова И. А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности. – СПб.: САГА, 2002. – 236 с.
3. Живет такой парень: Киносценарий. – М.: Искусство, 1964. – 74 с.
4. В. Шукшин. Жизнь в кино: сб. документов / сост. И. А. Коротков, Е. В. Огнева, В. И. Фомин. – Барнаул: ГМИЛИКА, ОАО «Алтайский дом печати», 2009. – 352 с.
5. Козлова С. М. Поэтика рассказов В. М. Шукшина. – Барнаул: АГУ, 1992. – 184 с.
6. Шукшин В. М. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. О. Г. Левашовой. Т. 1: Рассказы 1958–1964. Полевая кампания. Живет такой парень / под ред. О. А. Скубач. – Барнаул: ООО «Издательский дом “Барнаул”», 2009. – 368 с.
7. Шукшинская энциклопедия / под общ. ред. С. М. Козловой. – Барнаул: ООО «Издательский дом “Барнаул”», 2011. – 520 с.
8. Шукшин В. М. Собр. соч.: в 8 т./ под общ. ред. О. Г. Левашовой. Т. 8: Публицистика. Статьи. Интервью. Беседы. Выступления. Письма. Рабочие записи. Автографы. Документы. Стихотворения / под ред. Д. В. Марьина. – Барнаул: ООО «Издательский дом “Барнаул”», 2009. – 536 с.

УДК 78

С. Г. Аршакян

ГРАНИ ТВОРЧЕСТВА АРНО БАБАДЖАНЯНА

В данной статье автор обращается к творчеству гениального композитора армянской и мировой культуры, рассказывая об уникальности его творческого пути для советской музыкальной культуры. Читателям представлены интересные факты из его жизни и во время учебы в Московской консерватории. Рассказывается о самых ярких произведениях в его творчестве, опираясь на собственный исполнительский опыт. Данная статья может пробудить новую волну интереса к творчеству замечательного композитора XX в.

Ключевые слова: композитор Арно Бабаджанян, фортепианное творчество, сочинения «Шесть картин» и «Героическая баллада».

*S. G. Arshakyan***FACETS OF CREATIVITY OF ARNO BABADJANYAN**

In this article the author turns to the creativity of a genius composer of Armenian and world culture, telling about the uniqueness of his career for the Soviet musical culture. Author presents to readers interesting facts of his life at the time of studying at the Moscow Conservatory. It tells about the most striking works of his creativity, drawing on the performing experience. This article may awaken a new wave of interest to creativity of a remarkable composer of the 20th Century.

Keywords: composer Arno Babadjanyan, piano creativity, musical works «Six pictures» and «Heroic Ballad».

В 2011 г. состоялось знаменательное событие в музыкальной жизни исполнителей и слушателей бывшего советского пространства – 90-летие со дня рождения Арно Арутюновича Бабаджаняна. Творчество самобытного мастера близко и дорого не только его современникам, но и творческой молодежи. Вот уже почти 30 лет после смерти композитора его песни звучат с концертной эстрады также регулярно, как и при жизни. О Бабаджаняне напоминают и фильмы, к которым он сочинял музыку, вновь и вновь выходят диски с записями произведений Арно. Невольно задаешься риторическим вопросом: а что же способствует тому, что явление Арно Бабаджаняна оказалось столь жизненным? Ответ кроется в своеобразии творческого пути Бабаджаняна, его уникальности для советской музыкальной культуры.

В композицию Бабаджанян пришел уже абсолютно сложившимся музыкантом, причем музыкантом исполнительского профиля. Будучи выдающимся пианистом, учеником К. Н. Игумнова, Арно с юных лет проявлял свой удивительный дар столь оригинально и образно, что приводил в восхищение своих коллег и учителей. О юношеских годах Арно вспоминал с любовью, с подчеркнутым пиететом и уважением к своему учителю – выдающемуся педагогу К. Н. Игумнову, а также с теплыми словами в адрес своих соучеников его класса – Г. Н. Рождественскому, Я. Флиеру.

Уже в консерваторские годы Арно оказался достаточно смелым музыкантом, чтобы неоднократно бросать вызов публике. Он в совершенстве овладел искусством сценического перевоплощения, и его манера – всегда принимать самостоятельные, смелые и независимые решения – будет в дальнейшем сопровождать его всю жизнь. Памятна история с окончанием Московской консерватории – юный Арно позволил себе неслыханную дерзость по отношению к такой строгой и даже «страшной» институции, какой была государственная комиссия. Курьезность и гениальность произошедшего состояла в том, что Бабаджанян ее попросту... разыграл! Арно не успел выучить одно из сочинений Скрябина и сыграл собственную пьесу, написанную «под Скрябина», но с таким мастер-

ством, что ее невозможно было отличить от оригинала. Комиссия не сразу поняла, что ее разыграли – дело дошло до живого обсуждения этого «скрябинского» опуса. Однако никто не мог вспомнить, откуда он, когда же Арно сыграл свой «Фокстрот», А. Гольденвейзер демонстративно покинул зал – он не мог перенести подобных «оскорблений» в виде исполнения фокстрота на академической сцене консерватории. Конечно, когда обман раскрылся, был грандиозный скандал и Московская консерватория оказалась закрыта для молодого музыканта, желающего поступать в аспирантуру. И Арно уехал в Ленинград продолжать свое обучение. Так, волею судеб он оказался в ленинградской культурной среде, что благодатно поспособствовало раскрытию его композиторского таланта.

Начавшийся композиторский период сразу становится бурным, Арно сочиняет в основном инструментальную музыку – фортепианные произведения, камерно-инструментальные опусы. Начиная как лирик, он раскрывает свой огромный композиторский талант, образность и масштаб мышления, который отчасти виден уже в фортепианном трио, скрипичном концерте и скрипичной сонате, третьем квартете, «Полифонической сонате».

Вскоре, однако, Арно возвращается в Москву. В этот период жизни с Бабаджаняном происходит большое несчастье: во время операции в Париже, он получает передозировку анестезии. Это приводит к чудовищным последствиям для Бабаджаняна-артиста: у него появляется фобия – музыкант боится выходить на концертную эстраду. С этим недугом он потом боролся всю жизнь, так и не сумев преодолеть его до конца. И все же играл Арно зачастую просто гениально – многие люди подходили к его коттеджу в Доме творчества композиторов в Дилижане, в котором он подолгу жил и работал, и слушали в его исполнении произведения Шопена, Бетховена, а также собственные сочинения. Все слушатели знали: главное, чтобы Бабаджанян не увидел, что его слушают. Потому что как только композитор начинал это замечать, музицирование прерывалось. С годами творческий путь Арно Арутюновича все более поворачивается в сторону композиции и начинается поистине настоящее открытие самого себя.

Первым знаковым произведением в творчестве Арно Бабаджаняна, ставшим и одной из вершин советской музыки конца 40-х годов, была «Героическая баллада» для фортепиано с оркестром, удостоенная Государственной премии СССР в 1950 г. Сам автор вывел в подзаголовок название «Симфонические вариации», что полностью оправдывает и масштаб работы, и его подлинную народную духовную глубину и философию.

Говоря о «Балладе» нужно отметить, что композитор искусно использует психологическую выразительность малообъемной темы, украшенной различного рода мелизмами, секундовыми опеваниями. В мелодии угадывается генетическая связь, как с армянскими народными лирическими песнями, так

и с некоторыми девичьими лирическими хорами Спендиарова и Комитаса.

В пяти вариациях предстают разные жанровые грани исходного образа – это и вихревой вальс, и погребальное шествия, и темпераментный танец и пр. В жанровых метаморфозах отчетливо проступает связь музыки Арно с классическими традициями, со стилем и пианизмом Рахманинова, ярким интерпретатором которого был Бабаджанян.

Кроме того, индивидуальность симфонической драматургии «Героической баллады» во многом определяется и значительной ролью импровизационного начала, присущего ей. В музыке Бабаджаняна оно стимулировалось сразу двумя источниками: принципами народного исполнительства и большим опытом композитора к эстрадной музыке, которой Арно уделял большое значение и большую любовь.

Как часто бывало у Арно, используя какую-либо глубоко личную для себя тему, он не излагал ее прямолинейно, а преподносил слушателям ее художественно-обобщенно, суммируя всю ту сложнейшую палитру чувств и мыслей, владеющих его сознанием. Музыкальный язык баллады поражает глубиной и изобретательностью, мастер вкладывает всю душу в максимальное воплощение своего образа – образа бедствий войны и удивительного человеческого героизма, идеи победы над смертью, победы Духа человека.

Вообще история развития творческого языка, мысли Арно Бабаджаняна очень интересна и оригинальна. В каждом периоде его богатейшей творческой биографии она проявляется совершенно в различных областях. Если эпического Бабаджаняна в полной мере преподносит «Героическая баллада», то открытие «современного» композитора Бабаджаняна, бесспорно, состоялось в «Шести картинах». Созданный в 1965 г., этот фор-

тепианный цикл произвел в свое время эффект разорвавшейся бомбы – в очередной раз Арно сумел бросить вызов, теперь уже советской музыкальной общественности, создав блестящий фортепианный цикл в додекафонной системе композиции. Додекафонию, как известно, в те годы иначе как «тлетворным западным влиянием» не именовали. Тем неожиданнее было услышать такое произведение от любимца советской публики, выдающегося Арно – автора песен «Лучший город Земли» или «Не спеши».

«Шесть картин» – сочинение, ставшее знаковым для целого поколения советских композиторов, стимулировавшее молодежь тех лет к активному творческому поиску (В. Шуть, А. Вустин, В. Екимовский, С. Павленко и др.). Думается, что это произведение стало своего рода проявлением гражданского подвига композитора Бабаджаняна по отношению и к своей профессии, и к коллегам – ведь важно именно то, что человек, чье творчество и чья деятельность были уже в центре общенационального внимания, решился на такой эксперимент. Это, разумеется, сразу вызвало неподдельный интерес к его работе, автор такого уровня популярности не мог остаться незамеченным советским обществом. Однако надо помнить, что само время создания этой работы, несмотря на «оттепель» хрущевской эпохи было крайне жестким в оценке творчества советских авторов – социалистический реализм господствовал в умах и в подходах к оценке того или иного опуса, а любая додекафония, как и любое привнесенное извне явление, воспринималось официальными властями крайне негативно. Не избежала сей участи и работа Бабаджаняна – «Шесть картин». Справедливости ради следует отметить, что работа была принята далеко не всеми. Значение же ее для развития молодой советской музыки было

огромным: пример Бабаджаняна сподвигнул многих авторов молодого тогда поколения на эксперименты и поиски, на дальнейшее раскрытие себя, развитие композиторских техник. К тому же уникален и сам метод работы Арно в «Шести картинах» – этот симбиоз архаического народного армянского музыкального материала и строгой западноевропейской двенадцатитоновой системы. В этом смысле очень интересным выглядит сочетание классического и современного в «Шести картинах». Рассмотрим подробнее.

В свое время известный музыковед М. Г. Арановский в работе «Симфонические искания» выдвинул несколько постулатов-определений законов жанра и способов работы с ними. Он говорил, что есть:

1. Канон жанра (приводя в пример таких авторов, как Ю. А. Шапорин и его оперу «Декабристы»). Эта опера никак не привязана к XX в. – не по музыкальному языку, не по форме. Ю. А. Шапорин создал большую русскую историко-героическую оперу, строго придерживаясь канона.

2. «Обновление в рамках канона».

Это ситуация, при которой, допустим, меняется форма, но сохраняется язык жанра, или же, сохраняется форма, но происходит значительное обновление в смысле языка. Обновляется инструментовка, но сохраняется ритмическая стереотипность и пр.

3. «Вне канона». Когда меняется и форма, и содержание произведения в каком-либо жанре.

У Арно в «Шести картинах», если следовать этой схеме складывается второй постулат: сохраняя строгость форм, конкретику танцевальных построений, сюитность, в корне меняется музыкальный язык – соединение архаического национального мелодического начала с серийной техникой письма. «Шесть картин» раскрывают перед нами еще

одну очень важную проблему – принцип оркестровости звучания фортепиано. Бабаджанян использует здесь всю возможность инструмента, преодолевая природу инструментальности как таковой: сам принцип изложения фактуры здесь оркестровый, призванный максимально задействовать и мощь звучания, и регистры инструмента. Начисто отсутствует какой-либо «камерный» подход к этой проблеме. Будучи виртуозным музыкантом, Арно использует фортепиано по максимуму. Таким образом, главные проблемы, которые ставят перед нами «Шесть картин» – это новые подходы к работе с музыкальным материалом, создание уникальной музыкальной ткани путем совмещения национального мелодического и ритмического начала с европейской системой и преодоление пианизма оркестровостью подачи инструмента. Все это во многом сделало «Шесть картин» произведением, пережившим время.

Кстати о времени... Прошло почти 50 лет с момента создания «Шести картин». Достаточный срок, чтобы понять истинную ценность произведения в контексте времени, а также ответить на вопрос: актуальны ли сейчас «Шесть картин» Арно Бабаджаняна? Ведь новое поколение музыкантов воспитано на совершенно иных принципах и идеях. Сменилась страна, система, сама жизнь стала совершенно иной.

Что может сказать поколение «next» о «Шести картинах» Арно Бабаджаняна? Живет ли произведение в сознании творческой молодежи? Вопрос риторический, однако, можно смело ответить: «Шесть картин» не потеряли своей актуальности. Вот лишь несколько высказываний молодых студентов о «Шести картинах» Бабаджаняна:

«“Шесть картин” – моя любимая работа для фортепиано, всякий раз стараюсь исполнить ее» (студент Московской госу-

дарственной консерватории им. П. И. Чайковского, Москва).

«Фортепианный цикл Арно – уникальное произведение. В нем композитор создал подлинную картину Великой культуры Армении. Играю, играл и буду играть это произведение» (Нижегородская государственная консерватория им. Глинки, Нижний Новгород).

«Меня больше всего заражает та удивительная магия красоты, которая создается Арно в “Шести картинах”» (Санкт-Петербургская консерватория им. Римского-Корсакова, Петербург).

Так в чем же секрет сценического долголетия «Шести картин»?

Возможно, один из важных факторов этого успеха кроется в том уникальном сочетании неординарных композиторских решений, подлинной народности и технической виртуозности, которые цикл из себя представляет. Также «Шесть картин» по сути являются универсальным концертным номером. Кроме того, интерес к армянскому культурному наследию увеличивается, все больше молодых людей в России начинают вновь интересоваться истоками музыкальной культуры – и фольклор в их сознании начинает занимать очень важную и совершенно иную, нежели у советского поколения музыкантов роль. Арно Бабаджанян является до глубины души подлинно национальным композитором, каким он себя собственно и ощущал. Когда-то он сказал про себя: «Я же говорю по-русски с армянским акцентом, так же и в музыке. И этого уже ничем не изменить».

«Шесть картин» помимо всех рассмотренных нами достоинств, содержат еще один немаловажный фактор, способствующий интересу и удачной жизни этого произведения у исполнителя: цикл формирует совершенно особый подход к развитию и принципам звукоизвлечения на фортепиано, ставит со-

вершенно иные задачи, нежели классический пианистический репертуар, а от того интересен молодому поколению.

Вспоминая творчество Арно, мы не можем пройти мимо еще одного, важнейшего направления его искусства. Бабаджанян в памяти миллионов людей остался как непревзойденный мастер песенного жанра. Его песни – столь теплые и родные каждому советскому человеку – это и душевная исповедь, как, например, в «Ноктюрне», и бьющая жизненной энергией песня «Лучший город...». Интересно, что даже в этом жанре Бабаджанян шел своим путем, все теми же «вызовами» современникам. Ставшая народным хитом песня «Лучший город Земли» – это первый советский твист, причем созданный как раз во время наиболее острых советско-американских противоречий. Бабаджанян-композитор всегда очень трепетно и как-то по-особому относился к своей славе, он твердо подчеркивал, что в его творчестве песенное и «серьезное» академическое искусство идут рука об руку, дополняя друг друга, не в ущерб одно другому. Анализируя историю мировой музыки, мы часто находим подобные аналогии и в творчестве многих классиков. И. С. Бах, создавая свои бессмертные творения, те же «Страсти...» был автором «Кофейной кантаты». Н. Я. Мясковскому, по поводу его Шестнадцатой симфонии, С. С. Прокофьев писал: «Какой Вы гениальный композитор, Вы не залезаете в гроб умерших композиторов за вчерашним материалом, не перемигиваетесь с публикой». Бабаджанян никогда не «перемигивался» с публикой. Он свято служил искусству, и как итог его удивительно романтической и лирической натуры, как его лейттема звучит перед нами и теперь его знаменитый «Ноктюрн» – сочинение, пережившее время и никого не оставляющее равнодушным.

А. Е. Клименко

**МУЗЫКА ДЛЯ АНСАМБЛЯ ДУХОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ
В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII И В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А. АЛЯБЬЕВА)**

В рамках данной статьи предпринята попытка определить хронологические границы периода формирования музыки для ансамбля духовых инструментов как сферы профессионального композиторского творчества в России, выявить факторы, повлиявшие на ее становление, а также охарактеризовать особенности музыки для ансамбля духовых инструментов в творчестве А. Алябьева.

Ключевые слова: ансамбль духовых инструментов, гармоническая музыка, музыкально-концертная жизнь России, музыкальные журналы, Квintет для флейты, гобоя, кларнета и валторны до минор А. Алябьева, Квартет для четырех флейт А. Алябьева.

А. Е. Klimenko

**MUSIC OF THE WIND INSTRUMENTS ENSEMBLE AT THE END
OF XVIII AND IN THE FIRST THIRD OF XIX CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF A. ALYABIEV'S CREATIVE WORK)**

This article makes an attempt to determine the chronological boundaries of the formative period of music for an ensemble of wind instruments like the scope of professional composers' works in Russia, to identify factors affecting its formation, as well as features to characterize music for an ensemble of wind instruments in creative works of A. Alyabiev.

Keywords: ensemble of wind instruments, harmonious music, musical concert life of Russia, musical magazines, the Quintet for a flute, oboe, clarinet, and French horn dominor, and the Quartet for 4 flutes by A. Alyabiev.

Пути формирования профессионального композиторского творчества для ансамбля духовых инструментов в России отличаются от аналогичных процессов в западноевропейской музыке, которая, в частности, за период XVII–XVIII в. накопила достаточный опыт. Очевидно, что на Западе к этому времени уже сложилась устойчивая жанровая система, определились типичные духовые составы (гармоническая музыка [1, 8]², классический

духовой квинтет), было создано большое количество сочинений. Иная ситуация складывается в России.

Первые сочинения для ансамбля духовых инструментов, принадлежащие перу профессиональных русских композиторов, появляются в конце XVIII в. Однако их количество единично. В 1790 г. написана Концертная симфония В-dur для двух скрипок, виолы да гамба, виолончели, фагота, арфы

² В такой ансамбль могли входить 6–8 духовых инструментов. Традиционно гармоническая музыка состояла из 2–3 пар деревянных инструментов с двумя валторнами. Состав мог варьироваться и не включать какие-либо деревянные инструменты – флейты, кларнеты или гобои.

Однако практически во всех ансамблях, кроме валторн обязательно присутствуют фаготы. Иногда в ансамбль парного состава могли входить трубы, литавры, серпент, тромбон. Примеры музыки для гармонии автор изучал на основе Юсуповской музыкальной коллекции.

и pianoorganize³ Д. С. Бортнянского. Ранняя венская симфония, которая представлена в творчестве Монна, Рейтера, Вагензейля, отличается (как указывает Т. Ливанова) гораздо меньшей зрелостью и меньшей художественной ценностью, нежели симфония Бортнянского [4, с. 333].

Им же была сделана аранжировка 8 номеров из его оперы «Сокол» для секстета духовых инструментов (2 кларнета, 2 валторны и 2 фагота). Создание этого ансамбля свидетельствует об усвоении привнесенной западноевропейскими композиторами традиции. Подобный (парный) состав был наиболее популярен у композиторов XVIII в. Можно назвать множество таких сочинений. Для подобного ансамбля, например, были написаны известные дивертисменты Д. Паизиелло (1740–1816), композитора наиболее почитаемого при российском дворе. Вероятнее всего предположить, что Д. Бортнянский был знаком с сочинениями итальянского мастера, ибо после отъезда Д. Паизиелло должность придворного композитора занял именно он.

Следующее сочинение русского композитора для ансамбля духовых инструментов появится лишь несколько десятилетий спустя у А. Алябьева. Это Квартет для четырех флейт, написанный в 1827 г. Затем около 1830 г. будет создан Квintет для флейты, гобоя, кларнета, фагота и валторны. После А. Алябьева к жанровой сфере музыки для духового ансамбля обратились многие русские композиторы XIX в. Назовем произведения М. Глинки – Септет для двух скрипок, виолончели, контрабаса, гобоя, фагота и валторны (1823), Серенада (септет) на мотивы из оперы Г. Доницетти «Анна Болейн» для фортепиано, арфы, альты, виолончели, контрабаса, фагота и валторны, «Патетическое трио» для кларнета, фагота и фортепиано (1832); А. Рубинштейна – Октет для скрипки, альты, виолончели, контрабаса,

флейты, кларнета, валторны и фортепиано (1854), Квintет для флейты, кларнета, фагота, валторны и фортепиано (1855); М. Балакирева – Октет для скрипки, альты, виолончели, контрабаса, флейты, гобоя, валторны и фортепиано (1856); С. Танеева – Анданте для парного состава флейт, гобоев, кларнетов, фаготов, валторн; Н. Римского-Корсакова – Квintет для флейты, кларнета, фагота, валторны и фортепиано (1876), Ноктюрн для четырех валторн (1888).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что начальный этап формирования жанровой сферы музыки для ансамбля духовых инструментов в творчестве профессиональных композиторов России приходится на конец XVIII и в первую треть XIX в.

Существенно, что распространение ансамблевой духовой музыки в этот период происходит под влиянием иностранных музыкантов, которые принимают активное участие в музыкальной жизни России. Об этом свидетельствуют концертные афиши. В 70–80 гг. XVIII в. на них встречаются лишь иностранные имена. В то время в Москве и Петербурге давали свои концерты: кларнетисты – А. Штадлер, Борер⁴, К. Манштейн, Б. Крузель, Й. Бер, флейтисты – братья Турнеры, певица и флейтистка Ю. Кательди, флейтист Х. Гартман, слепой флейтист Дюлон, валторнисты – братья Бек, Бахман, Леар, Опиц, Полак, Кноблаух, фаготисты – композитор, автор комической оперы «Сбитенщик» Ж. Булландт, Пулло, Фридрих, гобоисты – Мей, Гарентон и Тимлер, Шарендон, исполнитель на виоле да гамба и гобое – Й. Фиала. Нам известны имена и некоторых отечественных музыкантов-духовиков, но они играли в основном в придворных оркестрах. Это флейтисты – Петр Осипов, Егор Васильев, Василий Михайлов, Данила Калашников, Егор Каратыгин, Илья Завьялов, Ефим Лучанский, Василий

³ Разновидность фортепиано с органными регистрами.

⁴ В имеющихся в нашем распоряжении источниках, у ряда фамилий отсутствуют инициалы.

Михайлов, Иван Петров, Матвей Степанов, гобоисты – Дмитрий Соболев, Иван Новоминский, Федор Масальский, Иван Иванов, Филипп Басов, Иван Капнин, Степан Рожевский, Александр Семенов, Федор Тануйлов, Михаил Чириков, кларнетисты – Федор Ладунка, Осип Васильев, Федор Ешкин, Андрей Коломбус, Иван Зайцев, Петр Камчатников, Алексей Пантюхин, Иван Семионов, фаготисты – Алексей Хлебников, Алексей Дунаев, Михаил Колосов, Василий Максимов, Федор Реунов, валторнисты – Бобровский, Алексей Ешкин, Дмитрий Федоров, Осип Дехтерев, Василий Карцов, Антон Давыдов, Яков Елисеев, Осип Краснояров, Андрей Самойлов, Кирилл Семенов, Семен Стриганов, Еромолай Сухоруков, Иван Тимофеев, Иван Шишкин, трубачи – Иван и Михаил Родивановские, а также Михаил Антонов – кларнетист и трубач и другие. В начале XIX в. в России продолжают давать свои концерты гастролирующие иностранные музыканты – флейтист К. Таффанель, гобоист Ж. Жиле, кларнетисты Тюрбан, Г. и К. Берман, валторнист Л. Савар. Большинство из них – профессора Парижской консерватории, которая открылась в 1795 г.

Опытные и талантливые исполнители-иностранцы сыграли важную роль, как в развитии русского духового инструментального исполнительства, так и в обучении крепостных музыкантов. В первой четверти XIV в. появляются первые концертирующие отечественные исполнители на духовых инструментах, выступающие в качестве солистов и в ансамблях. Как сообщается в газете «Московские новости», в одном из концертов 1822 г. принял участие кларнетист П. И. Титов, исполнив Адажио и Рондо Миллера, а фаготист М. Л. Костин, бывший крепостной музыкант графа Волконского, в этом же концерте аккомпанировал певцу П. Булахову арию (композитор не указан). Эти же музыканты в 1821 и 1822 гг. участву-

ют в исполнении дивертисмента на темы русских песен и плясок, сочиненного С. Давыдовым. В 1833 г. вместе с П. Титовым в концерте выступил флейтист Папков: они исполнили концерт Гебеля для фортепиано, скрипки, кларнета и флейты. Среди других известных исполнителей на духовых инструментах назовем гобоиста Самарина и валторниста Лузина.

О том, какие духовые инструменты использовались композиторами в ансамблях, каков был репертуар, можно узнать также из музыкальных журналов, издаваемых в России в XVIII и XIX вв. и свидетельств прессы.

Во второй половине XVIII в. в России начинают издаваться следующие музыкальные журналы: «Музыкальные увеселения», «Полезные увеселения», «Магазин музыкальных увеселений», «Музыкальный журнал для дам», в которых печатаются музыкальные произведения. Вот каково полное название первого русского нотного журнала, вышедшего в 1774 г.: «Музыкальные увеселения, ежемесячно издаваемые, содержащие в себе оды, песни российские, как духовные, так и светские, арии, дуэты, польские, менуэты, аглицкие, контратанцы, французские, коттильоны, балеты и прочие знатные штуки для клавикордов, скрипок, кларнетов и других инструментов». В этих сборниках встречаются ансамбли различного состава. И здесь видно, что популярностью среди духовых инструментов пользуются флейта и кларнет, а ансамбли написаны в основном иностранными композиторами, музыкантами, которые жили в России в то время. Простейшие переложения народных песен, романсов, танцев были очень популярны, и их можно было играть на любом инструменте⁵.

⁵ Универсальность эта была характерна и для нотных изданий, выпущенных в Европе, но гораздо раньше. Например, уже в XVI в. в Европе появились первые печатные ноты, изданные Оттавиано Петруччи и предназначенные для игры «на всяких инструментах».

С начала XIX в. в России издательское дело расширяется. Гораздо чаще в музыкальных магазинах стали продаваться ансамблевые ноты для духовых инструментов (в том числе и русских авторов – Бобровского, Воробьева, Трутовского). По-прежнему популярным инструментом в любительской среде остается флейта. В нотных магазинах предлагается много различных обработок русских народных песен для флейты Лопатинского, Ганфа, Лорбера. Довольно часто встречаются ансамбли с участием флейты. Например, симфония Девенченти, переложения сонат М. Клементи для флейты, фортепиано и баса, дуэты для двух флейт Д. Манчинелли, произведения для флейты и гитары Гауде, Фабра, И. Фюрстенау. А первым издателем нот для духовых инструментов был Франц Вейсгербер, педагог, исполнитель на кларнете и бассет д'амуре. В 1806 г. он выпустил журнал для ансамблей духовых инструментов. Журнал назывался «Journal pour l'Harmonie». Сам Вейсгербер делал аранжировки для ансамблей духовых инструментов.

С 1828 г. в Петербурге начинает издаваться журнал «Талия». Здесь также имеются ансамблевые произведения. Например, различные обработки для фортепиано, скрипки и флейты.

Если систематизировать данные о сочинениях для ансамбля духовых инструментов, изданных в России в XVIII и первой четверти XIX в., можно заметить, что приоритет здесь отдается иностранным авторам.

Большое влияние на активизацию внимания к духовой ансамблевой музыке⁶ оказала музыкально-концертная жизнь Петербурга и Москвы, которая с начала XIX в. заметно

⁶ В России и Европе в XVIII и начале XIX в. выделились две основные сферы бытования музыки. Это – любительское, домашнее музицирование и профессиональное творчество.

оживляется⁷. В 1802 г. в Петербурге создается филармоническое общество. Концерты носят уже не случайный характер, а устраиваются систематически. Довольно часто в программах этих концертов встречаются различные ансамбли с участием духовых инструментов.

Суммируя изложенные выше наблюдения, заметим, что на процесс формирования музыки для ансамбля духовых инструментов как сферы профессионального композиторского творчества в России, который мы относим к XVIII и первой трети XIX в., повлияли следующие факторы: 1) значительная роль иностранных исполнителей в популяризации духовых инструментов (концерты) и в обучении русских музыкантов; 2) расширение издательского дела; 3) открытие филармонического общества (концертная жизнь начинает обретать формы общедоступных концертов).

Существенным фактором необходимо считать и собственные национальные традиции исполнительства на духовых инструментах, в частности, роговые оркестры и домашние оркестры у дворян, состоящие из крепостных музыкантов. Именно данное обстоятельство сыграло важную роль в формировании музыкальных вкусов А. Алябьева.

Имя этого композитора в сознании многих любителей музыки, прежде всего, ассоциируется с его знаменитым романсом «Соловей». Мало кто сегодня знаком с его операми, балетами, водевилями, и практически совсем неизвестной осталась музыка, созданная А. Алябьевым для ансамбля духовых инструментов. Обращение композитора к составам подобного типа далеко не случайно.

С раннего детства А. Алябьев имел возможность слышать звучание духовых инструментов. У его отца, как и у многих дворян того времени, был домашний оркестр, состоявший из крепостных музыкантов. По неко-

⁷ Офikleид – басовый мундштучный инструмент, формой напоминающий фагот, созданный в 1785 г. мастером Алари.

торым сохранившимся партитурам оркестра можно судить и о репертуаре. В основном встречаются обработки русских народных песен. В отличие от других композиторов-современников, А. Алябьев не только прекрасно знал духовые инструменты, но изучал их особенности и с большим мастерством применял на практике в написанной им оркестровой и ансамблевой музыке. Кроме того, ему принадлежат две теоретические работы, связанные со спецификой исполнительства на духовых инструментах. Это – таблица трелей, исполняемых на флейте, а также таблицы диапазонов для медных духовых инструментов.

Вероятно, именно этими обстоятельствами обусловлена специфика использования духовых инструментов в творчестве композитора. Деревянные духовые инструменты у А. Алябьева являются в основном носителями мелодического начала (флейта – в увертюре «Утро и вечер», кларнет – в «Скором марше», увертюре к опере «Рыбак и русалка», здесь же – соло гобоя). В отдельных случаях и медные духовые выполняют мелодическую функцию. Например, соло тромбона («Рыбак и русалка» и «Безумная») или соло валторны («Волшебный барабан»). В симфонии Es-dur (1850) концертирующими инструментами являются 4 валторны. Иногда А. Алябьев в качестве баса медной группы использует старые инструменты вроде офиклеида⁸ и серпента⁹. Напомним, что эти инструменты применялись в оркестре довольно часто до тех пор, пока их не заменила туба (1840-е гг.).

⁸ Серпент – басовый мундштучный инструмент змеевидной формы, сконструированный Э. Гийомом в 1590 г.

⁹ Для музыки западноевропейских композиторов того времени это было бы вполне типичным явлением, но для творчества русского композитора той же эпохи – довольно смело; вероятно, что эта особенность – есть результат редакторской работы, принадлежащей профессору, известному исполнителю – флейтисту Н. И. Платонову.

Первый ансамбль с духовыми инструментами был написан А. Алябьевым в 1819 г. Это Ноктюрн C-dur для квартета струнных с валторной и фортепиано.

В дальнейшем будут созданы упомянутые ранее – квартет для четырех флейт (1827) и квинтет для классического духового состава (около 1830 г.).

Важным является то, что ансамбли для духовых инструментов А. Алябьева относятся к одним из первых образцов произведений этого жанра в русской музыке, не имеющих прикладного значения. У Е. Фомина, Д. Бортнянского, С. Давыдова и других композиторов – предшественников А. Алябьева – можно найти примеры музыки для духовых, которая предназначалась для военных церемоний либо для театра. Как правило, такого рода музыкой сопровождалась драматические спектакли (в антрактах или перед началом представления). «Играли на валторнах, на флейтах или на клавикордах, выступал скрипач с концертом или оркестр с симфонией (увертюрой)» [7, с. 33]. В большинстве случаев прикладной была и гармоническая музыка, т. е. произведения, написанные для парных составов духовых инструментов.

А. Алябьев стал первым русским композитором, который создал сочинение в жанре классического духового квинтета. В западноевропейской музыке первые образцы духового квинтета появляются в конце XVIII в. Существует мнение, что основоположниками жанра духового классического квинтета являются Ф. Данци (1763–1826) и А. Рейха (1770–1836). В этом отношении любопытным представляется следующий биографический факт: музыкальный критик В. Одоевский снабжал А. Алябьева различными нотами, музыкально-педагогическими пособиями, в том числе и сочинениями А. Рейха [2, с. 36]. Следовательно, вполне вероятно предположить, что русский композитор был знаком с произведениями аналогичного жанра своих западноевропейских коллег.

Квинтет для флейты, гобоя, кларнета и валторны доминор А. Алябьева относится к раннему периоду творчества композитора, и точная дата его создания неизвестна. Предположительно он был написан около 1830 г. в Тобольске, где он работал с духовым оркестром. А. Алябьев чрезвычайно обогатил его репертуар и исполнительские возможности. Переписка композитора с Верстовским свидетельствует о том, что оркестр находился на достаточно высоком исполнительском уровне. Духовой оркестр стал для него хорошей школой в изучении духовых инструментов. Именно здесь А. Алябьев впервые познакомился с хроматическими медными инструментами, которые стал смело применять на практике (в отличие от многих других композиторов того времени). Для этого он выставил специальное обозначение в партитуре «механический».

В Тобольске, вдохновленный звучанием хроматической трубы, А. Алябьев сочиняет для этого инструмента две миниатюры. Однако, по-видимому, не до конца изучив возможности новых инструментов, А. Алябьев нередко допускает ошибки в транспорте (например, партий валторн в оркестровых партитурах). Вероятно поэтому в Квинтете все партии (в том числе валторн) записаны как нетранспонирующие.

Авторская рукопись партитуры Квинтета хранится в Государственном центральном музее музыкальной культуры в Москве. Она представляет собой черновые, зачастую разобщенные эскизы. В рукописи имеется только одна, написанная в форме сонатного *allegro*, неоконченная часть квинтета, запись которой прекращается в конце разработки. Б. Доброхотов, выполнивший работу по окончанию квинтета (1953), на основе материала вступления и экспозиции предполагает, что поскольку в творческом наследии А. Алябьева известно несколько одночастных сим-

фонических и камерно-инструментальных произведений, возможно, что и данный квинтет по авторскому замыслу является одночастным.

В небогатой камерной литературе (если сравнивать с многочисленными западными образцами того времени) для ансамбля одних духовых инструментов этот квинтет является наиболее ценным образцом русской музыки начала XIX в.

Еще одно сочинение раннего периода творчества А. Алябьева для ансамбля духовых инструментов – *Квартет для четырех флейт (1827)*. Возникший первоначально как жанр прикладной музыки квартет флейт к началу XIX в. становится равноправным участником концертной жизни и обретает свой классический вид в творчестве Ф. Кулау (Дания), Л. Джанеллы (Италия), А. Рейхи (Чехия), Э. Валькирса, Ж. Кардона (Франция). Свой вклад в увеличение репертуара для квартета флейт внесли также знаменитые флейтисты конца XVIII и XIX вв., творчество которых было связано с жизнью в России. Это М. Стабингер – немецкий композитор, дирижер и флейтист, несколько лет живший в Москве и Г. Зусман – немецкий флейтист, композитор, талант которого отмечали Глинка и Одоевский.

В России у жанра квартета непростая судьба. А. Алябьев, создатель первого квартета для четырех флейт и первого русского духового ансамбля, заложил основу для развития этого жанра в России. Впрочем, «ответ» А. Алябьеву прозвучал лишь через столетие. Лишь в 1939 г. в Китае русский композитор А. Черепнин создал квартет для аналогичного состава инструментов.

Рукопись квартета А. Алябьева была найдена в архиве библиотеки Московской консерватории. Она имеет черновой вид, однако сохранились и отдельные листы чистового варианта. Партитура содержит лишь

первые две части – Allegro и Adagio. Первая часть квартета была отредактирована и закончена профессором Московской консерватории, флейтистом Н. Платоновым в 1950 г. и издана.

Интересно, что группу, состоящую из четырех флейт, А. Алябьев вводит также в партитуру своего балета «Волшебный барабан, или Следствие Волшебной флейты», написанного, также как и квартет, в 1827 г. Почему А. Алябьев написал сочинение для подобного состава и включил квартет флейт в свой балет? Вспомним, что и симфония Д. Бортиянского также была написана для весьма необычного состава инструментов. В связи с этим можно предположить, что данные сочинения были рассчитаны на определенный состав каких-либо более или менее известных в то время музыкантов-исполнителей. Заметим также, что в то время флейта в России является весьма популярным инструментом благодаря заезжим иностранным музыкантам, которые в те годы доминируют на концертной эстраде.

В. Ф. Одоевский в своем Музыкально-литературном наследии упоминает Жозефа Гийю, выдающегося французского флейтиста, композитора и гравера. В ноябре 1831 г. он концертировал в Москве и вскоре стал первым флейтистом петербургских императорских театров. Судя по отзывам Одоевского, Гийю играл в концертах и собственные сочинения: «Никогда еще не случилось нам слушать столь прекрасного и столь эффектного для флейты мотива, какой мы заметили в *rondo* сочинения г. Гийю. Его игра сопровождалась единодушными, громкими рукоплесканиями. Как хорош, как молод дуэт из “Олимпиады” Паизиелло!» [5, с. 145]. Из репертуара Гийю упоминается также *Angelus* Романьези, варьированный Ж. Тюлу, французским флейтистом и композитором. Иностранные музыканты по уже устоявшейся традиции брали в обучение русских детей.

Так, в одном из концертов выступил ученик Гийю Александр Семенов, удививший всех своим талантом. Кроме Гийю, Одоевский упоминает кларнетистов Аднера и Бендера. О последнем он пишет так: «При его игре можно вообразить, что так поет лебедь прощальную песнь, что так бы пел нежный голубь к своей голубке, если бы имел гармонический голос. Песня Бендерова кларнета, как песня родины, льется прямо в сердце» [5, с. 111]. Ничего не говорится о том, играли ли именно эти музыканты ансамблем, но то, что эта сфера музицирования была популярна, очевидно.

В квартете А. Алябьева выразительные возможности духовых инструментов используются в сочетании со спецификой квартетного стиля, который был выработан композитором в процессе сочинения струнных квартетов (1820, 1827 гг.). Об этом пишет Б. Доброхотов. Однако в отличие от рассматриваемого квартета флейт, в струнных ансамблях функции инструментов обычно четко определены. Это связано с тембровой дифференцированностью, которая предопределяет трактовку каждой партии (аналогично и в классическом духовом квинтете, состоящем из разнотесситурных инструментов). Например, первая скрипка является носителем мелодического начала, вторая скрипка и альт – либо дублируют, либо составляют гармонические голоса, виолончель – линия баса. В духовом квартете однородного состава функции инструментов более разнообразны, и в данном случае, у А. Алябьева, их партии довольно тонко детализированы. Партия первой флейты носит ярко выраженный виртуозный характер, изобилует мелодическими украшениями¹⁰. Функцию басового голоса,

¹⁰ Большое количество примеров использования интонационных стереотипов фанфар приводится в книге В. Д. Конен «Театр и симфония» и в исследовании Л. Н. Шаймухаметовой «Семантический анализ музыкальной темы».

поддерживающего гармонию, выполняет в основном четвертая флейта. Кроме того, она проводит основной тематический материал наравне с первой флейтой. Таким образом, партия четвертой флейты бифункциональна. Вторая и третья флейты, главным образом, играют роль аккомпанемента, являясь частью аккордовой фактуры. Им не поручается самостоятельное проведение мелодии: это либо дублирование или имитации мотивов первой флейты.

Следовательно, несмотря на то, что ансамбль состоит из одинаковых по тесситуре духовых инструментов, композитор сумел добиться полного и в то же время изящного звучания.

В целом музыка Квартета Алябьева для четырех флейт носит светлый, жизнерадостный характер. Обратим внимание на очевидное сходство квартета с *сочинениями венских классиков*. В первую очередь, оно наблюдается в композиции: квартет для четырех флейт был задуман как циклическое произведение сонатного типа (первая часть в форме сонатного *allegro*). Немаловажны и следующие особенности тематизма: тема главной партии первой части состоит из двух элементов – первый «фанфарный», характерный для героической интонационной сферы классицизма (широкие ходы по тонам трезвучия с короткими форшлагами) [3, 6]; второй

элемент – вводнотоновые трели, придающие музыке легкий и шутливый характер, также имеет ассоциативные связи с типичными мелодическими оборотами венских классиков.

Тематизм побочной партии квартета напоминает моцартовский (например, тему побочной партии из его квартета D-dur) – изысканная, виртуозная, орнаментированная мелодия излагается у первой флейты.

Общность наблюдать можно и в формообразующих принципах сонатного *Allegro*, характерных для венской классической симфонии, выявленных в книге В. Конен, а именно в принципе *структурной расчлененности*, которая проявляется в цезурах, разделяющих отдельные более или менее завершенные построения.

Таким образом, в музыке А. Алябьева, созданной для ансамбля духовых инструментов, очевидно значительное влияние традиций западноевропейской музыки. Это проявляется в использовании определенных типов составов, обращении к жанрам квартета и квинтета, в особенностях формообразования и тематизма. С полным основанием можно говорить о том, что именно А. Алябьев, усваивая опыт западноевропейской практики и синтезируя его с национальными особенностями, закладывает фундамент русской традиции ансамблевой музыки для духовых инструментов.

Литература

1. Березин В. Немного нового о хорошо забытом старом: к истории духового ансамбля *Harmoniemusik* // Старинная музыка. – 1999. – № 2. – С. 10–12.
2. Доброхотов Б. Александр Алябьев Творческий путь. – М., 1966.
3. Конен В. Театр и симфония. – М., 1968.
4. Ливанова Т. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. – М., 1953. – Т. II.
5. Одоевский В. Ф. Музыкально-литературное наследие. – М., 1956.
6. Шаймухаметова Л. Н. Семантический анализ музыкальной темы. – М., 1998.
7. Штейнпресс С. Б. Страницы из жизни А. А. Алябьева. – М., 1956.
8. Российская национальная библиотека. Юсуповская коллекция (нотные издания и рукописи 1706–1895 гг.). – СПб.

УДК 8

Ань Лихун

ТИПЫ ТЕКСТА, МНОГОМЕРНОСТЬ ТЕКСТА И ПРЕСУПОЗИЦИИ КАК НЕОБХОДИМЫЕ ЗНАНИЯ ДЛЯ ПЕРЕВОДЧИКА

В работе описаны одни из важнейших факторов, оказывающих большое влияние на процесс обучения переводоведения – типы тексты, многомерность текста и пресуппозиции. Для переводчиков необходимо выделить текст информации и текст эмоции и убеждения; четыре измерения – контекст, речевая ситуация, подтекстовая мысль, время цитаты и пресуппозиции – необходимо учитывать при переводе.

Ключевые слова: типы тексты, многомерность текста, пресуппозиции.

An Lihun

ON THE IMPORTANCE OF TYPES OF TEXT, MULTIDIMENSIONALITY AND PRESUPPOSITION FOR TRANSLATORS

This paper analyzes such important factors in the teaching of translation as types of text, the multidimensional properties of text and presupposition, and divides texts into informative text and expressive and operative text. It argues that the four dimensions of text—context, speech circumstance, implied meaning, time in quotation and presupposition—have to be taken into consideration in the process of translation.

Keywords: types of text, multidimensionality, presupposition.

По мере расширения международного общения в области политики, экономики и культуры, роль переводчика непрерывно увеличивается. В соответствии с ростом общественной потребности в квалифицированных переводчиках, в январе 2007 г. по решению ученого совета при Госсовете КНР была установлена аспирантская специальность «Переводоведение» (MTI). Перед нами, педагогами, занимающимися иностранными языками, стоит задача – эффективно подготовить высококачественных переводчиков. На занятиях нельзя исчерпать все тексты, которые будут переводить учащиеся в будущей практиче-

ской работе. Так что среди многочисленных факторов, оказывающих влияние на процесс обучения переводоведения, по нашему мнению, типы текста – одна из важнейших проблем.

1. Типы текста

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров предложили выделить **прагматический текст и проективный текст** [1, с. 131]. Прагматический текст означает эксплицитный текст, в котором мысль автора ясно выражена словами в тексте. Проективный текст означает имплицитный текст, т. е. с подтекстовой информацией, мысль автора или не полностью

выражена, или совсем не выражена, автор хочет, чтобы читатель или слушатель сам ее понял или угадал.

Информация – важная категория текста. И. Р. Гальперин выделил в своей работе три типа информации в тексте: **1) содержательно-фактуальная информация; 2) содержательно-концептуальная информация; 3) содержательно-подтекстуальная информация** [2, с. 26]. Первый тип – это информация о фактах, событиях, явлениях в объективном или воображаемом мире; второй тип – о мнениях автора; третий тип необязательный в тексте и не имеет эксплицитной формы.

На основе теории Гальперина о видах информации текста профессор Дэн Цзюнь из Хэлуньцзянского университета Китая выделила **эксплицитный уровень и имплицитный уровень текста**. Поскольку мнения, оценки автора в тексте не всегда эксплицитно выражены, они могут имплицитно существовать. Таким образом, эксплицитный уровень текста составляют фактуальная информация и концептуальная информация, которые эксплицитно выражены. Имплицитный уровень текста составляет подтекстовая информация, включая неэксплицитно выраженную концептуальную информацию [3, с. 65].

К. А. Долинин выделил в тексте **номинативное и коммуникативное содержание** [4, с. 53]. Номинативное содержание является эксплицитным, описывает разные референтные ситуации, события. Коммуникативное содержание является имплицитным, имеет в виду речевые ситуации, прежде всего цели речевого акта.

В теории устного перевода чаще всего выделяют три типа текста [5, с. 135]:

1) информативный текст (informative discourse) – для сообщения информации, например, научно-техническая лекция, пресс-конференция, во время перевода внимание уделяется содержанию текста;

2) эмоциональный текст (expressive discourse) – для выражения мнения и эмоций

говорящего, например, выступление официального лица, интервью, во время перевода большее внимание уделяется форме речи;

3) побудительный текст (operative discourse) – для убеждения слушателей, например, поздравительные слова, коммерческие переговоры.

На основании вышесказанного мы можем прийти к выводу: что касается типов текста или видов содержания (информации) текста, в основном, ученые выделяют или два, или три типа. Что касается первого типа, можно сказать, они единогласно считают, что это информация о фактах, событиях, явлениях, выраженная эксплицитно. И мы называем его **«текст информации»**. Вторым типом текста мы бы назвали **«текст эмоции и убеждения»**, т. е. мы объединили второй и третий тип из вышеописанной классификации из учебника переводоведения. По нашему мнению, их границы нечеткие, все зависит от степени. Ведь в большинстве случаев эмоция и мнение выражаются для того, чтобы слушатель сочувствовал и соглашался, поэтому можно их объединить. Вторым типом текста выражает мнения и оценки говорящего, которые, может быть, и эксплицитно выражены, может быть, и имплицитно существуют.

2. Многомерность текста

На основе теории О. С. Ахмановой и И. В. Гюббенет о вертикальном контексте (т. е. четвертом измерении художественного текста), профессор Дэн Цзюнь выдвинула проблему многомерности текста [3, с. 184], которую, по нашему мнению, необходимо учитывать при переводе.

Первое измерение (линия) – линейность речи, для восприятия текста необходимо соотношение с контекстом, ведь компоненты текста, слово за словом, фраза за фразой, грамматически и логически связаны и подчинены общей теме и главной идее текста. Данное измерение учитывается, главным образом, при переводе текста информации.

Второе измерение (площадь) – речевая ситуация, текст воспринимается с учетом

соответствующей речевой ситуации, т. е. «коммуникативное содержание и цель речевого акта» по мнению профессора Долинина, буквальный перевод иногда не выполняет коммуникативной задачи. Например, на прощание китайцы говорят «您慢走» – буквальный перевод «Идите медленно» не годится, а лучше «До свидания» или «Всего доброго»; при встрече гостей издали китайцы говорят «一路辛苦了» – буквальный перевод – «Вам было нелегко в пути», лучший перевод – «Как доехали?»

Третье измерение (глубина) – подтекстовая мысль, которая имплицитно выражается с помощью языковых средств, таких как омонимы, паронимы, трансформация фразеологии, языковая игра и т. д., и фоновых знаний культуры. Например: «Многие реформаторы учились в американских учебных заведениях... решали не менее главную задачу – превращение **мощи** нашей армии просто в **мощи**» (АиФ. – 2000. – № 5).

Четвертое измерение (время) – время цитаты и выдержки из чего-то, несходно со временем повествования текста. Например: «Режиссер говорит артисту, у которого месяц дома не было горячей воды, и он долго не мылся: “Раз у тебя месяц нет горячей воды – будешь играть **Отелло**”». Еще пример: « – **Красная Шапочка**, а где живет твоя бабушка? – Да я свою старуху в дом престарелых сдала» [3, с. 173–174]. Для правильного восприятия четвертого измерения текста необходимы фоновые знания культуры.

Текст со вторым, третьим или четвертым измерением мы называем «**текст культуры**»

(текст эмоции и убеждения относится к этому типу), так как для восприятия его необходимы фоновые знания культуры.

3. Пресуппозиция

Как нам известно, в механизме перевода действуют не только языковые, но и фоновые знания. И. Я. Чернухина исследовала проблему «фоновых знаний» с точки зрения пресуппозиции [6]. Она определила пресуппозицию как предпосылку речевого действия и действия мышления. По ее мнению, выделяется два вида пресуппозиции: идеальная пресуппозиция и формальная пресуппозиция.

Идеальная пресуппозиция включает общую и частичную пресуппозицию. К общей пресуппозиции относятся предметная, логическая пресуппозиция и пресуппозиция декодирования, которыми обладают все люди, независимо от того, на каком языке они говорят. К частичной пресуппозиции относятся пресуппозиции региональных знаний, знаний культуры, определенного общества и профессий.

Формальная пресуппозиция – умения и навыки (субъекта речевого действия) превращения идеальной пресуппозиции и новых знаний в материальную, т. е. речевую форму.

На межкультурную коммуникацию большое положительное влияние оказывает взаимное восприятие текстов культуры, которое в большой степени обуславливает функционирование механизма перевода. Мы попытались с точки зрения семантики текста и пресуппозиции рассмотреть факторы, влияющие на механизм перевода.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1990.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.
3. 邓军. 篇章的逻辑语义分析. (Дэн Цзюнь. Логико-семантический анализ текста) 黑龙江教育出版社, 1997.
4. Долинин К. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1985.
5. 仲伟合 王斌华. Foundation Coursebook of Interpreting. – Beijing, 2009.
6. Чернухина И. Я. Поэтическое речевое мышление. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993.

УДК 82(091), 821.1 61.1

А. Ю. Минералов

«КАТОРЖНО-ЛАГЕРНАЯ» СЮЖЕТНО-ОБРАЗНАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XX В.

Солженицын и другие авторы русской «лагерной» прозы XX в. систематически вспоминают и цитируют «Записки из Мертвого дома» Ф. Достоевского и «Остров Сахалин» А. Чехова. Эти два произведения создали в литературе важную семантическую традицию. Они часто провоцируют в произведениях «лагерной прозы» аналогии, аллюзии, сюжетные параллели и философскую полемику.

Ключевые слова: Достоевский, Чехов, Дорошевич, литература, традиция, художественно-документальный, сюжет, каторга, ГУЛАГ, Солженицын.

A. Y. Mineralov

«PRISON CAMP» PLOT AND IMAGE TRADITION IN THE RUSSIAN PROSE OF THE XX CENTURY

Soljenitsin and other Russian jail-prose authors of XX century systematically remember and quote Dostoevsky's «Notes from the House of the Dead» and Chekhov's «Sakhalin Island». Those two works have created a major semantic tradition. In pen-literature they often provoke analogies, allusions, plot parallel lines and philosophical discussions.

Keywords: Dostoevsky, Chekhov, Dorochevich, literature, tradition, art and dokumentary, servitude, the Gulag, Solzhenitsyn.

1

Художественно-документальные жанры неизменно присутствуют и активно себя проявляют в русской прозе. Но они вряд ли в достаточной мере привлекают внимание исследователей: романы, повести изучаются охотнее и чаще, чем «записки», «воспоминания» и т. п. Среди сложных причин такой диспропорциональности, вероятно, есть и первоочередные, лежащие на поверхности: как читать беллетристику и вообще сюжетную прозу интереснее, так интереснее работать с беллетристическим материалом, изучать его. В итоге, «Записки из Мертвого дома» – одно из наименее изученных произведений Ф. М. Достоевского. То же приходится сказать, например, о книге А. П. Чехова «Остров Сахалин». Когда заходит речь о су-

ществовании в русской литературе традиций Достоевского и Чехова, как правило, опираются на другие их произведения.

Однако нетрудно убедиться, что именно «Записки из Мертвого Дома» и «Остров Сахалин» почти неизменно находились в поле зрения писателей, разрабатывавших на протяжении XX в. специфическую по своей проблематике линию в русской прозе. Речь идет о так называемой «лагерной» прозе (если держать в поле зрения также дореволюционные произведения, ее можно обозначить как «каторжно-лагерную»).

2

В. М. Дорошевич, побывавший на Сахалине через несколько лет после Чехова, в своей книге «Каторга» рассказывает о встречах с осужденными «интеллигента-

ми». Например, с каторжанином Сокольским, который «любит и знает Достоевского», автор затеял беседу, «насколько теперешняя каторга ушла далеко от “Мертвого дома”, спорили, оба горячились». Далее «разговор перешел на литературу. Сокольский особенно любит, знает и понимает Достоевского. Помнит целые страницы из “Мертвого дома” наизусть:

– Ведь я сам хотел написать “Записки из мертвого острова”».

В главе «Интеллигент» Дорошевич прибегает к инсценировке: его собеседник говорит слогом, напоминающий речи Мармеладова из «Преступления и наказания» или героя «Записок из подполья»:

«Вы нравственные обязательства, дозвоьте вас спросить, признаете? Очень приятно! Но раз вы признаете нравственные обязательства, вы обязаны меня удостоить беседой и все прочее. Ведь это человеческий документ, так сказать, перед вами. Землемер. Мы ведь тоже что-нибудь понимаем. Парлэ ву франсэ? Вуй? И я. Я еще, может быть, когда вы клопом были, в народ ходил-с. И вдруг ссыльнокаторжный! Позвольте, каким манером? И всякий меня выпороть может. Справедливо-с?»

Дальше «интеллигент» у Дорошевича заявляет:

«Вы понимаете белую горячку? (...) Как интеллигентный человек! Потому сейчас самоанализ и все прочее. У меня самоанализ, а меня на кобылу (приспособление для порки. – А. М.). Может мне зритель сказать, что такое Бокль, и что такое цивилизация, и что такое Англия? Я “Историю цивилизации Англии” читал, а меня на кобылу. Я Достоевским хотел быть! Достоевским! Я в каторге свою миссию видел. Да-с! Я записки хотел писать» (курсив мой. – А. М.).

О. В. Волков в своем «Погружении во тьму» характеризует потрясшую его лагерную обстановку именно через сравнение с описанным у Достоевского и Чехова:

«Из десяти вброшенных в этот ад – такой не могли видеть около ста лет назад Чехов на Сахалине и почти полтора – Достоевский в “Мертвом доме”, – девять человек попали по выдуманному, вздорному обвинению».

При своем освобождении из лагеря он подмечает: «Не было и тени того ликования, того вздоха полной грудью, предчувствия воли, что так впечатляюще описал Достоевский в “Записках из Мертвого дома”» я переступил порог тесной клетки, чтобы шагнуть в более просторную, одинаково не знающую воли, изгнанной из России еще в семнадцатом году...».

Достоевский находится в поле внимания также у автора «России в концлагере» И. Л. Солоневича и его солагерников (в монтерской будке эки даже держали его рваный, но подклеенный ими портрет).

Репрессированный по ложному обвинению советский разведчик Д. А. Быстролетов одну из частей своих «гулаговских» воспоминаний назвал «Записки из Живого дома», перефразируя название книги Достоевского.

Особенно интенсивно «присутствие» Достоевского и Чехова в произведениях А. И. Солженицына. Солженицын неоднократно побуждает героев своих произведений формулировать их «литературные позиции». Например, героиня его романа «В круге первом» Клара «по школе знала, что скучная эта литература: очень правильный Горький, но какой-то неувлекательный; очень правильный Маяковский, но непроворотливый какой-то, очень прогрессивный Салтыков-Щедрин, но рот раздерешь, пока дочитаешь; потом ограниченный в своих дворянских идеалах Тургенев; связанный с нарождающимся русским капитализмом Гончаров; Лев Толстой с его переходом на позиции патриархального крестьянства... Во всем этом многолетнем ряду один разве Пушкин сиял как солнышко».

Нетрудно заметить, что здесь А. И. Солженицыным, с одной стороны, пародируются

шаблонные социологические характеристики некоторых писателей («связанный с капитализмом Гончаров», Толстой и «патриархальное крестьянство» и т. п.). С другой стороны, тут вымышленной героине «переадресованы» авторские оценки называемых писателей, авторские личные предпочтения («неувлекательный» Горький, «неповоротливый какой-то» Маяковский, Щедрин, при чтении которого раздирает рот зевота, и т. п.).

Но среди великих русских писателей есть два, творчество которых постоянно находится в поле зрения А. И. Солженицына и, соответственно, его героев. Это именно Ф. М. Достоевский («Записки из Мертвого дома») и А. П. Чехов («Остров Сахалин»).

Применительно к ним Солженицын почти не допускает иронических характеристик. Исключением можно считать, например, отношение к Чехову героя романа в «Круге первом» Кондрашева, который «был поклонник Рембрандта и ниспровергатель Рафаэля. Почитатель Валентина Серова и лютей враг передвижников... слышать не хотел о Чехове, от Чайковского отталкивался, сотрясаясь». А вот здесь в данном романе, в описании советского «зэка», чувствуется невнятная авторская ирония в отношении сюжетов некоторых рассказов и повестей Чехова (но не в отношении «Острова Сахалин»):

«И очищенный от греха собственности, от склонности к оседлой жизни, от тяготения к мещанскому уюту (справедливо заклеяменному еще Чеховым), от друзей и от прошлого, зэк берет руки за спину и в колонне по четыре («шаг вправо, шаг влево – конвой открывает огонь без предупреждения!»), окруженный псами и конвойными, идет к вагону».

Сходная невнятная ирония усматривается (в отношении Достоевского) в такой реплике Солженицына из «Архипелага ГУЛАГ»: «Читать духовное! Достоевского – вот кого читать арестантам! Но позвольте, это у него: “дети голодали, уже несколько дней они ничего не видели, кроме хлеба и

колбасы”?»). (Такой реплики в произведениях Ф. М. Достоевского нами нигде не обнаружено. – А. М.). В другом месте Достоевский попадает в один ряд еще с несколькими писателями, над которыми автор иронизирует (в этот ряд для большей едкости угодил также известный персонаж Ильфа и Петрова):

«Дружбу Нержина с дворником Спиридоном Рубин и Сологдин благодушно называли “хождением в народ” и поисками той самой великой сермяжной правды, которую еще до Нержина тщетно искали Гоголь, Некрасов, Герцен, славянофилы, народники, Достоевский, Лев Толстой и, наконец, оболганный Васисуалий Лоханкин» («В круге первом»).

Повторяем, иронические реплики по адресу Достоевского и Чехова единичны. Наиболее часто Солженицын обращается к их произведениям для сравнения условий жизни на каторге и в советских лагерях. В названии его книги «Архипелаг ГУЛАГ» перефразировано название книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» (архипелаг – группа близко расположенных островов). Кроме «Архипелага ГУЛАГ» «присутствие» имен Достоевского и Чехова характерно для романа «В круге первом» и повести «Раковый корпус». Например, к таким наблюдениям побуждает Солженицына Ф. М. Достоевский в «Архипелаге ГУЛАГ»:

«При Достоевском можно было из строя выйти за милостынею. В строю разговаривали и пели»; «Все же по людскому обычаю и в лагере бывает дружба. <...> Что есть – вместе, чего нет – пополам. Пайка кровная, правда, порознь, а добыток весь – в одном котелке варится, из одного черпается»; «Когда читаешь описание мнимых ужасов каторжной жизни у Достоевского, – поражаешься: как покойно им было отбывать срок! ведь за десять лет у них не бывало ни одного этапа!». (Авторское примечание к этому наблюдению: «Почему-то на каторге Достоевского “среди арестантов не наблюдалось дружества”, никто не ел вдвоем»).

Там же Солженицын пишет: «Омский острог, знавший Достоевского, – не какая-нибудь сколоченная из теса наспех ГУЛАГовская пересылка. Это – екатерининская грозная тюрьма... Этот острог должен был бы, кажется, подавить те смутные бунтарские предчувствия, которые росли в нас на распущенной Куйбышевской пересылке».

В романе «В круге первом» гравер-оформитель «в тюрьме... открыл в себе способность писать новеллы и писал их – о немецком плене, потом о камерных встречах, о трибуналах. Одну-две такие новеллы он уже передал через жену на волю, но и там – кому их покажешь? Их и там надо прятать. Их и здесь не оставишь. И никогда нельзя будет ни клочка написанного увезти с собой. Но один старичок, друг их семьи, прочел и передал автору через жену, что даже у Чехова редко встречается столь законченное и выразительное мастерство. Отзыв сильно подбодрил гравера».

Видимо, речь тут не столько о чеховском творчестве вообще (тогда был бы, скорее всего, упомянут его характерный лаконизм), сколько о книге «Остров Сахалин».

Вызывает интерес эпизод из «В круге первом», когда Глеб Нержин вспоминает пословицу «Для мяса люди замуж идут, для щей женятся»: «Он понимал эту пословицу так, что муж, значит, будет добывать мясо, а жена – варить на нем щи. Народ в пословицах не лукавил и не выкорчевал из себя обязательно высоких стремлений. Во всем коробе своих пословиц народ был более откровенен о себе, чем даже Толстой и Достоевский в своих исповедях».

Здесь имена двух русских классиков упоминаются Солженицыным в иной связи, чем в других вышеприведенных случаях. Столь же интересен разговор героев о социализме в «Раковом корпусе»:

«К чертовой матери с вашей ненавистью, мы, наконец, хотим любить! – вот какой должен быть социализм.

– Так – христианский, что ли? – догадывался Олег.

– «Христианский» – это слишком запрошено. Те партии, которые так себя называли, в обществах, вышедших из-под Гитлера и Муссолини, из кого и с кем берутся такой социализм строить – не представляю. Когда Толстой в конце прошлого века решил практически насаждать в обществе христианство – его одежды оказались нестерпимы для современности, его проповедь не имела с действительностью никаких связей. А я бы сказал: именно для России, с нашими раскаяниями, исповедями и мятежами, с Достоевским, Толстым и Кропоткиным, один только верный социализм есть: нравственный! И это – вполне реально.

Костоготов хмурился:

– Но как это можно понять и представить – «нравственный социализм»?

– А нетрудно и представить! – опять оживлялся Шулубин».

Чехов и «Остров Сахалин» также много раз по разным поводам упоминаются в произведениях Солженицына.

Например, он пишет в «Архипелаге ГУЛАГ»: «И еще есть у эзков некая национальная слабость, которая непонятным образом удерживается в них вопреки всему строю их жизни – это *тайная жажда справедливости*.

Это странное чувство наблюдал и Чехов на острове совсем, впрочем, не нашего Архипелага: «Каторжник, как бы глубоко ни был он испорчен и несправедлив, любит больше всего справедливость, и если ее нет в людях, поставленных выше него, то он из года в год впадает в озлобление, в крайнее неверие».

Хотя наблюдения Чехова ни с какой стороны не относятся к нашему случаю, однако они поражают нас своей верностью».

Особенно показательным представляется то, что Солженицын видит в неистребимой жажде справедливости русских заключен-

ных национальную черту, а не что-либо иное (у Чехова упоминался «каторжник» вообще – безотносительно к национальному фактору).

Или там же: «На Сахалине рудничные и “дорожные” арестанты в месяцы наибольшей работы получали в день: хлеба – 4 фунта (кило шестьсот!), мяса – 400 граммов, крупы – 250! И добросовестный Чехов исследует: действительно ли достаточны эти нормы или, при плохом качестве выпечки и варки, их не хватает? Да если б заглянул он в миску нашего работяги, так тут же бы над ней и скончался!»

Писатель долго не оставляет затронутую тему и далее продолжает свои параллели с чеховскими подсчетами:

«Какая же фантазия в начале века могла представить, что “через тридцать-сорок” лет не на Сахалине одном, а по всему Архипелагу будут рады еще более мокрому, засоренному, закалелому, с примесями черт-те-чего хлебу – и семьсот граммов его будут завидным ударным пайком?!»

Здесь также косвенные критика и обличение советской лагерной системы осуществляются писательски тонко – не прямым образом, а путем еще одной апелляции к авторитету Чехова и «сопоставления намеком» каторжной системы царской России с советской.

Иногда наблюдения Чехова искренне изумляют автора «Архипелага ГУЛАГ». Например:

«Прочитируем Чехова. В его рассказе “В ссылке” перевозчик Семен Толковый выражает... чувство так:

“Я... довел себя до такой точки, что могу голый на земле спать и траву жрать. И дай Бог всякому такой жизни... Ничего мне не надо и никого не боюсь, и так себя понимаю, что богаче и вольнее меня человека нет”.

Эти поразительные слова так и стоят у нас в ушах: мы слышали их не раз от эков Архипелага (и только удивляемся, где их мог

подцепить А. П. Чехов?). И дай Бог всякому такой жизни! – как вам это понравится?»

Пространное рассуждение о либеральном отношении царской администрации к «политическим» заключенным Солженицын строит, отталкиваясь опять-таки от слов Чехова:

«Если о сахалинском режиме для уголовных Чехов восклицает, что он сведен “самым пошлым образом к крепостному праву” – этого не скажешь о русской ссылке для политических с давнего времени и до последнего. К началу XX в. административная ссылка для политических стала в России уже не наказанием, а формальным, пустым, “обветшалым приемом, доказавшим свою негодность” (Гучков), Столыпин с 1906 г. принимал меры к полному упразднению ее.

А что такое была ссылка Радищева? В поселке Усть-Илимский Остров он купил двухэтажный деревянный дом (кстати – за 10 рублей) и жил со своими младшими детьми и свояченицей, заменившей жену. Работать никто и не думал его заставлять, он вел жизнь по своему усмотрению и имел свободу передвижения по всему Илимскому округу. Что была ссылка Пушкина в Михайловское – теперь уже многие представляют, побывав там экскурсантами. Подобной тому была ссылка и многих других писателей и деятелей: Тургенева – в Спасское-Лутовиново, Аксакова – в Варварино (по его выбору). С Трубецким еще в камере нерчинской каторги жила жена (родился сын), когда ж через несколько лет он был переведен в иркутскую ссылку, там у них был огромный особняк, свой выезд, лакеи, французские гувернеры для детей (юридическая тогдашняя мысль еще не созрела до понятий “враг народа” и “конфискация всего имущества”). А сосланный в Новгород Герцен по своему губернскому положению принимал рапорты полицмейстера.

Такая мягкость ссылки простиралась не только на именитых и знаменитых людей.

Ее испытали и в XX в. многие революционеры и фронтеры, особенно – большевики... Вадим Подбельский за резкие антиправительственные статьи был сослан... из Тамбова в Саратов! Какая жестокость! Уже, разумеется, никто не гнал его там на подневольную работу».

Приведенное авторское рассуждение внутренне противоречиво – из него вытекает, что «не наказанием, а формальным, пустым приемом» ссылка сделалась не «к началу XX в.» – что она всегда была такой (Радищев – XVIII в., Пушкин, Тургенев, Аксаков, Герцен – XIX в.). Но нас в соответствии с темой интересует не это, а очередное проявление неизменного *пиетета* Солженицына в отношении Чехова.

Такой пиетет в особенности привлекает внимание потому, что анализируемые книги А. П. Чехова и А. И. Солженицына едва ли не *противоположны* с точки зрения примененных авторами творческих методик.

Чехов, крупнейший прозаик-художник своего времени, в «Острове Сахалине» отказался от многих своих чисто писательских возможностей. Он избрал интонации сухого, констатирующего факты изложения и попытался максимально приблизить повествование к принципам *научного* познания. Это могло быть неожиданно для читателей, однако нельзя не признать, что и сама поездка на Сахалин, и данное произведение великого писателя были очень «в духе времени». В современной Чехову прозе выступила плеяда русских натуралистов (П. Д. Боборыкин, В. И. Немирович-Данченко, В. И. Гиляровский и др.). Натуралисты подчеркивали, что, оставаясь в пределах литературы, стремятся к документальной и даже *научной* точности повествования. Они делали в своих произведениях «срезы» живой подлинной реальности, фиксируя и различные факты жизни современной России, и описывая реальных людей. А в литературоведении конца

XIX в. даже появилась концепция академика Д. Н. Овсяннико-Куликовского, главы *психологического* направления в литературоведении, отождествлявшая художника слова с «экспериментатором», а литературы и искусства – с рационалистическим познанием.

Понятно, что А. П. Чехов как писатель был куда более крупной личностью, чем любой из натуралистов. Однако их опыт был ему отнюдь не безразличен, а, например, с В. И. Гиляровским (автором знаменитых по сей день очерков о жизни московского уголовного «дна»), которого Чехов высоко ценил, его связывала близкая дружба.

С самого начала «Острова Сахалина» Чехов насыщает повествование разнообразными точными документальными подробностями. (Причем заметно, что художественно сильные, но *эмоционально окрашенные* черновые варианты систематически изымаются им из окончательного текста.) Чехов наблюдал факты окружающей жизни, предъявляя различным людям один и тот же составленный им заранее «вопросник», нацеленный не на постижение их личных судеб, а на постепенное формирование социальной панорамы сахалинской жизни. Как пишет сам Чехов, «я прибегнул к приему, который в моем положении казался мне единственным. Я сделал перепись... На каждой карточке в первой строке я отмечал название поста или селения. Во второй строке: номер дома по казенной подворной описи. Затем, в третьей строке, звание записываемого: каторжный, поселенец, крестьянин из ссыльных, свободного состояния. Свободных я записывал только в тех случаях, если они принимали непосредственное участие в хозяйстве ссыльного, например, состояли с ним в браке, законном или незаконном, и вообще принадлежали к семье его или проживали в его избе в качестве работника или жильца и т. п.». Как видим, писатель постарался освоить приемы социологической науки, статистики и т. п. Таковы

основные черты чеховского творческого подхода в «Острове Сахалине».

Солженицын же сам объявил «Архипелаг ГУЛАГ» «художественным исследованием». Он создал не научно-документальную летопись реальности, а *образ* реальности. Как со впечатляющей откровенностью пишет он сам, «мне не досталось читать документов». В свете этого заявления ждать строгой документальности и не приходится.

А. П. Чехов рассказал в своей книге о том, что сам реально видел, посвятил книгу месту, где реально был. Никаких обобщающих суждений о царской каторге «вообще» он не делает, оставаясь строго в пределах личного опыта. А. И. Солженицын реально был в одном уголке «ГУЛАГа». Остальное рассказывается и описывается им на основании косвенных источников. В итоге его книга содержит не только достоверно установленные факты, но также факты непроверенные, лагерные слухи и т. п. – однако практически всему придается «образ факта». Последнее – характерная черта «Архипелага ГУЛАГ», сближающая его с принципами построения книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

3

О мире ГУЛАГа существует много воспоминаний различных людей – воспоминаний,

человечески драматических, но не ставших фактами художественной литературы. Причины последнего связаны как с отсутствием у таких авторов писательского дарования, так и с тем, что их воспоминания оказались «замкнуты» на эмпирических фактах, фактах личной биографии. Мемуаристы нередко не умеют, да и не проявляют осознанного желания придать своим мемуарам обобщающее звучание – иначе говоря, «подключить» их к литературной традиции.

Как известно, традиция наследуется писателями-потомками весьма многообразно. Здесь могут присутствовать и прямое подражание предшественникам, и, напротив, подчеркнутое отталкивание, и реминисценции, и параллели, – как и еще многое другое.

У истоков «каторжно-лагерной» сюжетно-образной традиции в русской прозе стоят произведения русских писателей-классиков – конкретно говоря, Достоевского и Чехова. Их произведения, посвященные миру дореволюционной каторги, послужили немалым подспорьем для авторов XX в. – как правило, подобно Достоевскому, лично прошедших через жизненные испытания, но испытания еще более жестокие, чем те, что пережил великий русский писатель.

Литература

1. Быстролетов Д. А. Записки из живого дома // Заполярная правда. – 1992. – 23 июня.
2. Волков О. В. Погружение во тьму. – М., 1989. – (Белая книга России; вып. 4).
3. Дорошевич В. М. Каторга: в 3 т. – М., 2001.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
5. Солженицын А. И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – Т. 1–2: В круге первом; Т. 4: Раковый корпус; Т. 5–7: Архипелаг Гулаг.
6. Солоневич И. Л. Россия в концлагере / подготовка текста М. Б. Смолина. – М., 1999.
7. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. – М.: Художественная литература, 1978–1985.
8. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1974–1983.
9. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Язык и искусство. – СПб., 1895.
10. Шумилин Д. А. «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына как художественное исследование: монография / Моск. гос. пед. ин-т; каф. рус. лит-ры. – М.: Мегатрон, 1999.

УДК 82(091)

Н. Г. Арефьева

РОЛЬ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ МИФОПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В «ИТАЛЬЯНСКИХ» СТИХОТВОРЕНИЯХ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

В статье исследуется поэтический миф Иванова об Италии. Рассматривается интерпретация древнегреческих мифопоэтических образов в «итальянских» стихотворениях поэта. Показаны их роль и место в создании мифа о сказочной Гесперии.

Ключевые слова: Италия, Гесперия, Древняя Греция, мифопоэтический образ, миф, элегический дистих, сонет, реминисценция, культура, отождествление, традиция.

N. G. Arefieva

ROLE OF ANCIENT GREEK MYTHOPOETIC IMAGES IN THE «ITALIAN» POEMS OF VYACHESLAV IVANOV

The offered article deals with Ivanov's poetic myth about Italy. In this paper the author studies the interpretation of ancient Greek mythopoetic images in the "Italian" poems of V. I. Ivanov. Their role and place in the creation of the myth about the fairy land Hesperia is shown.

Keywords: Italy, Hesperia, ancient Greece, mythopoetic image, myth, elegiac distich, sonnet, reminiscence, culture, identification, tradition.

Русский символист Вячеслав Иванов – общепризнанный поэт дионисийской тональности и крупнейший знаток древнегреческой культуры. Известно, что в Афинах он прожил целый год, там, «на склонах Ликкабета и под колоннами Парфенона» [3, с. 11], у будущего представителя «религиозного крыла» символизма возникли идеи, связывающие элементы древнегреческих культов с христианством. Однако к Греции более позднего периода создатель «Эллинской религии страдающего бога» был равнодушен. Об этом свидетельствуют следующие строчки из его дневника за 1909 г: «Женя пишет из Афин, что она нашла прекраснейшую в мире страну; этот восторг перед Грецией мне чужд» [2, II, с. 792]. О его далеко не восторженном отношении к древнегреческому классическому искусству писала и Е. К. Герцык, цитируя высказывание самого поэта: «...я не люблю красоту. Мне

не нужна красота. А греки – их вообще понять нельзя – Эсхила и других» [1, с. 53–54]. В творчестве русского символиста очень редко встречаются произведения, непосредственно посвященные пейзажу как древней, так и современной Греции. Зато к образу Италии, ставшей для Иванова поистине духовной родиной, он обращался на протяжении всей своей жизни.

В 1892 г. в одном из своих посланий в Россию («Laeta, I») он признался в любви к своему Риму, где хочется жить, радоваться, творить:

Здесь мне сладок ночлег; но сладостней
здесь пробужденье:

Жажду жить, созерцать, и познавать,
и творить [2, I, с. 636].

На этой земле ему суждено было провести свои последние годы, сюда он приехал, по его словам, умирать, но прожил еще двад-

чать пять плодотворных лет. По словам сына поэта: «Рим был, конечно, главной и единственной целью нашего странствования. <...> Это не был город изгнания, не была чужая земля, а некая вторая родина. <...> Сразу заиграла в нем (В. И. – Н. А.) долго молчавшая лирическая струя, начали писаться “Римские сонеты”» [4, с. 46–47].

В Италии (Рим, июль 1893 г.) произошла знаменательная встреча с Лидией Дмитриевной, любовь к которой спасла молодого Иванова от одиночества и внутренней опустошенности. Эта встреча помогла им «обрести Бога», поверить в собственные творческие силы. В Риме, по свидетельству автора стихотворения «Италия», были проведены самые счастливые годы его молодости:

В стране богов, где небеса лазурны,
И меж олив, где море светозарно...
<...>

Я счастлив был. [2, II, с. 496].

Примечательно, что в стихотворении «Красота», посвященном Вл. Соловьеву, поэт рассказывает о своей знаменательной встрече с богиней, олицетворяющей Красоту. И эта встреча с таинственной незнакомкой стала настоящим духовным переворотом в жизни самого поэта:

Кто мой лик узрел,
Тот навек прозрел, –
Дольний мир навек пред ним иной
[2, I, с. 517].

Здесь явно прослеживается соловьевская реминисценция. Встреча поэта с Ней (как в «Трех свиданиях» Вл. Соловьева) кардинально изменяет его отношение к окружающему миру. Но если Соловьеву Вечная женственность привиделась в образе, имеющем определенное сходство с древнеегипетской богиней Изидой, то Иванову *Она* напоминает древнегреческую богиню Деметру. Ор-

фики (к их учению Вячеслав Иванов не раз обращался) утверждали, что она «олицетворяет мистическое начало в каждом из нас» [5, с. 315], с ней они связывали состояние транса, вдохновение, видения, высшую форму духовного опыта. По мифам, она принадлежит к сонму олимпийских богов и богинь, но хранит верность земле и почти постоянно находится в мире людей:

Тайна мне самой и тайна миру,
Я в моей обители земной...
(курсив мой. – Н. А.)

<...>

Радостно по цветоносной Гее
Я иду, не ведая – куда.
Я служу с улыбкой Адрастее...
[2, I, с. 517].

Адрастее воплощает божественные и космические законы. Таким образом, богиня Иванова, как соловьевская София, является Мудростью Божьей. Так же, как у Соловьева, встреча с ней происходит на земле («цветоносной Гее»): «Там, где Слово Божие касается земли, там и София. Она не покидает дольний мир. Чистому оку она открывается во всех вещах» [2, I, с. 480] (Вячеслав Иванов «Повесть о Светомире царевиче»).

Мы не будем подробно останавливаться на анализе мифологических и литературных реминисценций в «Красоте» Иванова. К этой теме обращались многие исследователи творчества Вяч. Иванова, для нас особый интерес представляет тот факт, что прекрасная богиня, напоминающая древнегреческую Деметру, *явилась поэту в Италии*:

Вижу вас, божественные дали,
Умбских гор синеющий кристалл!
[2, I, с. 517].

Из этого следует, что мистическое свидание с божеством у Иванова все-таки состоялось, но не в Греции, где он так и «не увидел

бога» (стихотворение «Неведомому богу»), а на Сатурновой земле, унаследовавшей культуру Эллады:

Ах! Там сон мой боги оправдали:
Въяве там он путнику предстал...
(курсив мой. – Н. А.) [2, I, с. 517].

В первом сборнике Иванова «Кормчие звезды» можно встретить целый цикл стихов посвященной Италии как законной наследнице древнегреческой культуры. Примечательно, что, описывая города современной Италии, Иванов все время обращается к далекому прошлому этой страны, когда ее южные земли были греческими колониями и назывались «Великой Грецией». Поэтому вполне объяснимы в стихах Иванова об Италии многие древнегреческие образы, особенно мифологические. Например, первый цикл, в котором звучит «итальянская» тема, называется «Геспериды». По одной версии мифа о дочерях Никты, сад Гесперид (своеобразный рай) находился на территории бывшей «Великой Греции», которую греки поэтически называли Гесперией.

Самым же ранним стихотворением русского поэта об Италии является произведение «Laeta» (1892), исполненное в античной стихотворной форме – в элегических дистихах. Молодой Иванов поэтически описал свои первые впечатления о Риме и отправил в Россию своему старому другу А. М. Дмитриевскому. Само название «Laeta» («Радуйся») да и факт создания эпистолярного жанра в Риме отсылает нас к судьбе Овидия и его элегиям, сочиненным в ссылке. Три элегии, объединенные одним названием «Laeta», противопоставлены «Скорбным элегиям» римского изгнанника. Элегиями мы называем «Laeta», следуя формальному признаку древнегреческого жанра, который определялся, прежде всего, стихотворным размером, а не содержанием грустных или даже скорбных мотивов. Автор «Писем с Понта» писал свои элегии

из Скифии (современной Румынии) в Рим, Иванов, напротив, из Рима в «Скифию» (Россию). Отсюда и разные по настрою тона элегий двух поэтов: у Овидия сквозит открытый пессимизм, он жалуется на свою судьбу, недоволен всем, что окружает его в варварской стране; у Иванова в элегиях звучит оптимизм (хотя в конце третьей элегии он признается, что разлука с другом заставляет его все-таки тосковать). В «Laeta» автор постоянно подчеркивает разницу между элегиями римского «певца любви» и своими:

В Рим свои *Tristia* слал с берегов Понтийских Овидий;

Понту из Рима я шлю – *Laeta*: бессмертных хвала!.. (курсив мой. – Н. А.)

(«Laeta», 1) [2, I, с. 636].

В Риме ль о Понте вздыхать? Из Рима ли к берегу Понта –

О, перемена времен! – *Tristia*, *Tristia* слать?

(«Laeta», 3) [2, I, с. 639].

В первом стихотворении он пишет о римском Пантеоне – храме всех богов:

Рим – всех богов жилищем клянусь! – мне по сердцу обитель...

[2, I, с. 636].

Поэт, обращаясь к образам языческих богов, начинает не с традиционных олимпийцев, а с древнегреческого демона дикой природы Пана. Название храма римских богов вызывает у поэта образ Пана, чье имя означало «все», а сам он мыслился у орфиков как божество все объединяющее. Поэтому древнегреческий Пан становится у Иванова символом римского храма. Демон, живущий на земле и своей музыкой совлекающий олимпийских богов с небес, чтобы сблизить и объединить два мира, особенно дорог поэту:

Сей Пантеон! Шлю его, друг, не случайно тебе!

Вспомнил я в нем и почтил нашей юности светлую веру:

**Держит над юношей власть дивный,
таинственный Пан!**

<...>

Деспот незримый, в соборе богов он жил
и с трапезы

Всех кумиров вкушал в храме всебожья –
всебог.

Кругом был вечного дом под шатром зо-
лотой полусферы:

Кругом – владенье земли под полусфе-
рой небес [2, I, с. 636].

В стихотворении проявляется характер-
ная черта его лирики, обращенной к Италии:
римские боги полностью отождествлены
с древнегреческими, даже лишены своих ла-
тинских имен:

В око разверстого свода днем *Зевс*, ози-
рая кумиры,

Сам его дом озарял с невозмутимых вер-
шин.

Гаснули своды – в открытый зенит нис-
ходила *Селена*... (курсив мой – *Н. А.*)

[2, I, с. 636].

К числу посланий, написанных элегиче-
ским дистихом, можно отнести и полушут-
ливое, стилизованное под античное письмо,
стихотворение «С пути» (1904):

Прежде чем парус направить в лазурную
Парфенопою,

Шлем из Панорма тебе добрую, странни-
ки, весть [2, I, с. 775].

В своем послании неведомому нам адре-
сату странники перечисляют места, где по-
бывали легендарный Одиссей, преследуе-
мый Посейдоном, а затем его антипод Эней,
основатель города, из которого впоследствии
развился Рим. Иными словами, авторы пись-
ма повторяют маршрут двух великих героев
Древней Греции и Рима. Но те мифологиче-
ские чудовища, населяющие морские про-

странства Италии, с которыми столкнулись
участники Троянской войны, уже не страшны
для героев письма:

Путеводимы везде благосклонными явно
богами [2, I, с. 775].

Вероятнее всего, это стихотворение –
очередное поэтическое послание, на этот раз
В. И. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал,
путешествующих по Средиземноморью.
Они, следуя по пройденному пути прослав-
ленных мифологических героев Древней
Греции и Рима, как бы переносятся в эпоху
Античности, и древние мифы, территориаль-
но связанные с Италией, оживают перед их
глазами.

Дружные волны несли наш корабль меж
Харибдой и Скиллой;

В горном жилище своем нам не грозил
Полифем.

Этною неизмеримой подавленный, зы-
бля темницу,

Снова с Зевесом ведет древнюю распря
Тифон:

Мы ж невредимы не раз приближались
к безднам, откуда

Пламенем дышит Гигант, пламя лиет
и гремит... [2, I, с. 775].

Нетрудно заметить, что Вяч. Иванов
(как и Вергилий) стремился даже собственно
римские мифы прочно связать с древнегрече-
ской мифопоэтической традицией, для него
мифология Рима – продолжение священной
«истории» Эллады. Об этом свидетельствуют
многие произведения Иванова, обращенные
к Гесперии.

В сонете «Кипарис» поэт называет Ита-
лию «святой землей Сатурна», что соответ-
ствует содержанию римской мифологии.
В поздней римской мифологии образ древ-
нейшего божества Сатурна был переосмыс-
лен, стал восприниматься как титан Крон,

которого Зевс лишил власти. Вынужденный покинуть свой трон, отец олимпийца находит приют в Италии и становится одним из старейших царей на этой земле. Время его правления римляне называли «золотым веком», значит, «святая земля Сатурна» – земной рай.

В «Кипарисе» дерево печали сравнивается с Парисом, а оливы – с богинями, которые окружили героя, чтобы заставить его сделать роковой выбор – предпочесть одну из них:

Смуглея меж олив, как средь богинь Парис,
Благоуханный мрак возносит кипарис...
[2, I, с. 618].

Какую бы он ни выбрал богиню, его решение приведет все равно к трагедии, так как боги и богини мстительны и никогда не простят смертному, если он пренебрег кем-нибудь из них. Отсюда и отождествление дерева траура с несчастным Парисом, невольно погубившим и себя, и свой народ. Весьма символично сравнение олив с богинями, из-за которых возникла Троянская война, приведшая к гибели почти всех древнегреческих мифологических героев последнего поколения. Олива – это дерево судьбы, таким образом, богини стали судьбой не только для Париса, его соотечественников и потомков – римлян, но и для всех эллинов. Оливковая ветвь считалось атрибутом послов и просителей, следовательно, уподобление олив богиням верно: небесные владычицы обращались к Парису с просьбой разрешить их спор. Олива в древнегреческой мифопоэтической традиции – дерево мира, но здесь подобное значение таит явную иронию: не мир, а войну принесли богини (Гера, Афродита и Афина), окружившие будущего виновника разрушения Трои.

Кипарис в древнегреческой мифологии считался не только деревом богинь подземного мира Персефоны, Гекаты, но и растени-

ем Аполлона, владеющего даром прорицания. Как дерево Аполлона, кипарис в сонете русского поэта наделяется этим даром и, подобно пифиям и сивиллам, способен внушать священный трепет природе, которая в стихах Иванова всегда одушевлена:

Древа теней, чей сон питает Асфодел!
Им любо грезить Ман мерцающий предел,
Нарциссам темных вод, над зеркалом их лона –
Иль, гибкий зыбля ствол у прага древних вилл,
Как иглостолпный сонм провидящих Сивилл,
Внушать священный ритм стремленьям Аквилона [2, I, с. 618].

Почти все мифологические образы в «Кипарисе» связаны с древнегреческой культурой. Исключением являются римские божества маны, добрые духи умерших людей, которые время от времени посещают своих потомков. В древнегреческой мифологии сложно найти образы, которые легко отождествить с манами (а также с пенатами и ларами) – покровителями семей и государства. Образы, связанные с культом умерших, подчеркивают мысль поэта о том, что эта священная земля хранима всеми: богами, духами природы и людьми (живыми и мертвыми).

В сонете «Сиракузы» поэт создает «исторический портрет» города. Однако исторический материал искусно переплетается с мифом. В сонете возникает образ древнегреческой нимфы Арефузы, вынужденной превратиться в текучую влагу, покинуть родной Пелопоннес и поселиться в виде священного источника вблизи Сиракуз (Италии). Но она, по убеждению поэта, не осталась одинокой в своей беде: музы, сочувствуя ей, бросили свой Геликон в Элладу, чтобы быть вместе с Арефузой:

Фиалкокудрые, – близ мест, где, убелив,
Как пеной яхонт волн, всплывают Сиракузы

Над морем греческим, – изгнание, разделив

Любовью стремною гонимой Арефузы, –
<...>

Родимый пели хор дорические Музы...
[2, I, с. 622–623].

Миф в стихотворении Иванова как бы дублирует историю Сиракуз. Как когда-то люди переселились из Греции в новый полис, расположенный на о. Сицилия, так и греческие божества нашли свой приют на чужих землях. Миф в сонете Иванова еще одно подтверждение неразрывной связи Древней Греции с Сиракузами (Италией).

Итак, создавая образ Италии (Гесперии), Иванов стремится связать ее с древнегреческими мифами. Но, следуя мифологической правде, Вяч. Иванов не отходит от «канонов» традиционных сказаний: все древнегреческие образы в его лирике, действительно, географически были связаны с итальянской землей. Так, утверждается идея преемственности: Италия – наследница древнегреческой культуры. Следует отметить, что и у римлян были свои мифы, которые Иванов почти не упоминает. Влюбленный в природу и культуру Италии, Вяч. Иванов очень сдержанно отзывался о мифах Рима. Причина, видимо, кроется в том, что римские боги были слишком далеки от людей, они, как писал русский поэт в «Эллинской религии страдающего бога», олицетворяли «отвлеченные идеи», а самое главное, у римлян не было страдающего бога, который не только принес себя в жертву людям, но и устранил разрыв между небом и землей.

Италия Иванова – чудесная страна, ставшая родиной для многих древнегреческих демонов и духов природы, земля, принявшая к себе изгнанников – богов и героев из древ-

негреческой мифологии. В своем творчестве Вяч. Иванов, как правило, обращался к архаическим мифам и древним культам традиционной религии, в стихах об Италии, напротив, особое внимание уделяет образам классической древнегреческой мифологии. И в этой гостеприимной стране, «где небеса лазурны» и «море светозарно», древнегреческие мифологические образы почти утрачивают трагические черты, исключением является стихотворение «Адриатика». Даже такие носители дионисийского начала, как Посейдон, Галатея, прелестные нимфы (океаниды, наяды, nereиды), связанные с водной стихией, становятся в лирике Иванова эстетическими феноменами, подчеркивающими красоту одухотворенной природы Италии. Однако в «итальянских стихотворениях» мифологические образы и мотивы «упрощаются», лишаются той религиозно-философской глубины, которой отмечены «дионисийские» произведения Иванова. «Итальянские стихи» – светлые и солнечные по настрою, в них доминирует в основном аполлоническая стихия. А в «Пэстумском храме» лирический герой «творит обеты» «Вожатым Музам, и совершительным/Судьбам, и Счастью Дня, и Солнцу» (курсив мой. – Н. А.) [2, I, с. 583]. И в этом утверждении звучит гимн аполлоническому искусству. Здесь русский лирик предстает как поэт-сновидец, поэт-живописец, прославляющий красоту зримого мира.

Впечатляет и другая особенность «итальянских стихов»: в них нет того смелого синкретизма языческих и христианских мотивов (за исключением стихотворения «Суби-ако»), характеризующего творчество Иванова в целом. Стихи Иванова об Италии, особенно ранние, по сути своей, – миф о счастливой Гесперии, открытой Небесам. Италия предстает прекрасной «языческой» страной, где установлена навечно гармония, где не разрушится «золотая цепь» Бытия, соединяющая два мира.

Литература

1. Герцык Е. Воспоминания. – Париж, 1977. – 324 с.
2. Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. – Брюссель, 1971–1987.
3. Иванов В. Дионис и прадионисийство. – СПб., 1994. – 344 с.
4. Иванов Д. В. Из воспоминаний // Вячеслав Иванов: мат-лы и исслед. – М., 1996. – С. 34–71.
5. Орфей. Языческие таинства. Мистерии и восхождения. – М., 2001. – 432 с.

УДК 821.161.1 Хлебников.07

А. М. Павлов

**ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ В МОНОДРАМЕ В. ХЛЕБНИКОВА
«ГОСПОЖА ЛЕНИН»: К ПРОБЛЕМЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ/
ЗРИТЕЛЬСКОЙ «КОНКРЕТИЗАЦИИ» ПЬЕСЫ**

Предлагаемая статья посвящена описанию позиции читателя/зрителя монодрамы В. Хлебникова «Госпожа Ленин». Ведущее внимание уделяется рассмотрению соотношения планов внешнего и внутреннего в пьесе. Экспликация креативно-рецептивного потенциала данной монодрамы позволяет говорить о том, что новизна художественно-сценического языка пьесы В. Хлебникова связана непосредственно с горизонтом творческого самосознания неклассической художественности.

Ключевые слова: неклассическая драма, монодрама, позиция читателя/зрителя.

A. M. Pavlov

**EXTERNAL AND INTERNAL IN KHEBNIKOV'S MONODRAMA
«MADAME LENIN»: PROBLEM OF THE READER/
VIEWER «SPECIFICITY» OF THE PLAY**

The offered article is devoted to the description of the reader/spectator position in monodrama «Madam Lenin» by V. Khlebnikov. The leading attention is given to consideration of a parity between external and internal plans in the play. The explication of creatively receptive potential of the given monodrama allows to say that the novelty of V. Khlebnikov play's art-scenic language is connected directly with horizon of nonclassical artistry creative consciousness.

Keywords: nonclassical drama, monodrama, position of the reader/spectator.

Предлагаемая статья посвящена прояснению вероятностной траектории читательского/зрительского восприятия монодрамы В. Хлебникова «Госпожа Ленин» (1908, 1913). Выбор именно рецептивного аспекта

обусловлен тем, что как читательская, так и сценическая «конкретизация» (Р. Ингарден) произведения представляет собой серьезную проблему в силу его, так сказать, двуплановости, основанной на полном, *эксплициро-*

ванном *хромотопически*, «размежевании» *внешнего и внутреннего*.

С одной стороны, пьеса начинается с «авторской» ремарки, объективно фиксирующей время действия («2 дня в жизни госпожи Ленин, разделенные неделей» [11, с. 180]). В начальной ремарке происходящее оценивается с внешней (чисто фактической) точки зрения. Если в первый день душевнобольная госпожа Ленин находится в саду, в котором происходит ее разговор с доктором Лоосом, то во второй день – она уже в смиренной рубашке пребывает в палате психиатрической клиники, куда входят санитары с целью транспортировки героини (видимо, в другую палату).

С другой стороны, названные действия не представлены зрителю непосредственно, миметически не разыграны перед его взором (хотя встреча госпожи Ленин с доктором Лоосом или посещение ее палаты санитарями вполне могли бы быть развернуты в отдельные и даже связанные причинно-следственными отношениями, замкнутые в пространстве и времени сценические эпизоды). Происходящее можно реконструировать из следующих друг за другом фраз, принадлежащих разным частям гротескно расщепленного больного сознания героини, причем каждая из этих частей наделена своим собственным голосом: голос Зрения, голос Слуха, голос Соображения, голос Памяти и т. д. При чтении пьесы возникает ощущение, что этот ряд может быть продолжен и далее. В высказываниях этих голосов включается все то, что в традиционном драматическом произведении могло бы войти как в реплики персонажей (к примеру, общение госпожи Ленин с доктором Лоосом, обращение к ней санитаров), так и ремарки (описание места действия – сада и палаты для душевнобольных – и телесного поведения героини).

Рецептивно провокативной по отношению к читателю/зрителю является вторая ре-

марка («Сумрак. Действие происходит перед голой стеной» [11, с. 180]). Думается, что само появление такой «сценичной» ремарки (при том, что сценическое воплощение пьесы вызывает серьезные трудности) неслучайно. Автор стремится поместить как читателя (начинающего при чтении «проигрывать» пьесу в собственном сознании¹¹ – а эта ремарка буквально побуждает воспринимающего субъекта вписать действие, которое будет разворачиваться далее, в воображаемое пространство сцены), так и театрального зрителя, в особые пространственно-временные условия.

Эта ремарка, по сути дела, переводит воспринимающего субъекта с позиции вневходимости к происходящему в «сумрачные» «кулисы души» героини, то есть с *внешней точки зрения* на *внутреннюю*. Причем при сценической «конкретизации» пьесы «сумрак» начинает буквально «окутывать» зрителя, поскольку находится не только впереди (как следует из ремарки, именно на фоне «сумрака» взгляду зрителя, направленному вперед, на сцену, открывается «голая стена»), но и вокруг него (поскольку при просмотре театрального спектакля свет всегда гаснет).

Использование метафоры «кулисы души» при описании пьесы В. Хлебникова, думается, вполне оправданно. В пьесе В. Хлебникова достигается тот же художественный эффект, что и в монодраме Н. Евреинова «В кулисах души» (1912), в которой, по словам последнего, «действие развивается... в груди человека», причем сам этот человек, как и госпожа Ленин, на сцене не появляется. В монопьесе Н. Евреинова «В кулисах души» сцену заполняла многократно увеличенная грудная клетка, где, как считают мно-

¹¹ По Н. Д. Тамарченко, это является специфической особенностью читательского восприятия драматического литературного произведения [8, с. 307].

гие, помещается душа человека. По словам самого автора, «соответственно этому место действия монодрамы «В кулисах души» расположено на выпуклости грудобрюшной преграды, окруженной справа и слева портьерами легких, вздувающихся от четырнадцати до восемнадцати раз в минуту, среди коих сверху спускается на аорте и верхней поллой вене огромное сердце, бьющееся от пятидесяти пяти до ста двадцати пяти раз в минуту. Фоном такому месту действия внутри человека служит позвоночник с ребрами, на котором помещается нечто вроде телефона желто-нервной окраски...» [4, с. 281]. Персонажами пьесы становятся различные «я» человека: «я» рациональное, «я» эмоциональное и «я» подсознательное, находящиеся в конфликте друг с другом. Можно сказать, что в пьесах Н. Евреинова и В. Хлебникова соблюдается центральный принцип монодраматического произведения, провозглашаемый Н. Евреиновым, связанный с эстетической прерогативой изображения на сцене «не столько самих действующих лиц, сколько проекций их психического бытия в тот или иной момент драматического представления» [4, с. 269], а в связи с этим заменой «объективного» времени и пространства «перцептуальным» временем и пространством, то есть «пространством-временем “смены человеческих ощущений и психических актов субъекта”» [5, с. 11]. В такой пьесе сам персонаж, «испаряясь» зрительно, по образному выражению исследователя, становится «местом действия» [2, с. 178].

Однако если у Н. Евреинова визуальный ряд никуда не исчезает, сохраняется, изменяя свое художественное назначение (визуальное становится знаком, на самом деле не имеющих зримого выражения внутренних – «перцептуальных» – состояний «единого действующего лица»), то в пьесе В. Хлебникова зрительное *редуцируется полностью*, замещается голосами сознания госпожи Ле-

нин. Если монодрама Н. Евреинова, по его собственным словам, является монодрамой «растроения “я”» [4; С. 283], то монодраму В. Хлебникова можно считать монодрамой гротескного «размножения “я”».

Благодаря приведенной выше пространственной ремарке и полной редукции зрелищно-миметического ряда в пьесе В. Хлебникова «внутренняя драма» героини становится «внутренней драмой» самого воспринимающего субъекта. В пьесе «Госпожа Ленин» устранение самого «пространства взгляда» (П. Пави) оказывается необходимым для преодоления *инерции непричастности* зрителя драме героя – а этого и стремится достигнуть, по Н. Евреинову, «подлинная монодрама»¹².

Действительно, «драма» героини состоит в ее тотальном отъединении от окружающего мира и другого «я». Для госпожи Ленин спастись от разлитого вокруг «мирового зла» (персонификацией которого являются, с ее точки зрения, в том числе доктор Лоос, а также санитары) возможно лишь благодаря полному замыканию внутри себя и погружению в молчание; не случайно общение с доктором Лоосом, необходимость ответить на его прощальный словесный жест вежливости в конце первого действия оценивается всего лишь как формализованный ритуал (об этом говорит голос Рассудка: «Не-

¹² Как пишет Н. Евреинов, «под монодрамой я хочу подразумевать такое драматическое произведение, которое, стремясь наиболее полно сообщить зрителю душевное состояние действующего, являет на сцене окружающий его мир таким, каким он воспринимается действующим в любой момент его сценического бытия» [3, с. 8]. В свою очередь, принцип «сценического тождества... с представлением действующего» «обуславливает переживание, заражающий характер которого, вызывая во мне сопереживание, обращает в момент сценического акта чуждую мне драму в “мою драму”» [3, с. 9].

обходимо подать ему руку, несносен обряд» [11, с. 181]). В контексте пьесы молчание героини синонимично образу тишины, предстающей как естественное, живое и гармоническое состояние бытия (пьеса начинается с упоминания о только что кончившемся дожде и тишине, которую нарушают шаги, а потом и слова доктора Лооса; «жизнь» восстанавливается лишь после ухода врача: «Ушел человек – и опять жизнь» [11, с. 182]). В этом плане финал первого действия противопоставлен финалу пьесы, словам голоса Сознания: «Все умерло. Все умирает» [11, с. 183]. Заключительный образ «умирания» в финале пьесы связан с тем, что в жизни госпожи Ленин опять появляются другие, вторгающиеся туда с речью и *ожидающие ответного слова от самой героини* (реплике голоса Сознания предшествует реплика, принадлежащая голосу Слуха: «Доносится голос: “Больная все еще не переведена?” – Никак нет» [11, с. 183], а чуть до этого звучит голос Воли: «Но все же слово не будет произнесено. Нет» [11, с. 183]). Важно, что самого слова, обращенного к доктору Лоосу, и самого врача читатель / зритель так непосредственно и не слышит, как и обмен репликами санитаров, приходящих в палату госпожи Ленин во втором действии. О том, что все это, действительно, имеет место быть, реципиент узнает опять же лишь из голосов, то есть это все *проговаривается*, но не *показывается*. Отказ от традиционного языка классической драмы в пьесе В. Хлебникова и его замена потоком дробных впечатлений органов чувств и сознания обуславливают особую рецептивную позицию. Благодаря «диалогу» голосов внутренний мир госпожи Ленин «разыгрывается» перед воспринимающим сознанием как особого рода *реальность*, живущая по собственным законам, не тождественным законам реальности внешней, и в которой также происходит свое собственное (довольно насыщенное) *действие*, и даже *имеются свои*

«персонажи» (не случайно в афише и ремарках, указывающих на говорящего, «носители» голосов названы с большой буквы: *Зрение, Слух, Воля, Сознание и т. д.*). Отметим, что среди реплик, произносимых голосами размноженного «я» героини, с одной стороны, выделяются реплики, направленные на фиксацию определенных фактов внешнего мира (Голос Зрения, Голос Слуха, Голос Памяти, позволяющий Голосу Зрения идентифицировать доктора Лооса); с другой – реплики, которые можно рассматривать как перформативные (приравняемые к «словесным действиям»¹³). Это, прежде всего, голоса Сознания, Рассудка и Воли. К примеру, именно голос Воли произносит фразу «Он не получит ответа» [11, с. 181], выбирая молчание как единственно возможную для госпожи Ленин позицию в мире (несмотря на то, что доктор Лоос побуждает госпожу Ленин к «ответу»). Само слово «действие», появляющееся во второй ремарке, относится именно к данному плану пьесы – к *жизни сознания* госпожи Ленин. Этим объясняется, видимо, и предельная условность внешнего пространства-времени, выражающаяся в трудности его идентификации с каким-то конкретным культурным и географическим хронотопом. Если внешнему миру госпожа Ленин *адресует молчание*¹⁴, то во внутреннем мире, наоборот, *звучат* голоса разных частей «я» центрального персонажа.

В итоге между читателем/зрителем и тем, что происходит с госпожой Ленин

¹³ По словам В. Е. Хализева, монологи и диалоги в драме «являются... по основной своей функции не сообщениями, а действиями. Своими словами герои драматических произведений откликаются на развертывание событий, а также воздействуют на их дальнейшее течение» [10, с. 43].

¹⁴ С точки зрения Р. Дуганова, «молчание героини – это и есть ее “слово” о мире, выражение ее отношения к миру и ее понимания мира» [2, с. 201].

во внешнем мире, возникает плотная и непроницаемая «стена» слов, произносимых голосами «размноженного» «я» героини. Стена, таким образом, становится значимой пространственно-предметной точкой пьесы, символизируя преграду, границу между *внешним* и *внутренним*. Читатель/зритель сам оказывается в *состоянии*, аналогичном *состоянию героини*, – предельной отъединенности от внешнего мира. Как и для госпожи Ленин, все внешнее для воспринимающего субъекта хронотопически начинает существовать в принципиально ином плане бытия – словно за пределами стены. Сумрак, упоминаемый во второй ремарке, стирает (даже визуально) барьер между сценой и зрительным залом, так что само темное пространство, окружающее со всех сторон реципиента, становится образом души героини, темной «клеткой» ее больного сознания. Все это объясняет объем текста драматического произведения – два предельно сжатых по времени действия уподобляются кратковременным вспышкам больного сознания героини, «умирающего» в финале пьесы. Вот почему собственно драматическое время, совпадающее в данном случае со сценическим временем¹⁵ (и временем жизни сознания госпожи Ленин), оказывается значительно уже, чем время фактическое, о котором сказано в первой ремарке пьесы. В пользу такого «прочтения» сценического хронотопа говорит и тот факт, что *границы изображенного мира* в «Госпоже Ленин» совпадают с *границами жизни сознания* госпо-

жи Ленин – как только голос Сознания произносит фразу «Все умерло. Все умирает» [11, с. 183], изображенный мир также *исчезает*, и пьеса прекращается.

Благодаря такой пространственно-временной позиции читателя/зрителя сам характер «конкретизации» происходящих во внешнем мире действий также оказывается целиком и полностью подчиненным реакциям и впечатлениям, содержащимся в представленных голосах. При этом, как выясняется, каждый голос обладает довольно ограниченным «кругозором» (голос Зрения не способен дополнить воспринятую визуальную «картинку» акустическими впечатлениями, в отличие от голоса Слуха, не способного к рецепции зрительного ряда; аналогично голос Зрения корректирует свое первичное впечатление от входящего в сад человека лишь после голоса Памяти («Сегодня, как и всегда, его рыжие усы подняты к глазам, а лицо красно и самоуверенно» [11, с. 181])). Отметим, что последовательная смена реплик, принадлежащих разным голосам, неизбежно предполагает наличие пауз между ними. Эти паузы возникают и при чтении благодаря устройству текста драмы, требующего определенных затрат времени от воспринимающего субъекта на чтение указаний на «носителя» реплики, прерывающих процесс «складывания» возникающей в сознании реципиента «картины». В итоге «заполнение» возникающего в читательском/зрительском сознании «вида» (по терминологии Р. Ингардена) также становится прерывистым, дробным, «расчлененным», полностью подчиненным внутреннему ритму такого же «расчлененного» восприятия госпожи Ленин. Таким образом, редукция визуального ряда и вынесение его в иную хронотопическую плоскость, действительно, определяет перформативный (рецептивно-«соучастный») потенциал монодрамы В. Хлебникова, предполагая выстраивание читательского/зрительского поведе-

¹⁵ Понятия сценического и драматического времени разводит П. Пави в своем «Словаре театра». Под сценическим временем понимается «одновременно время представления происходящих событий и время зрителя, присутствующего на спектакле» [7, с. 44]; под драматическим временем – «время события, о котором рассказывает спектакль», «время, реконструируемое автором» [7, с. 43], то есть время художественное.

ния в соответствии со стратегией «эстетики чувствования»¹⁶.

Однако в «конкретизации» нуждается не только внешний уровень пьесы, но, прежде всего, внутренний (связанный с образами самих голосов). Рецептивное внимание только к внешнему (так сказать, фабульному) уровню не совсем адекватно тексту пьесы, тем более что именно внутренний план разворачивается в «Госпоже Ленин» не просто как особая реальность, но и как драматическое «действие». По сравнению с внешним уровнем «конкретизация» внутреннего уровня представляется затрудненной, что, скорее всего, входит в авторскую интенцию – причем в данном случае следует различать рецептивные позиции читателя и зрителя. Дело в том, что в пьесе «Госпожа Ленин» голоса разных частей «я» героини, хоть и являются принадлежностью только ее внутреннего мира, как при читательской, так и сценической «конкретизации» пьесы, все-таки неизбежно *овнешняются*, выводятся вовне, поскольку приобретают в художественном мире пьесы статус звучащих, воспринимающихся на слух читателем / зрителем реплик (а потому каждая из них предполагает воплощение в конкретном голосовом материале¹⁷). Внешнее, материальное выражение получают та-

кие свойства человека, которые изначально этой материальности лишены, следовательно, представление читателя/зрителя о четких границах материального/нематериального, внешнего и внутреннего остраивается, погружая его в состояние вопроса о том, как эти голоса *на самом деле должны звучать*. Это тем более важно, что в пьесе нет ничего, кроме данного потока голосов. Думается, что они вряд ли могут быть заменены просто на образы зрительных и слуховых впечатлений (ибо тогда окажется разрушенной художественная логика пьесы, связанная с «размежеванием» внешнего и внутреннего) или на визуальные инсталляции «брёда» героини, поскольку в пьесе «Госпожа Ленин» драматически эксплицированы все-таки не визуальные образы фантазмов центрального персонажа (как, к примеру, в монодрамах «Черные маски» Л. Андреева или «Ганнеле» Г. Гауптмана), а озвучиваемые вслух реакции разных органов восприятия на факты внешнего мира. Эти реплики вряд ли могут быть озвучены и голосом самой госпожи Ленин, ибо тогда, во-первых, возникает необходимость в произнесении со сцены каждый раз указаний на «носителя» голоса для различения этих голосов, а, во-вторых, говорит все-таки не госпожа Ленин (она погружена в молчание), а разные составляющие ее внутреннего «я», причем исключительно друг с другом. Если во время чтения содержание реплики непосредственно соотносится с конкретным голосом, названным в обозначении говорящего, то на сцене (начальная ремарка, как уже отмечалось выше, все-таки провоцирует на разыгрывание происходящего на сцене – хотя бы воображаемой) такая «корреляция» оказывается проблематичной в силу того, что при постановке пьесы в театре имена «носителей» реплик не озвучиваются. Сами же эти голоса лишены каких-либо опознавательных, дифференцирующих их признаков

¹⁶ См. подробнее об этом в статье С. П. Лавлинского [6, с. 226].

¹⁷ По словам П. Пави, значимость голосовых характеристик (таких, как высота, сила, тембр, окраска голоса) для сценической интерпретации пьесы состоит в том, что они «позволяют немедленно идентифицировать персонаж и в то же время непосредственно способом прямого и чувственного воздействия влияют на восприятие зрителя» [7, с. 55]. Добавим, что в данном случае такая «идентификация» голосом необходима в силу того, что пьеса представляет собой звучащий поток реплик при отсутствии визуального ряда (при просмотре традиционного театрального спектакля зритель имеет возможность идентифицировать персонажей еще и зрительно).

(кроме того, что указано, кому они принадлежат). Предельная «непрорисованность» голосов обусловлена, как нам кажется, *монодраматическим принципом* строения пьесы. В ней читатель/зритель лишается какой-либо *устойчивой позиции вне героя, вне его сознания*. Кроме содержания, присутствующего в репликах «голосов», воспринимающему субъекту не на что больше опереться (вот почему «реконструкция» внешнего плана пьесы также в какой-то мере приобретает свойства *вероятности*: к примеру, реципиенту так до конца и остается не понятным, является ли Лоос настоящим именем врача или оно выдумано центральным персонажем — госпожой Ленин). В «Госпоже Ленин» меняется статус зон так называемого «авторского» текста драмы, прежде всего, указаний на то, кому принадлежит реплика. Если в традиционной классической пьесе в указаниях на говорящего герой *увиден не изнутри, а извне*, в кругозоре автора (и читателя)¹⁸, то у Хлебникова все эти «голоса» звучат *внутри героя*, то есть в этих участках текста присутствует все-таки не внешняя, а внутренняя точка зрения (это в восприятии героини органы пер-

цепции и другие свойства сознания обладают собственным голосом). Поэтому «имена» говорящих перед соответствующими репликами (как и афиша) при «конкретизации» пьесы также лишают воспринимающего субъекта опоры, *внезаходимой сознанию героя*.

Наличие таких «мест неполной определенности» (Р. Ингарден) в тексте пьесы является эстетически действенным фактором, обуславливающим вполне определенную позицию воспринимающего субъекта. Если внешняя «картинка» складывается из речей, принадлежащих голосам, то в силу наличия этих «лакун» внутренний план (жизнь сознания) оказывается для читателя/зрителя (другого «я») все-таки *скрытым, что вызывает трудности как у режиссера, призванного создать сценическую интерпретацию пьесы, так и читателя, «режиссирующего» пьесу в собственном сознании*. С одной стороны, текст пьесы вроде бы дает воспринимающему субъекту большую степень свободы в «заполнении» имеющихся «пустых мест». Однако, с другой стороны, как бы эти «пустые места» ни «актуализировались», их «заполнение» неизбежно будет опять же лишь *вероятностным*, поскольку отсутствие хотя бы мельчайших опознавательных «контуров» у этих «голосов» не позволяет подтвердить степень соответствия этих голосов тому, как они на самом деле звучат в сознании (к тому же, *большом!!!*) госпожи Ленин. Поэтому образы стены и сумрака в контексте пьесы расширяют тот смысловой объем, который был отмечен ранее, показывая не только границы между внешним и внутренним, но и возникающий «зазор» между внутренним миром госпожи Ленин и воспринимающим субъектом. Пьеса, таким образом, оказывается художественной провокацией по отношению к последнему, поскольку, с одной стороны, стимулирует вхождение читателя/зрителя

¹⁸ С точки зрения Н. Д. Тмарченко, помимо прямой речи персонажей (их монологов, диалогов, рассказов и т. д.) в драматическом произведении, как и эпическом, всегда имеют быть высказывания «особого субъекта речи», который «явно не принадлежит к персонажам и обращается со своими сообщениями, описаниями и рассуждениями (как в эпике) или со своим списком действующих лиц и ремарками (как в драме) отнюдь не к ним, а прямо к читателю» [8, с. 183]. Обозначение имени персонажа перед его репликой также в этот ряд входит. Не случайно Е. Давыдова характеризует афишу, ремарки, обозначение имени персонажа перед его репликой — так называемый паратекст в драме — как «визуальное (графическое) и семантическое «препятствие» к полному вживанию читателя в художественный мир произведения» [1, с. 22].

в «кулисы» сознания госпожи Ленин (давая возможность адресату на собственном рецептивном опыте пережить существующую для героини «разделенность» внешнего и внутреннего), с другой стороны – все же оставляет сознание героини под «сумрачной» завесой тайны, давая возможность лишь вероятностной «конкретизации» голосового «действия», развертывающегося внутри персонажа. Сознание «единого действующего лица», таким образом, предстает перед читателем/зрителем *особым, автономным «духовным пространством», недоступным альтернативному кругозору другого*. Такой тип драматургического высказывания вписывается в контекст модернистского художественного сознания, в частности, в коммуникативную стратегию *авангардистского художественного письма* с его установкой на художественное «проговаривание» *уединенного сознания* и демонстрации, по словам В. И. Тютю, онтологической *несовместимости кругозоров* «моей и любой иной субъективности» [9, с. 109].

Вот почему сам выбор монодраматического высказывания для экспликации данного художественного смысла представляется продуктивным. Монодрама с ее установкой на изображение субъективного мира *одного индивида* в данном случае показывает не только «размежевание» внешнего и внутреннего, но и ценностно значимое для авангардистской художественности *кризисное «напряжение альтернативности между “я” и “не-я”*» [9, с. 109] как на предметно-тематическом уровне пьесы (отношения госпожи Ленин с доктором Лоосом, ее стремление к одиночеству и «безответности»), так и на рецептивном (даже телесно-чувственном: сумрак, лишая реципиента видимости, как бы оставляет его *одного* в пустом мире). Такая рецептивная траектория «Госпожи Ленин» вписывается в образную логику пьесы, в которой тишина и молчание оказываются связаны с полюсом жизни и гармонии, а произнесение слова и вторжение другого «я» в уединенную жизнь субъекта – с неизбежностью смерти.

Литература

1. Давыдова Е. Рецептивная стратегия в драматургии // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». – 2010. – № 2(45). – С. 15–27.
2. Дуганов Р. Велимир Хлебников: природа творчества. – М.: Советский писатель, 1990. – 348 с.
3. Евреинов Н. Введение в монодраму. – СПб., 1909. – 32 с.
4. Евреинов Н. В школе остроумия. – М.: Искусство, 1998. – 367 с.
5. Зобов Р., Мостепаненко А. О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л.: Наука, 1974. – С. 11–25.
6. Лавлинский С. П. «Введение в монодраму» Николая Евреинова в контексте новейшей русской драматургии (К постановке проблемы) // Школа теоретической поэтики: сб. науч. тр. к 70-летию Натана Давидовича Тмарченко. – М.: Intrada, 2010. – С. 224–233.
7. Пави П. Словарь театра. – М.: Прогресс, 1991. – 504 с.
8. Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – Т. 1. – 512 с.
9. Тютю В. И. Литература и ментальность. – М.: Вест-Консалтинг, 2008. – 276 с.
10. Хализев В. Е. Драма как род литературы. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 260 с.
11. Хлебников В. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4: Драматические поэмы. Дамы. Сцены. 1904–1922. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 432 с.

А. Ж. Кайрамбаева

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ КАК ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ Г. ПАВЛОДАРА)

Статья посвящена основным синтаксическим приемам рекламного дискурса, создающим особые стилистические эффекты за счет экспрессивности. Приводится определение экспрессивности. Анализируются тексты наружной рекламы, в которых использование экспрессивных синтаксических приемов обусловлено прагматическими задачами рекламы.

Ключевые слова: рекламный синтаксис, экспрессивность, стилистические приемы, прагматические задачи.

A. Zh. Kairambayeva

SYNTACTICAL METHODS AS THE EXPRESSIVE MEANS OF THE ADVERTISING DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF PAVLODAR OUTDOOR ADVERTISEMENT)

The article is devoted to the main syntactical methods of the advertising discourse that make special stylistic effects due to expressivity. The definition of expressivity is given. Outdoor advertising texts which use expressive syntactical methods to fulfill pragmatic tasks are analyzed.

Keywords: advertising syntax, expressivity, stylistic methods, pragmatic tasks.

В современном мире с развитием рыночных отношений возросла роль рекламы – одного из массовых информационных ресурсов, ставящего перед собой вполне конкретные цели и задачи. Основной целью любой рекламы является побуждение адресата к выполнению тех поступков, которых добивается от него адресант.

Мы придерживаемся определения Е. Е. Медведевой в полной мере отражающего сущность рекламы: «Реклама – это разновидность массовой коммуникации, в которой создаются и распространяются информативно-образные, экспрессивно-суггестивные тексты однонаправленного и неличного характера, оплаченные идентифицированным рекламодателем и адресованные

им с целью побудить к нужным рекламодателю выбору и поступку» [1, с. 40].

Исследователи рекламы заявляют, что перед рекламодателями стоят конкретные прагматические задачи, а именно побудить людей купить рекламируемые товары или воспользоваться услугами. Основным условием положительного решения этих задач является умение убеждать, осуществляемое определенными языковыми средствами (лексико-грамматическими и синтаксическими структурами), которые вызывают заинтересованность аудитории, закрепление в ее памяти предметов рекламы и желание произвести их покупку [2].

Рекламное сообщение как комплекс совокупно функционирующих компонентов

лингвистического и экстралингвистического плана представляет собой лексико-синтаксическое единство, дополненное изобразительным рядом, где синтаксические приемы и процессы создают особые стилистические эффекты за счет экспрессивности, которая «делает речь более яркой, сильно действующей, глубоко впечатляющей» [3, с. 103–124]. Экспрессивность понимается, как свойство языковых средств осуществлять изобразительно-выразительные функции при передаче денотативного содержания и как степень выразительности [4, с. 50], усиливающей воздействующую силу сказанного. Выразительность рекламного синтаксиса представляет функционально-стилистическую норму рекламы, в некоторых моментах не совпадающую с нормой литературной, однако не нарушающую языковых стандартов [5].

Анализ фактического материала показал, что рекламный текст может содержать один или несколько стилистических синтаксических приемов. Среди них наиболее частыми являются:

1. *Расположение компонентов* внутри текста, которое является важным синтаксическим приемом. На первое место выносятся главный компонент, который может быть выражен одним из элементов рекламного текста – заголовком, логотипом, основным текстом и т. д. Расположение обусловлено предполагаемым спросом потенциальных потребителей, а отсюда важностью и пользой рекламируемого предмета для них. Например: **Устраняет 99 % бактерий! Protex. Берегите семью от гриппа!** В данном тексте на первое место ставится функциональный аспект продукта, так как для потребителя важна не марка, а его функциональная характеристика. Далее следует его название, затем императив, в котором заключен результат его применения.

Анализ фактического материала показал, что в большинстве рекламных текстов первое предложение – именительный представления (темы), называющий рекламируемый предмет и вызывающий представление о нем. Он выделен в изолированную синтаксическую единицу, за которой следует либо предложение, либо иллюстрация обязательно тематически связанные с ним. В рекламном тексте **Ювелирный салон «Скирда». Скидки до 15 %** первое предложение – именительный темы, обозначающее наличие ювелирных изделий в рекламируемом салоне. Второе предложение говорит о выгодных на данный момент условиях приобретения рекламируемого предмета, выполняя, таким образом, воздействующую функцию. Без второго предложения функцию рекламного текста можно определить как напоминающую.

2. *Номинативные предложения*, как широко распространенное средство представляют собой констатацию наличия называемого в предложении предмета или явления, а также названия товара, фирмы или марки, выпускающей товар. Если признавать название объекта рекламой, то можно говорить о том, что и оно выполняет определенную рекламную функцию и решает определенные прагматические задачи. В этом случае речь идет о номинативных предложениях назывных, к которым относятся наименования магазинов и других объектов потребительского назначения. Некоторые ученые определяют эти предложения как «номинативные заглавия» [6, с. 209–210]. Они успешно выполняют основную задачу рекламного текста – привлечение внимания к конкретному товару, предмету или событию за счет таких свойств, как лаконизм и выразительность [7]. Например, название парикмахерского салона **«Стиль»** говорит об оказании парикмахерских услуг всем тем, кто желает быть стильным, или название магазина по

продаже дверей «1000 дверей» говорит о наличии огромного ассортимента конкретного товара. Подобные тексты и названия ориентируют адресата рекламного сообщения на выполнение конкретных действий, результат которых уже заложен в названии объекта и соответственно имеется в представлении адресата еще до того, как он воспользовался услугами названного объекта.

В рекламном тексте может быть достаточно только одного номинативного предложения назывного. Такие конструкции характерны для рекламы брендовой продукции, не нуждающейся в дополнительной информации. Примером может послужить многочисленная реклама парфюма, автомобилей, ювелирных изделий, одежды и аксессуаров знаменитых дизайнеров и т. п. Например, *Channel № 5, Kenzo, Colin's, Mercedes* и т. п.

Таким образом, рекламный текст представляет собой последовательность синтаксических единиц прямо пропорциональных их способности привлечь внимание реципиента и воздействовать на его поведение. Он может быть представлен либо именительным темой со следующей за ним базовой конструкцией или наоборот, либо номинативным предложением, представляющим наличие предмета или явления в называемом.

3. *Парцелляция* рекламного текста, которую исследователи относят к области экспрессивного синтаксиса и определяют как «способ смыслового выделения наиболее значимых частей высказывания в отдельные предложения в соответствии с интенцией говорящего (пишущего)» [7]. Представляя собой категорию коммуникативного синтаксиса, парцелляция (от франц. *parcelle* – частица) выполняет функцию смыслового членения содержания сообщения. Предложения, выделенные при помощи особой парцелляции текста, встречаются в рекламе очень часто. Это обусловлено тем, что парцеллированные конструкции облегчают «восприятие распро-

страненных и переусложненных синтаксических структур», что является важным условием создания рекламного текста [8, с. 369]. Адекватному восприятию парцеллированных предложений способствует соответствующий контекст, который может быть вербальным или невербальным, создаваемым с помощью красочного и яркого изображения или иллюстрации. Например, фотография элегантного мужчины в дорогом костюме сопровождается текстом *Мужские костюмы. Низкие цены. Приходите к нам! Экономьте свои деньги!*, в котором на первый план вынесен именительный предикат – *Мужские костюмы*, который информирует адресата о наличии определенного товара. Второе предложение *Низкие цены* связано с первым и привлекает внимание адресата, желающего приобрести рекламируемый товар по низкой цене. Третье предложение *Приходите к нам* является призывом к действию. Последнее предложение *Экономьте свои деньги* – парцеллированная конструкция, выполняющая экспрессивную функцию рекламы. Без этой конструкции реклама выполняет одну из своих основных функций – информирует адресата о конкретном товаре. Но поскольку рекламный текст носит «экспрессивно-суггестивный» характер, необходимо использование стилистических приемов, оказывающих воздействие на поведение адресата, в данном случае на решение приобрести рекламируемый товар, экономя при этом деньги.

Итак, парцеллированные конструкции оказывают психологическое воздействие на реципиента и способствуют актуализации выполняющего рекламные функции текста.

4. *Повтор*, заключающийся в том, что одно и то же слово или предложение повторяется с целью привлечения внимания читателя и усиления эмоционального воздействия рекламного текста. Стилистическое значение повтора состоит в усилении смысловой весомости повторяемой части текста [7].

Например, в рекламных текстах *Магазин компьютерной техники «Unicode»*. *Мобильнее! За те же деньги. Мощнее! За те же деньги. Прикольней! За те же деньги* или *В новый год – с новым телефоном* повторение одних и тех же конструкций подчеркивает конкретные детали, создавая экспрессивную окраску всего рекламного сообщения.

Стилистический прием повтора – один из наиболее часто используемых приемов в рекламном тексте, что обусловлено его свойством облегчить понимание и восприятие рекламного текста реципиентом.

5. *Параллелизм* (от греч. *parallelos* – рядом идущий), под которым понимают одинаковое синтаксическое построение соседних предложений или отрезков речи [6, с. 268]. В качестве параллельных конструкций могут выступать как номинативные предложения, так и другие предложения неполной конструкции. Эффективность этого приема заключается в создании определенной стилистической структуры рекламного текста, способствующей его желаемому восприятию, в усилении мысли, в подчеркивании наиболее существенного, того, на что обращается внимание адресата. Данный прием способствует «своеобразному динамизму изложения, его эмоциональности и выразительности» [9, с. 123]. В рекламных текстах *Майонез «Махеев»*. **Вкус на зависть, качество на совесть!**; *Кондитерские изделия «Акоба»*. **Ваше желание, наше умение!** прием параллелизма способствует запоминанию рекламного текста и соответственно свойств и качества товара.

Прием параллелизма эмоционально насыщает рекламный текст таким образом, чтобы адресатом было воспринято каждое слово в тексте.

6. *Дейктические конструкции* («дейктический – указывающий, выделяющий, дифференцирующий посредством соотнесения с лицами и предметами, находящимися

в том или другом отношении к говорящему лицу» [10]), которые в рекламе могут быть выделены как вербально, так и невербально в виде указателей, стрелок и т. п. Анализируемые нами тексты наружной рекламы показали, что очень часто на вывесках изображены стрелки и указатели, ведущие в место реализации рекламируемого товара или оказания рекламируемой услуги. Например, наружная реклама на торговом центре *Свадебный салон «Карнавал»* подкреплена стрелкой, указывающей расположение свадебного бутика. Следующим примером может послужить реклама на вывеске магазина *«People»*. **Вот! Это – одежда!**, где дейктические конструкции способствуют решению реципиента посетить именно этот магазин и приобрести именно эту одежду.

Дейктические конструкции делают рекламное сообщение более простым и понятным, а также помогают адресату сориентироваться среди многочисленной наружной рекламы.

7. *Вопросительные предложения*, которые в рекламном тексте могут использоваться как отдельно, так и в составе микродиалогов. Вопросно-ответные конструкции, благодаря своей форме, способствуют привлечению внимания реципиента, повышают эмоциональность и выразительность высказывания. Например, в рекламе шоколада *Sneakers* **Что скрывает шоколад? Энергию орехов** вопросно-ответная конструкция привлекает внимание адресата, возбуждает его любопытство и, в то же время, описывает состав шоколада. В рекламе магазина компьютерной техники «Ром» **Купил компьютер? Захвати подарки!** обыгрывается интересный прием побуждения адресата к получению подарков при условии покупки компьютера. В данном случае нет необходимости рекламировать компьютер, достаточно заинтересовать покупателя подарками.

Основные функции вопросительных конструкций, такие как выделение важной информации, апелляция и привлечение внимания адресата способствуют эмоциональному воздействию на последнего.

Рекламный текст состоит из прагматически ориентированных взаимосвязанных предложений. Функционирование каждого предложения в рекламном тексте обусловлено его прагматической нагрузкой. Исследователями выделены следующие модели синтаксических конструкций: 1) однокомпонентные безглагольные предложения (*Men Style. Распродажа*); 2) двухкомпонентные безглагольные предложения (*Цеснабанк. Внимание, деньги!*); 3) двухкомпонентные глагольные предложения (*Майонез «3 желания». Исполняет желания!*); 4) идиоматичные предложения (*В новый год без долгов!*); 5) инфинитивные предложения (*Умело расходовать деньги – искусство, а сохранить и приумножить – мудрость!*); 6) сложные предложения союзного и бессоюзного типа (*Лакокрасочные материалы. Для внутренних и наружных работ по любым поверхностям*) [11, с. 22–23]. Г. А. Сейдуллаева, исходя из того, что каждое предложение в тексте представляется знаком с определенной установкой, рассматривает их в соответствии с делением языковых знаков, предложенных Ч. Моррисом. В силу того, что рекламный текст включает в себя не только единицы информационного порядка, но и оценочного, убеждающего и подсказывающего нужный вывод, исследователь делит предложения на десигнаторы, аппрейзоры, прескрипторы, контакторы и форматоры.

Аппрейзоры – предложения, содержащие оценочную коннотацию, передающие эмоционально-оценочную информацию не только за счет синтаксических конструкций, но и за счет семантики лексических компонентов: *Эксклюзивные открытки и канце-*

лярские товары европейского класса; Ювелирный салон «Золотой мир». Блестящий выбор изысканных золотых и серебряных изделий.

Прескрипторы – предложения, помогающие вызывать ответные реакции, передающие директивную информацию: *Samsung. Будь собой!; Кофейня «Крендель». Начни утро с чашечки нашего кофе.*

Контакторы – предложения, помогающие устанавливать контакт между участниками рекламной коммуникации, служащие для привлечения внимания адресата к рекламируемому объекту: *Какой ты будешь сегодня? Самой лучшей! Белье Milavitsa; Хочешь окна в стиле люкс! Обращайся в КириЛюкс!*

Форматоры – предложения, выполняющие текстообразующую функцию, служащие логическими связками между прагматическими знаками внутри текста. Такие конструкции служат для построения логической цепи высказывания с целью вызвать интерес к последующей информации: *Для тех, кто хочет найти книгу, но не хочет тратить время на поиски. Книги на заказ; Для тех, кто влюблен в мечту. Автокредиты. Евразийский банк.*

Итак, анализ фактического материала показал, что рекламный текст представляет собой «сгусток» синтаксических стилистических приемов, использование которых обусловлено прагматическими задачами рекламы. Наиболее частыми экспрессивными с точки зрения синтаксиса средствами являются *номинативные предложения, парцелляция, параллелизм, повтор, дейктические конструкции, расположение компонентов рекламного текста, вопросительные предложения.* Использование экспрессивных средств в рекламном дискурсе способствует апеллированию к чувствам и эмоциям адресата. Среди моделей синтаксических кон-

струкций, выделенных исследователями, представлены как однокомпонентные предложения, так и сложные. Каждый компонент рекламного текста выполняет определенную функцию. Это может быть передача эмоционально-оценочной или директивной

информации, а также установление контакта между участниками рекламной коммуникации. Стилистические синтаксические приемы способствуют яркости, краткости, эмоциональности, а главное запоминаемости рекламного сообщения.

Литература

1. Медведева Е. В. Основы рекламоведения. – М.: РИП-Холдинг, 2004. – 266 с.
2. Хромов Л. Н. Рекламная деятельность: искусство, теория, практика. – Петрозаводск, 1994. – 308 с.
3. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. ст. по языкознанию. – М., 1958. – С. 103–124.
4. Ибадильдина З. Л. Эмотивная лексика казахского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 1997. – 223 с.
5. Кара-Мурза Е. С. Активные синтаксические процессы в современной русской рекламе // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2008. – № 6. – С. 72–83.
6. Розенталь Д. Э. и Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
7. Ксензенко О. А. Прагматические особенности рекламных текстов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования [Электронный ресурс]: учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – Режим доступа: <http://www.evartist.narod.ru/text12/01.htm>
8. Языкознание. БЭС / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.
9. Маевский Н. М. Функционирование экспрессивных средств в научно-популярных текстах // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов н/Д, 1987. – С. 123.
10. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
11. Сейдуллаева Г. А. Лингвистическая типология текстов пресс-рекламы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алматы, 2004. – 27 с.

УДК 811.512.1

Г. В. Салимьянова

СТРАТЕГИИ ИНВИТИВНОЙ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В РИТУАЛЕ ГОСТЕПРИИМСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА)

В статье дается анализ стратегий позитивной и негативной вежливости, используемых для реализации инвитивной побудительности в ритуале гостеприимства. Фреймовая структура такого ритуала послужила основой при выделении стратегий инвитивной побудительности в речевом поведении башкир. Выявлены особенности использования стратегий вежливости в зависимости от этапа реализации ритуала гостеприимства.

Ключевые слова: ритуал гостеприимства, инвитивная побудительность, фреймовая структура, негативная и позитивная вежливость, стратегии и тактики речевого поведения.

G. V. Salimyanova

STRATEGIES OF INVITATIONAL INDUCEMENT IN THE RITUAL OF HOSPITALITY (ON THE MATERIAL OF THE BASHKIR LANGUAGE)

The article deals with the set of negative and positive politeness strategies for realization of invitational inducement in the ritual of hospitality. The frame structure of the ritual of hospitality proves to be helpful in analyzing the strategies of invitational inducement in the Bashkir speech behaviour. The peculiarities of using politeness strategies are revealed depending on the stage of the ritual of hospitality.

Keywords: the ritual of hospitality, invitational inducement, the frame structure, negative and positive politeness, strategies and tactics of speech behaviour.

Ритуал гостеприимства как своеобразная форма социального сотрудничества отражает исторически сложившиеся социально-культурные нормы этноса, зарождение которых обусловлено особенностями его традиционного образа жизни. Поэтому в данном ритуале имеет место кодифицированное коммуникативное поведение, которое структурирует взаимодействие между участниками интеракции.

Целью данной статьи является анализ стратегий инвитивной побудительности в ритуале гостеприимства с позиций коммуникативной лингвистики. Материалом исследования послужили диалогические высказывания из башкирской художественной литературы XX века.

Основной принцип, регулирующий поведение хозяина, – это любезное (уважительное) отношение к гостю, так как гостеприимство основано на этической категории добра [1, с. 11], доброжелательного отношения к людям. Инвитивная побудительность оценивается как способ реализации этого принципа. Цель инвитивных высказываний хозяина состоит в *побуждении* гостя действовать так, чтобы соблюсти принятый в данной культуре ритуал гостеприимства. Речевое поведение хозяина и гостя непосредственно связано между собой как стимул (побуждение) и реакция. С этнокультурной точки

зрения, у башкир ритуал гостеприимства является одним из основополагающих институтов межличностного взаимодействия. Инвитивная побудительность проявляется как в визитах по приглашению, так и в незапланированных визитах, так как гостеприимство представляет собой *ритуальное* проявление интереса к собеседнику.

Таким образом, *инвитивную побудительность* можно определить как гостеприимное волеизъявление (побуждение) *хозяина*, **бенефактивность** которого направлена на *гостя*. Из данного определения следуют три основных принципа функционирования инвитивной побудительности в ритуале гостеприимства у башкир:

- 1) хозяин *побуждает* гостя к чему-либо приятному;
- 2) *обеспечителем* инвитивного побуждения выступает *хозяин*;
- 3) *бенефициантом* инвитивного побуждения является *гость* (выгода для хозяина не очевидна).

В качестве иллокутивных типов, реализующих базовый речевой акт *инвитивное побуждение*, мы выделяем приглашение и предложение своих услуг и считаем их, вслед за П. Браун и С. Левинсоном [13], импозитивами, так как они предполагают угрозу для «негативного лица» адресата, который поступается определенной частью своей лич-

ной независимости. Такая угроза побуждает адресанта совершать действия, минимизирующие потенциальный ущерб от импозиции. Если имеют место импозитивные речевые акты (просьба, приглашение), говорящий старается смягчить импозицию, предоставляя адресату свободу выбора. Поэтому в ритуале гостеприимства для реализации инвитивного смысла используются специальные формы смягчения (*redressive actions*), которые, способствуя соблюдению «негативного лица» адресата, в то же время не нарушают его «позитивное лицо». Таким образом, преодолевается онтологическое противоречие ритуала гостеприимства.

Поведенческая и речевая стороны реализации инвитивных высказываний в ситуации гостеприимства у башкир имеют этнокультурную специфику, которая может быть выявлена в особенностях использования коммуникативных стратегий позитивной и негативной вежливости.

Регулярное употребление тех или иных стратегий вежливости приводит к созданию определенных коммуникативных доминант и в итоге – к формированию национальных стилей коммуникации, определенных норм поведения в каком-либо обществе [10, с. 145]. Последние, в свою очередь, вырабатываются людьми в процессе жизнедеятельности и адаптации к окружающей среде.

Наше исследование инвитивной побудительности исходит из фреймовой структуры ритуала гостеприимства. Под фреймом мы понимаем «структуру данных для представления стереотипных ситуаций, стандартные сценарии поведения, предписываемые культурой» [7, с. 187]. В целом, фреймовая структура ритуала гостеприимства выглядит следующим образом:

I. Предварительный этап организации ритуала гостеприимства (предварительное приглашение).

II. Ритуал гостеприимства, связанный с присутствием гостя в доме:

1 этап – появление гостя в доме;

2 этап – угощение гостя;

3 этап – развлечение гостя;

4 этап – проводы гостя.

Инвитивная побудительность является объединяющим признаком на всех этапах гостеприимства у башкир.

Рассмотрим стратегии, реализуемые на *предварительном этапе организации ритуала гостеприимства*.

Согласно теории «сохранения лица» П. Браун и С. Левинсона, предварительное приглашение, с одной стороны, ставит под угрозу «негативное лицо» адресата. Но, с другой стороны, выражение *приглашения/invitation* обычно говорит о желании человека видеть гостя в своем доме и проявить симпатию и уважение к нему. Приглашающий, таким образом, апеллирует к «*позитивному лицу*» адресата, демонстрируя свою заботу об адресате, доброжелательное отношение к нему.

I. Среди **стратегий негативной вежливости**, используемых на *предварительном этапе организации ритуала гостеприимства у башкир*, можно выделить:

1) стратегию предоставления адресату свободы выбора при принятии приглашения:

– Әйзә, йәкоң килмәһә, инәйек. Бәләкәс кенә байрамым минең бөгөн, – тине [12, с. 195].

(– Давай, если тебя ко сну не клонит, зайдем ко мне. У меня сегодня маленький праздник).

Упоминание предполагаемой причины отказа в высказывании говорящего облегчает для адресата возможность отклонения приглашения;

2) стратегию выражения сомнения в возможности выполнения действия адресатом:

– Председатель менән парторг жайт-жансы, сәй эсеп киләбеҙме әллә? – тигәйне [12, с. 374].

(– Может быть, попьем чаю до возвращения председателя и парторга?). Эта стра-

тегия реализуется при помощи модального слова (эллэ) и частицы, выражающей вопрос (киләбезме);

3) стратегию отдаления действия (приглашения) от реальности путем замены изъяснительного наклонения на сослагательное:

– Һуң, тукта, һөйләп бөтһәңсе. Сэй эсеп китер инең [11, с. 178].

(– Да постой, расскажи как следует. Зашел бы, чаю попил).

Прошедшее незаконченное время, используемое в данном предложении (китер инең), выражает не факт, реально случившийся в прошлом, а предположение о факте, который мог бы случиться. Благодаря использованию прошедшего незаконченного времени, которое входит в состав условного наклонения [8, с. 145], можно придать инвитивному высказыванию некую удаленность от реальности, что смягчает импозицию, делая приглашение более вежливым.

Таким образом, для «сохранения негативного лица» адресата в башкирской лингвокультуре в речевом акте приглашения, обслуживающего *предварительный этап организации ритуала гостеприимства*, говорящий демонстрирует готовность предоставить адресату свободу выбора.

Среди стратегий инвитивной побудительности, направленных на соблюдение «**позитивного лица**» адресата, можно отметить:

1) стратегию позитивной оценки будущего прихода адресата в гости:

– Донъяны белмәһең, безҙең яҡтарға юл төшһә, иң кәҙерле кунағым булырһың [12, с. 177].

(– Кто знает, если вдруг заедешь в наши края, *дорогой гостьей будешь*).

В данном случае позитивная вежливость («дорогой гостьей будешь») сочетается с негативной вежливостью (предоставление свободы выбора – «если вдруг заедешь в наши края»);

2) стратегию убеждающего оптимизма со стороны говорящего:

– Ah-ah, инэй, самауыр ҡайнаған бит. Эллә сэй эсмәй ҙә китергә итә инде?! [11, с. 184].

(– Ах, матушка, вскипел ведь уже самовар! *Да никак и впрямь без чая уйдешь?!*).

Приглашающий апеллирует к «позитивному лицу» адресата, выражая убежденность, что в данной ситуации гость обязательно останется пить чай;

3) стратегию указания говорящим на неизбежность совершения действия адресатом:

– ...Ярар, сәйгә килеп сығырһығыҙ әле...күстәнәс ашарға [11, с. 182].

(– Ладно, чай попить еще зайдете... (ведь придет сын) с гостинцем).

В данном примере приход адресата рассматривается как потенциально неизбежный.

– Улым, машинаңды ишек алдына индереп тор, сэй эсеп китерһең, – тине [9, с. 130].

(– Сынок, машину поставь перед воротами пока, *чаю попьешь*, – сказала она).

Позитивная вежливость в данном случае реализуется при помощи включения адресата в круг близких людей (сынок), при этом речевой акт приглашения выражается косвенно в виде констатации факта, предполагающий неизбежность события;

4) стратегию объединения усилий:

– Әйҙә, Мәрийәм, балаларың менән бергәләп безгә кунакка барайыҡ, һөйләшеп ултырырбыҙ, – тине Көнһылыу [5, с. 520].

(– *Марьям, пойдём ко мне сегодня в гости. Приходи вместе с детьми, посидим, поговорим*, – сказала Кюнхылыу);

5) стратегию указания на целесообразность выполнения действия со стороны адресата (при этом импозиция не снимается):

– ... Һин улай ашыҡма инде, бөгөн баҫрыбер артыҡ эллә ни ҡыра алмаһың, кунаҡ булыр ҙа китерһең [11, с. 328].

(– Ты больно не спеши, все равно уже сегодня много не поработаешь. У меня погостишь);

6) стратегия указания на необходимость соблюдения этических норм:

– Әйзә, Хәбир, сак жына булһа ла ултырып китмәһәң, килешмәс. Кунак та бар ... [6, с. 17]

(– *Оставайся, Хабир, неприлично будет, если хоть немного не посидишь. И гости ведь есть...*).

В этом случае, используя речевой акт совета, говорящий ставит своей целью убедить адресата в необходимости принятия приглашения из этических соображений.

Таким образом, приглашение на *предварительном этапе организации ритуала гостеприимства* базируется на соблюдении как «негативного лица» адресата (с целью избежать импозицию), так и его «позитивного лица» (с целью манифестации уважения и заботы об адресате), поэтому позитивная вежливость может сочетаться с негативной, что свидетельствует о повышенном уважении к гостю в башкирской культуре.

II. Присутствие гостя в доме предполагает использование следующих стратегий позитивной вежливости:

1. На *этапе появления гостя в доме* стратегии инвитивной побудительности, как правило, включают:

1) приглашение войти:

– Әйзүк, кустым, тартынма, түргә уҙ, – тине, матрос Ғатаны аркаһынан жағып [11, с. 318].

(– *Давай, браток, не стесняйся, проходи*, – сказал он и похлопал Гату по плечу).

– Аһа, кунактарым килә икән дә баһа!.. Әйзүк, рәхим итегеҙ, түрҙән узығыҙ, – тип җаршыланы [4, с. 335].

(– Ах, гости мои идут ведь!.. *Заходите, добро пожаловать, проходите*, – встречала она);

2) побуждение садиться:

– Әйзә, Хәбир, ниңә ишек төбөндә туктап калдың? – тип өндәште Зәлифа... – Утеп ултыр [6, с. 17].

(– *Проходи, Хабир, что остановился у порога?* – сказала Залифа. – *Проходи, садись*).

3) предложение отдохнуть в ожидании других гостей:

– Әйзүк, җоҙағый, җунак өйөнә уҙ, җоҙағый, – тип җаршыланы Таиба әбей уны. – Мендәргә ятып ял итә тор. Тиҙҙән бүтән җунактарым да килеп етер, – тине [3, с. 215].

(– Милости просим, сваха, проходи в гостевой дом, – встретила ее Таиба. – *Полежи на подушках, отдыхай*).

2. Среди побудительных стратегий позитивной вежливости на *этапе угощения* выделяются:

1) приглашение к столу:

– Зәмзәбикә (Уны култыҗлап):

– Әйзәгеҙ, табынға рәхим итегеҙ [2, с. 343].

(Замзабика (Берет его под руку):

– *Просим пройти к столу*);

2) предложение угощения, которое включает возможность выбора (иногда оно сопровождается объединяющим «мы»):

– ...Йә, сәйҙән рәхим ит. Әллә, мәйтәм, тегеһенән берәй рюмка ауыҙ итәбезме [12, с. 319].

(– *А теперь, чаю изволь. А может и рюмочку, того, пригубим?*).

Ултыр, сәй эсәбез. Теләһәң, мәй ҙә табылыр [12, с. 114].

(– *Ты сядь, чай будем пить. Захочешь – и другое найдется*).

Предложение угощения включает такие *тактики*, как:

– **демонстрация щедрости хозяина:**

Ашағыҙ, эсегеҙ, был донъя ике килмәс! Ағағыҙың йомартлығын татығыҙ! [5, с. 412]

(– *Ешьте, пейте, раз приходим на эту землю! От души угощаю!*);

– **демонстрация разнообразия предлагаемых угощений:**

Сабира ихласлыҡ менән йәнә җунактарын һыйларға кереште. – Йә, майына, балына ынтылып, кәнфитен,

емешен кабып, тэмлэп кенэ эсегез эле, кунактар! [4, с. 338].

(– Сабира с ласковой настойчивостью продолжала потчевать своих гостей. – *Тянитесь за едой, берите мед, масло, попробуйте конфеты, ягоды, угощайтесь-ка, дорогие гости!*);

– **дополнительная аргументация предложения:**

Эс инде сәйеңде. Коймакка ябеш, юлда карының асыр... [12, с. 198]

(– Пей же свой чай. Поешь блинов, *проголодаешься в дороге-то...*);

– **демонстрация недоумения в случае пассивности гостя за столом:**

Йә, улым, ниңә тик кенә ултыраһың, аша, – тип кыстаны ла кыстаны [4, с. 430].

(– *Ну, сынок, что же ты сидишь, кушай*, – уговаривала она);

– **предложение отведать угощение, пока оно не остыло:**

– Кабартма йылылай ашаһаң ғына һәйбәт була. Ашай һалығыз эле, – тип кыстай [5, с. 170].

(– *Лепешки вкусные, когда их едят горячими. Ешьте давайте*).

Ошонан һуң инде хужалар, тейешле эзәп һәм кеселеклек күрһәтеп, кунакты һыйларға тотондо.

– Йәле, ынтыл, йылылай [11, с. 190].

(После этого хозяева начали с большим почтением угощать гостя.

– *Попробуй вот этого, пока не остыло*);

– **похвала предлагаемых блюд хозяином (их качества и свежести):**

– Рәзилә! Әйзәгез, әйзә! Хәзер мин һеззә сәй менән һыйлайым! Шундай тәмле еләк вареньеһы кайнаттым! [2, с. 207].

(– Разиля! Давайте, проходите. Сейчас напою вас чаем. *А какое земляничное варенье у меня получилось!*).

Сәй. Яңы һалынған сәй, – тип әйтте бейеме. Һимез аштан һуң, кайһылай һәйбәт. Йәгез, эсәйек эле... Кунактары тағы сәй эсергә кереште [3, с. 215].

(– *Чай. Свежесваренный*, – сказала све-кровь. Как он хорош после жирной баранины. Ну, давайте выпьем... И гости вновь принялись за чай);

– **притворно скромная оценка угощения со стороны хозяина:**

– Әллә ни һыйыбыз юк, кустым. Барынса байрам, – тип Шарифулла карт уның алдына эле ярмаланып бешкән картуф, эле каймаклы сеүәтә шыузырзы... [12, с. 95].

(– *Угощать особо нечем, браток. Чем богаты*, – приговаривал Шарифулла, придвигая к нему то тарелку с аппетитно испеченной картошкой, то блюдец со сливками...).

Необходимо отметить, что данная тактика предложения угощения используется хозяином чаще всего при незапланированном визите гостя и может быть проявлением негативной вежливости (иногда это тактика «напрашивания на комплимент»);

3) побуждение поддержать тост:

– Йә, дуҫтар, – ул ошо һүзәрзән һуң Мәфрүзә менән Хәбиргә алмаш–тилмәш караны, – Зәлифәнең һаулығы өсөн эсәйек. Мәңге йәшәһен! [6, с. 18].

(– Ну, друзья, – сказал он, посмотрев на Мафрузу и Хабира, – *выпьем за здоровье Залифы. Пусть живет вечно!*)

Такое побуждение часто сопровождается объединяющим «мы».

3. На *этапе смены обстановки* хозяин, как правило, руководствуясь принципом любезного отношения к гостю, пытается побудить его участвовать в развлечениях. При этом у башкир под развлечением имеется в виду не какие-либо азартные игры, а прогулка, пение, танцы:

Эштән кайтып, кискелекте ашап эскәс Зәлифә:

– Кунакка һыу буйзарын күрһәт, Нураниә... – тип уларҙы сығарып ебәрҙе [12, с. 123].

(Вернувшись с работы, после ужина Залифа сказала ей:

– Иди, Нурания, покажи гостю нашу речку...).

4. На завершающем этапе прощания принцип любезного отношения к гостю реализуется в виде следующих стратегий:

1) побуждение посидеть еще, не торопиться:

– Ниңә кузғалаһың? Китмә әле, китмә! Өз генә ултыра бирсе! – тип Мәхмүзә... [3, с. 161].

(– Почему ты торопишься? Не уходи, прошу тебя! Посиди немного! – сказала Махмуза...);

2) приглашение приходить еще:

Ренат:

– Ярай, Рәзилә апай, тағы бер тапкыр рәхмәт! Һау булып тороғоз. Рәзилә:

– Инеп йөрө, Ренат [2, с. 199].

(Ренат:

– Хорошо, Разиля апа, еще раз спасибо!

До свидания.

Разиля:

– Еще приходи, Ренат);

3) предложение проводить:

– Әллә үҙеңде шул колхозға тиклем озаттырып куйайыммы?

Шәп булып ине, ағай [11, с. 329].

(– Может быть, тебя проводить до колхоза?

– Было бы хорошо, агай.)

Проведенный анализ показывает, что инвитивная побудительность является объединяющим признаком на всех этапах ритуала гостеприимства у башкир. На первоначальном этапе организации ритуала гостеприимства адресант делает выбор между позитивной и негативной вежливостью. На нашем материале наблюдалось некоторое преобладание позитивной вежливости (6 стратегий) над негативной (3 стратегии), что свидетельствует об определенном доминировании позитивной вежливости в национальном стиле башкир в ритуале приглашения в гости. Положительная вежливость в приглашении призвана показать доброжелательное, забот-

ливое отношение к адресату. В то же время в случае большой социальной или индивидуальной дистанции между говорящим и адресатом, возрастает демонстрация уважительного отношения, что приводит к стремлению смягчить импозицию при реализации приглашения, т. е. используются и позитивная, и негативная вежливость.

В случае однозначного употребления негативной вежливости приглашающий выражает свое нежелание навязываться партнеру по коммуникации. В башкирском языке для снижения импозиции могут использоваться модальные слова (модаль *һүҙҙәр*), выражающие возможность (*әллә*), и частицы, выражающие вопрос (*һорау киләксәләрә –мы, –ме, –мы ни, –ме ни, –ме икән* и т. д.).

Необходимость выбора наиболее адекватной стратегии при реализации приглашения на данном этапе диктуется наличием опасности для говорящего «потерять лицо» (т. е. получить отказ).

На этапе присутствия гостя в доме преобладает позитивная вежливость, призванная укреплять добрые взаимоотношения собеседников, что обусловлено желанием хозяина как можно лучше преодолеть деликатный момент появления гостя в доме, при этом императивность инвитивов смягчается бенефактивностью побуждаемого действия для адресата. Единственным проявлением негативной вежливости можно считать тактику «притворно скромная оценка угощений со стороны хозяина», часто возникающую во время незапланированного визита гостя. В целом, подчеркнутое уважение к гостю приводит к использованию наряду с позитивной, также и негативной вежливости, если это диктуется ситуацией.

Таким образом, высказывания с инвитивным побуждением играют регулятивную функцию в ритуале гостеприимства у башкир, представляя собой разветвленную иерархию стратегий и тактик позитивной и негативной вежливости.

Литература

1. Азнабаева Л. А. Этика речевого поведения // Коммуникация: этико-лингвистический аспект. – Уфа: Риц БашГУ, 2011. – С. 10–59.
2. Асанбаев Н. Сәхнә әсәрҙәре. Драмалар һәм комедиялар. – Өфө: БКН, 1997. – 576 б.
3. Бишшева З. Оло Әйек буйында. – Өфө: БКН, 1976. – 316 б.
4. Бишшева З. Әсәрҙәр дүрт томда. – Өфө: БКН, 1981. – Т. 1 – 608 б.
5. Бишшева З. Әсәрҙәр дүрт томда. – Өфө: БКН, 1982. – Т. 3 – 560 б.
6. Бүләков Д. Кыңғырау сәскә // Повестәр, хикәйәләр. – Өфө: БКН, 1979. – Б. 5–134.
7. Демьянков В. З. Фрейм // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
8. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. – М.: Наука, 2008. – 262 с.
9. Дәүләтшинә Н. Ырға һабағы // Повесть һәм хикәйәләр. – Өфө: БКН, 1987. – Б. 129–149.
10. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. – 315 С.
11. Солтангәрәев Р. Оло юлдың туҙаны. Һайланма әсәрҙәр. – Өфө: БКН, 1995. – 544 б.
12. Хәкимов Ә. Кош юлы. Ике роман. – Өфө: БКН, 1989. – 448 б.
13. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – New York: Cambridge University Press, 1987. – 281 p.

УДК 81

И. П. Фаломкина

**РЕАЛИЗАЦИЯ ФРЕЙМА «ЖИВОТНОВОДСТВО»
В ПРЕДЕЛАХ ДИАЛЕКТНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ НИШИ
С ФОРМАНТОМ -Н/Я/**

В работе представлена пропозиционально-семантическая организация фрейма «Животноводство» в пределах словообразовательной ниши с формантом -н/я/. Проводится характеристика слотов внутри фрейма, а также прослеживается взаимодействие фрейма «Животноводство» с другими фреймами.

Ключевые слова: словообразовательная ниша, словообразовательный тип, фрейм.

I. P. Falomkina

**REALIZATION OF THE FRAME «LIVESTOCK» WITHIN THE DIALECT
WORD-FORMING NICHE WITH FORMANT -N/Y/**

The paper provides positional and semantic organization of the frame «livestock», within the word-forming niche with formant -n/y/. Words inside the frame are defined. Interaction of the frame «animal husbandry» with other frames is shown.

Keywords: word-forming niche, word-forming type, frame.

Понятие фрейма стало широко использоваться в современной науке после появления работ М. Минского, понимающего фрейм как структуру данных, в которой отражены приобретенные в результате предыдущего опыта знания о некоторой стереотипной ситуации и о тексте, описывающем эту ситуацию [4, с. 37]. В лингвистике этот термин получил распространение благодаря работам Ч. Филлмора, разработавшего в середине 70-х годов новую лингвистическую концепцию – фреймовую семантику, которая представляет собой универсальную систему репрезентации значения слова, предложения и текста. Рассматривая фреймы как средства организации опыта и формирования семантики понимания, исследователь видит в них инструменты описания и объяснения языкового материала, полагая, что между единицами языка и фреймами есть связь [6, с. 52–92]. С точки зрения фреймовой семантики, значение слова возможно понять на основе стоящего за словом фрейма, заключающего накопленный опыт, практику [7]. В качестве примера Филлмор приводит глаголы «покупать» («*buy*»), «продавать» («*sell*»), «стоять» («*cost*»), «тратить» («*spend*»). Понять любое из этих слов помогает обращение к фрейму «торговая сделка»: при этом глагол «покупать» фокусирует внимание на покупателе и товаре, оставляя продавца и деньги на заднем плане, глагол «продавать» – на продавце и товаре, глагол «платить» – на покупателе, деньгах и продавце и т. д. Люди, не имеющие в своем сознании фрейма «коммерческая сделка» (Commercial Transaction Frame), не поймут значение глаголов «покупать», «продавать» [7]. Таким образом, каждое слово актуализирует определенный фрейм, определяя некоторый аспект этого фрейма.

Сейчас фрейм является одним из центральных понятий в когнитивной лингвистике, занимающейся изучением способов организации, представления, обработки и ис-

пользования знаний. Когнитивный подход позволяет связывать ментальную деятельность с репрезентацией ее в языке. Одной из единиц схемной репрезентации знаний является фрейм (наряду с такими формами ментальных структур, как образы, схемы, концепты, гештальты, сценарии). Перечисленные типы представления знаний по своему содержанию носят пропозициональный характер: они выражаются с помощью структур «аргумент – предикат – аргумент», являющимися общей формой выражения знаний при вербальной передаче [4, с. 15].

Изучение фреймово-семантической организации словообразовательного типа осуществляется в работах Л. А. Араевой и ее учеников. При этом словообразовательные ниши и словообразовательные типы понимаются как ментально-когнитивные структуры знаний, которые позволяют разобраться в существующем языковом множестве. Это категории, в пределах которых производные – отглагольные, отсубстантивные, отадъективные – оказываются связанными между собой посредством фреймов.

По своей структуре фрейм состоит из *вершин* – имени, темы стереотипной ситуации, а также *слотов* и *терминалов* – слотов нижнего уровня, заполняемых пропозициями – вариативными составляющими. Слоты нижнего уровня, объективированные группами слов, отражают национально-специфические особенности той или иной лингвокультуры. Пропозиция является конституирующим элементом фрейма, его операциональной единицей. По мнению Ю. Н. Караулова, любой фрейм может быть представлен пропозицией, а фреймовая сеть – системой пропозиций. Например, фрейм «оценка» будет представлен пропозицией «субъект оценки – предикат оценки – объект оценки» [3, с. 194].

В работе под фреймом понимается структура данных, предназначенная для представления стереотипных ситуаций, таких как

«Животноводство», «Рыбалка», «Сено- и хлебоуборка», «Охота», «Пчеловодство», «Собирательство», «Строительство дома», «Ведение домашнего хозяйства» («Приготовление пищи», «Пошив одежды», «Уход за детьми», «Глажение», «Стирка»), «Ткацкое дело», «Торговля», «Перевозка», «Вырубка леса», «Заготовка дров», «Бондарное дело», «Кузнечное дело», «Обозное дело», «Сапожное дело» и др.

Цель работы – показать особенности семантических связей внутри словообразовательной ниши, актуализованных в пределах фрейма «Животноводство» и составляющих его пропозиций.

Животноводство как вид деятельности заключается в разведении человеком (субъектом) сельскохозяйственных животных (объекта) с целью получения продуктов питания и сырья (результата). При этом уход за животными и дальнейшая переработка продуктов животноводства происходит в специальном месте и предполагает использование различных приспособлений (инструментов). Таким образом, фрейм «Животноводство», рассматриваемый в пределах словообразовательной ниши, можно представить в виде следующих слотов – элементов ситуации, составляющих фрейм:

1. Слот-субъект, представленный наименованием лица, ухаживающего за животными.

2. Слот-объект, репрезентируемый именами животных, над которыми человек производит какое-либо действие.

3. Слот-инструмент или средство, актуализованный названиями приспособлений, используемых в процессе ухода за животными и дальнейшей переработки продуктов животноводства.

4. Слот-место, объективированный наименованиями помещений для животных, хранения упряжи, приготовления корма, загона или места переработки продуктов животноводства.

5. Слот-результат, представленный названиями продуктов животноводства, отходов от производства, а также блюд, приготовленных из продуктов животноводства.

Слоты могут объективироваться производными одного словообразовательного типа, входящего в состав ниши с формантом -н/я/, или же могут быть репрезентированы дериватами нескольких словообразовательных типов.

Слот-субъект

Слот-субъект, представлен одним отсубстантивом (*скóтня*₁ «женщина в семье, чья очередь ухаживать за скотом» (Алтай)), объективирующим пропозицию «субъект – действие – объект».

Слот-объект, слот-инструмент и слот-результат актуализованы производными трех словообразовательных типов.

Слот-объект

Производные, мотивированные существительными, называют животное по характерным отличительным особенностям через указание на целое через часть (*кожéвня*₁ «худая, тощая лошадь» (Твер.)), по такому функционально значимому признаку, как время рождения (*середóня* «теленки, родившиеся в среду» (Пск.)), и функционально значимому средству, отличающему животное из ряда других (*колоко́льня*₁ «идущая впереди стада корова с колокольчиком на шее» (Олон.));

В пределах СТ «Г + -н/я/» («Глагол + -н/я/») дериваты объективируют пропозицию «объект – характерное действие», называя животное по характерным издаваемым звуками (*бызóня* «корова; бызонить – реветь» (Карел.)), способности к воспроизводству (*перехóдня*₂ «название коровы, оставшейся яловой» (Свердл.), *холощэня* «кастрированное животное» (Карел.)).

Производные с мотивирующими прилагательными именуют животное (объект) по характерному признаку, такому как цвет или масть (*бурéня* «бурая корова»

(Новг.), *бурóня* «бурая корова» (Пск.), *игрэня* «лошадь игреневого масти» (Хабар.), *черно́ня* «животное черной масти» (Карел.)).

Таким образом, функционирование производных, мотивированных словами разных частей речи, позволяет охарактеризовать животное по нескольким прагматически значимым признакам: отглагольные производные указывают на характерное действие животного, производные, мотивированные прилагательным, отражают внешний отличительный признак, существительным – время рождения, что позволяет человеку дифференцировать животных на разных основаниях.

Слот-инструмент

Отсубстантивные производные, представляющие слот-инструмент, называют используемое в процессе ухода за животными средство по объекту (*колоко́льня*₂ «ошейник для коровы, на котором висит бубенчик, колокольчик» (Петерб.) и субъекту (*пастушья*₁ «пастушья доска, в которую бьют, извещая о том, что нужно выгонять скот на пастбище» (Костром.). Кроме того в рамках названного слота функционирует производное *пастушья*₂ «плата пастуху» (Яросл., Костром., Моск., Калинин.)), называющее результат по субъекту. Многозначный дериват *колоко́льня*, таким образом, выступает в качестве наименования и объекта, и инструмента.

Отглагольные производные построены по пропозициональной модели «средство – действие – (объект)», где объект представлен имплицитно:

- *кроше́вня* «корыто, в котором размельчают, крошат корм для скота» (Забайк.). Здесь название происходит через отсылку к действию человека, ухаживающему за животными;

- *сушн́я* «железный лист с дырками для сушки творога» (Забайкал.), *бо́йня* «бочонок для сбивания масла» (Смол.), т. е. названия емкостей, используемых для приготовления пищи из продуктов животноводства;

- *поцепня́* «корзина для сена, корма, которую носят через плечо; поцепить – повесить, нацепить, прицепить» (Калуж.), *поче́пня́* «корзина, в которой носят мякину» (Смол.).

СТ «П + -н/я/» («Прилагательное + -н/я/») представлен наименованием пищи для животных по цвету: *зеленя́* «пойло для животных из мякины»).

Главным образом, слот-инструмент актуализируется дериватами, представляющими процесс кормления животных, включая названия непосредственно самого корма, емкости, к которой его носят, посуды, в которой корм подают животным.

Слот-место

Репрезентирован производными двух словообразовательных типов.

Во-первых, слот-место образуют производные, называющие место содержания животного:

В рамках СТ «С + -н/я/» («Существительное + -н/я/») функционируют дериваты, называющие место содержания домашних животных по объекту (*голубня́* «пустое место под печью, где иногда зимой держат кур» (Волог.), *гуся́тня* «помещение, хлев для гусей» (б/м), *коню́шня* «помещение (обычно утепленное) для скота» (Пенз., Новг., Ленингр., Свердл., Заурал.), *скотня́* «помещение для крупного скота» (Сарат., Курган., Киров., Калинин., Том.), *коро́вня* «хлев для коров» (Нвсб., Влад., Курск.); *куро́ля́тня* «крольчатник» (Ср.Урал), *куря́тня* «помещение или клетка для кур» (Даль, без указ. места), *курня́* «помещение или клетка для кур» (б/м), *курня́* «хлев для свиней (Перм.), *лошадня́* (Калуж.); *лошадя́рня* «помещение для лошадей, конюшня» (Курск.), *овечня́* «хлев для овец» (Кем.)). Отглагольные производные именуют место через действие имплицитно представленного объекта (*горо́жня́* «загон для скота» (Смол.), *городня́* «огороженное место для скота под открытым небом» (Пск.) – наименования загонов для скота).

СТ «С + -н/я/» представлен наименованием места выпаса животных *пастушня*₄ – пастбище (Волог., Твер., Иван., Калинин., Новг., Моск., Ярослав., Алт.).

Во-вторых, слот образуют производные, называющие место, где происходит убой скота и переработка продуктов животноводства. Так, производные, мотивированные глаголами, называют помещение по действию, совершаемому субъектом: *битовня* «место, где бьют скот, бойня» (Арх.), *забойня* «бойня для скота», *сбойня* «бойня», *убойня* (Том.), *дойня* «молочная ферма» (Орл.), *бойня* «место, где овчина очищается от пыли и грязи трепалкой» (Яросл.). Отсубстантивные же дериваты именуют помещения через указание на средство, с помощью которого происходит переработка (*зольня* «помещение, в котором обрабатывают кожи, вымачивая их в растворе золы и извести» (Влад.), *молочня* «сыроварное производство» (Калин)), и на результат (*брынзарня* «завод по производству брынзы» (Сарат., Уфим.), *кожэвня*₂ «бойня» (Твер., Пск., Смол.)).

В-третьих, слот включает функционирующие в рамках СТ «С + -н/я/»:

- наименование помещения для приготовления корма (через указание на объект животноводческой деятельности): *скотня*₃ «специальное помещение с печкой, где готовили корм для домашнего скота» (Карел.);

- название помещений для хранения упряжи: *хомутарня* «огороженная часть конюшни для хранения упряжи» (Смол.), *порядня* «по порядку, хозяйственное помещение, где держат хомут, седелко» (Том.);

- название места, куда свозят навоз: *навозня* «яма, место, куда свозят навоз» (Краснояр.).

Слот-результат

Слот-результат составляют преимущественно наименования пищи, но если производные, мотивированные существительными, именуют блюдо либо по ингредиенту,

реализуя пропозицию «результат – средство изготовления» (*яечня*, *яётня*, *яешня*, *яичня* «яичница» (Смол.), *яишня*₁ «кушанье из молока с яйцом, мукой, а также крупой, картофелем и др.», «запеченное молозиво» (Карел.)), либо по субъекту (*пастушня*₃ «кушанье из молока и яиц для пастуха» (Иван.), то отглагольные дериваты отсылают к способу приготовления, актуализируя пропозиционную модель «результат – способ приготовления» (*сеченя* «начинка из мелко на рубленного мяса» (Амур.), *бутеня* «второг с топленным молоком» (Влад.)).

Слот-результат объективируется также производными, именующими части животного: отсубстантивным *овечня* «мясо овцы» (Нвсб.) и отглагольным *свальня* «непригодные для пищи внутренние органы животного» (Забайкал.). Внутренние органы животного не только оцениваются с точки зрения их пригодности/непригодности для дальнейшего использования, но и называются через характерный признак (их месторасположение): *нутреня* «внутренности» (Дон.).

Слот-результат фрейма «Животноводство» отражает одну из функций животных с точки зрения их прагматической значимости для человека – способность выполнять роль продукта питания.

Слоты фреймов не существуют изолированно. Их взаимосвязь и взаимообусловленность можно представить в виде следующего полипропозиционального пространства: СУБЪЕКТ (лицо) совершает действие по отношению к ОБЪЕКТУ в определенном МЕСТЕ, используя специальные ИНСТРУМЕНТЫ с целью получения некоего РЕЗУЛЬТАТА.

Пространство фреймов не является замкнутым, поскольку отображаемые ими ситуации взаимодействуют друг с другом, соответственно и фреймы связаны между собой через слоты и имеют пересекающиеся сферы, заполненные одним языковым мате-

риалом. Поскольку одним из важнейших назначений таких производственных сфер, как земледелие, разведение сельскохозяйственных животных, рыбная ловля, является обеспечение человека продуктами питания, то слот-результат, входящий в состав фреймов «Животноводство», «Возделывание культурных растений», «Рыбалка», «Сено- и хлебоуборка» объективируется, прежде всего, наименованиями блюд, приготовленных из продукции. В то же время пропозиция «результат – действие – средство», представленная названиями кушаний по ингредиенту, наиболее полную реализацию находит в пределах фрейма «Приготовление пищи» и включает наименование блюд из продуктов животноводства, растениеводства (*жй́тня* «ячменная, ржаная каша», *хлебня* «кушанье из кваса и хлеба, окрошка», *бобовня* «похлебка из бобов» (Пск.), *гарбузня* «похлебка из тыквы» (Брян.) и т. д.), рыбной ловли (*ершевя* «похлебка из толченых или молотых сушеных ершей на воде с ячменной крупой»). Фрейм «Приготовление пищи» пресекается с названными фреймами также через реализацию пропозиции «результат – действие (способ изготовления)». Фрейм «Животноводство» актуализован дериватами *сечёня*, *бутёня*, фрейм «Возделывание культурных растений» – производными *стря́ня* «испеченные из теста хлебные изделия» (Краснояр.), *со́чня* «тонко раскатанный круг теста» (Карел.), *разва́рня* «жидкая каша» (Карел.), фрейм «Рыбалка» – отглагольными субстантивами *жарня* «жареная рыба» (Астрах.).

Фреймы «Приготовление пищи» и «Животноводство» связаны также пропозицией «результат – действие – субъект», объективированной субстантивом *пасту́шня*, «кушанье из молока и яиц для пастуха» (Иван.).

Фреймы «Животноводство» и «Приготовление пищи» пресекаются не только за счет субстантивов, репрезентирующих слот-результат, но и дериватов, представляющих слот-инструмент, а именно за счет

наименований средств, используемых для приготовления пищи из продуктов животноводства (*сушня́*, *бо́йна*).

Различные виды промысловой, трудовой деятельности человека связаны за счет последовательности производственных процессов. Так, название мяса животного (*овечья*) репрезентирует слот-результат фрейма «Животноводство» и входит в слот-объект фрейма «Приготовление пищи», так как может служить продуктом, подвергаемым кулинарной обработке.

Кроме того слот-результат фрейма «Животноводство» имеет области пересечения с одноименным слотом фрейма «Сено- и хлебоуборка», что обусловлено тесной взаимосвязью этих производственных сфер. Продукты хлебо- и сеноуборки используются в качестве корма для скота, поэтому названия емкостей, в которых переносится этот корм (*поцёпня́*, *почёпня́*), можно обнаружить в пределах двух названных фреймов, так же, как и название пойла для скота (*зеленя*).

Очевидна и связь фреймов «Животноводство» и «Перевозка». Сами животные, являясь объектом животноводческой деятельности, могут, с одной стороны, служить транспортным средством, образуя слот-инструмент, с другой стороны, выступать в роли груза, образуя слот-объект фрейма «Перевозка».

Так как большинство названных фреймов представляют собой производственные, промысловые ситуации, то в качестве субъекта деятельности можно рассматривать не только наименования лиц по функциональному действию, но и характеризующие наименования по отношению к труду: отглагольные дериваты *блудня́* «человек не любящий трудиться, тунеядец» (Нижегор.), *лежня́* «лентяй, лентяйка, лежебока» (Калин.), *лыто́ня* «лентяй, бездельник» (Сарат.), мотивированные прилагательными производные *злы́дня* «ленивая женщина» (Смол.), *тихо́ня* «тот, кто медленно работает» (Том.), *белошня́* «белоручка» (Арх.), *стря́ня* «о грязноте, неряхе», дерив-

ват *нетакня* «человек, делающий все не так» (Ср. об.) и т. д.

Наполняемость слотов языковым материалом различна. Так, во фрейме «Животноводство» все слоты (субъект, объект, инструмент, место, результат) оказываются актуализованы производными с суффиксом -н/я/. Во фрейме «Сено- и хлебоуборка», к примеру, незаполненным остается слот-субъект. В таких фреймах, как «Строительство дома» и «Заклучение под стражу» заполненными оказываются лишь два сло-

та: слот-результат, слот-инструмент и слот-место, слот-объект соответственно.

Таким образом, фрейм «Животноводство» в границах рассматриваемой ниши устроен по принципу естественных категорий Л. Витгенштейна, имеет ядерные и периферийные слоты и размытые границы, провоцируя взаимодействие анализируемого фрейма с другими, семантически связанными фреймами. Результатом такого взаимодействия являются парадигматически связанные единицы: синонимичные и многозначные.

Литература

1. Араева Л. А. Словообразовательный тип как средство категоризации языковой картины мира: (В свете современного когнитивного подхода) // Языковая категоризация. Части речи. Словообразование. Теория номинации. Материалы круглого стола, посвященного юбилею Е. С. Кубряковой по тематике ее исследований. – М.: ИЯ РАН, 1997. – 96 с.
2. Араева Л. А. Словообразовательный тип. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 272 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
4. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
5. Ришар Жан Франсуа. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. – М.: Инст-т психологии РАН, 1998. – 232 с.
6. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – № 23. – С. 52–92.
7. Fillmore C. J., Atkins B. T. Toward a frame-based lexicon: the semantics of RISK and its neighbors // Frames, Fields and Contrasts / In Adrienne Lehrer and Eva Feder Kittay (eds.). – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1992. – P. 75–102.

УДК 811.111'42

Г. И. Лушникова, Т. В. Старцева

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ИРЛАНДСКИЙ ЭМИГРАНТ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. О'КОННОРА «ЗВЕЗДА МОРЯ»)

В статье рассматриваются структурные компоненты лингвокультурного типажа ИРЛАНДСКИЙ ЭМИГРАНТ, представленные микротипами ЭМИГРАНТ-АРИСТОКРАТ и ЭМИГРАНТ-ПРЕСТУПНИК, на материале произведения Дж. О'Коннора «Звезда моря». Проводится анализ языковых средств реализации портретных характеристик каждого компонента, а также речевые особенности персонажей, репрезентирующих исследуемый типаж.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, межкультурная коммуникация, эмиграция, ирландская литература.

G. I. Lushnikova, T. V. Startseva

**STRUCTURAL PECULIARITIES OF LINGUA-CULTURAL TYPE
«IRISH EMIGRANT»
(ON THE BASIS OF WORK OF J. O'CONNOR «STAR OF THE SEA»)**

The article focuses on the analysis of linguo-cultural type IRISH EMIGRANT and its structural components objectified in J. O'Connor's novel «Star of the Sea». The components, realized as micro-types EMIGRANT NOBLE MAN and EMIGRANT CRIMINAL, are studied through linguistic means used to portray the main features of the characters representing such types, and through their speech peculiarities.

Keywords: linguo-cultural type, cross-cultural communication, emigration, Irish literature.

Языковая личность, ставшая центральным предметом лингвистических исследований в рамках действующей в настоящее время антропоцентрической парадигмы, неразрывно связана с социальными процессами. Человеческое сознание выполняет центральную функцию в системе формирования ценностных ориентиров, соответствующих культурной среде языковой личности, в то время как язык остается физическим средством воплощения результатов синтеза персонального опыта человека и его этнокультурного наследия. Данная схема становится особенно актуальной ввиду активного процесса глобализации, подводящего мир к проблемам межкультурного взаимодействия, интеграции культур и, как следствие, к неизбежным трансформациям, которым подвергаются национальные языки.

Для любого носителя национального сознания актуальной остается проблема коммуникативного взаимодействия с носителем иного национального сознания, в виду того, что когнитивные элементы, присущие каждой языковой картине мира, свободно находящиеся выражение в родном для человека языке, вступают в диссонанс с возможностями для их выражения, существующими в других языках. По мнению В. Н. Малышева, язык в значительной степени определяет нацию, являясь главным компонентом культуры, обладающим и агрессией, и патриотиз-

мом [5, с. 16]. Одной из важнейших сторон языка автор считает «помехоустойчивость», связывая ее с «необходимостью правильного «усмотрения» связей между компонентами высказывания теми, кто его воспринимает» [5, с. 21].

В ситуации межкультурного общения для говорящего актуальными становятся уровень знаний об иной лингвокультуре и способность оперировать данными знаниями в процессе коммуникации. Информация о представителях иной культуры в сознании языковой личности актуализируется в форме лингвокультурных типажей – ментальных образований, представляющих собой разновидность концепта, содержанием которого является типизируемая личность, и структура которого включает в себя образный, понятийный и ценностный компоненты [3, с. 180].

В. И. Карасик в модели анализа лингвокультурного типажа выделяет понятийный аспект рассмотрения, включающий анализ имен концепта в их системных связях, а также раскрытие мотивационных признаков; рассмотрение ассоциативных признаков, существующих в индивидуальном сознании; анализ оценочного компонента исследуемого типажа в самопредставлении и представлении других социальных или этнических групп [3, с. 193].

О. А. Дмитриева подчеркивает различие терминов концепта и лингвокультурного

типажа, отмечая воздействие последнего на речеповеденческий эталон, ценностные ориентиры и образ жизни языковой личности. В то же время речевые особенности конкретного типажа становятся одним из аспектов его рассмотрения. Помимо этого, автор дополняет модель анализа лингвокультурного типажа необходимостью внесения социокультурной справки, позволяющей увидеть более полную картину функционирования исследуемых реалий [2].

Настоящая статья посвящена лингвокультурному типуажу ИРЛАНДСКИЙ ЭМИГРАНТ. Выбор данного предмета исследования обусловлен актуальностью темы эмиграции вообще и ирландской эмиграции в частности. Патрик Бишоп в своей книге «Ирландская империя» отмечает тот факт, что ирландская нация без объявления войны оказалась способна достичь основных целей имперского характера. Эмиграция позволила широко распространить национальные идеи, культуру и само понятие «ирландец», которое далеко не всегда имело положительное содержание, однако с течением времени стереотип ирландца утратил свои ассоциации с пьянством, безграмотностью и насилием, уступив место общительности, изобретательности и высоко развитому чувству человечности [6].

История ирландской эмиграции находит яркое отражение в художественной литературе, что позволяет проследить становление лингвокультурного типажа ИРЛАНДСКИЙ ЭМИГРАНТ и динамику его развития. Как социальный феномен эмигрант являет собой человека, находящегося в точке пересечения двух культур – исконной и чуждой. Подобное пограничное положение языковой личности может привести как к полной или частичной ассимиляции в новой культурной среде, так и маргинализации личности. Массовость явления позволила ирландским авторам использовать совершенно разные образы эмигрантов, что, в свою очередь, сделало возможным

на основе проанализированного языкового материала выделить отдельные микротипажи в составе лингвокультурного типажа ИРЛАНДСКИЙ ЭМИГРАНТ. Микротипажи представляют собой структурные элементы, формирующие образный компонент лингвокультурного типажа. Применительно к каждому подобному элементу используется схема построения модели типажа, предложенная О. А. Дмитриевой, включающая такие рецептивно-образные представления как внешний вид, одежда, атрибуты, среда обитания, речевые и поведенческие особенности, ритуальные действия, сфера деятельности, досуг, круг общения, материальное положение, этикет, происхождение, возраст [2, с. 98]. Однако следует отметить, что не все вышеизложенные аспекты оказываются актуальными для того или иного подтипа.

Рассмотрим структурные компоненты лингвокультурного типажа ИРЛАНДСКИЙ ЭМИГРАНТ, встретившиеся в романе Джозефа О'Коннора «Звезда моря». Это такие подтипы, как АРИСТОКРАТ и ПРЕСТУПНИК.

Подтип АРИСТОКРАТ. В произведении О'Коннора один из героев-эмигрантов представляет сословие аристократов. Его семья, владевшая землями в Ирландском графстве Голуэй несколько сотен лет на момент действий, описанных в романе, разорилась, что послужило причиной эмиграции Дэвида Мэридита, лорда Кингскорта в США.

В первую очередь, данный подтип отражает социальную реальность времени, описанного в романе. Традиционный стереотип английского лорда середины девятнадцатого века воплощен в образованном человеке, получающим определенный доход от своих владений и потому не стесненным в материальных средствах, равно как и не обремененным заботами о пополнении своего благосостояния, скорее сибаритом по образу жизни и мировоззренческим позициям. История рисует нам факты крушения подобной жиз-

ненной парадигмы ирландской знати середины девятнадцатого века, времени картофельного голода, поднявшего огромную волну эмигрантов совершенно разных социальных слоев населения. В романе на примере героя-аристократа любопытным образом показывается процесс изменения ценностных ориентиров знати, а также оценочного компонента в аспекте самовосприятия и восприятия ее представителей окружением:

'You'll remain at New York for some time, Lord Kingscourt?' <...>

'Indeed,' he said. 'I mean to go into business, Lockwood.'

Inevitably Dixon gave him a look. 'Since when did the gentry stoop to working for a living?'

The Captain gave an apprehensive laugh. 'I'm sure our American friend meant no offence, Lord Kingscourt. He only thought –'

'I'm quite aware of what he thought. How can an Earl be fallen low as a tradesman...' [7, с. 8–9].

В примере основную ценностную оппозицию формирует лексическая пара *Earl* – *tradesman*, применяемая к персонажу аристократу. В данном случае переезд в США меняет социальный статус героя. Динамика такого изменения прослеживается в оценке профессиональных интенций (*I mean to go into business*) персонажа им самим (*How can an Earl be fallen low as a tradesman*) и его окружением (*Since when did the gentry stoop to working for a living*). В обоих случаях оценочный компонент имеет ярко выраженный отрицательный характер. Но для самого аристократа уподобление торговцу оказывается не просто сменой рода деятельности, а потерей высокого статуса, на что указывает использование персонажем в своей речи глагола «падать» в страдательном залоге (*be fallen*). Форма страдательного залога подчеркивает виктимность персонажа по

отношению к факторам, мотивировавшим переезд в США, смену рода деятельности и, как следствие, потерю социального статуса. Семантически глагол *fall*, помимо прочих, имеет значение *to go down to a lower level, amount, price etc, especially a much lower one* [8]. Сема «падение» в данном случае несет в себе негативный социальный оттенок, вследствие чего нейтральные лексемы-наименования социального статуса оказываются в оппозиции.

С точки зрения окружающих также явно просматривается негативная оценка, однако относится она уже к стереотипным характеристикам аристократии как класса, живущего за счет доходов со своих владений, а не за счет своего личного труда. И если в самооценке персонажа занятие торговлей для аристократа было равнозначно потере высокого статуса, то, по мнению окружающих, это повод для иронии над намерением героя – ирландского лендлорда открыть свое дело по приезду в Нью-Йорк: *Since when did the gentry stoop to working for a living*. Вновь выделяется оппозиция аристократия/другие классы, выраженная при помощи лексем *gentry* и *working*. Как и в предыдущем случае, элементы оппозиции связаны глаголом, содержащим сему с отрицательной коннотацией. По данным словаря, *to stoop to something* имеет значение *to do something bad or morally wrong, which you do not normally do* [8]. Подобный выбор языковых средств послужил средством создания иронии и заключает отрицательную оценку образа жизни дворянства и поведения его представителей.

Наряду с социальным аспектом в произведении значимым оказался национальный аспект. Аристократия, владевшая землей в Ирландии, имела английские корни. И хотя целые поколения одной семьи жили на ирландской земле, сменяли друг друга

в течение нескольких сотен лет, позиционируя себя ирландцами, в глазах простых жителей, арендующих земли у лендлордов, и в глазах жителей других стран они оставались англичанами. По этой причине англо-ирландская аристократия как класс находилась в обособленной позиции за счет давней национальной коллизии. Рассмотрим проблему национальной идентификации на примере спора героя-представителя американской культуры и ирландского графа:

'Oh I wouldn't fight a battle with an unarmed man. That's not how we do things in England.'

'You've done it in Ireland often enough.'

'Ah, the bard's beloved Erin. The only place on God's earth best understood by foreigners.'

'And what the Hell are you? A loyal native?'

'Well my family has lived there since about 1650. A while before the white man stole America from the Indians. I wonder whether you feel you should go home, too.' [7, с. 131].

Как видно из приведенного отрывка беседы, каждый герой обвиняет своего оппонента в чуждости той культуре, к которой принадлежит. Для американца граф является представителем пришлого правящего класса, подавляющего исконных жителей Ирландии (*You've done it [fight a battle with an unarmed man] in Ireland often enough*). Сочетание *loyal native* употребляется в ироническом смысле, между тем как для ирландского аристократа американец по отношению к своей стране оказывается столь же чуждым – белым человеком, укравшим Америку у индейцев (*white man stole America from the Indians*). Параллель, проведенная героем-аристократом, относящаяся к схожести существования американской и ирландской культур, вступает в противоречие с его национальной идентификацией. В процессе дискуссии лорд стремится подчеркнуть свою принадлежность к ирландской культуре, оспоренную амери-

канским оппонентом, употребляя реалии, относящиеся к ирландской культуре, например, исконно ирландское наименование страны – **Erin**. Далее он предлагает строить беседу на ирландском языке, мотивируя это тем, что национальный язык страны позволяет достигнуть большего понимания ее особенностей. Использование героем-аристократом ирландского языка в разговоре с оппонентом, который его не знает, является своеобразным приемом его самоидентификации как носителя ирландской лингвокультуры: *'Ar mhaith leat Gaeilge a labhairt, a chara? Cad é do mheas ar an teanga?'* (*Хотите говорить на ирландском, мой друг? Как вы находите этот язык?*). Однако с точки зрения американца факт владения языком не является значимым (*I don't speak Swahili either but I know cruelty when I see it.*). Упоминанием языка суахили, одного из африканских языков, персонаж-американец уподобляет положение ирландских крестьян, арендующих земли лендлордов, с положением африканских рабов в США и оценивает их в равной степени жестокими. Лексема *cruelty* служит оценкой и ситуации, сложившейся в Ирландии в середине девятнадцатого века, и ирландской аристократии этого времени.

Подтип ПРЕСТУПНИК. Джозеф О'Коннор дает в своем романе достаточно противоречивый портрет такого персонажа. Если обратить внимание на лексико-семантическое поле описания внешности эмигранта-преступника, то следует отметить частотность языковых единиц, объединенных общей семой «существо из потустороннего мира»: *Materialising with the stars, stealing below with the sunrise, he came to be known among the ship's nocturnal denizens as 'the Ghost' [7, XII]'. Prometheus in rags, awaiting the avid birds [7, XIII]. His apparent daylight and love of darkness led some of the imaginative to call him 'a sithoge'; a weird supernatural of*

Irish legend, the child of a faerie and a mortal man, possessed of the power to curse and conjure [7, XX]. *His hair, as hideously overgrown black dandelion, might once have belonged to a pantomime ghoul* [7, XIX].

Как видно из примеров, семантическая нагрузка слов, номинирующих персонажа-преступника, варьируется от полюса положительной до полюса отрицательной оценки. Положительная оценка выражена с помощью precedentного имени *Prometheus* (Прометей), титана из греческой мифологии, укравшего священный огонь, преступившего закон богов, но подарившего его людям и наказанного за этот поступок, что в целом делает образ Прометея в большей степени подходящим для описания жертвы, нежели преступника. Нейтральная лексема *Ghost* (призрак), наиболее часто встречаемая в тексте произведения по отношению к персонажу-преступнику, не содержит оценочного компонента, в то время как отрицательная оценка представлена лексемами *sithoge* (ситхог) и *ghoul* (упырь). В первом случае мы имеем дело с аллюзией на фольклорный персонаж – существо из ирландских легенд, обладающее устрашающими способностями (*the power to curse and conjure*). Вторая лексема (*ghoul*) содержит ярко выраженную негативную оценку и, согласно словарю, имеет следующее значение: «An evil spirit in stories that takes bodies from graves and eats them». Но при этом мрачная семантика сглаживается посредством актуализации слова в сочетании с определяющей его лексемой *pantomime* – *pantomime ghoul* (пантомимный упырь), подчеркивающей неестественность, карикатурность черт злодея в облике эмигранта-преступника.

Типаж эмигрирующего преступника обнаруживает такую черту как многоликость, вследствие чего в восприятии окружения он не имеет четкого портрета и не вызывает единого для всех мнения о себе:

It was said by some that he had been a moneylender back in Ireland; a 'gombeen' in their slang; a hated figure. Others pronounced him the former master of a workhouse, or a landlord's agent or deserted soldier. A candlemaker from Dublin insisted the Ghost was an actor... Two Fermanagh girls who never laughed were certain he must have served time in a bridewell... [7, XX] He had something of a younger priest... [7, XXI] But then it occurred to someone that the Ghost might be 'a Jew-man', or possibly even some kind of Protestant [7, XXI].

В вышеприведенных примерах типаж ирландского эмигранта-преступника описывается лексемами, номинирующими профессию и вероисповедание – то, кем человек представляется в обществе, статус, по которому общество оценивает человека. Большая часть лексем-наименований профессий содержит отрицательную оценку, тем самым указывая на отчужденность персонажа, представляющего данный типаж, от других персонажей. Так, лексема *moneylender* (ростовщик), дублируемая в тексте англо-ирландским синонимом *gombeen* – ростовщик (словарь Oxford Dictionaries [9] датирует появление слова серединой девятнадцатого века и отмечает его происхождение от ирландского *gaimbín* – *ростовщик*), оценивается как *hated figure* (ненавидимая фигура). Лексемы *master of a workhouse* (хозяин рабочего дома), *landlord's agent* (агент лендлорда), *deserted soldier* (солдат-дезертир) являются отражением реалий описываемой эпохи картофельного голода в Ирландии. Первые два примера демонстрируют конфликтное состояние ирландской и английской наций при господстве последней. По этой причине любой представитель английской власти оценивался негативно, как, например, хозяин рабочего дома или агент лендлорда. Значение лексемы *deserted soldier* в данном контексте включает сему «преступник», а стало быть, оправдыва-

ет статус эмигранта как человека, которому есть от чего бежать. Помимо нейтральных по своему содержанию наименований *younger priest* (младший чин священнослужителя) и *actor* (актер), в тексте встречаются лексемы *Jewman* и *Protestant*. Будучи католиками по вероисповеданию, ирландцы старались обособить себя от других конфессий, чему способствовало сильное влияние католической церкви в стране и непрекращающиеся конфликты с протестантами – англичанами. Подобное отношение выражено в примере: *But then it occurred to someone that the Ghost might be 'a Jewman', or possibly even some kind of Protestant* [7, XXI]. В стилистическом плане предложение содержит градацию, где *Jewman* является первой ее ступенью, а *even some kind of Protestant* – второй. Таким образом, наименование «протестант» и «иудей», с точки зрения ирландца, содержит отрицательную оценку.

В целом социальный портрет типажа ЭМИГРАНТ-ПРЕСТУПНИК обладает размытыми характеристиками – нельзя точно определить род деятельности такого человека, его вероисповедание, что рождает неприязнь и подозрения и ставит его в положение маргинала в собственно эмигрантской среде. Данное свойство подтверждается также на уровне коммуникативного поведения героя, представляющего такой типаж. Рассмотрим пример беседы дух персонажей романа, один из которых является преступником, ирландцем по происхождению:

– *They do-say a feller might have himself all manner of sport in London.* <...>

– ...the way you just said the word «*feller*». *Most curious pronunciation for an Irishman, don't you think? «Fellow» or «fella» is what you might expect.* <...>

– *I don't recollect myself ever spakin that word in the whole of me life, sir.* <...> *Run along, little boy. Before you get what's coming* [7, с. 326–329].

Из примера видно, что речевое поведение персонажа, представляющего исследуемый типаж отличается гибкостью за счет смешения языковых особенностей различных типов социального и этнического окружения, а в данном примере – это среда лондонских кокни. В произведении типаж ЭМИГРАНТ-ПРЕСТУПНИК характеризуется способностью свободного оперирования языковыми средствами и коммуникативными паттернами в зависимости от ситуации, что позволяет ему с легкостью ассимилироваться в новой языковой среде. Лексема *feller*, характерная для диалекта кокни, выдает причастность героя к лондонской жизни, которую он пытается скрыть от своего коммуникативного партнера, заметившего нетипичность использования данного варианта лексемы ирландцем в сравнении с более ожидаемыми вариантами *fellow* и *fella*. Опасность разоблачения заставляет героя тут же перейти на ирландский вариант английского языка, что проявляется в некоторых фонетических и лексико-грамматических особенностях речи. О. О. Куреня в исследовании, посвященном ирландскому варианту английского языка в литературе Ирландии, отмечает преобладание в нем качественных изменений гласных звуков, в частности дифтонгизацию монофтонгов [4, с. 11]. Так, в примере наблюдается переход звука [i:] в дифтонг [ei]. На уровне согласных звуков выделяется замена заднеязычного [ŋ] переднеязычным [n] (*spakin* = *speaking*). Последняя особенность в большей степени является речевой характеристикой низкого социального класса, но вместе с тем имеет широкое распространение и в территориальных диалектах [1, с. 9]. На морфологическом уровне вместо притяжательного местоимения первого лица, единственного числа *my* используется форма объектного падежа личного местоимения первого лица, единственного числа: *me life* (= *my life*). Тем не менее, в процессе беседы территориаль-

ные особенности речи исчезают ввиду безрезультатности речевых симуляций героя, вернувшегося в русло стандартного английского языка, что, в частности, проявляется в традиционной форме [1п] у глагола: *Before you get what's coming*.

В заключение следует отметить, что в произведении Дж. О'Коннора «Звезда моря» лингвокультурный типаж ИРЛАНДСКИЙ ЭМИГРАНТ состоит из двух подтипов:

ЭМИГРАНТ-АРИСТОКРАТ и ЭМИГРАНТ-ПРЕСТУПНИК. Языковые средства, объективирующие тот и другой микротипажи, содержат отрицательные коннотации. Ведущей характеристикой типажа ИРЛАНДСКИЙ ЭМИГРАНТ оказывается «чужой», «чуждый», что свидетельствует об изолированности, маргинальности типичного эмигранта в новой культуре, как его изображает О'Коннор.

Литература

1. Абрамова И. Е. Британский произносительный стандарт: тенденции развития // Вестник Челябинского государственного университета. Филология, искусствоведение. – 2010. – № 29 (210). – С. 5–11.
2. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в.: монография. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. – 307 с.
3. Карасик В. И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
4. Куреня О. О. Особенности ирландского варианта английского языка в художественной литературе и фольклоре Ирландии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 23 с.
5. Малышев В. Н. Пространство мысли и национальный характер. – СПб.: Алетейа, 2009. – 408 с.
6. Bishop, Patrick The Irish Empire. – London: Boxtree, 1999. – 192 p.
7. O'Connor, Joseph Star of the Sea. – Harcourt, Inc., 2004. – 432 p.
8. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com/search/?q=fall> (дата обращения: 31.10.11).
9. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oxforddictionaries.com/definition/gombeen> (дата обращения: 02.11.11).

УДК 811.111'42

Е. О. Омеличкина

ДИСКУРСИВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СТЕРЕОТИПА «HÉROS-COMBATTANT»

В настоящей работе осмысляются понятийные, ценностные, оценочные и образные составляющие стереотипа-сценария и стереотипа-представления *héros-combattant* (*герой-борец*) в контексте индивидуально-авторского сознания А. де Сент-Экзюпери как представителя французской литературы XX в. В ходе исследования номинируются некоторые типичные характеристики типажа *héros-combattant* как модельной личности, что важно для понимания национально-культурных установок французского общества.

Ключевые слова: стереотип, лингвокультурный типаж, герой.

DISCURSIVE REALIZATION OF THE STEREOTYPE «HÉROS-COMBATTANT» («HERO-FIGHTER»)

The paper focuses on conceptual, value-orientated, evaluative and figurative constituents of the stereotype-scenario and stereotype-presentation of *héros-combattant* (*hero-fighter*) in the individual author's mind of A. de Saint-Exupéry's who represents the French literature of the XX century. The paper explores a number of typical characteristics of the type *héros-combattant* as a model personality, which proves to be important for understanding the national cultural attitudes and principles of the French community.

Keywords: stereotype, linguo-cultural type, hero.

Каждый этнос имеет собственную внутреннюю структуру, стереотип поведения, ценностную картину мира и менталитет. Частью концептосферы народа является национальная «персоносфера» как система персоналий, героев, значимых для данного лингвокультурного сообщества [9, с. 154], которые действуют в рамках канонизированной модели поведения и обладают героическими качествами. Образцы героического поведения со временем отделяются в общественном сознании от их субъектов и начинают жить самостоятельной жизнью, что ведет к появлению семантического статуса героизма. Герой подразумевает не столько конкретную личность, сколько индивидуально-личностный социальный статус и роль [8, с. 13–15].

Из вышесказанного следует, что процесс обобщения приводит к возникновению лингвокультурного типажа «герой», который, будучи языковой личностью, олицетворяет собой национальный характер и отражает закрепившиеся в обществе ценности. В качестве предмета лингвистического изучения типаж предстает как совокупность культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, значений, установок и поведенческих реакций [5, с. 166]. Личность становится типажом, «строит свое поведение в соответствии с ролевыми предписаниями», является «обобщением и включает

стереотипные представления о типизируемом», как поведенческие, так и ценностные. Любой типаж рекуррентен, прецедентен и является «узнаваемым образом представителя определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [6, с. 179–183].

Как известно, культура включает в себя регулятивные элементы: идеалы, нравственные нормы, традиции, обычаи, составляющие в совокупности социальные нормы поведения человека, которые этим типизируют его личность [7, с. 31]. Особое место в структуре языковой личности принадлежит ценностям – наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения [5, с. 166]. Ментальная сфера и мировоззрение, как отдельной персоны, так и социума, задаются ценностями (общечеловеческими, национальными, групповыми или индивидуально-личностными). Помимо устойчивости общечеловеческих и этнических констант, ценности обладают такими качествами, как относительность и подвижность, то есть они подвержены переоценке в рамках одной культуры [4, с. 33–40].

По словам О. А. Дмитриевой [4, с. 56], лингвокультурный типаж выполняет прескриптивную функцию, т. е. определяет поведение и действия, которые следует осуществлять. Типаж *héros-combattant* является

выразителем культурной доминанты Франции и олицетворяет «модельную личность», устанавливающую «ценностные ориентиры поведения» для представителей французской нации [4, с. 81]. В данной связи речь идет о когнитивном процессе стереотипизации, продуктом которого является устойчивые эмоционально-оценочные образования, фрагменты концептуальной картины мира, стереотипы – «образы, которые опосредуют наше отношение с объективной реальностью». Они представляют собой «готовые изображения, ранее существовавшие культурные схемы, с помощью которых каждый человек «фильтрует» окружающую действительность» [10, с. 26]. Стереотипы характеризуются национально-культурной маркированностью, и поэтому их рассматривают как элементы национально-языковой картины мира, национального культурного пространства, как разновидность культурных моделей [1, с. 43], которыми пользуется человек в процессе коммуникации, так как стереотип, который формируется на когнитивном уровне как устойчивое типизированное представление, неизбежно вербализуется. Из этого следует, что под стереотипом понимается лингво-ментальный феномен, двусторонний знак, означаемое которого – когнитивная единица, ментальный стереотип, а означающее – языковая единица, вербальный, текстовый стереотип» [2].

Прескриптивная функция проявляется в стереотипе-сценарии (состоящем из стереотипов-ситуаций, в основе которых заложено представление о референтной, коммуникативной и деятельностной ситуациях), а предикативная, прагматическая функция выражена в стереотипе-представлении, стереотипе-образе [2]. Стереотипность проявляется на различных уровнях: сюжетно-событийном, вербально-образном, концептуально-ментальном [3, с. 95–96].

Изучая героя в качестве стереотипа, мы, тем самым, обращаемся к высшей степени его генерализации. Стереотип «герой-борец» реализуется в сценарии, модели героического поведения. Этому способствует тот факт, что герой является контекстно-зависимой единицей и невозможен вне героической ситуации.

В данной работе исследуется стереотип *héros-combattant* и его языковая экспликация в произведениях А. де Сент-Экзюпери «*Pilote de Guerre*» («Военный летчик») и «*Vol de nuit*» («Ночной полет») [12]. В семантику лексемы *héros-combattant* входят две семы (*воин* и *борец*) и выделяются сферы проявления героизма: война и мирное время. Проанализировав французские толковые словари [11], мы выделили компоненты стереотипа, характеристики героического поведения, а также оценочную составляющую:

дефиниции

1. Soldat qui participe activement au combat militaire, remarquable par sa bravoure, ses exploits, un courage extraordinaire et son sens du sacrifice.

семы

Militant, guerrier, soldat, défenseur.

дефиниции

2. Personne qui participe, se livre à toute espèce de combat.

семы

Champion de, militant de, défenseur.

характеристики

Courage, générosité, valeur, vaillance, intrépidité, âme, ressort, noblesse, grandeur, fanatisme, bravoure, sacrifice, stoïcisme, vertu, fermeté, force, abnégation, élévation morale, génie, dévouement total à une cause et une oeuvre.

оценка

- Incarne dans un certain système de valeurs un idéal, toutes les vertus aux yeux de quelqu'un;

- fait l'objet d'une admiration excessive de la part de quelqu'un;

- est digne de l'estime publique, de la gloire.

Таким образом, обретение человеком статуса *héros-combattant* обусловлено присущими ему героическими поступками, героической деятельностью как образом жизни, личными эталонными качествами (подлинно героическими, которые позволяют человеку преодолеть страх и совершить подвиг, и куртуазными, свидетельствующими о благородстве и моральности героя) и положительной оценкой социумом данной деятельности и поступков в рамках устоявшееся ценностной системы.

Итак, структура стереотипа *héros-combattant* представляет собой следующий набор признаков:

1. *Héros-combattant* (герой-борец). *Cmepeomun* – представление.

- сфера проявления героизма – война.

La discipline militaire et le respect hiérarchique peuvent solliciter d'un Hochedé qu'à peine abattu en flames, et par miracle indemne, il se réinstalle dans un autre avion pour une autre mission, qui cette fois-ci sera périlleuse... mais non qu'il livre à des mains sans respect un chronomètre de grand luxe, qui a coûté trois mois de solde, et qui fut remonté, chaque soir, avec un soin tout maternel...

Et quand Hochedé vainqueur, son bon droit enfin établi, et son chronomètre contre son coeur, quitta tout fumant encore d'indignation le bureau de l'escadrille, j'aurais embrassé Hochedé. Je découvrais les trésors d'amour de Hochedé. Il luttera pour son chronomètre. Son chronomètre existe. Et il mourra pour son pays. Son pays existe. Hochedé existe, qui est lié à eux. Il est pétri de tous ses liens avec le monde (p. 129–130).

Центральными в вышеприведенном отрезке текста являются повторяющиеся лексемы *exister* (существовать), *être lié* (быть связанным с), *liens* (связи). Герой-борец живет, ощущая неразрывную связь с летчиками своей группы, со своей страной и миром.

Параллельные конструкции (*son chronomètre existe; son pays existe; Hochedé existe...*) служат средством передачи целостности образа героя. Автор использует развернутую метафору *il est pétri de tous ses liens avec le monde*, тем самым уподобляя Ошедэ глине, из которой рождается победитель. Героическое поведение человека на войне заключается в жертвенности и борьбе за то, что ему принадлежит (*luttera pour; mourra pour*), при этом раскрываются его человеческие качества (*les trésors d'amour*). Хронометр в его сознании персонифицируется в ребенка (*avec un soin tout maternel*). Гражданственность и героизм его натуры проявляется, как в желании сохранить хронометр, так и в готовности отдать жизнь за свою страну. Заботливость по отношению к ценной вещи не противопоставляются, а дополняют такие доминантные черты, как храбрость и самоотверженность. Летчик рвется в смертельный бой после сложного задания (*mission, qui cette fois-ci sera périlleuse*). Мужественность пилота находит выражение в его деятельной позиции и бесстрашии (*à peine abattu en flames, et par miracle indemne, il se réinstalle dans un autre avion*). Также Ошедэ свойственны дисциплина (*la discipline militaire*), уважение к начальству (*le respect hiérarchique*) и гордость (*son bon droit enfin établi*).

Таким образом, эталонные героические качества и поведение пилота позволяют ему ощутить себя частью целого:

летчик ↔ авиагруппа ↔ страна ↔ мир.

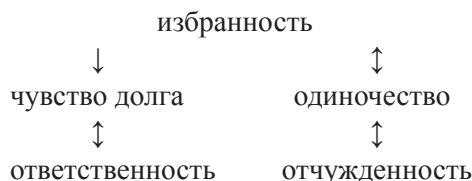
- сфера проявления героизма – мирное время.

Ce soir avec mes deux courriers en vol, je suis responsable d'un ciel entier. Cette étoile est un signe, qui me cherche dans cette foule, et qui me trouve: c'est pourquoi je me sens un peu étranger, un peu solitaire (p. 197).

В данном отрезке текста изучаемый стереотип коррелирует с понятиями *ответственность* (*la responsabilité*) и *долг* (*le devoir*). Реализуется **первичное словарное значение** лексемы *responsable* – qui doit rendre compte et répondre de ses actes ou de ceux des personnes dont il a la garde ou la charge, а также дополнительное, оценочное значение – qui est l’auteur, la cause volontaire et consciente de qqch., en porte la responsabilité morale. В связи с этим подчеркивается внутренне принимаемая Ривьером, директором сети воздушных сообщений, целевая установка обеспечить своевременный вылет самолетов, доставляющих почту, несмотря на плохие метеоусловия. Гипербола *d’un ciel entier* и притяжательное прилагательное *mes* (*mes deux courriers en vol*) иллюстрируют обостренное чувство моральной ответственности Ривьера.

В изучаемом примере **фигурирует концепт избранность** (*cette étoile est un signe, qui me cherche dans cette foule, et qui me trouve*). Герой противопоставляется толпе. Судьба выбирает его и наделяет обязанностями руководителя, от которого зависят жизни пилотов и доставка почты, обеспечивающей связь между материками. Избранность **героя** порождает его *одиночество* и *отчужденность* (*c’est pourquoi je me sens un peu étranger, un peu solitaire*).

Таким образом, герой-борец в тексте наделяется следующими качествами:

2. *Héros-combattant* (герой-борец). **Стереотип – сценарий.**

- сфера проявления героизма – **война**.

Les chocs me reprennent au ventre. Et, si je regarde vers le bas, je retrouve, bien centrée sur moi, cette ascension de bulles d’une vertigineuse lenteur. Il est inconcevable que nous soyons encore entiers. Et cependant je me découvre invulnérable. Je me sens comme vainqueur ! Je suis, dans chaque seconde, vainqueur!

- Touchés?

- Non...

Ils ne sont pas touchés. Ils sont invulnérables. Ils sont vainqueurs. Je suis propriétaire d’un équipage de vainqueurs... (p. 117–118).

Оказавшись в ситуации смертельной опасности, герой, совершая подвиг, спасает свою жизнь и жизнь своих товарищей. Посредством повтора лексем с ярко выраженной положительной коннотацией *invulnerable* (неуязвимый), *vainqueur* (победитель), графических маркеров, восклицательных знаков, и простых нераспространенных предложений, автор передает внутреннее торжество и волнение пилота, который смог спасти самолет от обстрела. Уникальность момента объективируется при помощи оборота *il est inconcevable* (это непостижимо). Ценность победы пилота обусловлена невредимостью всего экипажа, а значит, и общей победой над смертью (*entiers; ne sont pas touchés*). Он ощущает особую гордость быть командиром экипажа победителей, что приводит к изменению его самоощущения (*je suis propriétaire d’un équipage de vainqueurs*). Коннотативный элемент гиперболы *propriétaire* (владелец) указывает на высокую моральную ответственность рассказчика за свой экипаж:

подвиг → победа → общая победа.

- сфера проявления героизма – **мирное время**.

- *Tu n’es même pas triste... Pour combien de jours t’en vas-tu?*

Huit, dix jours. Il ne savait pas. Triste, non; pourquoi? Ces plaines, ces villes, ces montagnes... Il parlait libre, lui semblait-il, à leur conquête. Il pensait aussi qu'avant une heure il posséderait et rejetterait Buenos Aires.

Il sourit:

- Cette ville... j'en serai si vite loin. C'est beau de partir la nuit. On tire sur la manette des gaz, face au Sud, et dix secondes plus tard on renverse le paysage, face au Nord.

La ville n'est plus qu'un fond de mer.

Elle pensait à tout ce qu'il faut rejeter pour conquérir.

- Tu n'aimes pas ta maison ?

- J'aime ma maison...

Mais déjà sa femme le savait en marche.

Ces larges épaules pesaient déjà contre le ciel.

Elle lui montra.

- Tu as beau temps, ta route est pavée d'étoiles (p. 207–208).

Данный коммуникативный эпизод представляет собой стереотипный разговор летчика с женой перед очередным ночным полетом. Прием несобственно-прямой речи, к которому прибегает автор, служит для передачи мыслей и чувств летчика, с нетерпением ожидающего часа вылета (*huit, dix jours... Triste, non; pourquoi? Ces plaines, ces villes, ces montagnes...*). Так, авторская точка зрения сближается с позицией героя. Ценностная картина мира жены пилота и ее мужа, мечтающего о полете, вступают в отношения антитезы (*la maison – le ciel*). Герой не задумывается, через сколько дней он вернется домой, его увлекает романтика полета и встреча со стихией. В мысленно выстроенном сценарии пути, основанном на личном опыте, центральное место занимает идея борьбы, завоевания и свободы: *conquérir* (завоевать, победить), *conquête* (завоевание, покорение), *posséderait* (будет обладать), *rejetterait* (ом-

бросит), *renverse* (опрокидывает), *libre* (свободный), *loin* (далеко). Герой оставляет позади город, который теперь кажется ему таким же далеким, как морское дно (*fond de mer*). В изучаемом контексте содержатся три пространственные системы: *la maison* (дом), *la ville* (город), *le ciel* (небо). Мысленное перемещение героя во времени (*avant une heure, dix secondes plus tard*) и пространстве становится для его жены физически осязаемым (*le savait en marche*). Он представляется ей титаном, завоевателем неба, что находит свое выражение в развернутых метафорах (*ces larges épaules pesaient déjà contre le ciel; ta route est pavée d'étoiles*). Волшебство ночного полета завораживает жену летчика, и она готова пожертвовать своим спокойствием ради триумфа мужа (*elle pensait à tout ce qu'il faut rejeter pour conquérir*).

Полет знаменует обретение героем статуса победителя. Чем выше он поднимается над землей, тем больше и сильнее он становится:

дом	→	полет	→	небо
↓				↓
муж	→	победитель		

Таким образом, стереотип *héros-combatant*, включающий в себя два смысловых компонента: воин и борец, реализуется в следующих сферах: война и мирное время. Анализ стереотипов-представлений способствовал выделению характерных для исследуемого типажа героических качеств, которые позволяют ему не только ощутить себя частью экипажа, гражданином своей страны, но и взять на себя ответственность за судьбы людей. При этом герой наделяется чертами мессии, избранного. Исследование стереотипов-сценариев показало, что через совершение подвига герой обретает статус победителя и становится сотворцом общей победы.

Литература

1. Брагина Н. Г. ИмPLICITная информация и стереотипы дискурса // ИмPLICITность в языке и речи. – М.: 1999. – С. 43–57.
2. Григорьева Т. А. Стереотипность шлягера как текста массовой культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 / С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб.: Б.и., 2003. – 18 с.
3. Григорьева Т. А. Стереотипные модели и стереотипные ситуации в текстах современного шлягера // Записки молодых филологов. – СПб., 2003. – Вып. 2. – С. 95–96.
4. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX в.: монография. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. – 307 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Карасик В. И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
7. Касьянова К. О русском национальном характере. – М: Ин-т нац. модели экономики, 1994. – 367 с.
8. Плахов В. Д. Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы. – СПб.: КАРО, 2008. – 240 с.
9. Седых А. П. О персонификации французской культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2. – С. 154–156.
10. Amossy R., Herschberg Pierrot A. Stéréotypes et clichés. – Paris: Armand Colin, 2007. – 128 p.
11. Le Trésor de la Langue Française [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr> (дата обращения: 09.12.2011).
12. Saint-Exupéry A. de. Pilot de Guerre. Vol de Nuit. Книга для чтения на франц. языке / коммент. Н. М. Тимаковой. – М.: Менеджер, 2001. – 256 с.

УДК 37

Н. А. Заруба

**УПРАВЛЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЕМ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ
ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

В статье обосновывается актуальность изучения проблемы компетентности педагога в сфере образовательных инноваций; необходимость управления процессом формирования компетентности педагога в сфере образовательных инноваций; выявляются и обосновываются противоречия, научные подходы; предлагаются результаты научно-теоретического анализа исследования выявленной литературы относительно таких понятий как «компетентность в сфере образовательных инноваций», «компетентности в сфере образовательных инноваций».

Ключевые слова: компетентность, компетенции, компетентностный подход, компетентность в сфере образовательных инноваций, компетенции в сфере образовательных инноваций.

N. A. Zaruba

**FORMATION OF MANAGEMENT COMPETENCE OF A TEACHER
IN EDUCATION INNOVATION AS A REFLECTION OF TRENDS
OF THE RUSSIAN SOCIETY**

The importance of studying the problem of teacher competence in educational innovation and the need to manage the process of formation of teacher's competence in educational innovation are identified and justified by the contradictions, scientific approaches in the article, which offers the results of scientific theoretical analysis of the research literature on the identified concepts such as 'competency in the field of «educational innovation», «competences in the field of educational innovation».

Keywords: competency, competences, competence-based approach, competency in the field of educational innovation, competences in the field of educational innovation.

В стратегической перспективе отечественное образование рассматривается как важнейший фактор и ресурс инновационного развития общества и государства. Это предполагает осуществление системных изме-

нений по основным направлениям развития образования России.

Тенденции современного развития общества в России непосредственно связываются с такими актуальными понятиями как «ин-

новационное общество», «инновационная экономика», «общественный интеллектуальный потенциал», «национальная инновационная система», «инновационное образование» и др.

Это обусловлено, в первую очередь, переходом от общества индустриального к обществу «постиндустриальному», информационному, характеристиками которого являются качество общественного интеллекта, качество инновационного потенциала общества, инновационная культура и др.

Понятно, что переход к информационному обществу не может не вызывать изменений в социальной сфере, в том числе, в такой важной ее составляющей как система образования. Эти изменения во многом определяются приоритетом не «знаниевой» образовательной парадигмы, а «компетентностной».

Профессиональное образование получило новый социальный смысл – оно должно формировать не просто специалиста, а специалиста, владеющего компетенциями, в том числе и компетенциями в сфере инноваций.

Для страны, сориентированной на инновационный путь развития, на инновационную экономику, необходимы инновационно-ориентированные кадры, которые обладают инновационным мышлением, владеют способностями инновационной деятельности.

Основы формирования таких кадров для профессионального образования, для современного рынка труда, на наш взгляд, должны закладываться в системе общего образования.

Велика в этом роль педагога. Только педагог, компетентный в сфере инноваций, может быть способным решать задачу формирования личности школьника, способной к деятельности в условиях инновационных преобразований в обществе.

В свою очередь, для формирования и развития компетентности педагога в сфере инноваций в образовании весомый вклад должна

вносить система управления образованием. Основные ее задачи – это создание условий для совершенствования уровня квалификации специалиста системы образования, его профессиональной компетентности, повышение уровня профессионализма педагогов, в том числе, и в сфере инноваций в образовании с целью повышения уровня качества современного образования.

Осуществляемые в последние годы попытки широкого внедрения инноваций в систему образования наталкиваются на серьезные препятствия: предлагаемые инновационные мероприятия в системе образования при их нередкой полезности и важности страдают бессистемностью, низким уровнем результативности.

Причины этого, думается, заключаются, во-первых, в неготовности и неспособности педагогов к реализации инновационных проектов в сфере образования по причине низкого уровня их компетентности в сфере образовательных новаций и инноваций, а во-вторых, в том, что не сформирована эффективная система управления процессом развития компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций.

Анализ практики работы инновационных школ свидетельствует о противоречии между потребностью педагогов, специалистов системы образования осуществлять поиск новых, нестандартных решений возникающих проблем в сфере образовательных инноваций и недостаточным уровнем необходимой для этого их профессиональной компетентности.

Формирование компетентности педагога в сфере образовательных инноваций, результаты этого процесса – это производные от большого числа *факторов* внутреннего и внешнего, объективного и субъективного порядка.

В этой связи интересными могут быть результаты специального исследования, про-

веденного в региональной системе общего образования.

В ходе опроса педагогическим работникам было предложено оценить *эффективность влияния инноваций* на достижение нового качества образования. Полученные в страте учителей оценки практически не зависели от территориальной принадлежности (города – районные центры, другие городские или сельские поселения).

При этом в области *положительной* оценки сконцентрировались следующие мероприятия:

- обеспечение государственной поддержки образовательных учреждений, осуществляющих инновационную деятельность – 55 %;

- организация всеобщего обучения педагогических работников информационным технологиям – 73 %;

- информатизация общего образования – 47 %.

Примерно половина респондентов отметили позитивное отношение к созданию системы материального стимулирования инновационной деятельности педагогических работников (48 %) и введение профильного обучения в старших классах школы (49 %).

К сожалению, не видят положительной роли в государственно-общественном характере управления как инновации, в эффективности влияния на качество образования более 82 % педагогов.

Имеет место недооценка роли управления в условиях инновационных процессов в системе образования у большинства педагогов.

А вместе с тем большинство исследователей в настоящее время инновационный характер образования считают важнейшим инструментом в его конкуренции с другими социальными институтами за влияние на подрастающее поколение.

Кроме того, инвестиционная привлекательность образования, по мнению многих исследователей, также зависит от инновационного характера развития образовательной сферы, интеграции научной, образовательной и практической деятельности, включенности образования в национальную инновационную систему [7, с. 9].

В связи с этим особое место, думается, должно отводиться профессиональному управлению процессом формирования компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций на всех уровнях: федеральном, региональном и образовательного учреждения.

К сожалению, на *федеральном* уровне управленческая позиция в этом вопросе носит противоречивый характер.

С одной стороны, успешная реализация «Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы» (Постановление Правительства РФ от 24.07.1998 г. № 832); активная государственная политика перехода страны на инновационный путь, которая определена в Стратегии развития России до 2020 года, предполагающая существенные изменения в системе образования; государственная Инициатива «Наша новая школа» и другие позиции управления на федеральном уровне, свидетельствуют об инновационной направленности управления системой образования.

С другой стороны, анализ ФГОС по направлению подготовки по педагогическому образованию (050 100), квалификации «Бакалавр», свидетельствует о том, что система подготовки педагогов не предполагает осуществлять формирование компетенций педагогов в сфере инноваций и, в частности, в сфере образовательных инноваций.

В характеристике профессиональной деятельности бакалавров не предусмотрена деятельность, обусловленная инновационными переменами в системе образования.

Не удалось выявить требований к формированию компетенций педагога в сфере инноваций, в том числе и образовательных, в перечне общекультурных (ОК), профессиональных (ПК) и общепрофессиональных компетенций (ОПК).

Российская система педагогического образования не готовит, к сожалению, специалистов по направлению «Инноватика» (1176).

В современной науке глубоко и активно анализируются аспекты управления инновационными процессами – планирование, координация, контроль и оценка, раскрытые в проведенных ранее исследованиях (В. С. Лазарев, М. М. Поташник, П. И. Третьяков, Т. И. Шамова и др.).

Вызывают интерес взгляды американских и английских педагогов (Х. Варнет, Д. Гамильтон, Н. Дикинсон, М. Майлз и др.), которые анализируют вопросы управления инновационными процессами; организацию изменений в образовании; теорию и практику инновационных процессов; условия, необходимые для «жизнедеятельности» инноваций; планирование инноваций посредством распространения и использования знаний; способы рекламирования инноваций.

Ряд исследователей (В. С. Лазарев, М. М. Поташник и др.) выделяют несколько периодов управления инновациями.

В подготовительный период дается оценка сложившейся ситуации, выясняется, есть ли потребность во введении новшества, существует ли понимание назревшей потребности, в чем состоит проблема.

Качество управленческой деятельности в сфере инноваций образования, с точки зрения В. А. Сластенина, зависит от учета основных законов протекания инновационных процессов: *необратимой дестабилизации педагогической инновационной среды; финальной реализации инновационного процесса; стереотипизации педагогических инноваций;*

цикловой повторяемости; закона возвращаемости педагогических инноваций [3].

Безусловно, не претендуя на серьезный анализ всего научного потенциала исследований по проблеме инноваций в сфере образования и управления этими процессами в связи с рамками научной статьи, смею высказать суждение о том, что к настоящему времени в педагогике обоснован ряд положений, важных для осмысления вопросов управления формированием компетентности педагога в сфере образовательных инноваций.

Несмотря на сложившуюся систему научных представлений, анализ свидетельствует о том, что в научной литературе не изучаются вопросы управления формированием компетентности педагога в сфере образовательных инноваций на принципах и подходах инновационного менеджмента, делового администрирования, управления на основе компетентностного подхода в образовании. Речь идет о том, что инновациям в образовании требуется инновационное управление.

Исследователи отмечают, что существенно поднять уровень эффективности инновационной деятельности позволяет *система административного управления* (Administrative Management System), успешно используемая уже около полувека на практике во всех крупных, средних и малых компаниях в США, Западной Европе и Азии. Она легко трансформируется для реализации инновационных процессов в системе образования. По их мнению, система административного управления позволяет решить основные задачи управления, направленные на поднятие эффективности инновационной деятельности: рациональной организации труда на всех четырех этапах инновационной деятельности и мотивации каждого работника к осуществлению инновационной деятельности [4].

Кроме того, благодаря тому, что в настоящее время в целом разработана общеметодо-

логическая база, способствующая исследованию педагогических явлений, возникают потребность и возможность использовать эти разработки для изучения проблем управления формированием компетентности педагога в сфере образовательных инноваций.

Думается, что формирование компетентности педагога в сфере образовательных инноваций, реализуемое через учебную и квазипрофессиональную деятельность в системе высшего и дополнительного профессионального образования, а также профессиональную деятельность, должно быть направлено на:

- формирование ценностных установок на знания, познание природы инноваций;
- приобретение умений и овладение способами управления внедрением и развитием инноваций;
- развитие способности рефлексивной оценки динамики инновационных процессов и их результативности;
- выработку готовности к осуществлению деятельности в условиях инновационного образования.

Анализ научной литературы позволяет говорить о наличии *противоречия* в управлении формированием компетентности педагога в сфере образовательных инноваций. Оно заключается, с одной стороны, в возрастании требований общества и государства к необходимости формирования компетентности педагога в сфере образовательных инноваций, что обусловлено высоким инновационным потенциалом модернизации системы образования, и, с другой стороны, отсутствием теоретических разработок, позволяющих перейти к системным изменениям в инновационной сфере образования на основе управленческих воздействий.

Основными элементами управления формированием компетентности педагога в сфере образовательных инноваций, думается, могут быть:

- анализ процесса формирования компетентности педагога в сфере образовательных инноваций (проблемно-ориентированный анализ, SWOT-и PEST-анализы и др.);

- мониторинг формирования компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций (анкеты, социологические опросы, экспертизы, экспертная оценка и др.);

- система контроля формирования компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций (текущий, промежуточный, итоговый; внутренний и внешний и др.);

- организация процесса формирования компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций (мероприятия, процедуры, совещания, заседания и др.);

- материально-технические ресурсы формирования компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций (библиотечные фонды, интернет-ресурсы, сетевые ресурсы и др.);

- финансово-экономические ресурсы формирования компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций (средства на повышение квалификации, переподготовку, стажировку педагогов, на участие в конференциях, семинарах, проектах, программах и др.);

- кадровые ресурсы формирования компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций (подготовка специалистов в вузах, институтах повышения квалификации, институтах развития образования, центрах повышения квалификации, проектах, программах в направлении формирования профессиональной компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций и др.);

- учебно-методическое обеспечение формирования компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций (семинары, конференции, программы и др.);

- научно-исследовательская работа формирования компетентности педагогов в сфе-

ре образовательных инноваций (научные исследования, учебно-научные исследования, гранты, проекты, программы и др.);

- *система управленческих воздействий по формированию компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций* (приказы, распоряжения и др.);

- *нормативно-документационное обеспечение формирования компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций* (положения, инструкции, требования и др.);

- *информационное обеспечение формирования компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций* (информационно-коммуникационные технологии, интернет – технологии и др.).

Важное место в изучении проблемы управления формированием компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций должны занимать поиски принципов эффективного управления этим процессом. Возможно, что процесс управления может опираться на следующие принципы:

- *принцип инновационного развития*, который предполагает ориентированность субъектов управления на формирование компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций; на актуализацию инновационного пути развития системы образования в обществе; на принятие решений в сфере управления инновациями, имеющими прогностический характер, а также обеспечивающих результативность и эффективность от инноваций в сфере образования;

- *принцип гуманизации и демократизации управления* процессом формирования компетентности педагога в сфере образовательных инноваций. Он требует единства гуманистических целей, способов и средств, способствующих принятию решений; делегирования полномочий решения управленческих задач всем заинтересованным в этом специалистам; ограничения директивных

методов управления и расширения корпоративных; создания адаптивной системы контроля качества современного образования, ориентированного на формирование ключевых компетентностей личности;

- *принцип мотивации и стимулирования*, предполагающий создание условий, активизирующих педагогов на формирование компетентности в сфере образовательных инноваций. Он требует использования системы административного управления персоналом (САУП), которая отвечает на вопросы: *кто, что, какими путями и когда должен делать* в данном образовательном учреждении, в органе управления образованием (муниципальном или субъекте федерации) для эффективного управления процессом формирования компетентности педагога в сфере образовательных инноваций.

Предложенные принципы, безусловно, могут дополняться, расширяться и видоизменяться. Однако приведенные в статье принципы свидетельствуют о том, что в ходе создания, освоения и распространения инноваций в сфере образования формируется новая, современная образовательная система – глобальная система открытого, гибкого, созидającego знания, непрерывного образования человека в течение всей его жизни.

Эта система представляет собой единство технологических, экономических, педагогических и управленческих инноваций, которые, безусловно, составляют содержательную основу формирования компетентности педагогов в сфере образовательных инноваций. Она испытывает потребность в педагоге, компетентном в сфере образования. А для того, чтобы эта потребность была удовлетворена, необходимо инновационное управление (инновационный менеджмент), создающее необходимые условия для формирования педагога, компетентного в сфере образовательных инноваций.

Литература

1. Лазарев В. С., Мартиросян Б. П. Педагогическая инноватика: объект, предмет и основные понятия // Педагогика. – 2004. – № 4. – С. 11–21.
2. Поташник М. М. Инновационные школы России: становление и развитие: опыт программно-целевого управления. – М.: Новая школа, 1996. – 320 с.
3. Сластенин В. А., Подымова Л. С. Педагогика: инновационная деятельность. – М.: ИЧП Изд-во «Магистр», 1997. – 308 с.
4. Тенденции развития современного образования: новый взгляд: сб. науч.-метод. тр. – Новосибирск: НИПКиПРО, 2010.
5. Хуторской А. В. Педагогическая инноватика: методология, теория, практика – М.: Изд-во УНЦДО, 2005. – 222 с.
6. Шамова Т. И., Давыденко Т. М., Шибанова Г. Н. Управление образовательными системами: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Т. И. Шамовой. – М.: Академия, 2002. – 384 с.
7. Шмелькова Л. В. К вопросу об инновационной деятельности в образовании: проектно-системный подход // Инновации в образовании: сбор. науч. и учеб.-метод. ст. сотрудников ГОУ ДПО ЯНОИПКРО. – Салехард: ГОУ ДПО ЯРОИПКРО, 2008. – С. 9–15.

УДК 378

Н. Э. Касаткина, Т. Н. Семенкова

**ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА
К ПРОЦЕССАМ ОБУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ¹⁹**

В статье речь идет об адаптации учащейся молодежи к процессам обучения и сохранения здоровья, выделены критерии и показатели эффективности адаптации к учебной деятельности, рассматриваются вопросы дезадаптации к процессу обучения, выделены показатели дезадаптации.

Ключевые слова: адаптация, дезадаптация, критерии, показатели, готовность к процессу адаптации, поведенческий компонент, психосоматическое здоровье, тревожность, интеллектуальное развитие.

N. E. Kasatkina, T. N. Semenkova

**PROBLEM OF ADAPTATION OF UNIVERSITY STUDENTS
TO PROCESSES OF TRAINING AND HEALTHCARE**

The article is about of the students adaptation to the education process and healthcare. The criteria and indicators of the adaptation efficiency to the education are outlined; the dysadaptation to the education process are viewed; the indicators of dysadaptation are outlined.

Keywords: adaptation, dysadaptation, criteria, indicators, readiness to the adaptation, behavior component, psychosomatic health, anxiety, intellectual development.

¹⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Профессиональное самоопределение учащейся молодежи в условиях формирования, сохранения и укрепления ее здоровья», проект № 11-16-42005а/Т.

Существенное место в системе научного познания принадлежит изучению учебной адаптации как одному из видов адаптации, включающих социально-психологический и психофизиологический компоненты.

Условия воспитания и обучения являются той образовательной средой, в которой вынужден постоянно находиться обучающийся в возрасте от 7 лет до 21 года. Именно в эти годы отмечается интенсивный процесс роста и развития организма молодого человека, происходит его биологическое и социальное созревание, формируется мировоззрение, готовность к разнообразной трудовой и творческой деятельности.

Адаптация обучающихся к обучению понимается как *«их приспособление к новым условиям социальной жизни, новым отношениям, требованиям, видам учебной деятельности, способность к дальнейшему психологическому, личностному, социальному развитию»*. Она имеет сложнейшую многофакторную структуру, включающую различные психофизиологические механизмы [1].

В процессе учебной деятельности развиваются сложные компенсаторно-приспособительные реакции, которые сопровождаются формированием определенного функционального состояния организма, являющегося как результатом адаптационного процесса, так и фактором, определяющим его дальнейшее протекание [2, 3].

Среди причин, вызывающих нарушения процесса адаптации к школе, выделяют две группы факторов: *внешние (экзогенные) и внутренние (эндогенные)* [1].

На основании предложенных [4] критериев оценки успешности адаптации к учебной деятельности, можно выделить следующие показатели эффективности адаптации к процессу обучения в образовательных учреждениях на довузовском, вузовском и послевузовском этапах образования:

- *группа объективных критериев*: успешность учебной деятельности (текущая и экзаменационная успеваемость); стабильность в процессе учебы функционального состояния организма учащихся (отсутствие резких сдвигов в состоянии психофизиологических функций); отсутствие ярко выраженных признаков утомления при выполнении учебной деятельности;

- *группа субъективных критериев*: удовлетворенность процессом обучения; удовлетворенность коллективом и сложившимися в нем отношениями (психологическим климатом); проявление учащимся активности в учебной и общественной деятельности.

Физиологическим критерием адаптации обучающихся к школе может служить устойчиво благоприятная динамика работоспособности или ее улучшение на протяжении первого учебного полугодия в сочетании с улучшением и стабилизацией показателей условно-рефлекторной деятельности обучающихся, вегетативных показателей и хорошей учебной успеваемости [5].

В качестве критериев **социально-психологической адаптации** мы используем особенности пребывания обучающихся в различных сферах образовательной жизнедеятельности: овладение навыками учебной деятельности, приобретение дружеских контактов с одноклассниками, установление доверительных отношений с педагогами, формирование адекватности поведения. «Субъективным индикатором», отражающим удовлетворенность обучающихся пребыванием в образовательном учреждении, выступает *эмоциональное реагирование*.

Как критерий адаптации рассматривается способность обучающихся к развитию, поскольку адаптированный человек способен использовать социальную ситуацию не только для решения задач сегодняшнего дня, но и для формирования предпосылок движения вперед [6].

Большинство исследователей используют следующие критерии процесса адаптации к процессу обучения: 1) *эффективность учебной деятельности, которая определяется через учебную активность и успеваемость*; 2) *усвоение образовательных норм поведения, оценивающееся по поведению в процессе обучения и поведению на перерывах*; 3) *успешность социальных контактов, определяющаяся по характеру взаимоотношений с товарищами по обучению и отношению к преподавателю*; 4) *эмоциональное благополучие* [7].

Любая, даже устойчивая адаптация к условиям обучения, в сфере профессиональной деятельности имеет для организма свою «цену», которая может проявляться в прямом изнашивании функциональных систем, на которые в процессе адаптации приходится наибольшая нагрузка; в явлениях отрицательной перекрестной адаптации, выражающихся в нарушениях в других функциональных системах, непосредственно не связанных с данной нагрузкой [8].

Психолого-педагогической проблемой, без решения которой невозможно создание всех необходимых условий для гармонического формирования личности, укрепления и сохранения здоровья подрастающего поколения, является *проблема адаптации и дезадаптации обучающихся к процессу обучения*.

Под дезадаптацией к процессу обучения понимается «некоторая совокупность признаков, свидетельствующих о несоответствии социо- и психологического, и психофизиологического статуса индивида требованиям ситуации обучения, овладение которой по ряду причин становится затруднительным или подчас невозможным» [9].

Одной из наиболее значимых проблем дезадаптации к процессу обучения является *«неправильная организация учебного процесса и психоинформационные перегрузки школьников»* [9]. Несоответствие методов и

технологий обучения возрастным и функциональным возможностям обучающихся приводит к нарушению психофизиологических механизмов формирования навыков письма и чтения, к чрезмерной интенсификации учебного процесса, созданию стрессовых ситуаций, связанных с постоянным ограничением времени, развитием утомления у значительной части школьников (в среднем у 50 % обучающихся).

Второй по значимости проблемой нарушения адаптации обучающихся к процессу обучения большинство исследователей считают *личность обучающегося и нарушение его эмоционального статуса*, включая психологическую неготовность к обучению в школе, эмоциональную неустойчивость, высокую тревожность и ригидность, недостаточный уровень развития мотивационно-потребностной и волевой сферы, депрессию личности.

Среди проблем дезадаптации обучающихся к процессу обучения выделены:

- *стрессовая тактика авторитарной педагогики*, способствующая возникновению невротических, психосоматических и эмоциональных расстройств;
- *нарушения, обусловленные органической недостаточностью центральной нервной системы*;
- *психозэмоциональная депривация* и низкий уровень семейного воспитания;
- *доминирование леволатеральной функциональной асимметрии* [9].

В момент поступления в школу и начального периода обучения главными причинами затруднений адаптации являются *неготовность ребенка к школе и проявления психического дизонтогенеза*.

Целостное восприятие мира, свойственное детям младшего школьного возраста, в сочетании с новыми целями и задачами начального образования, требует особого, интегрированного подхода к воспитанию

младших школьников. Вот почему следует быть особенно осторожным при попытке разрушения начальной школы, при ее соединении с дошкольными учреждениями или следующей ступенью общеобразовательной школы и введением с самого начала обучения преподавания учителей-предметников. Это ведет к раннему интенсивному обучению (а не разностороннему обучению и воспитанию) детей в дошкольном возрасте, негативно сказывается на их здоровье.

При переходе из начальной в основную школу для учащихся наиболее актуальной становится проблема адаптации на социально-психологическом уровне – на первый план выступают факторы риска, относящиеся к эмоционально-волевым нарушениям, нарушениям поведения, а также психосоматические нарушения у подростка.

По мере приближения к пубертатному периоду онтогенеза у школьников снижаются показатели психического здоровья: увеличивается число аффективных расстройств, растет тревожность, увеличивается количество соматических, вегетативных и диссоматических расстройств при одновременном уменьшении числа церебральных и психоорганических синдромов. Как правило, учащиеся с этими синдромами просто покидают школу, уходя в лучшем случае на начальное профессиональное обучение, в худшем – начинают активно алкоголизироваться и употреблять другие психоактивные вещества, что усугубляет их функциональное состояние [10].

Выделено девять ведущих показателей дезадаптации к образовательному процессу обучающихся: уровень самооценки; общая школьная тревожность с преобладающей ролью переживаний страха ситуаций проверки знаний и страха в отношениях с учителем; внутренние мотивации (познавательные и самовыражения); внешние мотивы; мотивации достижения успеха; продуктивность умственной работоспособности; страх

несоответствия ожиданиям окружающих, фрустрации потребности достижения успеха; мотивация позиций школьника [11].

Для учащихся старших классов школы значимыми показателями для адаптации являются особенности акцентуаций характера, темперамента, характера межличностных отношений, неуверенности относительно будущей профессии и карьеры и т. д.

К проявлениям школьной дезадаптации относятся следующие показатели:

- *неуспешность в обучении* – «когнитивный компонент»;
- *систематические нарушения поведения* в среде образовательного учреждения – «поведенческий компонент»;
- *нарушения личностного характера* – эмоционально личностного отношения к обучению – «личностный компонент»;
- *нарушения психосоматического здоровья* – «отклонение в здоровье».

Поиск информативных и объективных социально-педагогических и психофизиологических показателей дезадаптации обучающихся к процессу обучения чрезвычайно важен, поскольку позволяет своевременно диагностировать состояние нервно-психического здоровья, выяснить причины срыва адаптационных механизмов и провести соответствующие корректирующие мероприятия.

В зависимости от степени адаптированности к учебной деятельности и состояния нервно-психического здоровья обучающиеся распределяются по четырем группам:

- 1 – *совершенно здоровые и оптимально адаптированные;*
- 2 – *с напряжением адаптационных процессов и легкими функциональными нарушениями в форме невротических реакций;*
- 3 – *со значительным напряжением адаптационных процессов, сопровождающимся нарушениями в состоянии здоровья в виде астено-невротических состояний или*

неврозов доклинической или клинической формой на стадии компенсации;

4 – со срывом адаптационных механизмов, сопровождающимся различными клиническими формами в стадии субкомпенсации, свидетельствующими о невротическом развитии как стойком психопатологическом процессе [5].

К признакам, свидетельствующим о затруднениях в протекании адаптации, мы отнесли:

- *повышенный и высокий уровень тревожности и страхов у обучающихся;*
- *низкие показатели умственной работоспособности и интеллектуальной продуктивности;*
- *низкие показатели уровня интеллектуального развития, сочетающиеся с низким баллом успеваемости;*
- *нарушения психозомоционального статуса в виде депрессивного фона настроения, суицидальные мысли и тенденции, переживания чувства одиночества, отчуждения от семьи и т. д.;*
- *признаки дезадаптации обучающихся к процессу обучения в виде низкой успеваемости, нарушений образовательной дисциплины, дерзости с преподавателями, грубости и драк со сверстниками;*
- *признаки гиперактивности с нарушением внимания и др.*

Установлена своеобразная цикличность в характере напряжения адаптационных механизмов, ответственных за психическое здоровье обучающихся, зависящая от особенностей протекания «критических периодов» индивидуального развития и динамики воздействия различных социально-педагогических факторов: *наиболее низкие показатели психического здоровья регистрируются в 1, 5 и 10 классах, на 1 курсе – периодах обучения, обуславливающих повышенный уровень стрессированности обучающихся (начало обучения, переход к предметному*

обучению, пубертатный период и выбор дальнейшего маршрута обучения).

Психическая дезадаптация возникает в том случае, когда личность не может уйти от психотравмирующей ситуации или изменить ее. В таком случае возможно чрезмерное усиление механизмов интрапсихической адаптации, что приводит к снижению продуктивной деятельности, неконструктивной стратегии приспособления, росту напряжения.

На сегодняшний момент диагностика здоровья базируется на определении косвенных показателей (заболеваемость, смертность и др.), что определяет лишь нозологическую составляющую здоровья.

Применение к обучающимся других критериев, таких как гармоничность развития, биологическое соответствие нормам, физическое развитие, позволяет в большей степени характеризовать различные стороны здоровья, однако не позволяет получить интегральную количественную оценку. В связи с вышеизложенным, уровень оптимальности системы «образовательная среда – обучающийся» оценивается на основе интегральных здоровьесберегающих характеристик, которые отражают не только уровень здоровья, но и степень приспособления к учебной деятельности, а также способность к дальнейшему психофизиологическому, личностному, социальному развитию индивида.

При этом следует предусмотреть соответствие условий воспитания и обучения обучающегося его возрастным, морфофункциональным особенностям развития, комплексу экологических, социальных, психологических и педагогических проблем и условий. Необходима, по крайней мере, трехмерная система оценок здоровья подрастающего поколения, в которую должны быть включены социально-педагогические, психологические и медико-биологические критерии [5].

Особое внимание необходимо уделить анализу взаимосвязи и взаимозависимости эмоционально-мотивационной сферы и

систем вегетативного регулирования, что, в свою очередь, обуславливает необходимость изучения соотношения социальных, психологических и психовегетативных функций в адаптации обучающихся к учебной деятельности.

Здоровье студентов сузов и вузов также было нами рассмотрено с позиций физиологической, социальной и психологической адаптации и адаптационных резервов, реализуемых в процессе обучения.

Физиологическую адаптацию мы рассматриваем как устойчивый уровень активности и взаимосвязи функциональных систем, органов и тканей, а также механизмов управления, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность организма студента в условиях обучения на протяжении осенних и весенних семестров и во время летней практики. Адаптация студентов к образовательным условиям имеет фазный характер, обусловленный разнообразными специфическими (учебными) и неспецифическими (поведенческими, бытовыми и др.) факторами. Процесс адаптации студентов отражает сложный и длительный процесс обучения и предъявляет высокие требования к пластичности психики и физиологии молодых людей. Наиболее активные процессы адаптации к новым условиям студенческой жизни происходят на первых курсах. При этом адаптация студентов, проживающих в отрыве от родителей (в общежитии, арендуемой квартире) протекает тяжелее и часто приводит к возникновению разнообразных соматических и психоневрологических патологических состояний.

Процесс адаптации развивается на основе взаимодействия регуляторных систем, а их нарушения приводят к функциональным и органическим изменениям в организме. Даже незначительные отклонения в адаптивном потенциале человека могут вызвать серьезные сдвиги в состоянии здоровья (например,

метеотропные реакции, состояния десинхронизации и др.). Снижение адаптационных возможностей организма считается фактором риска высокой заболеваемости [12].

Период адаптации студентов, связанный с ломкой прежних стереотипов, на первых порах может обусловить низкую успеваемость и затруднения в общении. Многолетний привычный рабочий стереотип в своей основе имеет психофизиологическое явление, по И. П. Павлову – динамический стереотип, разрушение которого приводит к нервным срывам, к стрессовым реакциям. У одних студентов формирование нового стереотипа происходит скачкообразно, а у других – равномерно. Эта перестройка связана с особенностями высшей нервной деятельности (ВНД) и с социальными факторами, имеющими решающее значение. На основе индивидуальных особенностей студентов строится система включения их в новые виды деятельности и новый круг общения. Это дает возможность сделать процесс адаптации ровным и психологически комфортным, избежать развития дезадаптационного синдрома.

В процессе адаптации студенты испытывают следующие основные трудности:

- отрицательные переживания, связанные с уходом бывших учеников из школьного коллектива с его взаимной помощью и моральной поддержкой;
- неопределенность мотивации выбора профессии, недостаточная психологическая подготовка к ней;
- неумение осуществлять психологическое саморегулирование поведения и деятельности, усугубляемое отсутствием привычки к повседневному контролю педагогов;
- поиск оптимального режима труда и отдыха в новых условиях;
- налаживание быта и самообслуживания, особенно при переходе из домашних условий в общежитие;

- отсутствие навыков самостоятельной работы, неумение конспектировать, работать с первоисточниками, словарями, справочниками и др.

Все эти трудности различны по своему происхождению. Одни из них имеют объективный характер, другие – субъективный характер и связаны с недостаточной подготовкой и дефектами воспитания.

Адаптация – это предпосылка и необходимое условие активной деятельности. В этом заключается положительное значение адаптации для успешного функционирования индивида в той или иной социальной роли.

Социальная адаптация студентов делится на:

- а) профессиональную адаптацию;
- б) социально-психологическую адаптацию.

Профессиональная адаптация – это приспособление к характеру, содержанию, условиям и организации учебно-воспитательного процесса, выработка навыков самостоятельности в учебной и научной работе.

Социально-психологическая адаптация – это приспособление индивида к группе и взаимоотношениям в ней, выработка собственного стиля поведения.

Кроме того, исследователи различают три формы адаптации студентов к образовательным условиям:

- формальную адаптацию;
- общественную адаптацию;
- дидактическую адаптацию.

Формальная адаптация – это познавательно-информационное приспособление студентов к новому окружению, к структуре образовательного учреждения, к содержанию обучения в нем, к предъявляемым требованиям и своим обязанностям.

Общественная адаптация – это процесс внутренней интеграции (объединения) групп студентов и интеграция этих же групп со студенческим окружением в целом.

Дидактическая адаптация – это подготовка студентов к новым формам и методам учебно-воспитательной работы образовательного учреждения [13].

Результаты проведенного нами исследования показали наличие отклонений в изучаемых показателях у 37,5 % студентов. Причем они достоверно изменялись в зависимости от возраста и курса обучения студентов ($p < 0,05$). Студенты 4–5-го курсов находились в состоянии реакции тренировки, вызываемой слабыми раздражителями. Для студентов 3-го курса характерной была реакция спокойной активации, отвечающая раздражителям умеренной (средней) силы и являющаяся физиологической нормой. В группе студентов 1–2-го курсов была обнаружена более сильная реакция, которая приближалась к реакции повышенной активации.

Отсюда следует, что изучаемые показатели адаптации у студентов младших курсов отражают менее благоприятный тип реакции, хотя и не выходят за пределы физиологической нормы. Они отражают состояние напряжения адаптационно-компенсаторных механизмов регуляции гомеостаза. Гематологические реакции совпадали с показателями заболеваемости студентов разных курсов в общей тенденции их изменений. Это подтверждает закономерность фазных изменений показателей здоровья обучаемых. Эти фазные изменения зависят от длительности обучения студентов в вузе. Они являются неблагоприятными на 2 курсе, нормализуются к 3 и остаются нормальными на 4–5 курсах, превышая показатели здоровья студентов 1 курса.

В научно-исследовательском центре гигиены и профилактики заболеваний детей, подростков и молодежи были изучены гигиенические аспекты адаптации студентов к условиям трудового семестра [14]. У студентов в период адаптации к условиям обучения в вузе изучалась иммунологическая толерантность и способность приоб-

ретения знаний. Для этого использовался массовый скрининг образцов крови и слюны в условиях физической нагрузки. В течение экзаменационной сессии у студентов наступали психологический стресс и функциональные изменения в их организме. В период обучения студентов в вузе адаптационные процессы имели системный характер. Для оценки состояния здоровья студентов и адаптации их к физическим нагрузкам в качестве теста предлагался бег на два километра, функционально-диагностическое значение которого было доказано. Установленная динамика функциональных показателей с физической нагрузкой организма студентов при обучении их в вузе позволила обосновать необходимость физического воспитания и тренинга, облегчающих течение физиологической адаптации.

Нами доказано, что экзаменационный психологический стресс оказывает влияние на содержание некоторых гормонов в крови студентов, определяемых радиоиммунологическим методом, ЧСС и результатами психологического тестирования. На адаптацию студентов к учебному процессу влияет образ жизни и психологический склад, которые нередко приводили к нарушениям психосоциальной адаптации.

Нами изучены патофизиологические аспекты адаптации организма человека к изменению климатогеографических условий. Исследование показало, что физиологическая адаптация неразрывно связана с факторами окружающей среды. Неблагоприятные воздействия приводят к повышению уровня заболеваемости (респираторными инфекциями, нейроциркуляторной дистонии и др.) и показателей нетрудоспособности.

Все вышеизложенное свидетельствует, что адаптация обучающихся к процессу обучения является многомерным и многопроблемным понятием, включающим в себя такие типы адаптации, как психическая, со-

циальная и физиологическая (психофизиологическая). В современном образовательном учреждении адаптация обучающихся к образовательному процессу осуществляется в экстремальных социально-экономических условиях информационных перегрузок и гиподинамии, что приводит к дезадаптации, результатом которой является ухудшение их психического и соматического здоровья и снижение эффективности воспитательно-образовательного процесса.

Анализ проблем адаптации учащейся молодежи к процессу обучения свидетельствует о серьезном влиянии таких негативных проблем, как стрессовая тактика педагогических воздействий (и, прежде всего, – **стресса ограничения времени**, связанного с постоянной интенсификацией учебного процесса, несоответствия методик и технологий обучения возрастным и приспособительным возможностям обучающегося, нерациональная организация учебного процесса, недооценка роли адекватной двигательной активности).

Таким образом, на процесс сохранения и укрепления здоровья обучающихся оказывают влияние следующие факторы:

- современные обучающиеся являются внуками и правнуками детей войны, а это значит – на их здоровье оказывают влияние проблемы низкого здоровья их предков;
- современные обучающиеся являются детьми, рожденными в конце 80-х и 90-х годов прошлого века, когда в стране социально-экономическая ситуация оказалась кризисной и о здоровье детей думать было некогда;
- развал системы профилактики здоровья и системы здравоохранения в России, что отрицательно сказалось на здоровье обучающихся;
- **появление проблемы наркомании, алкоголизма, токсикомании** среди учащейся молодежи;
- **сложная экологическая ситуация** в регионе;

- неготовность педагогических работников к решению проблемы сохранения и укрепления здоровья учащейся молодежи и др.

Все эти проблемы могли бы быть в значительной мере решены на основе формирования у работников образования новых подходов, нацеленных на всемерное сохранение социального, физического и психического здоровья обучающихся, их адаптацию к условиям образовательной среды.

Система «образовательная среда – обучающийся» должна быть направлена на постоянное, здоровьесберегающее развитие,

оптимальную организацию учебной деятельности, под которой понимается не только приспособление к успешному функционированию в образовательной среде, но и способность к дальнейшему психологическому, физиологическому, личностному, социальному развитию индивида.

В сложившейся ситуации деятельность по сохранению и укреплению здоровья учащейся молодежи должна рассматриваться как условие национальной безопасности и развития российского общества в XXI в.

Литература

1. Дубровинская Н. В., Фарбер Д. А., Безруких М. М. Психофизиология ребенка. Психофизиологические основы детской валеологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Владос, 2000. – 144 с.
2. Антропова М. В. Физиология развития ребенка / под ред. М. М. Безруких, Д. А. Фарбер. – М., 2000. – С. 259–273.
3. Хрипкова А. Г., Антропова М. В., Фарбер Д. А. Возрастная физиология и школьная гигиена: пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1990. – 319 с.
4. Асеев В. Г. Теоретические аспекты проблемы адаптации // Адаптация учащихся и молодежи к трудовой и учебной деятельности. – Иркутск: Изд-во ИГПИ, 1986. – 216 с.
5. Казин Э. М., Литвинова Н. А., Броздовская Е. В., Ефремова Г. В. Роль психофизиологических и социальных факторов в формировании психоэмоционального состояния и биологического возраста педагогов // Валеология: сучасний стан, напрямки та перспективи розвитку: мат-лы VII Міжнарод. науко-практ. конф. – Харків: Харків. нац. ун-т, 2009. – С. 157.
6. Битянова М. Р. Организация психологической работы в школе. – М.: Генезис, 2000. – 298 с.
7. Александровская Э. М. Социально-психологические критерии адаптации в школе // Школа и психическое здоровье учащихся / под ред. С. М. Громбаха. – М.: Медицина, 1988. – 128 с.
8. Авцын А. П. Адаптация и дезадаптация с позиций патологии // Клиническая медицина. – 1974. – Т. 52. – С. 3–15.
9. Безруких М. М. Региональные программы «Образование и здоровье» как вариант комплексного решения проблем здоровья школьников // Здоровье и образование: тез. Международ. конф. – СПб., 1999. – С. 33–34.
10. Каган В. Е. Психогенные формы школьной дезадаптации // Вопросы психологии. – 1984. – № 4. – С. 21–25.
11. Бароненко В. А., Плаксина Е. Н. Ведущие психофизиологические факторы школьной адаптации подростков // Мат-лы XIX съезда физиологического общества им. И. П. Павлова, Симп. «Физиология труда и спорта». – Екатеринбург: Изд-во Ураль. гос. техн. ун-та, 2002.
12. Штарке К. Студенты. Становление личности: пер. с нем. – М.: Прогресс, 1982. – 136 с.
13. Столяренко А. М. Психология и педагогика: учеб. пособие. – М.: Юнити-Дана, 2004. – 423 с.
14. Тен Г. К. Гигиенические аспекты изучения адаптации студентов к условиям трудового семестра: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – М., 1991. – 156 с.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

*Ю. В. Жегульская, О. В. Коваленко, Ю. А. Кувшинов, Л. И. Лазарева,
Е. В. Милькова, Г. Ф. Привалова, В. В. Фалилеев*

**ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕДАГОГОВ
В КОНТЕКСТЕ ФГОС ВПО ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ**

Рассматриваются факторы повышения качества подготовки социальных педагогов в образовательном процессе вуза на основе новых федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования. Анализируется инфраструктура деятельности социального педагога и ее влияние на содержание учебного плана. Подчеркивается значение учебной и производственной практики, межпредметных связей, педагогического взаимодействия, исследовательской деятельности студентов и профессионально-творческих основ в формировании общих и профессиональных компетенций будущих социальных педагогов.

Ключевые слова: инфраструктура деятельности социального педагога, учебная и производственная практика, межпредметные связи, педагогическое взаимодействие, общие и профессиональные компетенции, исследовательская деятельность, профессионально-творческая подготовка.

*Y. V. Zhegulskaia, O. V. Kovalenko, Y. A. Kuvshinov, L. I. Lazareva,
E. V. Milkova, G. F. Privalova, V. V. Falileev*

**QUALITY TRAINING OF SOCIAL TEACHERS IN THE CONTEXT
OF FSEI HPE OF THE THIRD GENERATION:
CHALLENGES AND SOLUTIONS**

The Round Table discussed the factors to improve the quality of training of social and pedagogical workers in the educational process of the university on the basis of new federal state educational standards for higher education. The activity of social and pedagogical workers and the influence on the content of the curriculum was analyzed. It emphasized the importance of training and work experience, interdisciplinary connections, pedagogical interaction, research activity of students and professional creative background in forming the foundations of general and professional competencies of future social and pedagogical workers.

Keywords: infrastructure of the social and pedagogical workers' activity, educational and work experience, interdisciplinary communication, pedagogical interaction, general and professional competencies, research, professional and creative training.

11 января 2012 г. в Кемеровском государственном университете культуры и искусств прошел круглый стол «Повышение качества подготовки социальных педагогов в контексте ФГОС ВПО третьего поколения: проблемы и решения».

В роли ведущей круглого стола выступила кандидат педагогических наук, заведующая

кафедрой социальной педагогики КемГУКИ, доцент Лазарева Людмила Ивановна.

Участники: Жегульская Юлия Владимировна, старший преподаватель кафедры социальной педагогики КемГУКИ; Коваленко Олег Владимирович, начальник управления здравоохранением администрации г. Кемерово; Кувшинов Юрий Александрович, канди-

дат философских наук, доцент кафедры социальной педагогики КемГУКИ, профессор РАЕ; Милькова Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики КемГУКИ; Привалова Галина Федоровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики КемГУКИ; Фалилеев Вячеслав Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной педагогики КемГУКИ.

И. Л. Лазарева: Тема повышения качества подготовки выпускников вуза достаточно часто поднимается на страницах педагогических периодических изданий. Особенно остро она звучит сегодня в связи с переходом высшей школы на двухуровневую систему подготовки выпускников и внедрение новых федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования. Подготовка социальных педагогов в Кемеровском государственном университете культуры и искусств с 2011–2012 учебного года осуществляется в рамках направления подготовки 050400 «Психолого-педагогическое образование», профиля «Психология и социальная педагогика», степени «Бакалавр». Разработка и внедрение основной образовательной программы по названному выше направлению подготовки сопряжены с различными трудностями, вопросами и проблемами, которые необходимо решать взвешенно и обдуманно. Проведение данного круглого стола вызвано стремлением преподавательского состава кафедры осуществлять качественную подготовку будущих социальных педагогов в новых организационно-педагогических условиях, а также возможностью высказать свое видение путей и средств этого процесса.

Качество подготовки социальных педагогов в контексте новых ФГОС ВПО зависит от многих факторов, среди которых особо следует выделить реализацию модульного принципа формирования учебного плана основной

образовательной программы (ООП) высшего профессионального образования. В требованиях к условиям реализации ООП говорится, что высшие учебные заведения обязаны ежегодно обновлять основные образовательные программы с учетом развития науки, техники, культуры, экономики, технологий и социальной сферы. Модульный принцип построения учебного плана позволяет гибко реагировать на подобные изменения путем обновления или замены модуля, корректировки содержания имеющихся и введения новых дисциплин, обеспечивая качество подготовки специалистов на конкурентноспособном уровне.

В связи с этим важное значение приобретает так называемая «обратная связь» с работодателями, основанная на конструктивном взаимодействии вуза, выпускающей кафедры с учреждениями, в которых востребованы ее выпускники. Следовательно, нужно иметь четкое представление об инфраструктуре деятельности выпускника, современных направлениях его работы, необходимых компетенциях, профессиональных и общих, которые помогут ему получить работу, а кафедре приобрести надежных социальных партнеров. Как показывает анализ теоретических исследований и практических примеров формирования учебных планов по направлению подготовки 050400 «Психолого-педагогическое образование», профиля подготовки «Психология и социальная педагогика», квалификации (степень) «Бакалавр», в социально-педагогическом сообществе нет на этот счет единой точки зрения. В целом, несмотря на многообразие вариантов уже реализуемых учебных планов в вузах Российской Федерации, можно выделить два подхода к их формированию с учетом инфраструктуры профессиональной деятельности социального педагога.

Первый из них связан с ограничением инфраструктуры деятельности социального педагога учреждениями системы образова-

ния. Безусловно, в связи с введением ФГОС общего образования, в которых составными частями основных образовательных программ становятся не только учебные планы, содержащие перечень предметных дисциплин по различным образовательным областям, но и программы воспитания и социализации, коррекции, организации внеурочной деятельности обучающихся, востребованность специалистов профиля «Психология и социальная педагогика» в учреждениях системы образования возрастет. Однако, как показывает практика, инфраструктура деятельности выпускника кафедры социальной педагогики КемГУКИ не ограничивается сегодня только учреждениями образования, а связана с учреждениями здравоохранения, социальной защиты населения, пенитенциарной и правоохранительной системы, культуры, спорта и молодежной политики. Поэтому второй подход к формированию учебных планов, связанный с учетом всех направлений инфраструктуры деятельности социального педагога, становится более перспективным, ориентированным на расширение содержания образования и, как следствие, увеличивает возможность выпускников получить работу по специальности.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание участников круглого стола, что в рамках деятельностного подхода подготовки выпускников центральным компонентом освоения каждого модуля ООП должна стать практика, где будущий бакалавр профиля «Психология и социальная педагогика» должен получить системно-деятельностную подготовку в специально организованных условиях. Учебная и производственная практика студентов, по рекомендациям участников проблемного семинара «Инновационная модель УМО как механизм модернизации психолого-педагогического образования», состоявшегося в Московском городском психолого-педагогическом университете в декабре

этого года, должна быть реализована в рамках стажировочных площадок, нормативно-правовое обеспечение и регламент деятельности которых сейчас находится в стадии разработки. В связи с этим необходимо отслеживать, как продвигается работа УМО в данном направлении, и одновременно на месте обеспечивать расширение баз практик с учетом инфраструктуры деятельности социального педагога.

Ю. В. Жегульская: С моей точки зрения, именно учебная и производственная практики являются одним из основных факторов формирования профессиональной компетентности студентов – будущих социальных педагогов. Современные социальные преобразования определяют новые условия, в которых придется работать выпускнику высшего учебного заведения, что требует от бакалавров психолого-педагогического образования профиля «Психология и социальная педагогика» высокого уровня готовности к профессиональной деятельности. В связи с этим Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) предъявляет ряд требований к уровню подготовки выпускника: готовность использовать знание различных теорий обучения, воспитания и развития, основных образовательных программ для учащихся дошкольного, младшего школьного и подросткового возрастов; способность организовать совместную деятельность и межличностное взаимодействие субъектов образовательной среды; готовность организовывать различные виды деятельности: игровую, учебную, предметную, продуктивную, культурно-досуговую и др. Формирование указанных качеств выпускника, выступающих как критерии общей профессиональной компетентности и часть социального заказа, является обязательным результатом реализации раздела основной образовательной программы ба-

калавриата «Учебная и производственная практики», представляющего вид учебных занятий, непосредственно ориентированных на профессионально-практическую подготовку обучающихся.

В ФГОС ВПО четко указано особое значение овладения студентом профессиональной деятельности в ходе обучения и оценка практической подготовки выпускника, по сути, приравнивается к оценке качества собственно основной образовательной программы бакалавриата. Данная установка актуализирует проблему оценки сформированности профессиональных компетенций студентов на уровнях знания, умения и владения, на что имеется указание в ФГОС ВПО о том, что «аттестация по итогам практики не оценивается без оценки тех компетенций, которые должны быть освоены в ходе практики». С проблемой разработки критериев оценки профессиональной компетентности связаны вопросы использования адекватных форм профессионального обучения, обеспечивающих практическое познание закономерностей профессиональной социально-педагогической деятельности и овладение способами организации этой деятельности. В решении задач формирования указанных выше компетенций возможно использование многоэтапной модели организации практики студентов – будущих социальных педагогов – с применением различных форм учебных занятий:

- первый этап – *пропедевтический* – реализуется в течение I–II семестров обучения, включает освоение практикумов («Практикум волонтерской деятельности», «Практикум по научно-исследовательской работе студентов») и прохождение учебно-ознакомительной практики (основные формы: инструктажи, экскурсии, беседы со специалистами баз практики, работа с литературой);

- второй этап – *активный* – реализуется в течение III–VI семестров обучения и включает подготовку к переносу полученных знаний и умений из области теории в область повседневной профессиональной деятельности, прохождение обучающимися учебных практик: летней педагогической (IV семестр) и социально-педагогической (VI семестр);

- третий этап – *заключительный* – реализуется в течение VII–VIII семестров обучения и включает подготовку к овладению способами организации профессиональной социально-педагогической деятельности, прохождение обучающимися производственной практики (основная форма: индивидуальная стажировка).

Данная модель организации практики обучающихся позволяет соотносить этапы включения студентов в профессиональную деятельность и процесс формирования общих профессиональных компетенций на уровнях знания, умения и владения. Так, уровень знания в процессе формирования профессиональной компетенции обеспечивается реализацией пропедевтического этапа практики, результат прохождения активного этапа практики представляет собой формирование компетенции на уровне умения, а итогом осуществления заключительного этапа практики становится достижение уровня владения. В предлагаемой модели организации учебной и производственной практики студентов направления подготовки «Психолого-педагогическое образование», профиля «Психология и социальная педагогика» используются традиционные подходы к организации практики студентов, применяемые при реализации ГОС ВПО II поколения, в сочетании с акцентированием практической направленности обучения. В дальнейшей разработке нуждаются как конкретные механизмы реализации индивидуальной стажировки студентов, так и в целом подходы к оценке уровня готовности к профес-

сиональной социально-педагогической деятельности. Период обучения в вузе является одним из важнейших периодов личностно-профессионального становления будущего социального педагога, что определяет важность создания условий для личностного переосмысления теоретического знания в ходе практики профессиональной деятельности.

О. В. Коваленко: Я согласен с Людмилой Ивановной в том, что не следует ограничивать деятельность социального педагога только учреждениями образования. Как показывает практическая деятельность учреждений здравоохранения, не только больные дети, но и другие возрастные категории больных людей нуждаются в социально-педагогической помощи. Особенно актуальна такая помощь в стационарном лечении, когда при госпитализации у больных происходит нарушение привычных социальных связей, изменяется психологическая личная и семейная ситуация, меняется восприятие человеком своего привычного окружения. Поэтому кроме врачебной помощи в учреждениях здравоохранения должна оказываться и медико-социальная, включающая профилактическое и реабилитационное направление, осуществляемое специалистом, готовым ее оказывать профессионально. Я бы выделил три формы социально-педагогической помощи больным. Это, прежде всего, консультирование больных и их семей по социально-правовым вопросам, связанным с разъяснением социальных льгот и услуг, положенных определенным категориям больных. Важное место в консультировании отводится и коррекции психологического состояния больного человека. Поэтому отрадно, что профиль подготовки выпускников кафедры социальной педагогики теперь называется «Психология и социальная педагогика», а не просто «Социальная педагогика», как было ранее. Кроме консультирования оперативной формой помощи больным можно считать организацию

групп взаимопомощи, объединяющих людей, если можно так выразиться, «по общему несчастью». Именно в таких группах больные люди могут не таясь обсудить все проблемы, с которыми им приходится сталкиваться, находясь в схожих ситуациях, и поделиться индивидуальным опытом в их разрешении. Еще одной формой работы с больными, которая нивелирует стрессовые ситуации и недостаток положительных эмоций, возникающий при госпитализации, является организация досуга, создание специальной среды отдыха с учетом дифференцированного подхода к потребностям и интересам пациентов в этой области. Кроме того, важным направлением деятельности социального педагога в учреждениях здравоохранения я бы назвал социальное посредничество, предполагающее организацию взаимосвязанных действий всех структур, учреждений, организаций, отдельных физических лиц для всесторонней помощи и поддержки больных. Поэтому при формировании содержания учебного плана следует учитывать потребности учреждений здравоохранения в выпускниках кафедры социальной педагогики, владеющих перечисленными направлениями деятельности, способных грамотно и компетентно решать сложные и неоднозначные социальные и психологические проблемы, возникающие у больных пациентов.

В. В. Фалилеев: Анализируя содержание преподаваемых мной дисциплин и их временную взаиморасположенность в учебном процессе, мне бы хотелось остановиться на реализации принципа межпредметных связей как условия повышения качества подготовки социальных педагогов. Это касается таких дисциплин, как «Социальная политика», «Основы социальной работы» и «Конфликтология в социально-педагогической деятельности».

Основы компетентного подхода к формированию профессиональных качеств по-

звolyют, опираясь на принцип преемственности, выстраивать содержание учебного материала с учетом межпредметных связей таким образом, чтобы полученные знания не дублировались, а дополняли друг друга, давали возможность будущему выпускнику получить целостное и комплексное представление о социально-педагогических категориях, процессах и явлениях, а также более эффективно реализовывать их на практике. Например, читаемый во втором и третьем семестрах курс «Социальная политика», формирует знания механизмов межличностного общения, взаимодействия социальных групп, социальных институтов и составляющих элементов инфраструктуры общества, которые в курсе «Конфликтология в социально-педагогической деятельности», читаемого на пятом и шестом семестрах, могут рассматриваться противоборствующими сторонами механизма развития общества. Таким образом, знания социальной политики будут увязываться с естественным процессом наличия противоборств в обществе как механизма его развития. Дисциплина «Конфликтология в социально-педагогической деятельности», в свою очередь, дает соответствующие знания будущему бакалавру по управлению механизмами противоборств и нахождения соответствующих эффективных путей их разрешения.

Дисциплина «Основы социальной работы» читается на шестом и седьмом семестрах. При этом необходимо подчеркнуть тот факт, что в шестом семестре курсы «Конфликтология в социально-педагогической деятельности» и «Основы социальной работы» читаются параллельно, что дает возможность студентам теоретические основы социальной работы, связанные с оказанием помощи нуждающимся в ней и неспособным себе помочь, демонстрировать непосредственное проявления принципа развития общества на практике. Взаимодополняемое изложение учебного материала по данным дисциплинам

дает возможность студентам более наглядно осмыслить сущность социальной работы в обществе и необходимость ее дальнейшего развития. В темах, связанных с изучением технологий социальной работы в седьмом семестре, наглядно это демонстрируется, что, несомненно, является позитивным фактором повышения эффективности подготовки студентов к будущей практической деятельности.

Таким образом, принцип межпредметных связей при изложении содержания дисциплин, включенных в учебный план основной образовательной программы, позволит полнее и доступнее для студентов раскрыть учебный материал и повысить качество его усвоения.

Ю. А. Кувшинов: Безусловно, реализация принципа межпредметных связей позволит рационально и оптимально организовывать учебный процесс, и касается это не только тех дисциплин, которые обозначил Вячеслав Васильевич. Не менее важным для повышения качества подготовки социальных педагогов мне представляется взаимодействие преподавателей различных кафедр по формированию у выпускников общих и профессиональных компетенций. Так, среди основных задач профессиональной деятельности и компетентностей социального педагога в государственном стандарте выделено использование здоровьесберегающих технологий в профессиональной деятельности, соблюдение требований охраны труда. Качество подготовки выпускника зависит также и от формирования общих компетенций. Среди общих компетенций особая роль принадлежит десятой и одиннадцатой компетенции, первой общепрофессиональной компетенции, которые требуют, чтобы студент владел методами физического воспитания и укрепления здоровья, был способен формировать навыки здорового образа жизни и безопасной образовательной среды с учетом требований гигиены и охраны труда, был способен учи-

тивать особенности психофизиологического развития, регуляции поведения и деятельности человека на различных возрастных ступенях. В результате изучения базовой части цикла обучающийся должен знать особенности строения психики и закономерности ее развития в онто- и филогенезе, особенности строения и функционирования организма человека, нормы здорового образа жизни. Он должен уметь учитывать индивидуальные возрастные особенности учащихся. Особенно важно для педагога умение использовать здоровьесберегающие технологии в профессиональной деятельности, учитывая риски и опасности социальной среды и образовательного пространства, о чем говорит двенадцатая профессиональная компетенция.

Формирование подобных знаний и умений, в первую очередь, возможно на таких предметах, как «Основы медицинских знаний», «Анатомия и физиология человека», «Основы педиатрии и гигиены», «Безопасность жизнедеятельности», но для качественного усвоения перечисленных компетенций необходимо использовать потенциал других дисциплин, опосредованно связанных с содержанием этих компетенций. Философия, культурология, педагогика и другие дисциплины должны также решать эти задачи, используя свои возможности и подходы. Для того чтобы успешно решать общие задачи, необходим более тесный контакт преподавателей, рассматривающих данную тему. Этому могут способствовать круглые столы, обучающие семинары и т. д. Учитывая важность данной проблемы, целесообразно проведение общевузовской конференции, на которой можно рассмотреть как взаимодействие кафедр, так и различные подходы, раскрывающие эту тему. Наиболее сложен вопрос формирования установок на здоровый образ жизни, который заключается в том, что многие молодые люди знают последствия вредных привычек, достаточно информированы о различных повреждающих факторах,

однако в своей практической деятельности, в реальной жизни, не только не соблюдают требования здорового образа жизни, но даже иногда бравируют этими нарушениями. Средства массовой информации нередко формируют социальные мифы, вредные для здоровья. В этих условиях формирование установок на здоровый образ жизни является задачей не отдельных преподавателей, не отдельных предметов, а всей системы обучения студентов высшей школы. В основной образовательной программе в связи с введением нового направления подготовки «Психолого-педагогическое образование», профиля «Социальный педагог», степени «Бакалавр» появились дисциплины, которые планируется использовать для формирования установок на здоровый образ жизни с учетом изменившейся программы. Это особенно актуально с учетом того, что состояние здоровья молодежи имеет тенденцию к ухудшению и многие болезни молодеют. Физическое и психическое здоровье студентов – необходимое условие для успешного обучения, полноценной подготовки специалистов.

Е. В. Милькова: На мой взгляд, реализация новой политики в образовании немыслима без социального педагога с широким творческим потенциалом, то есть владеющего высоким профессионализмом, навыками исследовательской деятельности, способного занимать ведущие интеллектуально-культурные позиции в обществе. Поэтому целенаправленное и системное формирование исследовательских умений и навыков будущих социальных педагогов – важное условие их качественной подготовки.

Подготовка социальных педагогов как исследователей в учебном процессе вуза включает в себя:

- формирование у студента научного мышления и вкуса к исследовательской работе, интереса к научному осмыслению социально-педагогических проблем;

- формирование навыков у студентов педагогической культуры самостоятельной работы, рефлекса самообразования и т. д. (В. А. Сухомлинский);

- развитие у студентов творческих способностей к научной деятельности в целом и воспитание исследовательского отношения к процессу овладения знаниями, в частности.

Научно-педагогическое исследование, участие в нем – высшая ступень педагогического творчества студентов. Эта деятельность предполагает наличие определенного запаса психолого-педагогических знаний, опыта накопленных впечатлений, развитие исследовательских умений и стремление к самообразованию. Объективно опыта психолого-педагогической деятельности у студентов мало, отсюда компилятивность, упрощенность самостоятельных работ исследовательского характера.

На кафедре социальной педагогики КемГУКИ сложилась некоторая система приобщения студентов к научно-исследовательской работе:

- изучение предмета «Организация научно-исследовательской работы студентов» (1 курс);

- написание реферативных работ по педагогике, психологии и другим дисциплинам (1–2 курс);

- знакомство с методами и методиками исследования в курсах таких дисциплин, как «Практикум...», «Основы психологии семьи и семейного консультирования» (3–4 курсы);

- различные виды практики, в ходе которых апробируются методы наблюдения, анкетирования, беседы и т. д., используются различные методики по изучению возрастных и индивидуальных особенностей школьников, в результате работы пишется психолого-педагогическая характеристика на ребенка (II курс);

- выполнение курсовой работы по психологии или педагогике (2–3 курс, защита проекта в марте);

- выполнение курсовой работы в рамках дисциплины «Методика и технология работы социального педагога» (4 курс);

- изучение и анализ исследовательской деятельности, опытно-экспериментальной работы в рамках предмета «Методология и методы педагогического исследования»;

- и, наконец, своеобразным финалом является дипломная работа (5 курс, защита – в июне).

Выше обозначена логика учебной деятельности, в которую включены исследовательские компоненты, но, кроме того, интерес к исследовательской работе формируется через локальные формы творческой деятельности, выполнить которые можно лишь, если самостоятельно осмыслить, проанализировать, установить причины, вычленив главное и т. п. К таким научным миниатюрам на основании опыта работы преподавателей вуза можно отнести: рецензии на книгу, статью и др.; педагогический портрет социального педагога, учителя, педагога дополнительного образования, организатора детского досуга, который отражает особенности авторской школы преподавателя; тезисное или модельное описание интересного опыта, связанного с решением проблем студенчества; письменный, устный (телефонный) опрос детей, родителей, жителей по проблемам учащихся и их родителей и его аналитического осмысления; экспресс-интервью по насущным проблемам студенчества, сопоставление ответов и выводы из них; открытое проведение инновационного дела и его обсуждение.

Г. Ф. Привалова: В свою очередь, я бы хотела обратить внимание не только на взаимосвязь содержательных аспектов отдельных дисциплин основной образовательной программы, реализуемой кафедрой, но и на технологические составляющие образовательного процесса. При подготовке социальных педагогов профессорско-преподавательский состав кафедры социальной педагогики Ке-

меровского государственного университета культуры делает все возможное для формирования творческих специалистов социальной сферы. Все большее признание в педагогической науке получает разработка и внедрение альтернативных инновационных проектов, которые ориентированы на развитие интересов, потребностей, возможностей личности, а также на организацию образовательного процесса, что в комплексе создает условия для достижения высокого уровня профессиональной подготовки.

Профессионально-творческая подготовка социального педагога – это процесс, основанный на комплексе организационных психолого-педагогических условий, направленный на становление способности и готовности личности к активной, целеполагающей, саморегулируемой, личностно и профессионально значимой деятельности, обеспечивающей высокоэффективное творческое выполнение профессиональных функций и задач.

Педагогическими условиями профессионально-творческой подготовки личности будущего социального педагога в исследованной форме выступают: обновленное содержания образования в соответствии с ФГОС ВПО, характеризующееся проблемностью, интегрированностью и новизной учебно-методического материала; учебная деятельность не алгоритмического характера, основанная на системе логических и эвристических методов; высокая рефлексивная активность педагогов и студентов; диалогическое взаимодействие, сотворчество участников педагогического процесса; творческий продукт как результат мастерской.

Под педагогической мастерской мы понимаем динамичную, вариативную и интегративную форму организации профессионального обучения, осуществляемую в совместной диалоговой деятельности

педагога-мастера с обучающимися, характеризующуюся рефлексивной личностно-деятельностной организацией, погружением в педагогический процесс и направленную на творческое самообразование, саморазвитие и самореализацию личности каждого участника деятельности. Эффективность функционирования дидактической модели педагогической мастерской как формы организации профессионально-творческой подготовки студентов в вузе обеспечивается определением конкретных целей, задач и содержания обучения, созданием в образовательном процессе адекватных условий педагогического взаимодействия, подбором средств обучения и включением смыслоориентирующего контроля за деятельностью и результатами работы каждого студента.

Следовательно, профессионально-творческая подготовка студентов в вузе заключается в становлении готовности и способности личности будущего педагога к активной, целеполагающей, саморегулируемой, личностно и профессионально значимой деятельности, направленной на высокоэффективное творческое выполнение профессиональных функций и задач.

Лазарева: Подводя итоги круглого стола, хотелось бы отметить, что мы сегодня обсудили лишь некоторые вопросы, связанные с повышением качества подготовки социальных педагогов в контексте реализации федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлению «Психолого-педагогическое образование». Безусловно, данная тема требует своего дальнейшего рассмотрения в различных аспектах, обусловленных содержанием и требованиями современного социального заказа к выпускникам кафедры социальной педагогики. Благодарю всех участников обсуждения. Надеюсь, что наш разговор будет продолжен.

УДК 37.013

Е. А. Виниченко

ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ К ОТВЕТСТВЕННОМУ ВОСПРИЯТИЮ РОДИТЕЛЬСКОЙ РОЛИ

В статье анализируются факторы, осложняющие процессы планирования семьи, воспитания у молодежи ответственного отношения к родительству. Автор определяет содержание подготовки студентов к выполнению роли ответственного родителя, дает аутентичное определение понятия ответственного родительства, выступающего духовно-нравственной, психологической и социальной потребностью личности.

Ключевые слова: ответственное родительство, готовность к родительству, подготовка студентов к родительской роли.

Е. А. Vinichenko

STUDENTS' PREPARATION FOR RESPONSIBLE PERCEPTION OF PARENTAL ROLE

The author of the article analyses the factors which complicate the family planning process and the process of cultivating of responsible attitude towards the parenthood in young people. The author determines the concept of students' preparation for becoming responsible parents, gives the authentic definition of the concept of responsible parenthood, which is regarded as the moral, psychological and social need of the person.

Keywords: responsible parenthood, readiness for parenthood, students' preparation for the parental role.

Современное общество переживает широкомасштабный кризис ценностей, преодоление которого предполагает выход за рамки экономических и рациональных соображений в область нравственности и духовности. Семья прямо или косвенно отражает все изменения, происходящие в обществе. Совершенствование института семьи является необходимым условием развития личности и социума, общественной стабильности и прогресса, сохранения преемственности поколений.

Большинством исследователей семья рассматривается как среда, где происходит выработка и принятие молодым поколением иерархии жизненных ценностей, которые выступают мощным интегрирующим фактором для семейной системы, как на уровне

взаимодействия супругов друг с другом, так и на уровне взаимодействия родителей с детьми. Ценностные ориентации определяют динамику развития семьи в целом и динамику родительства, в частности.

Р. В. Овчарова подчеркивает, что деятельность семьи по сохранению, развитию, преобразованию и передаче последующим поколениям определенных ценностей правомерно рассматривать в качестве ведущей деятельности семьи. Исследователь вводит также понятие «сходство семейных ценностей», которое трактуется как социально-психологическое качество, отражающее совпадение, ориентационное единство взглядов, отношений членов семьи к общечеловеческим нормам, правилам, принципам формирования, развития и функционирования семьи как малой социаль-

ной группы [3, с. 41]. В. Н. Дружинин отмечает, что ценностные ориентации объединяют людей в семью, создают перспективу для ее развития, а также определяют цели и пути воспитания детей [2, с. 49].

Готовность к созданию семьи – качество личности молодого человека, интегрирующее принятие семьи как социального института, накопление специальных знаний и умений в области семейных отношений, рационального ведения домашнего хозяйства, семейной педагогики, межличностного общения.

Необходимо отметить, что общество и родительская семья дают определенную модель родительства, которую индивид пропускает через призму своих убеждений, взглядов, предпочтений, индивидуальных особенностей. То есть микросистема факторного детерминирования родительства – это тот уровень воздействия на складывающееся родительство, на котором оно приобретает окончательные черты. Анализируя воздействие собственной, вновь создаваемой семьи на формирование родительства и его реализацию в каждом конкретном случае, можно выделить несколько факторов:

- направленность и индивидуальные психологические особенности личности каждого из супругов;
- возраст и состояние здоровья супругов;
- степень соответствия моделей родительства, предлагаемых супругами;
- конкретные условия жизни супружеской пары.

Родительство играет значительную роль в жизни каждого человека. Способы поведенческой реализации родительства формируются под влиянием самых различных условий. Готовность юношей и девушек к принятию родительской роли, воспитание осознанного, ответственного родительства должно стать целью социально-педагогической работы.

Подготовка студенческой молодежи к формированию готовности к семейной

жизни и ответственному родительству предполагает:

- 1) широкую пропаганду положительного опыта семейного воспитания;
- 2) формирование у молодежи активных жизненных позиций;
- 3) расширение знаний о семье, закономерностях ее развития, традициях и обычаях семьи, семейного уклада, семейного этикета, психологии пола и т. д.;
- 4) воспитание у молодежи уважения к семейным духовно-нравственным ценностям в окружающем микро- и макросоциуме;
- 5) формирование ответственного родительства через просветительскую работу;
- 6) введение в учебный процесс образовательных учреждений специальных программ, курсов, спецпрактикумов, раскрывающих сущность подготовки молодежи к родительству, таких, как «Психологические аспекты семейного воспитания», «Семьеведение», «Взаимодействие семьи и школы», «Семейная педагогика», «Осознанное родительство» и т. д.;
- 7) пересмотр государственного образовательного стандарта и введение в учебную программу педагогических вузов предметов специальной подготовки студентов для освоения ими специфики работы с семьей [1, с. 18].

Условиями и средствами, обеспечивающими эффективность формирования готовности студентов к созданию семьи и ответственному выполнению родительской роли, являются: гуманизация и субъектная направленность образовательного процесса, суть которой заключается в принятии и поддержке педагогами молодых людей в ответственный период брачно-семейной самореализации и подготовки к рождению ребенка [4, с. 9].

По нашему мнению, процесс подготовки студентов к ответственному родительству в условиях вуза, должен содержать следующие компоненты:

- постановка цели и выдвижение конкретных задач педагогической деятельности в рамках реализации процесса подготовки студентов к ответственному родительству;

- определение содержания процесса формирования ответственного родительства, включающего различные виды педагогической деятельности, реализуемые с учетом социокультурных, экономических и психологических особенностей современного российского общества;

- формирование субъект-субъектных отношений преподавателей и студентов в ходе воспитательной работы, направленной на формирование у учащейся молодежи ответственного родительства;

- построение культурно-педагогической среды вуза, обеспечивающей личностное развитие студентов и их активное взаимодействие;

- оценка педагогическим коллективом результатов деятельности, направленной на становление и развитие ответственного родительства у студенческой молодежи.

Т. Н. Сидорова представляет структуру родительской ответственности как единство трех компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого. Когнитивная составляющая включает представления об ответственном и безответственном поведении родителя, о распределении ответственности между супругами в других семьях и в своей семье. Эмоциональная составляющая распространяется на отношения к распределению ответственности в семье, эмоциональные переживания, связанные с этим, и оценку себя как родителя с точки зрения ответственности. Поведенческая составляющая касается контроля своего поведения, происходящих событий и характеризуется занимаемой ролью в семье. Кроме того, особенностью родительской ответственности является вре-

менная характеристика — ответственность может быть направлена в прошлое, локализоваться в настоящем и ориентироваться на будущее, то есть включать элемент предвидения [5, с. 52].

Родительская ответственность как социальное явление по своей природе дуальна: это ответственность и перед социумом, и перед безличной природой (своей совестью). Член семьи может нести ответственность за других членов семьи (жену, мужа, детей) и за семью в целом. Роль лидера (главы семьи) предполагает ответственность за семью в целом как за социальную группу [2, с. 79].

Ответственное родительство понимается нами как духовно-нравственная, психологическая и социальная потребность личности, реализуемая в паттернах позитивного когнитивного, эмоционального, поведенческого отношения к детям и направленная на интериоризацию ценностных установок семейного воспитания.

Формирование родительства зависит от субъективно-психологических факторов, составляющие которых принадлежат разным иерархически организованным системам: макросистема — уровень общественных влияний (путем социальных стереотипов, норм, ожиданий и т. д.); мезосистема — уровень влияния родительской семьи (ценности родительской семьи, установки и ожидания родительской семьи, авторитет родителей и т. д.); микросистема — уровень собственной семьи (осознанность исполнения родительской роли, особенности межличностных отношений, удовлетворенность браком и т. д.).

Помимо физических особенностей ребенка, организации правильного питания и привития санитарно-гигиенических навыков, чрезвычайно важным являются психологические отношения в семье: родители и дети влияют друг на друга. Через это общение и

происходит передача ценностей, которые делают нас людьми: способность сопереживать, любить, понимать себя и другого человека, контролировать свои агрессивные импульсы и не наносить вреда себе и окружающим, добиваться поставленных целей и уважать свою и чужую жизнь. Эти духовные ценности могут быть восприняты только в совместном переживании событий жизни взрослого и ребенка, осознании ее смысла, в первую очередь в условиях семьи. Душевная теплота и отзывчивость родителей, а также умеренный контроль с их стороны оказывает на детей самое благотворное влияние.

Родители часто не понимают, что главное для ребенка в семье занять правильное, отвечающее формирующемуся стремлению к самостоятельности место, почувствовать себя уважаемым человеком, личностью.

Нами определено, что спектр факторов, обуславливающих негативные процессы, проявляющиеся в ходе планирования семьи, осознания родителями семейных ценностей, воспитания ответственного родительства, достаточно широк. К таким факторам можно отнести:

- экономические условия (неблагоприятные обстоятельства жизнедеятельности семьи, отсутствие комфортного жилья; недостаточные денежные доходы родителей; низкая материальная обеспеченность, в том числе отсутствие возможности дополнительного обучения ребенка в музыкальной школе, изостудии, в кружках и секциях; безработица или частичная занятость родителей, инфляция и т. д.);

- медико-социальные проблемы (инвалидность, хронические заболевания членов семьи, включая алкоголизм и наркоманию, нарушение репродуктивной функции, пренебрежение санитарно-гигиеническими нормами и т. д.);

- социально-демографические факторы (появление нежеланного ребенка, неполная или многодетная семья, семья с повторным браком и сводными детьми, семья с несовершеннолетними родителями и т. д.);

- социально-психологические проблемы (незрелость, безответственность, эгоизм родителей; их педагогическая несостоятельность, низкий образовательный уровень; деструктивные эмоционально-конфликтные отношения между супругами, родителями и детьми; озлобленность родителей, разочарование в жизни, асоциальная направленность поведения и т. д.);

- морально-этические факторы (низкий морально-этический уровень членов семьи, безнравственность и бездуховность, отчуждение личности);

- правовые факторы (правовой нигилизм, низкий уровень правовой культуры, правовая функциональная безграмотность, насилие, правонарушения и т. д.).

Решение проблем, связанных с интериоризацией социальной сущности ответственного родительства учащейся молодежи, видится в такой организации учебно-воспитательного процесса в вузе, когда различные его направления будут объединены задачей формирования у студентов социальной ответственности за свои действия, пониманием общественной значимости реализуемого личностью подхода к созданию семьи, построению позитивных семейно-брачных отношений.

Эффективность деятельности вузовского коллектива по решению воспитательных задач в области формирования ответственного родительства студентов связана с реализацией продуманных технологий воспитания, которые должны быть интерактивными, творческими, рассчитанными на студенческую инициативу. Среди таких технологий выделяются традиционные и инновационные коллективные, групповые и индивидуальные формы взаимодействия: интернет-собрания,

создание семейных сайтов, презентация семейного совета, консультационные центры, опережающие обучающие семинары, альбомная технология, семейный вернисаж, семейный архив, семейный музей и т. д.

Развитая культурно-воспитательная и культурно-рекреационная среда вуза является важнейшим условием повышения качества подготовки специалиста. Особая роль в учебно-воспитательном процессе отводится преподавателю. Хороший преподаватель компетентен, доброжелателен, профессионален, являясь одновременно информатором и фасилитатором, работает со студентом как с личностью, находит индивидуальный подход к каждому. Он способен оценивать интеллектуальные возможности студента, предугадывает его потребности, оказывает ему психологическую поддержку, способствует развитию его творческого потенциала в полном соответствии с гуманистическими принципами педагогики. Коммуникативная, в том числе, речевая культура преподавателя, его эрудированность, организованность, оптимизм, восприимчивость ко всему новому, прогрессивному оказывают заметное влияние на интеллектуальный рост студента, его эмоциональную сферу. Повышение квалификации преподавателей должно быть нацелено на достижение результативности при сохранении права личности на избирательность в образовании, на соответствие уровня получаемых знаний требованиям времени, комфортность и другие особенности той или иной модели образования.

Создание системы учебно-воспитательной направленности на формирование у студентов ответственного родительства призвано способствовать не только развитию родительства как интегративной ценности, но и обеспечению подготовки квалифицированных специалистов, способных на основе комплекса биологических, педагогических, психологических, гигиенических, социальных,

экологических знаний о человеке обеспечить сохранение и укрепление собственной семьи.

С педагогической точки зрения важно создать студентам наилучшие условия для обучения и развития, для удовлетворения потребности в психолого-педагогическом консультировании, обеспечить эффективный процесс усвоения знаний, качественного изменения познавательной деятельности, развития мышления, формирования культуры речи и информационной культуры, развития сенсорной и двигательной активности. Есть и другой педагогический аспект – обеспечение добрых, доверительных отношений в процессе педагогического взаимодействия, предупреждение и коррекция тех ошибок, которые мешают учению и общению. Особая роль принадлежит здесь психодиагностике, на основе которой определяется адекватная система психокоррекционных воздействий, среди которых выделяются мероприятия общепедагогического характера, нормализующие социальную среду студентов и регулирующие их психофизическую, эмоциональную нагрузку в соответствии с индивидуальными особенностями каждого.

Осознанное родительство может быть сформировано с помощью специальной психолого-педагогической технологии проблемно-ориентированного тренинга. Механизмом данной технологии является воздействие через субъективно-психологические факторы – на когнитивный и эмоциональный аспекты компонентов родительства. Результатом реализации технологии является повышение уровня осознанности реализации себя как родителя в рамках индивидуальной психологической реальности и во взаимодействии со своей семьей [3, с. 11].

Действенный результат в решении проблемы подготовки студентов к ответственным

ной роли родителя может быть получен при использовании метода проектов. Тематика проектов, рассматриваемых в рамках проблематики ответственного родительства, может быть самой разнообразной, например, можно исследовать проблемы, фиксируемые в следующих темах: «Планирование семьи: один ребенок или многодетность», «Наш ребенок: выбираем методы воспитания», «Ответственное родительство: гендерный подход» и пр.

Результаты выполненных проектов должны быть соответствующим образом оформлены в виде альбомов, журналов, альманахов, видеофильмов, компьютерных газет и т. д.

Применение метода проектов будет продуктивным при соблюдении следующих требований:

- наличие значимой в исследовательском, творческом плане проблемы, требующей для своего разрешения интегрированного знания, научного поиска;

- теоретическая, практическая, познавательная результативность исследовательского проекта;

- возможность самостоятельной, групповой, парной деятельности студентов в процессе разработки проекта;

- структурирование содержательной части проекта (с указанием поэтапных результатов работы);

- использование научно-исследовательских методов (определение проблемы, постановка задач, выдвижение гипотез их решения, обозначение методологической базы, оформление конечных результатов исследования, анализ полученных данных, подведение итогов, формулирование выводов) [6, с. 30].

Решение задач воспитания будущего специалиста как поборника ценностей семьи и ответственного родительства дает уверенность в том, что выпускники станут настоящими проводниками идей укрепления института семьи, здорового образа жизни и носителями высоко уровня общей культуры. В этой связи представляется целесообразным включение в программу обучения в высшей школе специальных курсов, направленных на изучение философских, этических, экономических, правовых, медицинских, психолого-педагогических аспектов проблем семьи и родительства и использование в учебном процессе передовых педагогических технологий, включая методы социально-педагогического проектирования.

Литература

1. Акутина С. П. Формирование готовности к семейной жизни современных старшеклассников // Социосфера. – 2010. – № 2. – С. 17–24.
2. Дружинин В. Н. Психология семьи. – СПб.: Питер, 2006. – 236 с.
3. Ермихина М. О. Формирование осознанного родительства на основе субъективно психологических факторов: дис. ... канд. пед. наук: 19.00.07. – Астрахань, 2005. – 167 с.
4. Овчарова Р. В. Психологическое сопровождение родительства. – М.: Изд-во института психотерапии, 2003. – 326 с.
5. Пителин С. М. Формирование готовности студентов к созданию семьи: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Астрахань, 2005. – 167 с.
6. Сидорова Т. Н. Исследование особенностей когнитивного и поведенческого компонентов социальной ответственности // Психологические условия формирования социальной ответственности школьников. – М., 1987. – С. 51–54.
7. Щуркова Н. Е. Педагогическая технология (педагогическое воздействие в процессе воспитания школьника). – Краснодар, 1993. – 268 с.

Е. Н. Борисенко

СТРАТЕГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА ВУЗА

В статье анализируются различные толкования терминов «стратегия» и «тактика» применительно к сфере образования; обобщаются основные характеристики педагогических стратегий; представлена разработанная автором стратегия педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов вузов.

Ключевые слова: стратегия, тактика, компоненты стратегии, педагогическое сопровождение, формирование социальной компетентности.

Е. N. Borisenko

THE STRATEGY OF THE EDUCATIONAL SUPPORT OF THE FORMATION OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS STUDENTS SOCIAL COMPETENCE

Various interpretations of the terms «strategy» and «tactics» relating to education are analyzed; basic characteristics of educational strategies are consolidated; the author's strategy of the educational support of the formation of higher educational institutions students social competence is presented.

Keywords: strategy, tactics, components of strategy, educational support, social competence formation.

Исторически термин «стратегия» связан с военным делом, поэтому в словарях она, прежде всего, определяется как высшая область военного искусства. В настоящее время понятие «стратегия» экстраполировано на другие области жизнедеятельности человека. Стратегия понимается как искусство руководства какой-либо деятельностью, как общий план, реализуемый в ходе деятельности. Она связана с определением целей и задач, включает способы и формы подготовки и ведения стратегических операций, распределение кадров и материальных ресурсов. Стратегия подразумевает знание закономерностей и объективных предпосылок предстоящей деятельности [5, 8, 10].

Для нас было важно выяснить, как трактуется понятие «стратегия» применительно к сфере образования в работах различных ав-

торов – педагогов, психологов, организаторов образования, руководителей образовательных учреждений и др.

В психолого-педагогической литературе термин «стратегия» встречается в словосочетаниях «образовательная стратегия», «стратегии развития образования», «педагогическая стратегия», «стратегия воспитания», «стратегия обучения», «стратегия развития», «стратегия жизни», «жизненная стратегия», «стратегия развития вуза», «стратегия проектирования образовательного процесса».

О. И. Шушерина справедливо отмечает, что любое из видовых понятий (образовательная стратегия, педагогическая стратегия, психологическая стратегия и др.) можно истолковать как «искусство планирования конкретной деятельности на длительную перспективу, ее последовательной реализа-

ции на основе целесообразного отбора соответствующего обеспечения и организации соответствующего процесса (деятельности)» [11, с. 77].

Согласно И. А. Зимней, стратегия – «это комплекс, многомерное представление процесса актуального состояния, сохранения, развития или изменения, общий проект и проектирование его осуществления на определенный отрезок времени» [4, с. 71].

Рассматривая стратегию развития образования в России, В. С. Аванесов называет стратегию искусством и наукой достижения желаемых результатов предстоящей деятельности и определяет стратегию как учение о лучшем употреблении всех сил и средств с целью повышения уровня и качества образованности населения страны [1].

Наряду с вопросом о необходимости образовательной стратегии государства в публикациях по проблемам образования правомерно поднимается вопрос о необходимости разработки стратегии развития вузов, школ и других образовательных учреждений.

По мысли С. И. Плаксия, стратегия вуза – это комплексный, долгосрочный план системных действий и их реальное осуществление на основе всестороннего изучения всех закономерностей, внешних и внутренних обстоятельств, поставленных целей и задач, обеспечивающих эффективность деятельности вуза. Автор считает, что стратегия вуза включает в себя изучение закономерностей, концептуальных основ высшего образования в контексте развития общества; анализ внешних и внутренних условий; прогнозирование тенденций и возможных вариантов; определение дерева целей и распределение вытекающих отсюда задач; разработку технологий, методов, организационных форм, способных обеспечить успешное продвижение к поставленным целям [6].

Стратегия школы рассматривается П. Г. Постниковым как система, включаю-

щая в себя выводы из анализа социально-образовательной ситуации, цели, принципы отбора и конструирования содержания образования, взгляд на ученика как участника образовательного процесса, связи между этими компонентами системы [7].

Е. В. Бондаревская и С. В. Кульневич утверждают, что педагогическая стратегия является высшим уровнем перспективной теоретической разработки главных направлений образовательной деятельности и реализуется в таких профессиональных умениях учителя, как способность проникать в сущность явления, осознавать его реальный смысл; устанавливать причинно-следственные связи, определять цели, задачи воспитания и обучения, создавать условия, способствующие педагогическому взаимодействию и сотрудничеству и др. [2].

Рассматривая педагогическую стратегию как деятельность, О. И. Шушерина выделяет цель в качестве ориентира и средства ее достижения. Необходимость генеральной цели как стратегического ориентира определена потребностью выбора конкретного направления педагогической деятельности, что обеспечивает выбор принципов, содержания, реализацию условий. Содержание педагогической стратегии конкретизируется в соответствии с личностным смыслом педагога, который конструирует стратегию и определяет средства ее реализации, то есть стратегия субъективируется педагогом [11].

И. А. Зимней принадлежит ряд определений стратегий воспитания. Применительно к воспитанию стратегия трактуется автором как комплексное образование, направленное на предотвращение возможных негативных последствий личностного развития человека в сложившейся в современной России ситуации общественных перемен, являющихся следствием глобальной деидеологизации, отсутствия четкой социальной политики в области образования, упразднения воспита-

тельных программ и т. д., и одновременно направленное на сохранение и дальнейшее развитие всего того позитивного, что накоплено в опыте общественного развития народа.

Стратегия воспитания, в видении учебного, – это и комплексное проектирование на 15–18 лет духовного противостояния обучающегося реальной утилитарно-прагматической практике повседневной жизни конца XX – начала XXI в., и последовательная разработка концептуальных основ в социально-политическом, экономическом, организационно-методическом, социально-психологическом, психолого-педагогическом и других планах [3].

В ракурсе реализации стратегии для нас было важным утверждение П. Г. Постникова о том, что под стратегией понимается «управленческое решение, направленное на оптимизацию взаимодействия участников образовательного процесса с учетом гармонизации и прогнозирования развития создавшейся ситуации, определения необходимых изменений посредством использования конкретной тактики» [7, с. 42].

Исходя из анализа работ В. С. Аванесова, Е. В. Бондаревской, И. А. Зимней, В. С. Кульневича, С. И. Плаксия, П. Г. Постникова, О. И. Шушеринной и др., можно сделать вывод, что стратегия в психолого-педагогической литературе трактуется как искусство и наука планирования и осуществления конкретного процесса или деятельности; комплекс, комплексное образование, комплексный план или программа действий по достижению результатов соответствующей деятельности; комплексное проектирование, общий проект предстоящей деятельности; теоретическая разработка концептуальных основ и главных направлений конкретной деятельности; управленческое решение, направленное на оптимизацию взаимодействия участников деятельности в рассматриваемой сфере.

Как показал анализ работ вышеупомянутых авторов, педагогическая стратегия предполагает:

- изучение закономерностей, концептуальных основ образования в контексте развития общества;
- долгосрочное, качественно определенное направление развития образовательного пространства с учетом социальной ситуации развития;
- вектор педагогических ценностей, норм и правил, которыми руководствуются субъекты стратегии при ее реализации;
- анализ внешних и внутренних условий;
- прогнозирование тенденций и возможных вариантов;
- определение дерева целей и вытекающих отсюда задач;
- определение субъектов стратегии, которые определяются степенью участия конкретных лиц, объединений, организаций и учреждений в конкретной образовательной/педагогической деятельности;
- распределение субъектов деятельности по соответствующим задачам;
- подготовку субъектов к предстоящей деятельности;
- создание соответствующей образовательной среды;
- определение и разработку технологий, методов, организационных форм, способных обеспечить успешное продвижение к поставленным стратегическим целям;
- продуманные и корректируемые по мере необходимости действия субъектов, обеспечивающие поэтапное эффективное решение задач и достижение целей.

В педагогической стратегии воплощается: единство социальных установок, целей, особенностей социокультурной образовательной ситуации, внешних и внутренних средств, обеспечивающих взаимодействие субъектов стратегии в процессе совместной деятельности.

В качестве компонентов стратегии называются:

- связь с экономическим строем; обусловленность политикой государства, ставящей задачи перед стратегией;
- выводы из анализа социально-образовательной ситуации;
- основная идея (или генеральная цель) стратегии;
- цели и задачи, в которых последовательно реализуется основная идея стратегии;
- принципы, на которых базируются конкретная деятельность, конкретный процесс в определенной сфере образования/педагогической области;
- направления реализации данной стратегии;
- субъекты, обеспечивающие реализацию данной стратегии, и взаимодействующие с ними институты;
- этапы реализации стратегии;
- сроки и результаты, планируемые к достижению в эти сроки;
- средства достижения стратегических целей и решения поставленных задач;
- меры контроля.

Обобщив характеристики стратегии, приведенные в публикациях по проблемам разработки педагогических стратегий, можно утверждать, что стратегия имеет следующие отличительные характеристики:

- *прогностичность* – стратегия ориентирована на будущее состояние объекта, прогнозирует будущие результаты и эффективность конкретной деятельности;
- *процессуальность* – стратегия представляет собой процесс, т. е. совокупность целесообразных действий, направленных на достижение определенного результата в соответствии с поставленной целью; стратегия, как процесс, реализуется последовательно, поэтапно;
- *темпоральность* – для реализации стратегии устанавливается временная протяженность;

- *пространственность* – стратегия реализуется в определенном пространстве;

- *ресурсность* – обеспечение реализации стратегии зависит от имеющихся ресурсов: организационных, технологических, материальных и др.;

- *социальность* – стратегия реализуется в условиях социума при непосредственном и опосредованном взаимодействии субъектов стратегии;

- *полисубъектность* – для реализации педагогической стратегии необходимо непосредственное участие учеников, студентов, воспитанников в процессе достижения поставленных целей.

Эффективность стратегии характеризуется получением максимально возможных результатов при минимальных затратах ресурсов, времени и сил и находится в прямой зависимости от выбранной *тактики*.

В справочной литературе указывается, что тактика занимает подчиненное положение по отношению к стратегии и обслуживает ее. Под тактикой понимается совокупность средств, приемов, способов достижения намеченной цели. Тактика также определяется как линия поведения [5, 8, 10].

В контексте педагогической стратегии тактика может рассматриваться как:

- составная часть стратегии (П. Г. Постников);
- совокупность условий, методов, приемов и средств; единица педагогической стратегии (О. А. Шушерина);
- прямые и опосредованные отношения с учащимися в процессе их воспитания и обучения (Е. В. Бондаревская, С. В. Кульневич);
- совокупность приемов; линия поведения для решения ситуативных задач (Н. Соловьева).

Между стратегией и тактикой существует неразрывная связь. Если стратегия отвечает на вопросы «Что делать?», «Что надо сде-

лать для достижения поставленных целей?», «Для чего это делать?», то тактика отвечает на вопросы «Как это сделать?», «Как предполагается достигнуть намеченных результатов?», «Как будет происходить процесс?».

Н. Соловьева акцентирует внимание на том, что тактика не является моделью или схемой с наличием устойчивых элементов, расположенных в определенном порядке. Это не пошаговая инструкция к действию. Обладая эмерджентным качеством, которое может возникнуть только в определенной ситуации, педагогическая тактика подразумевает педагогические решения как совокупность приемов, выстраиваемых каждый раз заново и помогающих разрешать образовательные ситуации «здесь и теперь» [9].

Стратегия и тактика обеспечивают единство решения образовательных задач различного уровня: стратегических, этапных, тактических, операциональных. Стратегия определяет целевые аспекты современного образования, тактика, чаще всего, связана с ценностно-смысловыми аспектами социально-педагогического взаимодействия учителя и ученика [7].

Наше внимание привлекла трактовка педагогической стратегии, предложенная О. И. Шушериной и подчеркивающая взаимозависимость стратегии и тактики. В широком смысле под педагогической стратегией О. И. Шушерина понимает проектирование тактик педагогических действий по достижению наилучших результатов в конкретных условиях [11].

Изучив теоретические подходы и обобщенный практический опыт разработки и реализации стратегий в области образования и помня о том, что педагогика творчески осваивает идеи других наук, использует их методы и результаты исследований, мы обратились к теории стратегического управления и использовали некоторые положения данной теории для разработки и реализации стра-

тегии педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов.

Применительно к педагогическому сопровождению формирования социальной компетентности студентов стратегическое управление состоит в разработке и реализации стратегии на основе непрерывного контроля и оценки (самоконтроля и самооценки) происходящих изменений в деятельности преподавателя (сопровождающего) с целью поддержания эффективного создания условий для формирования социальной компетентности студентов (сопровождаемых). Приступая к разработке стратегии, мы должны были, прежде всего, ответить на следующие вопросы:

1. Какие условия для формирования социальной компетентности студентов имеются в данном образовательном учреждении в настоящее время?

2. Какие условия желательно иметь к завершению определенного периода (семестра, учебного года, курса обучения конкретной дисциплине, обучения в вузе и т. д.)?

3. Что надо сделать, чтобы достичь желаемого?

Ответ на первый вопрос потребовал обладания информацией для анализа имеющихся условий, которые могли быть использованы для формирования социальной компетентности студентов. Для ответа на второй вопрос, ориентированный на будущее, мы определили, к чему стремимся и какие ставим перед собой цели. Чтобы ответить на третий вопрос, связанный с реализацией выбранной стратегии, нам пришлось изучить имеющиеся и доступные внутренние и внешние ресурсы, организационную структуру образовательного учреждения и определить субъектов стратегии.

В ходе разработки и реализации стратегии педагогического сопровождения формирования социальной компетентности сту-

дентов осуществлялись проектировочная, организационная, координационная, мотивационная и контролирующая функции:

Основные положения разработанной нами стратегии педагогического сопровождения формирования социальной компетентности приводятся ниже.

Педагогическое сопровождение формирования социальной компетентности студента вуза определяется как деятельность преподавателя, направленная на создание комплекса условий для успешного формирования студентом социальной компетентности.

Основными документами, составляющими нормативно-правовую базу стратегии педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов вузов, являются Конституция РФ, Закон РФ «Об образовании», Закон РФ «О высшем образовании», Национальный проект «Образование» и ФГОС ВПО.

Курс на модернизацию отечественной экономики, политика государства в области образования, интересы общества, работодателей и отдельного индивида ставят перед системой высшего образования задачу подготовки работника, обладающего социальной компетентностью. **Социальная компетентность** – это интегративное качество личности, дающее человеку возможность жить и действовать в социуме с учетом позиций и интересов других людей и своих собственных позиций и интересов.

Социально компетентный человек ориентируется в политической, экономической, правовой, культурной и других ключевых областях жизнедеятельности, обладает личной ответственность за собственное благополучие и благополучие общества, гармонично сочетает духовные и материальные потребности, добивается успеха в образовательной и профессиональной деятельности, легко адаптируется в новой социально-культурной

ситуации, способен к эффективному общению и сотрудничеству, умеет решать возникающие жизненные и профессиональные проблемы и т. п.

Однако данные педагогических, психологических и социологических исследований (И. Васенина, С. В. Дмитриченкова, Н. М. Кординцева, С. Н. Краснокутская, Е. Омельченко, О. Понукалина, Е. Пьянкова, О. Рагимова, О. Саускене, И. Соколов, А. В. Шаламова и др.), проводимых в различных регионах страны, и нашего собственного исследования свидетельствуют о недостаточном уровне сформированности социальной компетентности у многих студентов и выпускников высших учебных заведений. Следовательно, необходимы дополнительные усилия со стороны системы высшего образования, чтобы преодолеть имеющееся отставание.

Основная идея стратегии педагогического сопровождения формирования социальной компетентности заключается в том, чтобы педагогическими средствами способствовать студенту в формировании социальной компетентности, сохраняя при этом его субъектность.

Главной целью педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студента является создание условий, способствующих формированию социальной компетентности студента.

Стратегические задачи, решение которых обеспечивает достижение главной цели, включают:

- подготовку преподавателя к педагогическому сопровождению формирования социальной компетентности;
- мотивирование студента к формированию социальной компетентности;
- отбор содержания образования, обеспечивающего формирование социальной компетентности;
- отбор технологий, методов и средств обучения, гарантирующих формирование социальной компетентности;

- создание авторских методов/технологий формирования социальной компетентности;

- разработку программы сотрудничества с лицами и институтами, задействованными в педагогическом сопровождении формирования социальной компетентности;

- разработку дерева целей стратегии и тактики педагогического сопровождения формирования социальной компетентности.

Педагогическое сопровождение формирования социальной компетентности базируется на **принципах** непрерывности, интеграции, дифференциации и индивидуализации, опоры на субъектность студента, инициативности и активности, открытости, реалистичности.

Основные направления, по которым осуществляется педагогическое сопровождение, включают:

- формирование компетентности в общении;
- формирование гражданской компетентности;
- формирование культурно-досуговой компетентности;
- формирование социально-личностной компетентности.

Субъектами, обеспечивающими реализацию стратегии педагогического сопровождения формирования социальной компетентности, являются:

- преподаватели общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин, общепрофессиональных дисциплин, дисциплин предметной подготовки;
- студенты высшего учебного заведения;
- органы студенческого самоуправления;
- кураторы групп;
- службы, отвечающие за культурно-досуговую деятельность студентов, творческие и спортивные объединения вуза;
- психологическая служба вуза;

- общественно-политические организации и культурно-досуговые учреждения города.

Стратегия педагогического сопровождения формирования социальной компетентности студентов реализуется в несколько **этапов**:

1) подготовительный этап, на котором осуществляется диагностика готовности преподавателей к педагогическому сопровождению формирования социальной компетентности студентов и диагностика готовности студентов к формированию своей социальной компетентности; выявляются имеющиеся в вузе ресурсы, необходимые для обеспечения реализации стратегии: организационные (среда, организационные формы обучения и воспитания в вузе), технологические (технологии учебно-воспитательного процесса); материальные и др.; разрабатываются измерительные материалы;

2) основной этап, во время которого идет создание условий для формирования социальной компетентности студентов; происходит постоянный мониторинг изменения уровня сформированности социальной компетентности; осуществляется анализ и оценка эффективности решения поставленных целей и задач; при необходимости вносятся коррективы и изменения в действия сопровождающих и т. д.

3) заключительный этап, когда определяются и оцениваются достигнутые результаты.

Результатом педагогического сопровождения формирования социальной компетентности является обладание студентом социальной компетентностью на уровне выше исходного, выявленного на начало реализации стратегии.

Контроль формирования социальной компетентности осуществляется постоянным мониторингом деятельности студентов по формированию социальной компетентности, оцениванием промежуточных и конечных результатов при помощи анкетирования, те-

стирования, собеседований, интервью-гайд, наблюдения, анализа видео- и аудиозаписей, самооценки и взаимооценки студентов, оценки экспертов.

Разработанная нами стратегия педагогического сопровождения формирования

социальной компетентности студентов была успешно реализована в ходе экспериментальной работы в Кемеровском государственном университете и Кемеровском технологическом институте пищевой промышленности.

Литература

1. Аванесов В. С. Стратегия развития образования в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=581984> (дата обращения: 29.09.2011).
2. Бондаревская Е. В., Кульневич С. В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания. – Ростов н/Д: Учитель, 1999. – 560 с.
3. Зимняя И. А. Стратегический подход к воспитанию, характеристика и компонентный состав общей стратегии воспитания // Общая стратегия воспитания в образовательной системе России. – М., 2001. – Т. 2. – С. 17–21.
4. Зимняя И. А. Характеристика и компонентный состав общей стратегии воспитания // Классный руководитель. – 2002. – № 5. – С. 70–78.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.
6. Плаксий С. И. Стратегия развития российских вузов // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 4. – С. 15–22.
7. Постников П. Г. Научно-методическое обеспечение образовательных стратегий и тактик // Педагогика. – 2005. – № 8. – С. 38–44.
8. Словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1983. – 608 с.
9. Соловьева Н. Педагогическая тактика организации жизнедеятельностного пространства // Высшее образование в России. – 2007. – № 9. – С. 115–120.
10. Тюмасева З. И., Богданов Е. Н., Щербак Н. П. Словарь-справочник современного общего образования. – СПб.: Питер, 2004. – 464 с.
11. Шушерина О. И. Стратегический подход к профессионально-культурному становлению студента вуза // Инновации в образовании. – 2005. – № 4. – С. 75–83.

УДК 37.048.45

Е. В. Филатова

ОРГАНИЗАЦИЯ НАСТАВНИЧЕСТВА КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье исследуется социальное партнерство и анализируются особенности наставничества на современном этапе. Характеризуется деятельность по подготовке наставников. Раскрываются возможности наставничества для реализации профессиональной подготовки студентов, определены функции деятельности наставников.

Ключевые слова: социальное партнерство, профессиональное образование, наставничество.

THE ORGANIZATION OF PRECEPTORSHIP AS A FORM OF SOCIAL PARTNERSHIP IN THE FIELD OF VOCATIONAL TRAINING

In the paper the social partnership is defined and the special features of contemporary preceptorship are examined. The activity on use of preceptorship is specified. The possibility of preceptorship for realization of the students vocational training is argued; the functions of the preceptorship are defined.

Keywords: social partnership, vocational training, preceptorship.

Практическую подготовку выпускника вуза, его готовность к выполнению профессиональных функций оценивают, в первую очередь, работодатели, которые являются конечным потребителем продукта сферы профессионального образования. Именно поэтому одним из ведущих направлений в подготовке будущих специалистов, повышении их конкурентоспособности на рынке труда, является создание системы взаимодействия с работодателями.

В соответствии с документом «Стратегия 2020»: от экономики «директив» к экономике «стимулов», решением обозначенных проблем является развитие сотрудничества работодателей и образовательных учреждений. Реальных изменений в системе профессионального образования можно достичь лишь в том случае, если работодатели будут не только заказчиками, формирующими те или иные запросы, но и активными участниками процессов развития сферы образования. Налаживание процесса взаимодействия с системой профессионального образования является крайне важным, т. к. некоторые работодатели отмечают, что уже сейчас испытывают «кадровый голод» [8]. Проект «Современная модель образования, ориентированная на решение задач инновационного развития экономики» [7] предусматривает меры по совершенствованию подготовки специалистов, среди которых расширение участия работодателей на всех этапах образовательного процесса.

В научной литературе и на практике социальное партнерство характеризуется неоднозначно. Одни понимают его как конкретный тип социально-трудовых отношений между органами государственной власти, работодателем и трудовым коллективом. Другие – в более широком смысле – как специфический вид общественных отношений между профессиональными, социальными группами, слоями, классами, их общественными объединениями, органами власти и бизнесом. Третьи – как мировоззренческую основу согласования и защиты интересов различных социальных групп, слоев, классов, их общественных объединений, бизнеса и органов власти.

В международной практике понятие социального партнерства в области профессионального образования уже сформировалось и понимается как взаимодействие с субъектами экономической жизни и сферы труда в целях повышения эффективности профессионального образования и удовлетворения спроса на умения и компетенции рабочей силы на рынке труда [5].

Обобщив подходы к определению социального партнерства, мы можем говорить о том, что это особый тип отношений между профессиональными группами, основанный на принципе равноправного сотрудничества партнеров, что обеспечивает оптимальный баланс и реализацию их основных интересов в области решения значимых социальных проблем, повышение эффективности про-

фессионального образования и удовлетворение спроса на умения и компетенции рабочей силы на рынке труда.

Проведенное нами предварительное исследование ситуации на рынке труда и на рынке образовательных услуг позволило нам выделить группу противоречий, обуславливающих актуальность проблемы и требующих разрешения:

- между высокими требованиями работодателей к профессиональным знаниям и умениям молодых специалистов и недостаточной готовностью выпускников вуза к практической профессиональной деятельности;

- между необходимостью приобретения студентами профессионально необходимых умений и сложностями организации практики в связи с изменениями системы отношений «вуз-предприятие» на фоне новых экономических условий;

- между осознанием педагогами и работодателями необходимости сотрудничества и совершенствования процесса профессиональной подготовки студентов и недостаточной разработанностью содержания, организационных форм, методов, научно обоснованных рекомендаций по организации данного процесса в учреждениях профессионального образования.

Методологической основой исследования послужило положение о единстве сознания и деятельности, где индивидуальная профессиональная траектория выстраивается под воздействием на него экономических, социальных и педагогических факторов – трудового коллектива предприятия и педагогических коллективов образовательных учреждений.

С целью совершенствования профессиональной подготовки студентов вуза и закрепления их на производстве, мы предлагаем возродить «наставничество» в том варианте, который существовал прежде и проследить трансформацию функций «наставничества» в связи с изменившимися условиями.

Понятие «наставничество» продолжает оставаться довольно сложной и неоднозначной категорией, имеющей к тому же и множественную интерпретацию. Существуют разные подходы к организации, формулировке и оценке форм и методов работы наставников. В психолого-педагогических исследованиях наставничество объясняется через поддержку, сопровождение и помощь.

Изучение литературы позволяет нам рассматривать наставничество как средство усиления профорientационной работы [1], как особую форму деятельности преподавателя, направленную на взаимодействие по оказанию помощи студенту в процессе его личностного роста, выборе способов поведения, принятии решений [2]. Исследователи делают акцент на необходимости создания социально-педагогических условий для успешного обучения и личностного развития [4]. Авторы особо выделяют роль помогающего преподавателя в процессе социальной адаптации, а необходимым компонентом считают взаимосвязанную деятельность специалистов на основе интеграции воспитательного потенциала вуза и социальной среды [6].

Теоретический анализ проблемы, экспериментальные исследования и обобщение зарубежного опыта показали, что организацию наставничества следует рассматривать в трех аспектах:

- как одно из направлений педагогической науки, изучающей закономерности развития и формирования личности профессионала с целью разработки этапов, содержания, форм и методов сопровождения профессионального образования (научный аспект);
- как методическое обеспечение всего процесса профессионального обучения, включая составление учебных программ, разработку дидактических материалов, профессиональную подготовку наставников и педагогов и пр. (прикладной аспект);
- как непосредственную профессиональную деятельность наставников и преподава-

телей профессиональных образовательных учреждений (практический аспект).

Каждый из предложенных аспектов имеет свои задачи, решение которых требует от исполнителей определенной профессиональной подготовки.

Научный аспект предполагает теоретическое обоснование и разработку методов реализации наставничества. Отличие этих исследований от академических заключается в том, что они не только выявляют те или иные закономерности и тем самым обогащают научные знания, но и определяют педагогические условия реализации закономерностей в контексте формирования личности профессионала.

Прикладной аспект предполагает использование педагогических и методических знаний педагогами, которые используют и ассимилируют новейшие научные данные при составлении и реализации программ воспитания и пр.

Практический аспект обеспечивается самими наставниками, задача которых профессионально грамотно использовать все то, чем на сегодняшний день располагает педагогическая наука. Успешность их деятельности зависит от их уровня профессионализма.

Развитие прикладного и практического аспектов предполагает опору на научный аспект, являющегося теоретической базой, с помощью которой **определяются цели, этапы и содержание организации и реализации наставничества.**

Анализ теории и практики организации наставничества позволил нам выявить проблемы, которые необходимо учитывать при организации этого процесса: научно-методические, организационные, дидактические.

К научно-методическим проблемам мы отнесли:

- разработку содержания, форм и методов организации процесса обучения с целью формирования профессионально-компетентного специалиста;

- моделирование условий и ситуаций, в которых развиваются и проверяются профессионально важные качества студента.

Организационные проблемы включают:

- построение процесса наставничества на принципах индивидуализации и дифференциации, творчества;

- создание практикоориентированной среды на основе социального партнерства вуза с потенциальными работодателями.

К дидактическим проблемам относятся:

- наличие, постоянное развитие и пополнение материально-технической и научно-методической базы для проведения учебных занятий и самостоятельной работы студентов;

- внедрение учебных планов и программ, обеспечивающих подготовленность студентов к профессиональной деятельности.

Одним из ведущих направлений в подготовке будущих специалистов, повышении их конкурентоспособности на рынке труда, является создание системы взаимодействия с работодателями. Ведь именно качество подготовки специалиста, практическую подготовку выпускника вуза, его готовность к выполнению профессиональных функций оценивают, в первую очередь, работодатели.

Исходя из этого, цели и задачи профессионального образования диктуют необходимость максимального приближения содержания, условий и способов деятельности студентов к той профессиональной деятельности, к которой их готовят.

В учебном процессе, в зависимости от меняющегося социального заказа и требований работодателей, должны быть отражены соответствующие изменения содержания профессионального образования, что возможно лишь при тесном сотрудничестве учебного заведения с предприятиями, учреждениями – работодателями.

Решением данной проблемы является организация наставничества, что возможно лишь при взаимодействии баз практики, предприятий с учебными заведениями. Имен-

но взаимодействие между образовательным учреждением и предприятиями способствует практической подготовке специалистов.

Организация наставничества предполагает решение следующих вопросов:

- профессионального обучения, определения содержания профессионального – образования и повышения качества учебных планов и программ;
- определения условий и целей разработки профессиональных квалификаций и базовых профессиональных умений;
- подготовки специалистов, работающих в учреждениях (подготовка наставников);
- организации и осуществлении производственного обучения;
- организации обучения на рабочем месте;
- разработка и реализация совместных проектов в интересах регионального развития (тестирование новых технологий, оборудования, материалов и т. д., обучение студентов работе на новом оборудовании, с использованием новых технологий и материалов и распространение наработок в регионе).

Ключевая роль в развитии наставничества в сфере профессионального образования принадлежит работодателям и их организациям, которые решают следующие задачи:

1. Прогноз потребностей рынка труда и обеспечение раннего трудоустройства выпускников.
2. Совместная разработка содержания, информационно-методического обеспечения и дополнительных образовательных программ.
3. Совместная разработка квалификационных (профессиональных) требований к специалистам, профессиональных стандартов, а также стандартов профессионального образования.
4. Ресурсная поддержка ознакомительной, учебной и производственной практик студентов.

5. Оценка качества образовательных программ и качества подготовки выпускников.

6. Привлечение студентов к исследовательской деятельности.

Мы выделили следующие функции педагога-наставника:

1. Педагог-наставник не только учит, но и организует, координирует учебу (прохождение практики) своих подопечных – организаторская.

2. Наблюдает за студентом и помогает ему в работе и профессиональном развитии – мобилизационно-побудительная.

3. Педагог-наставник взаимодействует с другими специалистами учреждения в случае, если необходимо их привлечение при выполнении заданий, если процесс оказания помощи клиенту связан с деятельностью других сотрудников, не способен найти выход из создавшейся ситуации – профессионально-адаптивная.

4. Оценивает компетентность студента (оценивает прохождение практики, насколько правильно студент выполнял предложенные задания). Пишет характеристику на студента (заключение о прохождении практики студентом) – контрольно-оценочная.

Педагоги-наставники в своей работе могут использовать три формы обучения студентов:

1. Простое копирование – на начальном этапе практики, когда студенты наблюдают за работой своего наставника; затем им даются несложные задания, при выполнении которых они следуют увиденному образцу.

2. Совместное наблюдение за производственным процессом. Результаты наблюдения анализируются и обобщаются вместе со студентом.

3. Совместное выполнение заданий, ранее разработанных совместно с преподавателями вуза.

Педагоги-наставники помогают студентам, во-первых, оттачивать знания, полученные в вузе, во-вторых, педагоги-наставники могут помочь выработать важные профес-

сиональные умения и навыки, профессиональные важные качества.

От профессиональной компетентности педагога-наставника зависит успех практики в целом, и степень удовлетворенности студентов от прохождения практики. Поэтому подбор и обучение квалифицированных педагогов-наставников – важная задача для вуза, стремящегося к обеспечению высокого качества профессиональной подготовки будущих специалистов. Обучение педагогов-наставников должно быть организовано таким образом, чтобы обеспечить овладение конкретными приемами решения конкретных проблем, возникающих в работе со студентами. Наша задача, в связи с этим – подготовка специалистов, в обязанности которых входит руководство прохождением практики студентов. Цель программ обучения состоит в том, чтобы подготовить грамотных наставников, которые могут впоследствии использовать свои знания в деятельности по руководству практикой студентов.

Основные вопросы, на которые мы обращаем внимание при подготовке педагогов-наставников:

1. Методическое обеспечение педагогов-наставников, т. е. предоставление программы

практики, разработанные задания для студентов в зависимости от курса.

2. Форма работы со студентами (обучения).

3. Выработка (определение) критериев оценивания практики студентов.

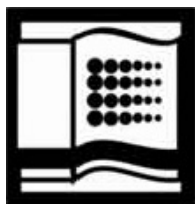
Подготовка наставников – это особый тип отношений между профессиональными группами, основанные на принципе равноправного сотрудничества субъектов воспитательно-образовательного процесса, что обеспечивает оптимальный баланс и реализацию их основных интересов в области решения значимых образовательных проблем.

В связи с вышеизложенным мы считаем, что реализация и организация наставничества – это комплекс педагогических воздействий, который может рассматриваться как педагогическая система со своими структурными компонентами.

В новых условиях проблема «наставничества» не утрачивает своей остроты, в ней открываются новые грани, связанные с особенностями развития личности в условиях существенного изменения во всех сферах социальной и духовной жизнедеятельности общества: появление безработицы, сложности трудоустройства и оплаты труда, расслоение общества по материальному признаку.

Литература

1. Алексеев В. Е., Гаджиева Н. М., Минич А. М. Наставничество и педагогика. – Ташкент: Уктувчи, 1978. – 44 с.
2. Малкин И. И. Психолого-педагогические основы наставничества: учеб. пособие. – Казань: Казан. гос. пед. ин-т. 1978. – 682 с.
3. Михеев В. А., Михеев А. В. Социальное партнерство как механизм устойчивого социально-экономического развития // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 5. – С. 194–206.
4. Объединение сферы труда и сферы профессионального образования // Образование. Карьера. Общество. – 2004. – № 2(4). – С. 5–9.
5. Олейникова О. Н. Социальное партнерство в профессиональном образовании. – М., 2005. – С. 82.
6. Педагогические основы наставничества / под ред. С. Я. Батышева, М. И. Махмутова. – М.: АПН ССР, 1977. – 400 с.
7. Современная модель образования, ориентированная на решение задач инновационного развития экономики // Вестник образования России. – 2008. – № 14. – С. 28–80.
8. Стратегия 2020: от экономики «директив» к экономике «стимулов»: ежегодный экономический доклад общероссийской общественной организации «Деловая Россия». – М., 2008.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ DOCUMENTARY INFORMATION

УДК 004

Л. В. Астахова

БИБЛИОТЕКА КАК СУБЪЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

В статье обоснованы функциональные возможности современной библиотеки как субъекта разработки стратегии и процесса обеспечения информационно-психологической безопасности читателей, поставлена проблема подготовки современных информационно-библиотечных специалистов к этому виду деятельности.

Ключевые слова: библиотека, угрозы, негативные информационно-психологические воздействия, информационно-психологическая безопасность, библиотечно-информационный специалист.

L. V. Astakhova

LIBRARY AS A SUBJECT OF PROVIDING THE INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SAFETY FOR REGION POPULATION

The article defines the functionality of a modern library as a subject of developing the strategy and process for information-psychological security of readers; it raises the problem of training the modern information and library professionals to this activity.

Keywords: library, threats, negative information and psychological impact of information-psychological security, library information specialist.

Актуальной проблемой национальной безопасности России и ее регионов является соблюдение конституционных прав граждан в области информации. Наиболее уязвима в этом отношении информационно-психологическая сфера жизни человека, а значит – информационно-психологическая безопасность населения любого региона.

Мы определяем понятие информационно-психологической безопасности (ИПБ) как состояние защищенности отдельных лиц и (или) групп лиц от негативных информационно-психологических воздействий (НИПВ) и связанных с этим иных жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной сфере. Негативные ин-

формационно-психологические воздействия, манипулятивные воздействия, которые могут осуществляться государством (в том числе иностранным), органами власти и управления и другими государственными структурами; различными общественными, экономическими, политическими организациями, в том числе зарубежными; различными социальными группами и отдельными личностями при помощи знаково-символических и образных средств, соответствующих основным модальностям органов чувств и ощущений человека, через средства массовой информации, литературу, искусство, образование, воспитание, личное общение, применение которых приводит к искажению информационно-ориентировочной основы жизнедеятельности, снижению психологического потенциала личности и другим негативным последствиям [2].

Учитывая актуальность проблемы, мы поставили цель теоретически обосновать и опытно-поисковым путем проверить модель деятельности по обеспечению информационно-психологической безопасности населения г. Челябинска [3]. Считаем методологической основой моделирования этой деятельности методологию стратегического планирования.

Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 536 утверждены «Основы стратегического планирования в Российской Федерации» – система концептуальных положений по вопросам разработки (уточнения) основных направлений внешней и внутренней политики государства. Под стратегическим планированием понимается определение основных направлений, способов и средств достижения стратегических целей устойчивого развития Российской Федерации и обеспечения национальной

безопасности. Согласно документу, стратегическое планирование осуществляется путем разработки концепций, доктрин, стратегий, программ, проектов (планов) устойчивого развития Российской Федерации с учетом задач обеспечения национальной безопасности. При этом «Основы» являются ключевым методологическим документом для организации работы не только федеральных органов исполнительной власти, но и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по реализации стратегических национальных приоритетов на федеральном, региональном и отраслевом уровне.

Переоценить значение этого документа невозможно, поскольку в России издавна доминируют ведомственные подходы, раздробленность всегда мешает двигаться вперед. Поэтому создание подобной целостной системы стратегического планирования призвано способствовать тесной координации между федеральным центром, между субъектами Российской Федерации, регионами, муниципалитетами и гражданским обществом в целом. Очевидно, что стратегическое планирование деятельности по обеспечению информационно-психологической безопасности населения региона будет также способствовать консолидации усилий субъектов различных уровней, а в конечном итоге – достижению значимых результатов.

Координация стратегического планирования деятельности и самой деятельности по обеспечению информационно-психологической безопасности населения субъекта Российской Федерации должна осуществляться Советом Безопасности этого субъекта. К числу субъектов стратегического планирования могут быть отнесены:

- Правительство субъекта Российской Федерации, которое осуществляет стратеги-

ческое планирование путем рассмотрения вопросов устойчивого развития этого субъекта на заседаниях Правительства, а также через работу государственных, правительственных и межведомственных комиссий, создаваемых для координации разработки и реализации внешней и внутренней политики субъекта.

- Антитеррористические комиссии и иные межведомственные органы.

- Общественная палата субъекта Российской Федерации и иные совещательные и консультативные органы, создаваемые для обеспечения конституционных полномочий Президента Российской Федерации, которые в рамках стратегического планирования реализуют функции по обеспечению общественно значимых прав граждан, общественных объединений и органов государственной власти.

- Научно-образовательное сообщество, которое интегрирует и реализует интеллектуальный потенциал общества для теоретического и эмпирического исследования проблем ИПБ, а также реализует образовательную функцию.

- Предпринимательское сообщество, которое участвует в стратегическом планировании с использованием информационно-аналитических и организационных ресурсов Торгово-промышленной палаты субъекта Российской Федерации и предпринимательских (в том числе отраслевых) объединений.

- Библиотека как духовно-производственный институт общества, который играет специфическую роль в деле обеспечения ИПБ читателей в ходе их взаимодействия с информационной сферой.

Рассмотрим общие и специфические требования к библиотеке как субъекту деятельности по обеспечению информационно-психологической безопасности населения региона.

Общие требования. Во-первых, как и другие субъекты деятельности по обеспечению информационно-психологической безопасности населения региона, библиотечно-информационный специалист должен владеть методологией этой деятельности. Методологической основой содержания обоснованной Стратегии обеспечения информационно-психологической безопасности населения региона должны стать: методология защищенного информационного развития, деятельностного и герменевтического подходов. Деятельностный подход позволяет рассматривать деятельность по обеспечению ИПБ как многомерный динамический процесс и выделить ее основные компоненты, цель, субъект, объект, процессы, средства, методы и результат. Сочетание герменевтического подхода с методологией защищенного информационного развития, соединяющей в себе единство двух методологий – методологии защищенности (основанной на борьбе с опасностями, угрозами) и методологии развития (базирующейся на развитии собственных внутренних сил) – задает вектор при рассмотрении компонентов деятельности по обеспечению ИПБ, сказывается на целеполагании, способствует обоснованию форм, методов и содержательных аспектов стратегии обеспечения ИПБ.

Во-вторых, библиотека, наряду с другими субъектами, на основе предложенной методологии должна быть способна осуществлять два направления деятельности по обеспечению информационно-психологической безопасности населения: целью первого является выявление и устранение угроз информационно-психологической безопасности, целью второго – развитие собственных информационных ресурсов. Важным моментом здесь выступает адекватность

определения угроз, а также тех ресурсов, которые необходимы для обеспечения информационно-психологической защищенности населения. Это возможно только на основе использования субъектом обеспечения ИПБ герменевтической методологии при постановке цели и определении стратегии и тактики ее реализации.

Н. Н. Рыбалкин в своей концепции природы безопасности, подчеркивает: «Система обеспечения безопасности формируется не непосредственно, исходя из природы объекта, а опосредованно – через представления людей, которые, в свою очередь, формируются, в том числе и с учетом объективной реальности» [4]. По его мнению, понимание природных процессов и на этой основе характера их отражения в человеческих представлениях позволяет построить такую систему обеспечения безопасности Российской Федерации, которая базировалась бы не на субъективных желаниях, интересах и ценностях, а на объективной логике социального развития [4]. По нашему мнению, герменевтически ориентированный тип деятельности по обеспечению ИБ имеет в себе элемент саморегуляции, связанный с духовной природой человека, проявляющийся через пристальный взгляд субъекта обеспечения ИБ на окружающих и самого себя. Именно поэтому необходимо «понимающее» управление информационно-психологической безопасностью граждан – не простое отражение того, что есть, а углубленность в бытие управляемой системы, осмысление этого бытия. Известен конструктивный характер понимания. «Всматриваться», «вслушиваться» и «вчувствоваться» в окружающие управляемый объект явления, в информацию об этом объекте – эти герменевтические процедуры отражают принципы гуманизма, которые, несомненно, должны

быть основополагающими при определении целей и задач деятельности по обеспечению ИПБ населения и управления ею [1].

В-третьих, библиотека, как и все субъекты деятельности по информационно-психологической безопасности населения региона, должны быть объединены в стабильно функционирующую систему, все структурные элементы которой интегрированы в различные сферы жизнедеятельности. Включенность информации и информационных ресурсов библиотеки во все сферы общественной жизни создает благоприятные предпосылки для такой интеграции.

В-четвертых, библиотечно-информационный специалист, как и каждый субъект обеспечения ИПБ, должен владеть технологиями понимания специфического языка угроз информационно-психологической безопасности. При этом понимание должно трактоваться в единстве его познавательной и оценочной функций. Библиотечному специалисту в новых информационных условиях необходимо в совершенстве владеть лингвистическими, понимающими и интерпретационными, семиотическими, историческими и прочими методами, применяющимися при исследовании информации об объектах ИПБ.

Специфические требования. Следует сказать, что попытки осмысления роли библиотеки в обеспечении ИПБ предпринимались в современной библиотечно-библиографической науке. Так, О. Л. Юшина в своем исследовании обосновывает стратегию и тактику обеспечения информационно-психологической безопасности читателей в условиях публичных библиотек, а также разрабатывает модель деятельности публичной библиотеки по обеспечению информационно-психологической безопасности читателей, в рамках реализации которой разрабаты-

вает программу практических занятий по проблеме информационно-психологической безопасности [5]. Автор определяет информационно-психологическую безопасность читателей как состояние защищенности читателей от угроз, возникающих в ходе их взаимодействия с информационной сферой и препятствующих реализации их жизненно важных интересов. Пытаясь выяснить особенности деятельности библиотеки по решению этой актуальной проблемы, ученый приходит к выводу, что «обеспечение информационно-психологической безопасности читателей – это система мер, адекватная угрозам, возникающим в ходе взаимодействия читателей с информационной сферой; она реализуется публичной библиотекой для предотвращения и нейтрализации данных угроз с целью защиты интересов читателей и, тем самым, способствует оптимальному взаимодействию читателей с информационной сферой» [5]. Отмечая явную инновационность названного исследования, с сожалением, следует констатировать, что уточненные определения понятий, сформулированные О. Л. Юшиной, не отражают специфики отношений библиотечного специалиста, пользователя и негативных информационных воздействий в процессе их взаимодействия.

Полагаем, что первой особенностью библиотеки как субъекта обеспечения ИПБ читателя является дуализм ее управленческой функциональной роли в названном процессе. С одной стороны, библиотечный специалист может сам выступать субъектом негативного воздействия на дезориентированного в информационном хаосе читателя посредством негативных (неадекватных, ложных) интерпретаций документной информации. С другой стороны, он способен выступить субъектом позитивного воздействия на чи-

тателя посредством адекватных (соответствующих реальности) интерпретаций информации.

Очевидно, что реализация обоих проявлений управленческой функции библиотечного специалиста и библиотеки в целом требует не просто знания технологий обеспечения ИПБ, а высокой культуры ИПБ, к которой мы относим интегративное свойство личности, определяющее такой способ организации человеческой жизнедеятельности в информационной среде, при котором человек способен: 1) безопасно преобразовывать информационную среду, не оказывая негативных информационных воздействий на других субъектов; 2) защитить себя от негативных информационно-психологических воздействий.

Однако роль библиотеки как субъекта обеспечения ИПБ не ограничивается управленческой функцией. Второй особенностью библиотеки как субъекта обеспечения ИПБ читателя является ее образовательно-просветительская функциональная роль в названном процессе. Генетическая образовательная функция, которую во все времена выполняет библиотека, обуславливает вывод о том, что она способна выполнять эту функцию и в отношении ИПБ. Способность к ретрансляции знаний о видах и формах негативных информационных воздействий и технологиях защиты от них, а также о технологиях безопасного преобразования информационно-коммуникационной среды – это далеко не полный перечень аспектов образовательно-просветительского потенциала библиотеки.

Очевидно, что столь многообразный функциональный потенциал современной библиотеки в обеспечении ИПБ требует глубокого теоретического исследования проблемы

профессиональной подготовки библиотечных кадров к этой специфической деятельности, являющейся приметой современной библиотечно-информационной среды.

Таким образом, в условиях информационного общества актуализировалась проблема обеспечения информационно-психологической безопасности населения региона, что требует разработки официального стратегического документа, направленного на ее решение. Одним из ключевых субъектов разработки этого документа, а также самого процесса обеспечения информационно-

психологической безопасности населения является библиотека, способная реализовать специфические управленческие и образовательные функции в данной деятельности. Однако отсутствие системы подготовки библиотечно-информационных специалистов для названного вида деятельности не позволит библиотекам в ближайшем будущем реализовать эти функции. В условиях реформирования высшей школы решение обособленной проблемы представляется нам важной задачей библиотечно-информационного образования.

Литература

1. Астахова Л. В. Информационная безопасность: герменевтический подход: монография. – М.: РАН, 2010. – 185 с.
2. Астахова Л. В., Харлампьева Т. В. Критическое мышление как средство обеспечения информационно-психологической безопасности личности: монография / под науч. ред. Л. В. Астаховой. – М.: РАН, 2009. – 141 с.
3. Информационная безопасность региона: традиции и инновации: монография / под науч. ред. Л. В. Астаховой. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. – 269 с.
4. Рыбалкин Н. Н. Природа безопасности // Вестник Московского государственного университета. – Сер. 7, Философия. – 2003. – № 5. – С. 36–52.
5. Юшина О. Л. Публичная библиотека в обеспечении информационно-психологической безопасности читателей: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2005. – 24 с.

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 316.4

И. П. Басалаева

ФРОНТИР КАК *МЕСТО* В ПРОСТРАНСТВЕННОМ АНАЛИЗЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

В статье выявляются хронологические ресурсы понятия *фронтир* в статусе метода социально-философского анализа социальной динамики. Эксплицированы эпистемологические основания проектизма как базового типа отношения к ландшафту в западной цивилизации. Рассмотрены современная концептуализация понятия *Место* и значимость понимания фронта как *Места*.

Ключевые слова: фронтир, социальное пространство, социокультурная динамика, культурный ландшафт, пространственный анализ, метафизическая установка.

I. P. Basalaeva

FRONTIER AS *PLACE* IN SPATIAL ANALYSIS OF SOCIAL DYNAMICS

The article clears out the chorological resources of the notion of *frontier* in the status of the method of social-philosophic analysis in social dynamics. Epistemological bases of projectism as primary landscape relation type in western civilization are explicated. Modern conceptualization of the notion *Place* and the importance of understanding the frontier as *Place* have been analyzed.

Keywords: frontier, social space, socio-cultural dynamics, cultural landscape, spatial analysis, metaphysical mode.

С начала 1990-х гг. в мировой науке актуализировалась пространственная проблематика: уделяется особое внимание разработке понятия *социальное пространство*, происходит взаимопроникновение социологии и географии. Пространство стало едва ли не единственной мерой сведения социального действия к некоему культурному знаменателю. С другой стороны, в отечественных исследованиях локальной социокультурной

динамики существенную роль играет концепция фронта, импортированная в ходе трансформации отечественного гуманитарного знания, но при этом фронт как категория анализа остается частотным в работах, следующих традиционной историографической парадигме. Социально-философская тематизация понятия на сегодняшний день не произведена, что, на наш взгляд, существенно редуцирует методологические возмож-

ности фронтирной концепции в применении к пониманию специфики пространственно (ландшафтно, в теоретико-географической терминологии) детерминированного социального бытия. Задачей статьи является экспликация фронта в статусе хронологической категории социально-философского анализа.

Фронтир понимается нами как квази-граница, пространственно локализованный процесс перехода, ландшафтно детерминированный стереотип поведения, лиминальный символический хронотоп, доступный переживанию в особом социальном пространстве (культурном ландшафте), а исследованию – в виде символических рефлексий, седиментированных в различных семиотических системах. Пространство фронта в большей степени ментальное, нежели физическое, хотя мыслить фронт в подобной бинаристской логике затруднительно, ибо, с одной стороны, фронтирный паттерн ландшафтно определен, но, с другой стороны, он определен ландшафтом не природным (физическим), а культурным. Культурный ландшафт – проекция социальности.

Категория времени существенна для интерпретации фронта, как процесса социокультурной динамики, в качестве инструмента выявления пространственных закономерностей социальных систем, – в частности, устойчивости фронтирных зон в одних и тех же географических районах. Для понимания хронотопичности фронта важна идея о зонах как запечатленных в ландшафте исторических эпохах [5, с. 62–63]. Фронтирная история Алтае-Саян является именно такой пространственно-временной системой: двигаясь сегодня в южном и восточном направлениях от Новокузнецка, можно постепенно пересечь весь хроматизм исторически «пройденной» фронтирной зональности. Из районов нового индустриального освоения мы попадем в районы пушного и штрафного фронта и далее – в «архаические» ландшафты, доступные лишь традиционной хозяйственной

деятельности. Однако «нетронутыми» они не будут, ибо любой контакт человека с природой наполняет физико-географические районы социальными функциями. Таким образом, фронт – это перемещения групп, образующие пространственно-временные структуры («вещные» следы фронта, его пространственные реификации), а также эволюция этих структур.

Для фронтирных территорий характерно особое переживание социального времени, сопряженное с почти полной редукцией исторического прошлого. Это может сочетаться с гипертрофированной сосредоточенностью на будущем, что особенно характерно для прагматики и символики советского времени [4], а также – в более широкой компоновке – для проективизма [2, с. 51–53] как типа отношения к ландшафту. В горизонте выполненного М. Хайдеггером анализа структуры метафизической позиции, явленной в форме «четверицы» эпистемологически валентных установок понимания бытия, проективизм имеет прямое отношение к метафизическим основам Нового времени и неклассической эпохи. В новоевропейской философии Я есть то, что всегда заранее уже *пред-ставлено* и *установлено* как подлинно достоверное, самоочевидное, не вызывающее вопроса. Мир помысленный как мир представленный – к этому новоевропейская мысль была подготовлена Р. Декартом, *cogitare* которого в важных местах заменяется глаголом *percipere* (*per-capio*), что значит «схватить что-либо», овладеть какой-либо вещью способом поставления-перед-собой, «пред-ставления», установления мною в качестве «видимого» [см.: 8, с. 123]. Но всякое человеческое представление есть само-представление. Я здесь важно в качестве того, при чем, против чего и перед чем выставляется всякое представляемое. То есть представляющий человек тоже латентно «сопредставлен» как сущностно принадлежащий к конституции представления, и этот аспект конституирования глубоко

разработан в трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля. Для греков сущее в непосредственном мистическом слиянии с бытием было единым, цельность которого еще не нуждалась в рациональной реконструкции. Совсем иное, в отличие от греческого *внимания*, означает новоевропейское *представление*, смысл которого лучше всего выражен в слове *repraesentatio*. *Пред-ставит* означает тут поместить перед собой наличное как нечто *противо-стоящее*, определить его. Тем самым *противо-поставленное*, *пред-стоящее* становится *пред-метом*. Субъект – это нечто заранее *пред-лежащее* (*sub-iectum*) всему воспринимаемому (вторичному), ибо всякое внечеловеческое сущее *поставлено* перед субъектом и становится *объектом* для него.

После Декарта бытие было перетолковано в *пред-ставленность* представляющего субъекта (предметность) и организовано в видимость «действительности», которая настроена обходиться без раскрытия существа бытия. Так составила картина сущего, помысленного как противопоставленный предмет и суженного до «природы», понимаемой как картина мира, исполненная предметов. Но в этой картине человек и самого себя выводит на сцену, вводит себя в картину, им же созданную. Человек становится репрезентантом сущего в смысле предметного, а метафизика как наука о сущем превращается в антропологию. К XVIII в. **принципиальное** отношение человека к сущему в целом воспринимается как *repraesentatio* (представление) и окончательно формируется в виде *мировоззрения* (которое, по Хайдеггеру, суть метафизика в своей последней форме – антропологической), – само это слово впервые появляется в языке, свидетельствуя о том, как решительно мир стал картиной, а человек (субъект) поднял самого себя до командного положения всеобщей точки отсчета. Это обеспечило человеку особого рода движение посреди сущего

(рассчитывание, исследование, завоевание, покорение), в ходе которого предмет стал научно познаваемым (теоретически препарировемым). Бытием отныне считается только то, что таковым признало сознание, «само» же бытие остается неспрошенным и непродуманным *само-собой-разумеющимся*, мыслимым как предметная противопоставленность для устанавливающего представления. Человек распоряжается всем сущим как таковым, ибо, поставив себя в господствующее положение над всей Землей, он задает меру для существования всякого сущего, будучи тем сущим, на котором основывается все сущее. От этого оставался один шаг до грандиозных теоретических проектов XIX–XX вв., **предусматривавших «покорение»** природы (в разных ее модусах) как картины, конструкта опредмечивающего представления [8, с. 52]. Важное, на наш взгляд, замечание относительно глубинных оснований проектистских метафор покорения природы делает Е. Добренко в исследовании «политэкономии соцреализма». Эти метафоры суть не что иное как попытка рационализации насилия, в сфере социального действия продолженная работой механизмов дисциплинаризации масс. Советское общество 1930-х оказалось пропитанным практиками скрытого насилия, начиная с педагогических технологий и заканчивая политической борьбой, что позволяет говорить о *рутинизации террора* [1, с. 10] в советском типе социальности. Фронт в такой оптике предстает как фундаментальный механизм рутинизации насилия, понимаемого в социально-философском смысле.

К эпохе «восстания масс» человек уже не более чем материал, важнейшее сырье для технического производства. Бытие отныне понимается как поддающийся калькуляции запас всего имеющегося в наличии и редуцируется до устраиваемости (обеспеченности), а сущее лишается своей собственной сути, став «техникой»: здесь это означает не

обособленные области машинного производства и технического вооружения, а все области сущего («опредмеченная природа, устроенная культура, подстроенная политика, надстроенные идеалы...» и т. п. [8, с. 182]). Упорядоченное пользование сущим становится поводом и материалом для роста производства. Человек, как показал уже Ф. Ницше, становится безусловным господином над всякого рода перспективой, в которой мир формируется и овладевается. Существенно, что одновременно с этими процессами в пространство социальной рефлексии проникают идеи «давления границ», «невыносимой и удушающей тесноты пространства», обостряющие «борьбу за жизненное пространство» на границах [9, с. 230, 233–235], что имеет прямое отношение к фронтальной проблематике. В геополитике оформился даже концепт *Внутренняя Европа (Innereuropa)*, явно референтный гумбольдтианской категории *Внутренняя Азия*.

На пороге так называемой постсовременности, в эпоху заката проекта модерна, обрела популярность концепция «конца истории» – одно из референциальных отражений западного ощущения трансформации темпоритма и самой сути социального бытия. Время утратило прежний метанарративный (в терминологии Ф. Лиотара) смысл, что было напрямую связано с дискредитацией «навязчивых идей» XIX в. о социальном прогрессе (репрезентированных в оппозициях типа *развитие/остановка, кризис/цикл* и др.). *Пространственный поворот* социогуманитарного знания и поиск новых оснований комплексного социально-философского анализа современности констатировал М. Фуко в 1967 г., согласно которому современность должна интерпретироваться в качестве «эпохи пространства» уже по той причине, что время как историческая длительность схлопнулось до синхронности, в связи с чем «мир ощущает себя... не большой жизнью, которая развивается во времени, а се-

тью, которая связывает различные точки» [7, с. 171]. Неслучаен интерес современной мысли к феномену *time-space compression* [11, с. 491–494], проявившийся после довольно долгого периода «господства непространственного подхода, в котором теоретически допускалось, что схожее влияние в схожих местах могут оказывать схожие переменные» [3, с. 69].

Изменение социальной динамики постсовременных обществ в аспекте обусловленного глобализацией ускорения социального времени и фрагментации социального пространства изучается современной социально-философской мыслью, занятой деконструированием модели модерна как гомогенной тотальности и утверждением теории *множественных модерностей*. Социальное время дигитализируется, утрачивая собственную «физику», и индивидуализируется, нивелируя самое существенное в модернистском проекте – солидаристическое понимание исторического времени. Современные солидарности все реже выстраиваются в современном режиме хронологического движения («догнать», «развить») и все чаще – в пространственной логике вневременного взаимодействия культур («просто жить»). Это изменение коррелирует с институционализацией в категориальном аппарате пространственных исследований неклассических понятий *Место* и *поток*, сосредоточенных на различении глобальных и **локальных** измерений социальной реальности – локально реорганизованных.

Утверждается тенденция концептуализировать пространство в качестве *Места* телесного опыта (в отличие от *Места* созерцаемого, дискурсивно постигаемого наблюдателем, а не переживаемого повседневным актором) и в статусе события-пребывания. Вопреки позитивистски-обезличенной, картезианской в генезисе трактовке пространства как «прозрачного» контейнера эмансипированных

социальных единиц и артефактов, *Место* (*place, locality*) понимается как насыщенная смыслами и символами локализация «археологии повседневности». Именно в этом авторы, работающие в поле современной *Human Geography*, видят принципиальное отличие собственной оптики от классической географии, ибо концепт *Место* составляет самую суть новой парадигмы: «Термин *Место* обычно отсылает к отдельному сегменту земной поверхности, уникализированному чувством принадлежности и укорененности, что делает его отличным от всякого другого места вокруг. А. Лефевр отмечал, что наиболее опасной из пространственных метафор является аналогия между ментальным пространством и чистым листом бумаги, на который психологические и социологические детерминанты наносят свои вариации и переменные [см.: 6, с. 181–182]. Такое понимание подменяет «подлинное», текучее, живое, многомерное, качественно нагруженное социальное пространство геометризованным – пустым, нейтральным, чистым, бескачественным, гомогенным.

В отечественном дискурсе понятие *Место* выступает маркером культурно-ландшафтного поля урбанистических исследований, отличных от сугубо дисциплинарных географических, экономических, политологических и иных. В 1990-е гг. популярным термином в работах по социопропространственной проблематике был *локал* (калька с английского *the locale*, введенного Э. Гидденсом и широко употребительного в среде крупнейших географов современности – Д. Харви, Б. Верлена, Н. Трифта и др.). *Локал* – это не географически понимаемое место, не местность, не ландшафт, не территория как таковая, а связь физического окружения с типичными в нем социальными взаимодействиями, смысловой комплекс (образец), определяющий область совершения действий соответственно определенным правилам, некое

«свое место» для всякого *у-местного* взаимодействия. Люди живут не в физическом пространстве, а в сети культурно конструируемых пространственных смыслов – локалов, пространственных кластеров, т. е. внутри системы связей, привычных, определяющих контуры реального мира. Будучи сконструированным комплексом смыслов, *локал*, имплицитно определяющий и нормирующий эту *у-местность*, диктует уместные ситуации и взаимодействия и является поэтому еще и точкой концентрации власти, обычно совершенно незаметной для подвластных. Размер локала широко варьируется; им может выступать дом, офис, фабрика, кладбище, город, курорт, империя – но каждый из этих локалов предстает как неделимое, элементарное единство, обладающее связностью, целостностью, непрерывностью, осмысленностью, – т. е. базовыми характеристиками *текста*. Отметим, что в отечественном теоретико-географическом дискурсе в практически идентичном смысле употребляется понятие *культурный ландшафт*, синоним *ландшафта* (ибо не все земное пространство может быть названо ландшафтом). *Места* в нем – уникальные топосы, насыщенные смысловыми различиями: полисемантические, полифункциональные, поликонтекстуальные. Тематизация *Места* манифестирует эмансипацию пространственной рефлексии от объятий категории *большого пространства*, восходящей к универсалистским схемам XVIII–XIX вв.

Итак, действия, взаимодействия, идеи, символы и иные социальные факты соотносены с конкретной территорией (воспринимаемой как неделимое единство) и образуют вместе с ней единый смысловой комплекс, переживаемый и потому эмоционально окрашенный. Это пространство «реальной жизни», или «внешнее» [7, с. 171, 173]. В своей онтологически первичной форме пространство вообще не определяется калькулируе-

мыми временем и протяженностью, но, как отмечает Э. Штрекер, «подлинно характеризуется тем, что оно и есть качество, полнота выражения» [цит. по: 6, с. 196]. Другими словами, пространство не *познается*, не *ощущается*, но *опознается* в дорефлексивной обращенности к миру. Такое переживание «настроенных» пространств с точки зрения буквального предметного понимания может казаться не существующим «в реальности», однако человек *живет* в них отнюдь не как в *просто-образах-пространства* [цит. по: 6, с. 197]. «Настроенное» пространство принципиально *атопично*: в нем нет измеримых расстояний, близкое близко не в смысле дистанции, а даль находится там, где меня больше нет (или еще нет) – и в этом видна пространственно-временная природа близи и дали, которую нельзя схватить без учета момента времени. Пространство переживания («пространство действия», в отличие от «пространства созерцания») – это экстатическое временное целое, вне дифференциации модусов времени [6, с. 198]. Данное положение феноменологии перешло в современную социальную географию, исходящую из тезиса, что *Место* характеризуется безостановочным течением человеческой практики (и ее переживания в опыте) во времени и пространстве. *Чувство Места* (*sense of place*) рассматривается как важный компонент структуры *Места* и означает «все субъективные значения, выполняющие функцию связи с местоположением в физическом ландшафте и характеризующие именно это местоположение» [10, с. 356]. Многие такие значения могут быть личными и возникать в поле индивидуальной биографии, эмоционально синкретичными (и потому составляющими трудность для описания); в этом отношении *Место* – конститутивный элемент становления индивидуального сознания, в свою очередь конституирующего это *Место*.

В современном культурологически ориентированном городоведении под *Местом*

понимается «движущая сила в производстве и воспроизводстве культуры, языка и обычаев. Оно служит основой идентичности, поставляя символы и мифы для коллективных представлений и солидарности» [3, с. 67]. *Место* является смысловой рамкой жизненного мира конкретного сообщества, а сегодня, структурируя восприятие через локальную систему ценностей и культурных допущений, еще и важнейшей основой политической мобилизации. *Место* прямо конституирует чувство идентичности, будучи системой коммуникации, которая воспроизводит смыслы и распространяет их, формируя местную солидарность. Последняя, в свою очередь, контролирует физическое пространство. *Место* – плотная констелляция реификаций, «держущая» пространство.

Смыслообразующий компонент региональной идентичности – *образ Места*. Это величина конструируемая и потому исторически изменчивая, но *детерминированная* константными паттернами *Места*. Культурно-символический образ города как *Места* может трактоваться в виде системы рационализированных и полусознательных смыслов локального культурного ландшафта, связывающей с городом живущих в нем людей и презентующей город вовне (в этом смысле у образа *Места* имеются две валентности – «для своих» и «для чужих»). Важно, что именно *образ Места* является коллективным референтом базовых значений *Места*, в отличие от индивидуализированного по преимуществу *чувства Места*; он является синтезом различных «*чувств Места*» [10, с. 356], телесно переживаемых, и основанием групповой (территориальной) солидарности. Образ *Места* выполняет поэтому нормативную функцию легитимации и трансляции преданных практик обращения с *Местом*.

В аспекте связи с идентичностью проблематика *Места* приобретает особую важность для осмысления опыта фронтирных регионов

и проектирования их развития. Известно, что особенно рельефно и драматично процессы современной переходной эпохи протекают в индустриальных и промышленно ориентированных городах Сибири – макрорегиона с выраженной ресурсной и колониальной спецификой, усугубленной штрафным опытом. Его фронтное наследие, на фоне начавшегося вхождения социальной жизни в активную фазу конституирования городского образа жизни, делает неизбежным поиск новых опор регионального развития Кузбасса. В этой связи актуальная проблема отечественного регионального менеджмента – выявление специфики региона как действительного основания территориальной идентичности, репрезентированной в образе *Места*. Установление глубинных факторов, детерминирующих региональное развитие, позволит по-новому понять социальные трансформации эпохи перехода и выстроить стратегии управления ими (насколько тако-

вая задача соотносится с инерционностью социального, не подлежащего полной рационализации). В постиндустриальных обществах исследование культурно-символических оснований территориальных целостностей становится методом социального проектирования, не уступающим по значимости политическому и экономическому инструментарию.

Фронт, рассматриваемый в ракурсе властных технологий конструирования социального пространства, коррелирует с хайдеггеровским концептом *постав*, означающим стратегию технического распоряжения миром, хотя далеко не исчерпывается им. Феноменологически фундированная фронтальная аналитика, поднятая этим до уровня философского «осмысления существа сущего» [8, с. 41], могла бы обрести статус *региональной метафизики*, в терминах М. Хайдеггера, и стать адекватным и необходимым методологическим базисом современной региональной аналитики.

Литература

1. Добренко Е. Политэкономика соцреализма. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.
2. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
3. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. – 2003. – № 6(40). – С. 67–116.
4. Решикова И. П. Коммунизм: между временем и пространством [Электронный ресурс] // ХОРА: журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. – 2008. – № 3. – С. 113–126. – Режим доступа: <http://www.jkhora.narod.ru/2008-3-12.pdf> (дата обращения: 16.03.2011).
5. Родман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 256 с.
6. Филиппов А. Ф. Социология пространства. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 285 с.
7. Фуко М. Другие пространства. Гетеротопии // Проект International. – 2008. – № 19. – С. 171–179.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. В. В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – 448 с. – (Мыслители XX века).
9. Хаусхофер К. Границы в их историческом и политическом значении // Классика геополитики, XX век: сб. / сост. К. Королев. – М.: АСТ, 2003. – (Philosophy). – С. 227–598.
10. Cresswell T. Place // Encyclopedia of Human Geography / ed. by B. Warf (Florida State University). – Thousand Oaks – London – New Delhi, 2006. – Pp. 356–360. *Перевод цитаты выполнен И. П. Басалаевой.*
11. Warf B. Time-Space Compression // Encyclopedia of Human Geography / ed. by B. Warf (Florida State University). – Thousand Oaks – London – New Delhi, 2006. – Pp. 491–494.

О. Г. Басалаева

ФУНКЦИЯ ПОНИМАНИЯ В ЧАСТНОНАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье анализируется феномен информационной картины мира и культурной картины мира. Выявляется сущность исследуемых частнонаучных картин мира как философско-мировоззренческого и методологического средства изучения информационной реальности и культурной реальности, отражающих важный аспект социального бытия.

Ключевые слова: информационная картина мира, культурная картина мира, информационная реальность, культурная реальность, социальное бытие, концепт, герменевтика, функции, понимание.

O. G. Basalaeva

HERMENEUTIC FUNCTION OF PERSONAL SCIENTIFIC WORLD OUTLOOK

The article analyses the phenomenon of information world view and cultural world view. It reveals the essence of research of personal scientific pictures of the world as a philosophical-ideological and methodological study of information resources and cultural reality of reality, reflecting an important aspect of social life.

Keywords: information world view, cultural world view, scientific world view, information reality, cultural reality, social being, concept (disambiguation), hermeneutics, functions, understanding.

Понятие «картины мира» относится к числу фундаментальных в философии и науке. Но если в XIX в. картина мира трактовалась как философско-мировоззренческое построение, то для XX в., особенно для его второй половины, характерно научное видение картины мира, а в конце XX – начале XXI в. – это уже научно-философская система представлений об общих свойствах и закономерностях не только природы, но и социальной среды. К началу XXI в. возник новый импульс для использования понятия «картина мира», но не столько онтологический, сколько социальный [см.: 9, с. 29]. Отсюда следует, что взаимоотношение социума и науки требует взаимопонимания. Оно осуществляется различными средствами, а именно: через научно-популярную литературу, художественные произведения и т. п., в том числе и посредством диалога с философией и наукой, который во многом реали-

зуется научной картиной мира. В философии и науке феномен научной картины мира интенсивно обсуждается со второй половины XX в. Получены значимые результаты в его исследовании на материалах естественных и технических наук. С 80-х гг. XX в. научная картина мира оказалась в поле внимания обществоведов и гуманитариев. Возникли представления о культурно-исторической картине мира, общественно-научной картине мира, социальной картине мира и т. д.

Возникшую ситуацию Л. А. Микешина характеризует следующим образом. «К картине мира как форме знания применимы оценки: истинностная, которая может принимать вид “научная”, “ненаучная”, “донаучная” и т. д.; семантическая (осмысленно, бессмысленно) и аксиологическая (например, теологически-идеалистическая картина мира – механически-метафизическая и др.). Логическая форма этой единицы знания –

группы предложений, фиксирующих фактуальное знание и логически непротиворечивые теоретические системы (дискриптивные высказывания), а также принципы и законы (номологические высказывания).

На этом уровне анализа принципиальные запреты для построения любых картин мира – единых и локальных, общих и частных, научных и ненаучных (например, богословских), индивидуальных и коллективных и т. д. – не выявляются, и принятие той или иной картины или набора локальных картин предстает как чисто конвенциональная процедура» [10, с. 63]. Согласие внутри членов научного сообщества по поводу значимости феномена и его активное исследование привели к формированию и признанию некоторой модели картины мира, которая в наиболее общих чертах выражена в работах академика В. С. Степина [см.: 11; 12].

Развитие науки и техники и широкое распространение их результатов создало представление о возникновении особого социального слоя и особой культуры – технологической. В этих рамках феномен науки исследовался с точки зрения самой науки: значимости и роли теории, ее ареалов и норм научного исследования и пр. Т. е. наука, техника и технологии стали рассматриваться как источники порождения нового типа общества и культуры. Подобное гиперболизирование породило ответную реакцию. Появились исследования, в которых аргументировалась вписанность науки в широкий социальный и культурный контексты. Это привело к пониманию того, что науку надо рассматривать с более широких позиций, с учетом социальных и культурных оснований. Встал вопрос о социальной и культурной детерминации научного знания и понимания того, что есть некий «посредник» между наукой и социокультурными процессами. Трактовка научной картины мира как философско-научного

конструкта достаточно абстрактна и специализирована, что не позволяет ей эффективно выполнять функцию диалога между обществом и самой наукой. Современная практика показывает, что к функциям описания и объяснения научной картины мира с необходимостью следует добавить функцию понимания, которая обычно трактуется в двух аспектах: явление включается в смысловую структуру личности («понятно» – «непонятно»), и понятное соответствует целям коммуникации [см.: 4, с. 131]. То есть требуется введение в структуру научной картины мира специального элемента, который бы этот диалог сделал понятным и социально доступным. Таковым является герменевтический блок, выполняющий функцию понимания. Его наличие позволяет более глубоко понять, оценить и воспринять научные результаты в изучении фрагментов социального бытия и ассимилировать их мировоззренческие системы социальным субъектам.

Итак, согласно В. С. Степину в содержании научной картины мира можно выделить два блока. Блок системных характеристик предмета исследования соответствующей науки – это представления: 1) о фундаментальных объектах, из которых полагаются построенными все другие объекты, изучаемые соответствующей наукой; 2) о типологии изучаемых объектов; 3) об общих закономерностях их взаимодействия; 4) о пространственно-временной структуре реальности, *выполняющий функцию описания*. Блок регуляции (управления) знаниями о предметной области – это: 1) философские принципы; 2) фундаментальные теоретические законы; 3) частные теоретические законы; 4) эмпирические зависимости; 5) данные наблюдения, *выполняющие функцию объяснения*.

К данной модели следует добавить герменевтический блок, *выполняющий функ-*

цию понимания для выполнения ею функции посредника между обществом и наукой.

Функция понимания связана с теорией понимания – герменевтикой. С точки зрения герменевтики задача философии заключается в истолковании предельных значений культуры, поскольку реальность мы видим сквозь призму культуры, которая представляет собой совокупность основополагающих текстов. Активным идеологом герменевтики можно назвать философа и историка В. Дильтея. Он использует герменевтику для понимания внутреннего мира человека, внешнего мира и культуры прошлого, где «понимание и истолкование содержат в себе все истины наук о духе» [5, с. 141]. М. Хайдеггером была обоснована онтологическая основа коммуникативной деятельности и зависимость понимания от качества и содержания личного бытия, от степени осмысления традиции и современности. Понимание рассматривается М. Хайдеггером не столько как способ познания, сколько как способ бытия, открывающегося через слово [см.: 13, с. 142–153] – что явилось новым этапом развития герменевтики. Х.-Г. Гадамер критически осмыслил предшествующую герменевтическую традицию, выявил в ней основные направления и предложил собственный подход. Проблема понимания, как она решается Х.-Г. Гадамером, означает, что обращение к любому тексту требует, прежде всего, «опыт осмысления – осмысления, непрестанно продолжающего выражать себя средствами языка, осмысления, никогда не начинающегося с нуля и никогда не замыкающегося на бесконечности» [2, с. 15]. Такое понимание есть не что иное как механизм вписывания человека в социокультурные условия своего существования. Х.-Г. Гадамер, опираясь на М. Хайдеггера, раскрыл предструктуру понимания, основными составляющими которой являются: предпонимание, традиция,

предрассудок, горизонт понимания [см.: 3, с. 329–363]. Открытие предструктуры понимания, по мнению философов, относится к одному из главных достижений современной герменевтики. Понимание изучается и в отечественной философской литературе. А. М. Коршунова, В. В. Мантатова [см.: 8], Г. С. Гусев и Г. Л. Тульчинский [см.: 4] исследовали логику-гносеологическую проблему герменевтики. В. Е. Кемеров провел анализ социально-философской методологии исследований в области коммуникации [см.: 6]. И. С. Болдонова выявила специфику герменевтической методологии и ее эвристическую ценность для изучения межличностной коммуникации [см.: 1].

Итак, герменевтика не ограничивается методологическими вопросами истолкования произведений прошлой культуры и не сводится к разработке методологии гуманитарного познания, но имеет отношение к фундаментальным – онтологическим – структурам человеческого существования, к базисным моментам нашей коммуникации с другими людьми и нашего отношения к действительности.

Таким образом, научная картина мира, как «посредник» между наукой, обществом и культурой выполняет три функции – объяснительную, описательную, «понимающую». Функции описания, объяснения, понимания тогда находят свое место в интерпретации научной картины мира, когда ее можно истолковать как концепт. Необходимо подчеркнуть, что на концептуальный характер научной картины мира в литературе практически не обращается должного внимания. Кроме того, в научной литературе практически отсутствуют и указания на выполнение научной картиной мира такой важной функции, как посредника между социальными процессами и научным познанием, как функции понимания, которая выступает важнейшим усло-

вием плодотворного диалога между наукой и обществом. Но, как справедливо отмечают С. С. Гусев и Г. Л. Тульчинский, «теоретическое освоение мира включает не только получение знания о мире, но и понимание отображаемого в знании объективного мира и самого знания. Знание и понимание – это различные моменты человеческого взаимодействия с окружающим миром, предполагающие друг друга, но не совпадающие полностью» [4, с. 23–24]. Поэтому в дальнейшем будет обращено внимание на феномен понимания применительно к функционированию научной картины мира на примере таких частнонаучных картин мира, как информационная и культурная, поскольку информация и культура – это знаковые сферы в современном российском обществе, функционирование которых служит основой для дальнейшего развития страны. Их представленность в информационной и культурной картинах мира, адекватность такого представления, коммуникативное поле указанных картин мира, их взаимосвязи требуют своего осмысления в целях повышения их эффективного функционирования в общественном сознании и общественной деятельности по решению глобальных задач, стоящих перед российским обществом.

В этом плане возрастает осознание роли и значимости информационной картины мира и культурной картины мира для понимания сущности социальных отношений в современном обществе.

Применение модели научной картины мира, предложенной В. С. Степиным и получившей широкое признание отечественных ученых, с учетом ее концептуального характера в информатике, во-первых, конкретизирует содержание научной картины мира, превращая ее в частнонаучную картину мира – информационную, во-вторых, выявляет специфику информационной реальности. Развертывание эвристического потенциала

информационной картины мира выявило следующие специфические характеристики информационной реальности – искусственность II рода (искусственное в искусственном), имманентную процессуальность, глобальность, виртуальность, полилогичность, доступность и демократичность.

Культурная картина мира является продуктом философско-культурологических изысканий ряда ученых и мыслителей, формирующих знание о культуре во всем ее многообразии – культурной реальности. Культурная картина мира, в качестве научно-философского концепта, в своем содержании фиксирует культурную реальность как искусственное I рода (искусственное в естественном), в которой культурные системы обретают свои специфические пространственно-временные формы – линейно-интрузионную, волновую, спиральную, кометную, становление и функционирование которых осмысливается при помощи антропологического и аксиологического принципов, а также принципов культурфилософского плюрализма и концептуализма, что позволяет выделить ряд фундаментальных и частных закономерностей развития общества.

В содержании информационной картины мира и культурной картины мира герменевтический блок представлен: а) процедурами смыслопорождения и означивания; б) процедурами метаморфизации и локализации; в) процедурами понимания и коммуникации.

Примером порождения новых смыслов (знаний) в информатике могут служить представления о кибернетическом пространстве, виртуальной реальности и др.

В настоящее время информация становится публичной – экономической, политической, социальной и т. п. В силу такого характера функционирования в разных сферах общественной жизни она становится коммерческим продуктом, приобретает характер

опасности, социально-политической установкой (арабские революции 2011 года) и пр. Она лишается нейтрального познавательного характера. То есть ей присуща различная метаморфизация.

Наряду с процедурой метаморфизации информация приобретает свойство, стремление к локализации. Локализация информации происходит в зависимости от ее характера – научная, политическая, медицинская, педагогическая и пр., в конкретных социальных институтах и организациях.

Процедуры понимания и коммуникации в герменевтическом блоке информационной картины мира взаимосвязаны, хотя каждая из них имеет свою специфику. Коммуникативный аспект понимания внутренним образом включен в содержание и функционирование понимания. Специфика феномена понимания выступает как трехфазный процесс. Первая фаза – предпонимание, в рамках которой знание выполняет фиксирующую роль, т. е. исторически конкретно обусловлено, а также оценочную (аксиологическую) роль. Вторая фаза включает формирование особой субъективной реальности – «знания о знании», характеристиками которой выступают ее конечность (ограниченность) и особенность, как выражение в данном случае реального идеального предмета (фрагмента указанной реальности), как некоторые опосредующие отношения между единичным и общим. Данное отношение фактически репрезентует положение человека в обществе как познающего субъекта. Третья фаза представляет функционирование понимания как наличного, сформировавшегося идеального объекта – это действительное и практическое сознание, практическое знание. Это является основой взаимосвязи понимания с феноменом коммуникации как процессом общения, обмена мыслями, сведениями, идеями и т. д., как процессом передачи того или иного со-

держания от одного сознания (коллективного или индивидуального) к другому посредством знаков, зафиксированных на материальных носителях, что позволяет интерпретировать понимание и коммуникацию как информационные процессы.

Можно предложить модель понимания, выражающую специфику такого феномена, как информация. Модель включает три уровня. Первый уровень можно назвать семиотическим (знаковым), ядром которого является семантика знаков, их смысл и значения. Второй уровень – информационный, ядром которого являются знания как таковые, без учета их порождения и существования. Третий уровень собственно герменевтический, составляющими которого выступают формальные и практические знания. Но ядром его является знание о знании как идеальная реальность, с присущими для нее особым характером и конечностью.

В общественно-историческом процессе культурные системы формируют свои имманентные органичные формы (линейно-интрузионные, волновые, спиральные, кометные), которые репрезентируют способы становления и развития фундаментальных культурных изменений сообразно присущим им закономерностям: самоорганизации культуры; доминирования процессов культурной интеграции над процессами дезинтеграции; особенности межкультурной коммуникации, конкретизированные в более частных закономерностях: взаимосвязи традиций и инноваций, национально-культурной самоидентификации. Выявленные указанные черты культурной реальности обуславливают при их исследовании использование таких познавательных средств, как принципы (антропологический, аксиологический, культурфилософский плюрализма и концептуализма), а также концепций (подходов) – системного, деятельностного, коммуникативного и др.

Это позволяет в содержании культурной картины мира целостно воспроизвести культурную реальность.

Для выражения закономерностей культурной реальности, которая определяется необходимостью пополнения тезауруса культуры и прагматикой культурного субъекта по выбору и организации актуальной для него информации, отметим востребованность феномена «понимание» при применении тезаурусного подхода в качестве составляющих герменевтического блока. Таким образом, руководствуясь общей мировоззренческой конвенциональной установкой, формально процесс смыслопорождения можно представить следующим образом. Человек как биосоциальнокультурное существо в процессе культурного действия (артеакта) создает артефакт с присущими ему культурными и природными характеристиками. Затем артефакту присваивается, наименовается имя, посредством образования языковых единиц, служащих для называния и вычленения фрагментов действительности, далее оно означает знаком и получает знаковое значение, которое отождествляется со смыслом. После этого смысл функционирует либо в виде знания, либо в виде ценности, либо в виде регулятива. Тем самым пополняется тезаурус культуры. «В контексте же социологического и культурфилософского подхода “тезаурус” – это специфическая форма существования знания о действительности или – точнее – ее части, освоенной субъектом, которая отличается полнотой, внутренней непротиворечивостью, связностью. Полнота знания носит здесь субъективный характер и означает относительную его полноту, полноту как достаточность знания для выстраивания субъектом представления о мире, ограниченном исключительно актуальностью для человека... Субъективной формой отбора и классификации знания, которым располагает

человек, определяется и его непротиворечивость, где само сознание достраивает, конструирует внешний мир, структурирует его, вносит в него определенный порядок, логику, ограждает его от разрушения и деформации. Связность знания, опять-таки, является относительной, так как информация, которой располагает человек, носит отрывочный, дискретный характер – наряду со знанием, системно организованным, человек опирается и на целую совокупность фактов, не образующих связных построений... Однако человек преодолевает эту дискретность и таким образом организует присвоенную им информацию, чтобы она носила континуальный, связный характер, где сочетание ее отдельных фрагментов осуществлялось бы по принципам взаимодополнительности и комплементарности. При этом индивидуальные тезаурусы образуются из элементов наличествующих тезаурусных конструкций – как актуальных, так и неактуальных – и обладают подвижностью, связанной с объективными социокультурными процессами и субъективным их осмыслением» [7, с. 237–238]. Отсюда вытекает, что в тезаурусном подходе отражены культурологические характеристики смыслопорождения.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что процесс смыслопорождения и понимания в духовно-интеллектуальной сфере субъекта культуры определяется у него наличием мировоззренческой конвенциональной установки, что отличает его от смыслопорождения и понимания в информатике и информационной картине мира.

Таким образом, применение модели научной картины мира для исследования таких частнонаучных картин мира, как культурная и информационная: 1) подтвердило эвристичность данного познавательного средства; 2) позволило выявить специфические особенности исследуемых картин мира.

Научная картина мира, являясь «посредником» между наукой и социумом, имеет концептуальный характер и включает в свое содержание такие частнонаучные картины мира, как информационная и культурная, что в свою очередь предопределяет в науч-

ной картине мира необходимость наличия герменевтического блока, составляющими которого выступают процедуры: а) смыслопорождения и означивания; б) метаморфизации и локализации; в) понимания и коммуникации.

Литература

1. Болдонова И. С. Герменевтика межличностной коммуникации. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. – 296 с.
2. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – 368 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
4. Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблемы понимания в философии. – М.: Политиздат, 1985. – 192 с.
5. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. – 1988. – № 4. – С. 135–152.
6. Кемеров В. Е. Взаимопонимание: Некоторые философские и психологические проблемы. – М.: Политиздат, 1984. – 109 с.
7. Костина А. В. Теоретические проблемы современной культурологии: идеи, концепции, методы исследования. – М., 2009. – 288 с.
8. Коршунов А. М., Мантатов В. В. Диалектика социального познания. – М., 1988. – 382 с.
9. Кузнецова Т. Ф. Картина мира как проблема в курсе культурологии // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 4. – С. 28–34.
10. Микешина Л. А. Научная картина мира как мировоззренческая форма знания // Научная картина мира: логико-гносеологический аспект. – Киев, 1983. – С. 62–69.
11. Степин В. С. Картина мира и ее функции в научном исследовании // Научная картина мира: логико-гносеологический аспект. – Киев, 1983. – С. 80–103.
12. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. – М., 2000. – 744 с.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Республика, 1997. – 445 с.

УДК 1

Т. Ф. Берестова, В. С. Невелева, Н. Г. Апухтина

ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНЕЗИСА, ЭВОЛЮЦИИ, СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ДОКУМЕНТА

Освещена история возникновения документа, феномен его появления рассматривается с философско-антропологических позиций, рассматриваются смыслы и знаки как основные элементы информации и как обязательные составляющие документа.

Ключевые слова: документ, информация, смысл, знак, невербальная коммуникация, вербальная коммуникация, информационный процесс.

T. F. Berestova, V. S. Neveleva, N. G. Apukhtina

PHILOSOPHIC AND CULTURAL RESEARCH FOUNDATION OF GENESIS, EVOLUTION, ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF THE DOCUMENT

The article deals with the history of the document, its appearance is considered a phenomenon with the philosophical and anthropological positions, meanings and signs are considered as key elements of required information and components of the document.

Keywords: document, information, meaning, sign, nonverbal communication, verbal communication, information process.

Современную культуру невозможно представить без многообразия различного рода документов, посредством которых в индивидуальной и социальной жизни людей циркулирует значимая информация. Исходное, буквальное значение термина «документ», происходящего от латинского «documentum» (доказательство), является явно недостаточным для того, чтобы зафиксировать многообразие смыслов и функций документов в современной социокультурной практике. Однако, вместе с тем, трудно представить себе документ без того, что связано с моментом «доказательства» (свидетельства, удостоверения) каких-либо событий, действий, состояний, отношений в человеческой жизни. Более того, этот отличительный признак документа значим в ситуации симуляции действительности, нарастающего количества несамостоятельных феноменов (особенно знаков-симулякров) как единиц гиперреальности (Ж. Бодрийяр). Возможно, сопровождающее этот процесс чувство утраты реальности является одной из причин возрастания интереса к документальным формам в искусстве, литературе: вербатим (документальный театр), литература нон-фикшн. В документальности есть надежда встретить подлинность, правду, которая ускользает, когда жизнь человека осуществляется в условиях преобладания в современной культуре автореферентных знаков.

Чем богаче становился мир культуры, тем более опосредованными становились отношения между людьми. Это опосредование осуществляется в настоящее время за счет различных предметных форм, культурных средств, существующих в вещественной, образно-символической и знаковой формах [5]. При каких условиях любое из этих средств может быть названо документом? Каковы те существенные признаки, по совокупности которых возможно определить содержание понятия «документ», предложить его дефиницию? Возможны различные подходы к решению данной проблемы, как связанные с расширительным пониманием документа в общекультурологическом смысле, так и со специальным, конкретно-научным его пониманием (например, юридическим). Нас в большей степени интересует возможность определения документа в его связи с информационным процессом и процессом коммуникации.

О природе и сущности документа написано немало, но консенсус по вопросу его определения так и не достигнут [см.: 1, 6, 10, 11, 12, 13, 14, 17 и др.], а функционирование информации в электронной среде вновь возвращает нас к этому вопросу, потому что, как известно, без разрешения общих проблем невозможно найти решения частных вопросов.

Согласно постулатам системного подхода и концепции основных структурных

уровней, для выявления сущности документа надо знать первопричину его появления, его предназначенность для выполнения особой функции, а узнать это можно при теоретическом воспроизведении момента возникновения документа в первородном инфопроцессе, при рассмотрении особенностей протекания инфопроцесса на заре человечества.

Первородный инфопроцесс в данном случае будет выступать исходной абстракцией, «первичной генетической почкой, в которой потенциально скрыто будущее реальное многообразие объекта познания» [4, с. 191]. Как полагает В. З. Коган, абстрактно воспроизведенный первородный информационный процесс, имеет несколько фаз. Начинается он с предфазы – контакта субъекта с реальностью, далее следует фаза производства информации, а в межличностном и социальном пространстве возникают фаза передачи информации, затем в любой форме инфопроцесса (индивидуальной или социальной) есть фаза потребления; завершается процесс – постфазой, включающей использование созданной (или полученной) информации в какой-либо деятельности в качестве ресурса. В постфазе достигается цель инфопроцесса, и все предшествующие фазы подчинены этой цели и работают на нее. Так выглядит абстрактная модель инфопроцесса, она не завязана ни на одну из форм коммуникации. Конкретизация этой модели ведет нас к вербальному и документному инфопроцессу, возможны и другие способы конкретизации, например, включение в ту или иную деятельность (научную, производственную, учебную и т. д.) и подчинение цели этой деятельности.

В приведенной формуле инфопроцесса нет фазы сохранения информации, в этой модификации процесс непрерывен [6]. Такая структура инфопроцесса была бы правомерна, если абстрагироваться от временных характеристик и диалектического единства

двух противоположностей: прерывного (дискретного) и непрерывного. Однако и то, и другое вносят в структуру инфопроцесса существенные коррективы, следствием этого становится появление фазы сохранения информации. Фаза сохранения информации в невербальном/вербальном инфопроцессе возникает благодаря такому свойству человеческого сознания, как память. Желание снять ограничения человеческой памяти по сохранению информации приводит к возникновению документа и документной формы инфопроцесса. Благодаря инфопроцессу возникает информационное пространство.

Абстрактная формула инфопроцесса конкретизируется через одну из форм коммуникации, которая может быть довербальной/невербальной (коммуникация с помощью жестов, движения тела, мимики и т. п.), вербальной (устной словесной) или документальной. Каждая из названных форм коммуникации соответствует структурному уровню информационного пространства [2]. Пока остается не выяснено окончательно: информационный процесс в электронной форме образует новый самостоятельный уровень информационного пространства или его можно определить как одну из разновидностей документного инфопроцесса? Препарируя любую из названных форм коммуникации (довербальную/невербальную, вербальную, документальную), воспроизводя последовательное обратное движение к моменту возникновения инфопроцесса, субъект, его изучающий, обязательно доберется до его абстрактной модели, пофазно представленной выше.

Многие годы изучение явлений, порожденных инфопроцессом, сдерживала нерешенность вопроса об определении природы и сущности информации, функционирующей в социуме. Ранее этот вид информации называли социальной, сейчас все чаще используется термин «семантическая информация». На сегодняшний день существует достаточ-

но обоснованная точка зрения о двойственной природе социальной информации: «информация как продукт отражения сознанием какой-либо реальности обладает свойством идеальным (то есть созданным сознанием): таковым является ее содержание, смысл. Информация как феномен физический имеет материальную форму (сигнала, знака)» [3, с. 16]; «**семантическая информация** – амбивалентный феномен, выражающий духовные смыслы в коммуникабельной знаковой форме» [10, с. 251].

Принадлежность документа к миру информации никем не оспаривается. Для понимания сущности документа очень важным стало определение информации через понятия смысла и знака. Для воспроизведения момента первого появления документа потребуются «возврат» во времена, когда смысл и знак только возникали, когда зарождающиеся элементы социальной коммуникации сыграли определяющую роль в формировании *homo sapiens*'а. Воспроизвести процессы зарождения информации могут помочь результаты исследований антропологов и археологов, выявленные ими артефакты, которые связаны с началом трудовой деятельности *homo sapiens*'а, с появлением разума, языка и речи.

Возникновение *homo sapiens*'а невозможно было без явления «информации». Через отражение предметов окружающей среды, формирование их образов и их осмысление шла адаптация человека, направленная на его выживание и на формирование его как особой целостности, вышедшей из природы и противопоставленной ей. И хотя механизм процессов, происходящих в коре головного мозга человека из разряда физиологических в психологические и мыслительные, пока до конца не изучена, нейрофизиологи и нейропсихологи утверждают, что даже самые «...простые субъективные характеристики сложных физических явлений окружающего мира обладают высокой адаптивной цен-

ностью, поскольку позволяют организму быстро и адекватно реагировать на события в окружающей среде» [12, с. 34].

Начало возникновению информации было положено во времена зарождения «человеческого в человеке», и тому есть основания в физиологии *homo sapiens*'а. **Предки человека**, в отличие от всех других животных, рождались с эволюционно недоношенным мозгом, и одной из причин появления разума стала возможность человеческого мозга развиваться после рождения [16, с. 16]. Более продолжительный период становления нервной системы приводит к тому, что развивается новый тип складчатости головного мозга, появляется прямохождение, изменяется строение глаза, которое меняет бинокулярное восприятие пространства и глубины, в связи с этим улучшается координация движений, совершенствуются руки, увеличивается и укрепляются мышцы языка и гортани, что в последствии позволяет развиваться артикуляции, сформировать членораздельные звуки, произносить слова. Уже на самых ранних этапах эволюции человека формируются сенсорные образы, которые являются результатом восприятия. «Отбор сенсорных признаков начинается на уровне рецепторов и завершается ощущением, образом или простым символьным отображением в коре головного мозга» [8, с. 42]. Далее возникают мысленные образы, они представляют из себя схемы объектов, выражающие их основной смысл... «Многие зрительные образы, их признаки, свойства и операции над ними (декомпозиции, сдвиги, повороты и т. п.) выражаются словами» [8, с. 37]. Так, «...дискурсивное и образное мышление оказываются неразрывно связанными с приобретениями эволюционного прошлого» [8, с. 38]. Наши предки приобретают способность семантизировать поведение, они начинают создавать первые смыслы, возникают абиологические интересы к окружающему, возникает возможность

творить культуру. Природа уже представляется им не как результат переработки первичных данных органическими рецепторами, а как результат вторичной перекодировки первичных данных с помощью знаковых систем [15, с. 9]. Ученые-антропологи утверждают, что мыслительные способности были и у *homo habilis*'а, и у *homo erectus*'а, но появление разума они признают только у *homo sapiens*'а. Существо, о котором мы ведем речь, закрепляло элементы бытия вначале чувственными символами — кинематикой, жестами, оноματοпоэтической, звукоподражательной предречью, возгласами, а затем мифосемантическими, интеллектуальными образами, в том числе словами... Так был запущен механизм смыслотворчества...и бессмысленные элементы жизни и природного бытия в целом обретали смысл [16, с. 22]. Сумма этих ассоциативных символов и связей кодировалась с помощью знаков и мифологем, которые переносились... на необычные скалы, деревья, кустарники, травы... «Таким образом, наш предок... набрасывал на природу своеобразную смысловую матрицу. Превращал хаос первоначальных впечатлений в космос, давал впечатлениям именные метки, познавал их, как бы подчиняя себе...» [16, с. 22–23].

Это были первые шаги в сферу разума (в ноосферу). Хранение и трансляция надбиологических программ человеческой жизнедеятельности предполагает многообразие знаковых, кодовых структур, закрепляющих и передающих постоянно обновляемый социальный опыт. Одним из наиболее древних способов кодирования опыта является функционирование меток, это было первое фиксирование смысла, и, это уже было началом возникновения документальных семиотических (знаковых) изобразительных систем. Сейчас знаковые системы — это естественные и искусственные языки, в том числе и языки

искусства. В качестве знаков, которые закрепляют накопленный социальный опыт, могут выступать и орудия труда, и предметы быта и т. п. Творение материального мира шло одновременно с творением мира идеально-го, закодированного знаками и символами. Одновременно проходила процедура вербализации создание слова, но по-прежнему функционировали знаки, используемые в довербальной/невербальной коммуникации: позы, жесты, мимика и др. И, все-таки, определяющее значение для эволюционного развития *homo sapiens*'а и систем коммуникации имеет смыслообразование через слово. Слова становились информацией, а затем и знаниями, и начинали регулировать деятельность, поведение и общение. Подтверждение догадок находим в древних верованиях египтян о божестве Солнца Ра, у индейцев пуэбло о Цицинако (Женщина-Мысль или Творящая Мысль), в которых описано творение мира словом. В книге С. Г. Фатыхова читаем: «Творение мира словом — широко распространенное самоотнесение человека к онтологической реальностью, понятое за многие тысячелетия до египетских сказаний, Библии и Корана» [16, с. 28].

Таким образом, становление смыслообразования шло одновременно с созданием разных знаков и символов, но до какого-то момента человек мог обходиться очень небольшим количеством слов, преимущественно осуществляя невербальную коммуникацию.

Далеко не все объекты, доступные человеческому восприятию переводятся в число информационных (т. е. наделенных смыслом и маркированных знаком), а тем более в число документативных, т. е. зафиксированной информации. Даже на уровне сенсорных восприятий происходит отбор того, что важно для взаимодействия этого организма с предметным миром [8, с. 43]. Но далее

идет дополнительная корректировка: человек из всего материала сенсорных восприятий отбирает наиболее значимое для него. Только в этом случае в фазе создания информации образ наделяется смыслом, переформатируется в понятие, в знак-название. Еще в большей степени оценка (отбор) имеет место в фазе сохранения уже созданной семантической информации, ведь субъектом информационного процесса сохраняется далеко не всё, а только то, что впоследствии может быть для него ресурсом деятельности. Если название объекта отражения отсутствует в тезаурусе, то субъект выступает в качестве создателя смысла и наименования этого объекта и таким способом сохраняет его в индивидуальной и социальной памяти. В социуме нередко семантическая информация заимствуется от других участников инфопроцесса.

На определенном этапе эволюции информационного пространства социума рождается документ как результат развития инфопроцесса, его модификации. Документ содержит в себе часть информационного тезауруса создателя/носителя смыслов. Он возникает в момент фиксирования коммуникативных знаков, содержащих смыслы, созданные или заимствованные и осознанные индивидом. Археологи и антропологи доказали, что документ возникает еще в дописьменную эпоху.

Во времена палеолита уже существовало слово, но не было способов его закрепления. Однако потребность сохранить, материализовать смыслы уже была, и потому уже тогда возникают знаки (метки, насечки на деревьях, камнях, рисунки, скульптуры и т. п.), которые фиксируют смыслы, созданные и освоенные человеческим сообществом. В позднем палеолите многое из того, что изображалось, уже имело словесное выражение, можно предположить, что частично было изображено и то, что еще не было вербализовано, а бытовало

в сознании в виде коммуникационного акта через кинематику, жест или в виде мифосемантического, интеллектуального образа. Наука обладает образцами древней живописи и скульптуры, которые пришли к нам из каменного века, и на этих изображениях мы отмечаем подробности, которые в момент их создания вряд ли имели словесное обозначение. Фактически – это акт фиксирования довербальной/невербальной коммуникации, это сохранение семантической информации через кодирование с помощью знаков, которые выражали ассоциативные символы через их фиксацию. Сегодня мы рассматриваем эти результаты деятельности «первочеловеков» как произведения первобытного искусства. Наскальные рисунки, скульптуры и статуэтки, исполненные древними людьми, у современных людей получают свое вербальное обозначение, и на основе этого названия идентифицируются современниками и используются в словесном инфопроцессе, например, первобытные скульптурные изображения женщин именуются так: «мать-прародительница из первобытной стоянки Костенки. Россия 35 тыс. лет назад» или более поздняя скульптура: «мать-прародительница из Зенгёварконя. Венгрия» [22]. А называть эти музейные экспонаты документами мы можем только потому, что, по сути, это – смыслы, зафиксированные через коммуникативные знаки. В книге А. В. Соколова «Социальные коммуникации» даны примеры использования понятия «документ» по отношению к образцам гербария, коллекциям минералов, этнографических и иных экспонатов [9]. В наше время практика сохранения смыслов через фиксацию актов невербальной коммуникации сохраняется, и в соответствии с этим документами называют любые произведения искусства, любые экспонаты музеев и выставок. Но как в древности, так и сейчас их возникновение не возможно без фиксирования смысла через коммуникативные знаки.

Споры по поводу отнесения этих предметов к числу документных явлений связаны с тем, что многие из них по замыслу их создателей фактически не были предназначены для передачи смыслов, это были предметы быта, культа и т. п. Данные феномены, выполняя свое основное функциональное назначение, одновременно становятся инструментами социальной коммуникации, из-за того, что они смогли сохранить смыслы в зафиксированном виде, они работают на конечную цель инфопроцесса – быть информационным ресурсом. Сам факт, что подобные объекты называют документами только потому, что они сохраняют смыслы, говорит о том, что интуитивно эта характеристика, отличающая документ, «схвачена» давно и широко используется, т. е. на практике именно этим критерием отграничения документальных явлений от недокументальных пользуются повсеместно, значит, этот критерий уже проверен на действенность практикой.

Часть из того, что перечисляет в книге «Социальные коммуникации» А. В. Соколов, создана человеком, часть имеет неантропологическое происхождение. В первом случае – это орудия труда, предметы быта и т. п., в них закреплён социальный опыт, они демонстрируют уровень развития материально-технических сил эпохи или этноса, а также являются образцами, позволяющими сформировать представления и о явлениях духовной жизни их создателей, о смыслах, уже созданных и освоенных тем или иным социумом. В энциклопедии эпистемологии читаем: «Предметы материальной культуры, с одной стороны, служат практическим целям, а с другой выступают средствами хранения и передачи смыслов и знаний, регулирующих деятельность, поведение и общение...» [18, с. 407]. Второе значение предметов материального мира позволяет и их отнести к документативным явлениям. Но названные предметы для коллекций от-

бираются человеком из числа подобных, проходят определенную обработку (их именуют, учитывают, описывают, фотографируют и т. п.) и после этого сохраняются для последующего использования, по целям отличным от их первоначального назначения/возникновения. Приходится признать, что те предметы, что созданы человеком, уже изначально являются носителями смыслов и имеют своеобразные специфические знаковые системы, т. е. свой собственный язык.

Несколько по-иному происходит процесс возведения в ранг документов экспонатов неантропологического происхождения. Часть из них изымается из природной среды, сохраняется и используется в научных, образовательных и иных целях. Такие предметы могут рассматриваться как документативные феномены только после обращения к ним человека, после прохождения процесса вербализации, т. е. придания им смысла через слово. И в последующем этот словесный знак, уже наполненный смыслом становится микрочастицей инфопроцесса, этот знак воспроизводится и в вербальной, и в документальной коммуникации, в этом случае о нем можно вести речь как о документе.

Документ, специально предназначенный для инфообмена, появляется тогда, когда человек осознает возможность и необходимость сохранения смыслов через фиксацию знаков, целенаправленно начинает создавать новый информационный ресурс. Субъект инфопроцесса в предметы (явления), отбираемые им для фиксации, вкладывает те или иные смыслы, уже имеющиеся в его тезаурусе. «Мы видим в окружающем мире преимущественно то и так, что и как мы знаем» [8, с. 43]. Фиксация объектов случается даже при отсутствии изначальной семантики у самого явления из-за его неантропологической природы. Например, человек производит зарисовки местности для будущей ориентации, фотографирует что-то, он записывает звуки, и делает все

это, потому что как субъект инфопроцесса он предполагает вернуться к этим задокументированным фактам, потому что эти явления им уже осознаны и значимы для него.

В каждом случае цель отдельного цикла информационной коммуникации устанавливается субъектом, в разных циклах инфопроцесса одни и те же документы могут быть использованы в разных целях. Так, например, наскальные рисунки для своих создателей и их соплеменников имели сакральное назначение, это было средство общения с высшими силами, в этом был их смысл и назначение. Но в момент их открытия археологами, они стали документами, осуществившими коммуникацию древних с современными людьми, и современные люди обогатили найденные изображения своими собственными смыслами-значениями, а рисунки, созданные древними, и стали информационным ресурсом в деятельности ученых, экскурсоводов и т. д.

Таким образом, проблема определения сущности документа через теоретическое воспроизведение момента его появления «завязан» на времена палеолита. На заре человечества сохранение информации существовало только за счет естественной памяти. Документы как таковые, как инструменты коммуникации в социуме, т. е. специально предназначенные для сохранения семантической информации с целью ее передачи членам человеческого сообщества, возникают позднее. Достижения археологии и антропологии показывают, что документ возник как естественное развитие той или иной формы коммуникации в определенный исторический период. В каменном веке преобладающей была невербальная коммуникация, образы и смыслы передавались через кинематику тела, и эта форма фиксировалась через наскальную живопись и первые образцы скульптуры. Именно они стали первыми документами, которые древние создавали как информационный

ресурс, сохраняющий, фиксирующий образ и смысл. Затем стала социально-значимой вербальная (словесная) коммуникация, и на основе рисунков зарождается письменность. Сегодня с помощью новых информационных технологий документируются звуки, запахи, тактильные ощущения и т. п.

Коммуникация в первых социумах территориально была очень ограничена, и проблема распространения информации, отделенной от субъекта ее создателя/носителя по территории пока не стояла остро. Расширение границ существования социума ставит проблему быстрого и эффективного освоения физической территории, в том числе и через информационный процесс, и тогда создаются первые портативные документы. Портативные документы положили начало передаче документа, что, безусловно, ускорило цивилизационный процесс, но и усложнило его. Возникает документизационный процесс, в котором проходит не только создание документа (фиксирование информации), но и хранение документа, и его передвижение-передача. В данном контексте важно подчеркнуть: несмотря на то, что документы стали портативными и как материальные вещественные объекты передавались из рук в руки, но в них, по-прежнему, как и в стационарных документах, смыслы передавались через зафиксированные коммуникативные знаки.

Итак, на основе системного подхода и концепции основных структурных уровней удалось найти истоки появления документа в процессах создания смыслов, символов, знаков, слов, т. е. в процессах создания семантической информации. Изучение условий зарождения культуры и социума показывает, что уже на самых ранних этапах формирования человеческого общества в рамках инфопроцесса происходила теснейшая интеграция разных видов информационной коммуникации.

Литература

1. Баранов В. М. Документ: предмет или процесс? // Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее: Междунар. науч. конф.: Краснодар-Новороссийск, 11–14 сент. 1996 г.: тез. докл. / науч. ред. И. И. Горлова, Ю. С. Зубов. – Краснодар: Краснодар. гос. академия культуры; М.: Москов. гос. ун-т культуры, 1996 .
2. Берестова Т. Ф. Информационное пространство библиотеки: науч.-метод. пособие. – М.: Либерея-Бибинформ, 2007. – 240 с. – (Библиотекарь и время. XXI век (100 выпусков); № 76).
3. Берестова Т. Ф. Законы формирования многоуровневой структуры информационного пространства и функции разных видов информации // Библиография. – 2009. – № 5. – С. 32–47.
4. Коган В. З. Качество информации и мир инфологем: (Фрагменты теории) // Науч.-техн. информ. – Сер. 2, Информ. процессы и системы. – 1993. – № 6. – С. 1–10.
5. Невелев А. Б., Невелева В. С. Горизонты персональной идентичности: проблема недомыслия // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2003. – № 5. – С. 46–56.
6. Плешкевич Е. А. О понятии «документ» в документоведении и других науках // Науч.-техн. информ. – Сер. 1, Орг. и методика информ. работы. – 2004. – № 4. – С. 10–15.
7. Серьгин В. Я. Природа осознания: нейронные механизмы и смысл // Открытое образование. – 2009. – № 2. – С. 33–47.
8. Серьгин В. Я. Субъективное восприятие окружающего мира: нейробиологические механизмы и смысл // Открытое образование. – 2009. – № 1. – С. 33–44.
9. Соколов А. В. Социальные коммуникации: учеб.-метод. пособие: в 2 ч. – М.: Профиздат, 2001. – Ч. I. – 222 с. – («Современная библиотека». Вып. 16).
10. Соколов А. В. Философия информации: проф.-мировоззренч. учеб. пособие. – СПб.: СПбГУКИ. – 363 с.
11. Столяров Ю. Н. Теория относительности документа // Науч. и техн. б-ки. – 2006. – № 7. – С. 73–78.
12. Столяров Ю. Н. «Документу – альтернативы нет» // Науч. и техн. б-ки. – 2000. – № 3. – С. 41–47.
13. Столяров Ю. Н. Онтологический статус документа и его практическое значение для библиотек // Библиотековедение. Избранное. 1960–2000 годы. – М.: Пашков дом, 2001. – С. 266–278.
14. Столяров Ю. Н. Энциклопедическое определение библиотековедения // Библиотековедение. Избранное. 1960–2000 годы. – М.: Пашков дом, 2001. – С. 224–234.
15. Торопов В. Н. Первобытные представления о мире // Очерки истории естественных наук в древности. – М.: Наука, 1982.
16. Фатыхов С. Г. Мировая история женщины: хроно-культурологическое и фактографическое осмысление. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. – 944 с.: ил.
17. Швецова-Водка Г. Н. Некоторые дискуссионные вопросы типологической классификации документов // Книга: исслед. и мат-лы: сб. 80. – М.: Наука, 2002. – С. 186–202.
18. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Рос. акад. наук, Ин-т философии РАН; гл. ред. и сост.: чл.-корр. РАН И. Т. Касавин. – М.: Канон+, 2009. – 1247 с.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

УДК 304.44.94(57)

Л. Ю. Антонова

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГА В СИБИРИ XIX–XX ВВ.

В работе описаны исторически сложившиеся формы организации досуга в Сибири, рассмотрены особенности свободного времяпрепровождения сибиряков, выделены характерные процессы, связанные с общим культурным развитием в России, с опорой на традиции и новации.

Ключевые слова: досуг; клуб; народное творчество; обычаи; традиции; старожилы; Сибирь.

L. Y. Antonova

SOCIO-CULTURAL PRECONDITIONS OF LEISURE ORGANIZATION IN SIBERIA OF XIX–XX CENTURIES

The article describes historically developed forms of leisure organization in Siberia, features of free pastime of Siberians, outlines characteristic processes connected with general cultural development in Russia for traditions and innovations.

Keywords: leisure; club; folk art; customs; traditions; old residents; Siberia.

Несмотря на рост интереса исследователей к истории повседневности и сфере городского досуга, эта тема еще остается недостаточно изученной, особенно на материалах Сибири: о развлечениях горожан можно найти лишь отдельные работы, посвященные преимущественно чиновникам и купечеству.

Наряду с многовековой миграционной активностью характерной чертой русской культуры является значительный диапазон различных форм традиционно-бытовой культуры. Исследователи отмечают, прежде всего, три основных исторически сложив-

шихся этнографические зоны: южнорусскую, среднерусскую и севернорусскую. Среди русского населения Сибири можно проследить особенности каждой из этих групп. Кроме того, в результате различных исторических, политических, социально-экономических и природно-географических факторов в местах позднейшей колонизации возникали различные историко-этнографические группы русского этноса [1, с. 67].

При освоении территории Сибири наблюдались сложные многоуровневые социальные и психологические конфликты,

связанные с адаптацией русского населения к ее суровым условиям. Многие традиции и мировоззрение не вполне адекватно соответствовали новым реалиям, поэтому происходила трансформация элементов материальной и духовной культуры. Самосознание и изменившееся мышление сибиряков во втором-третьем поколениях диктовали смену ценностных приоритетов, новые стереотипы поведения. Социокультурная адаптация русского населения в Сибири представляла собой комплекс взаимосвязанных мер, которые включали следующие основные действия:

- преобразование «дикой» природы, преодоление воздействующих факторов экстремального климата;
- создание условий «выживания», куда входили жилище, пропитание, одежда;
- становление новых социокультурных традиций, в том числе досуговых;
- психологическая адаптация человека;
- формирование нового сознания у представителей старожильского сообщества и др. [2, с. 19].

Итогом перечисленных процессов стало образование сибирского старожильского субэтноса. Томский исследователь П. Е. Бардина считает возможным выделить в особую группу «нарымчан» – старожильское население бывшего Нарымского края, а Е. А. Строганова – современное население Кондинского района Тюменской области [см.: 1, с. 67].

Основой сознания старожилов являлась опора на заветы и традиции предков. Сибирский характер проявлялся в труде, в быту, культуре, в периоды военных испытаний, когда сибиряки показывали себя прекрасными воинами, проявляли твердость духа в экстремальных ситуациях. Сибирская деревня жила в условиях устойчивой гармонии отношений, сосуществования личных и общих интересов.

Сибирское мировоззрение, как и на всей Руси, было основано на двоеверии. Оно сформировалось в первые века русской истории в результате взаимодействия народного язычества и христианства, их слияния и дальнейшего совместного развития. Двоеверие признавалось в форме сохранения обычаев и поверий отцов, наблюдалось в каждом обряде, во всех праздничных действиях. Например, «двойными», церковным и языческим, были верования Ильина дня, Ивана Купалы, «високосного дня Касьяна – зловещего дня» или дня Власа – «скотьего праздника»; в дни перед Крещением сибиряки «машкаровались» – надевали различные маски, рядились «медведем», «шаманом», «чертом», «смертью», предавались розыгрышам и т. д. [2, с. 28].

Народное творчество Сибири выделялось прагматичностью, неравномерностью развития отдельных направлений. Более всего были развиты декоративное искусство, фольклор, игры, праздничная обрядность; менее – песенные жанры, музыкальное искусство.

Декоративное искусство отличалось сдержанностью, определенной скупостью в размерах и красочности изображений, строгостью линий. Сибиряки не любили украшать предмет или сооружение целиком, а ограничивались украшением основной части, отдельных элементов: карнизов домов, углов стен, наличников окон, ставен; могли провести вокруг дома ажурный резной пояс. Особо украшались ворота, но не все полотно, а столбы, карниз крыши ворот. Крыльцо имело резные столбы, ограждения – перильца, точеные «балясины», резную арку входа. Из надворных построек украшались обычно только амбары. Ясность и уравновешенность композиции придавали такие элементы, как ромб, крест, квадрат, пересекающиеся или

расположенные рядами, а также изображенные один в другом.

Геометрические и растительные орнаменты – результат влияния искусства местных народов. Излюбленными цветами сибиряков были красный, синий, зеленый, желтый; реже – черный, темно-коричневый. При вышивании фигурок пользовались только красной нитью. Часто применялось шитье фигурных композиций из кривых, изгибающихся и пересекающихся друг с другом линий.

Любимым занятием сибиряков была резьба по дереву, которая доходила до кружевной тонкости. Украшения наличников окон были как «прорезные», так и «накладные».

С XVIII в. заметно различается быт городов и деревень. Социальное расслоение произошло и в сфере досуга. Крестьянское население по-прежнему хранило традиционную культуру, а любая культурная традиция развивается в целом вариативностью различных ее форм. Еще П. Н. Милюков отмечал, что «наиболее выдающейся чертой русского народа является полная неопределенность и отсутствие резко выраженного национального обличия» [3, с. 38].

Высшее сословие ориентировалось на Запад, перенимая обычаи европейской знати, а непривилегированная часть жителей крупных городов ощущала необходимость в создании своего искусства – так, например, начал формироваться городской фольклор.

Праздники, выделяясь из череды повседневности, играли значительную роль в жизни общества. Они служили не только средством отдыха, общения и развлечения, но и выполняли функцию социализации человека, способствовали формированию и укреплению социальной общности.

В конце XVIII в. стали появляться клубы, становясь единственным учреждением, объ-

единявшим семьи военных и гражданских чиновников для совместного проведения досуга.

В городах общественная жизнь была более сложной и многоаспектной, чем в деревне, при этом каждая группа горожан занимала свое особое место. Городские жители, принадлежавшие к отдельным социальным группам, были включены в разные общественные сферы, различавшиеся и по характеру общих дел, и по распространению тех или иных видов досуга и развлечений.

Расслоение городских жителей по материальному признаку, а также по уровню образования и служебному положению отчетливо проявлялось в чиновничьей среде. По размеру жалованья сибирские чиновники делились на три группы: высшую, среднюю, низшую, каждая из которых имела определенные формы организации досуга. Вместе с тем, необходимо отметить и негативные стороны в организации досуга сибирского чиновничества, связанные с «кутежами, пирушками, картежными играми, скандалами». В большей степени это было характерно для молодых служащих, однако подобное времяпрепровождение было не чуждо и некоторым представителям высшей администрации. Современники в своих воспоминаниях писали, что «образованные и почтенные люди... создавали специальные кружки, преданные картежной игре, и посвящали ей все свободное время» [4, с. 33].

Для всех горожан любимым занятием в зимнее время было катание на коньках и санях, а летом – гуляние за городом в компании с другими семьями. Молодежь из числа канцелярских служащих любила организовывать вечерки, на которых подавалось угощение, распевались песни и устраивались пляски. Иногда такие увеселения заканчивались потасовкой и даже кулачными боями

между чиновниками и другими молодыми людьми [4, с. 43].

Центрами культурной жизни в Тобольске, Иркутске, Ялуторовске, Кургане и других сибирских городах становились дома декабристов, где проводились литературные вечера, диспуты о роли театрального искусства в общественной жизни. Например, вечерами в доме И. Д. Якушкина в Ялуторовске звучала фортепианная музыка, гости играли в шахматы, беседовали [5].

Таким образом, в первой половине XIX в. в организации досуга сибирских горожан, в частности, чиновничества, сочетались как традиционные формы, так и инновационные. Традиционные (праздничные обряды, семейные развлечения, массовые праздники) были присущи низшим и частично средним группам служащих. К инновационным досуговым формам (тематические вечера, любительские музицирование и театральные постановки) тяготели высшие и отчасти средние группы чиновников. С течением времени, под влиянием культурных процессов, происходивших в общественной жизни Сибири, традиционные досуговые формы трансформировались, а инновационные заняли прочную позицию.

Во второй половине XIX в. досуговая культура сибирских городов получила свое дальнейшее развитие. Центрами культурной и общественной жизни стали учебные заведения, библиотеки, клубные учреждения, театры, редакции газет и музеев. По-прежнему больше возможностей для реализации свободного времени сохранялось у обеспеченных слоев населения.

В 1860–1880-х гг. стали распространяться практически повсеместно различные собрания и клубы, где проводились балы, вечера, маскарады, спектакли с участием приезжих артистов. Однако основная часть

горожан не имела возможностей посещать подобные заведения, прежде всего, из-за материальной необеспеченности.

В 90-х гг. появились сословно-профессиональные клубы, объединявшие более широкие слои горожан, – это так называемые приказчищи, или коммерческие, клубы, вокруг которых группировались служащие казенных учреждений и частных фирм, чиновники низших рангов, торговцы из мещан, т. е. средние городские слои. В таких клубах проводили свободные вечера, развлекались, музицировали, ставили любительские спектакли. Существовали клубы на небольшие членские взносы и добровольные пожертвования. В городах, где располагались крупные военные гарнизоны, действовали офицерские клубы. Кроме офицеров их посещал лишь очень узкий круг местных жителей, в основном из дворян.

В силу бедности досуга господствующими пороками среди низших слоев населения стали «грабительство, разврат и пьянство». Это зло, по мнению «Сибирского наблюдателя», происходило не столько от предрасположенности к «отечественному зелью», сколько от окружающей социальной обстановки. «Карты и вино – главные полюсы провинциальной жизни, вокруг которых... размещаются все местные интересы, мысли и желания и погибают все возвышенные стремления». Действительно, употребление алкоголя было широко распространено в стране и регионе: «...вся Сибирь пьет приблизительно одинаково и пьет много».

Только в конце XIX в. общество и власть, наконец, обратили серьезное внимание на отсутствие содержательного досуга у простого народа и его известный порок. Первое место в борьбе с пьянством отводилось просвещению народа, повышению его культурного уровня, досуга.

Развиваются идеи о всеобщем обучении, внешкольном образовании, об устройстве разумных развлечений, принимаются прочие меры по организации полноценного досуга для широких масс. Появившиеся в Сибири с 1880-х гг. Общество попечения о начальном образовании, Общество вспомоществования нуждающимся учащимся и другие благотворительные организации постепенно занялись просвещением и оздоровлением досуга также и взрослых горожан.

Таким образом, особенности менталитета, материальной и духовной жизни сибиряков сформировали у них устойчивое стремление к свободному творческому времяпрепровождению, а развитие индустриального общества в Сибири повлекло за собой организацию сферы городского досуга и любительства. Как и везде на Руси, сибирское население – и крестьяне, и горожане – активно участвовали в общественно значимых событиях, наиболее ярко воплощенных в календарно-обрядовых праздничных комплексах.

Культура досуга русских в городах Сибири XIX – начала XX в. находилась под влиянием процессов, связанных с общим культурным подъемом России в первой половине XIX в., и сочетала в себе традиции и новации, ведущие к дальнейшему росту и углублению культуроформирующих тенденций. Вследствие этого, значительный интерес представляет досуг широких слоев горожан данного

периода времени, который во многом определялся социальной принадлежностью.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что в начале рассматриваемого периода (XVIII в.) в городах и селах Сибири практически отсутствовали учреждения культуры, способные предоставить широким слоям горожан просвещение и содержательное развлечение. Однако уже в середине XIX в. функционировала широкая сеть воскресных школ, библиотек, лекториев, народных чтений, театров, других учреждений и любительских объединений по организации культурного досуга населения. Все желающие могли воспользоваться набором предлагаемых культурных услуг в зависимости от своих потребностей и возможностей.

Анализ исследуемых исторически сложившихся форм организации досуга в Сибири показал, что в этом регионе на протяжении многих лет формировалась и была создана благодатная среда для дальнейшего развития клубного любительства и специфических культуроразвивающих форм социально-культурных коммуникаций. Социально-культурные предпосылки формирования досуга в Сибири с процесса образования сообщества старожилов, их социокультурной адаптации в XVIII – начале XX в. в значительной степени внесли вклад в развитие и формирование досуговой культуры личности в современный период.

Литература

1. Жигунова М. А. Культура русских в Сибири: традиции и современность // КИС. – 1999. – № 1.
2. Верещагина И. М. Социально-культурная поддержка хобби как личностной любительской инициативы: дис. ... канд. пед. наук. – Кемерово, 2008. – 181 с.
3. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. – М., 1992. – С. 38.
4. Маркова И. Б. Досуг сибирских чиновников в первой половине XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XX в.: сб. ст. – Новосибирск: Наука, 1985.
5. <http://tobteatr.ru/index2.htm>

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

А. А. Насонов, Е. Н. Насонова

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ АКЦИЯ **«МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ВСЕХ РЕЛИГИЙ»**

A. A. Nasonov, E. N. Nasonova

SCIENTIFIC ELUCIDATIVE EVENT **«THE INTERNATIONAL DAY OF ALL RELIGIONS»**

22 января 2011 г. в Кемеровской областной научной библиотеке им. **В. Д. Федорова** прошла научно-просветительская акция, приуроченная к Всемирному дню религий, который отмечается по инициативе ООН ежегодно с 1950 г. в третье воскресенье января. Этот день был внесен в календарь международных праздников с целью сохранения мира и развития межконфессионального взаимодействия. В г. Кемерово этот день отмечался впервые в форме научно-просветительской акции. Организаторами мероприятия стали Кемеровская областная научная библиотека и Кемеровский государственный университет культуры и искусств. В мероприятии приняли участие религиозные организации Кемеровской области: Еврейская религиозная община г. Кемерово, Римско-католическая церковь на севере Кузбасса.

С приветственным словом к гостям обратилась директор Кемеровской областной научной библиотеки, президент Некоммерческого библиотечного партнерства «Кузбасские библиотекари» **В. А. Никулина**.

Программа научно-просветительской акции включала три тематических блока. В рамках первого из них состоялось открытие выставки «Главные книги религий мира». На ней были представлены различные издания Священных писаний вероучений (Библия, ТаНаХ, Коран): от ценных и старинных изданий XVIII–XIX вв. до современных; от иллюстрированных изданий, адаптированных для детей, до изданий на языке оригинала (иврите, греческом, латинском, старославянском). Были также представлены издания Библии на французском, итальянском, немецком, английском и других языках. Представители конфессий познакомили участников акции с религиозной атрибутикой иудаизма и католицизма. Сотрудники областной научной библиотеки рассказали о культовых предметах православия, предоставленных Кемеровской и Новокузнецкой епархией Русской православной церкви.

Во второй части акции с обзором конфессионального состава населения Кемеровской области выступил ведущий научный сотрудник

ник научного управления, преподаватель кафедры музейного дела КемГУКИ А. А. **Насонов**. Вопросы истории православия в Кузбассе осветила старший научный сотрудник Кемеровского областного краеведческого музея Г. П. Калишева, обратив внимание на значение христианских традиций для переселенцев из Европейской части России в Западную Сибирь XVII–XX вв. и их потомков. Члены Еврейской религиозной общины продемонстрировали фильм, посвященный традициям и праздникам еврейского населения г. Кемерово. Отец Андрей, служитель Прихода Непорочного сердца Пресвятой Девы Марии, рассказал об истории становления католической общины Кузбасса. Ассистент кафедры французской филологии Кемеровского государственного университета Г. Г. **Куничкин** представил вниманию присутствующих доклад на тему «Библия как лингвистический источник», проанализировав содержание концепта «дружба» в Ветхом и Новом Заветах. В конце второй части научно-просветительской акции выступили творческие коллекти-

вы национальных общин г. Кемерово: народный коллектив славянской культуры «Русские узоры», творческий коллектив Центра немецкой культуры ансамбль «Прелюдиум».

В завершении мероприятия состоялось обсуждение итогов научно-просветительской акции. В нем приняли участие кандидат педагогических наук, профессор кафедры управления социальной сферы КемГУКИ Л. И. **Рудич**, ведущий методист отдела «Кемеровский региональный центр Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина» Г. В. **Зрелова**, аспирант кафедры истории и культуры России Кемеровского государственного университета Ю. А. **Агеева** и другие участники акции. Ими была отмечена необходимость проведения подобного рода мероприятий, позволяющих всем желающим получить разнообразную объективную информацию о верованиях, распространенных на территории Кемеровской области. Организаторы и участники акции совместно определили круг наиболее значимых проблем, требующих дальнейшего освещения и обсуждения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенов Павел Викторович, аспирант, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: pavel_aksenov@mail.ru

Антонова Людмила Юрьевна, старший преподаватель кафедры менеджмента социально-культурной деятельности, института сервиса и социально-культурных коммуникаций, Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий, аспирант 4-го года обучения. E-mail: luda-ckd@mail.ru

Ань Лихун, кандидат педагогических наук, доцент факультета русского языка Даляньского университета иностранных языков. E-mail: an-lihong @126.com

Апукhtина Нина Георгиевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Челябинская государственная академия культуры и искусств. E-mail: kaf-fil@chgaki.ru

Арефьева Наталья Генриевна, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, кафедры литературы, Астраханский государственный университет. E-mail: yaroslavavarefiev@yandex.ru

Аршакян Сона Григорьевна, аспирант фортепианного факультета (3-й год), класс профессора Юрия Суреновича Айрапетяна, Московская государственная консерватория, аспирант кафедры философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: sona1986@yandex.ru

Астахова Людмила Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой информационной безопасности, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: lvastachova@mail.ru

Басалаева Ирина Петровна, старший преподаватель, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: isapan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aksyonov Pavel Viktorovich, post-graduate student, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: pavel_aksenov@mail.ru

Antonova Lyudmila Yurievna, Senior Lecturer of Chair Management of Social and Cultural Activities, Institute of Service and Socio-cultural Communications, Tyumen State Academy of Culture, Arts and Social Technologies, post-graduate student 4th year. E-mail: luda-ckd@mail.ru

An Lihun, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Faculty of the Russian Language of Dalian University of Foreign Languages. E-mail: an-lihong @126.com

Apukhtina Nina Georgievna, Doctor of Philosophic Sciences, Professor of Philosophy Chair, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. E-mail: kaf-fil@chgaki.ru

Arefieva Natalia Genrievna, Candidate of Philological Sciences, Docent, Philological Faculty, Chair of Literature, Astrakhan State University. E-mail: yaroslavavarefiev@yandex.ru

Arshakyan Sona Grigorievna, post-graduate student of Fortepiano Faculty (3d year), class of Professor Y. A. Airapetyan, Moscow State Conservatory, post-graduate student of Chair of Philosophy, Law and Socio-political Disciplines, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: sona1986@yandex.ru

Astakhova Lyudmila Viktorovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of Information Security, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: lvastachova@mail.ru

Basalaeva Irina Petrovna, Senior Lecturer, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University of Culture. E-mail: isapan@yandex.ru

Басалаева Оксана Геннадьевна, доцент кафедры технологии автоматизированной обработки информации, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: oksana_basalaeva@mail.ru

Берестова Татьяна Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской и инновационной работе, Челябинская государственная академия культуры и искусств. E-mail: kaf-fil@chgaki.ru

Борисенко Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, докторант межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет. E-mail: lana995@yandex.ru

Бородина Елена Михайловна, кандидат культурологии, доцент, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, заместитель заведующего отделом традиционной культуры НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: elena.folklor@rambler.ru

Виниченко Екатерина Александровна, директор центра социальной помощи семье и детям «Южнопортовый» (ЮБАО). E-mail: ekaterina.vinichenko@mail.ru

Жегульская Юлия Владимировна, старший преподаватель кафедры социальной педагогики, младший научный сотрудник Лаборатории социальной адаптации студентов, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: zhegulskaya@list.ru

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации. E-mail: kpp@kemguki.ru

Звягин Сергей Павлович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории, Кемеровский государственный университет. E-mail: whitesiberia@narod.ru

Basalaeva Oksana Gennadievna, Docent of Chair of Technology of Automated Data Processing, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: oksana_basalaeva@mail.ru

Berestova Tatiana Fyodorovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector for scientific research and innovative work of Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. E-mail: kaf-fil@chgaki.ru

Borisenko Elena Nikolayevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Doctoral student of Chair of General Inter-University and University Pedagogy, Kemerovo State University. E-mail: lana995@yandex.ru

Borodina Elena Mikhailovna, Candidate of Culturology, Docent, corresponding member of the Petrovsky Academy of Arts and Sciences, deputy head of the Department of Traditional Culture of the Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: elena.folklor@rambler.ru

Vinichenko Ekaterina Aleksandrovna, Director of Centre for Social Assistance to Families and Children «Yuzhnoportovy» (SEAD). E-mail: ekaterina.vinichenko@mail.ru

Zhegulskaya Yulia Vladimirovna, Senior Teacher at Social pedagogy Chair, Junior Scientist at Students' social adaptation laboratory, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: zhegulskaya@list.ru

Zaruba Natalya Andreyevna, Doctor of Sociology, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation. E-mail: kpp@kemguki.ru

Zvyagin Sergey Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of Chair of Recent National History, Kemerovo State University. E-mail: whitesiberia@narod.ru

Кайрамбаева Айгуль Жаскайратовна, магистр филологии, преподаватель кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации, Инновационный Евразийский университет. E-mail: aigul_zh@inbox.ru

Касаткина Наталья Эмильевна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, заведующая межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Клименко Анна Евгеньевна, аспирантка КГАМиТ по специальности «Музыковедение», преподаватель КГАМиТ и Красноярского колледжа искусств им. П. И. Иванова-Радкевича, солистка филармонического ансамбля «Ренессанс». E-mail: annaklimenko@bk.ru

Коваленко Олег Владимирович, начальник управления здравоохранения администрации г. Кемерово. E-mail: priem@kempzdrav.ru

Кувшинов Юрий Александрович, кандидат философских наук, профессор РАЕ, доцент кафедры социальной педагогики, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: phisiolog@mail.ru

Кулемзин Анатолий Михайлович, доктор культурологии, профессор, заведующий лабораторией музееведения, заведующий кафедрой музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: kulemzin@kemguki.ru

Лазарева Людмила Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной педагогики, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: LazarLi@mail.ru

Лушникова Галина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии № 2, Кемеровский государственный университет. E-mail: lushgal@mail.ru

Kairambayeva Aigul Zhaskairatovna, Master of Philology, lecturer at «Lingvodidactics and intercultural communication», Innovative University of Eurasia. E-mail: aigul_zh@inbox.ru

Kasatkina Natalia Emiliyevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honoured Worker of RF higher education, Winner of RF government prize, Head of inter-university Chair of general and higher education pedagogics, Kemerovo State University. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Klimenko Anna Evgenievna, post-graduate of KSAMT on Musicology, teacher of KSAMT and P. I. Ivanov-Radkevich Krasnoyarsk College of Art, soloist of Philharmonic Ensemble «Renaissance». E-mail: annaklimenko@bk.ru

Kovalenko Oleg Vladimirovich, Head of Health Department of Kemerovo Administration. E-mail: priem@kempzdrav.ru

Kuvshinov Yuri Aleksandrovich, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of RANS, Docent of Chair of Social Pedagogy, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: phisiolog@mail.ru

Kulemzin Anatoly Mikhailovich, Doctor of Culturology, Professor, Head of Laboratory of Museology, Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: kulemzin@kemguki.ru

Lazareva Lyudmila Ivanovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Chair of Social Pedagogy, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: LazarLi@mail.ru

Lushnikova Galina Igorevna, Doctor of Philological Sciences, Docent, Chair of English Philology № 2, Kemerovo State University. E-mail: lushgal@mail.ru

Макарчук Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры России, Кемеровский государственный университет. E-mail: maker@kemsu.ru

Маркдорф Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: nmmark@mail.ru

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, Кемеровский государственный университет. E-mail: prof_martynov@mail.ru

Милькова Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: milkva@rambler.ru

Минералов Алексей Юрьевич, кандидат филологических наук, докторант Литературного института им. А. М. Горького (г. Москва). E-mail: mineralov@yandex.ru

Насонов Александр Александрович, ведущий научный сотрудник научного управления, преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Насонова Елена Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий методист отделения информационных ресурсов на иностранных языках и языках народов России, Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Федорова. E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Невелева Вера Сергеевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, Челябинская государственная академия культуры и искусств. E-mail: kaf-fil@chgaki.ru

Омеличкина Елена Олеговна, аспирант, ассистент кафедры французской филологии факультета романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет и Университет Верхнего Эльзаса (Франция). E-mail: elenamel@mail.ru

Makarchuk Sergey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of Chair of History and Culture of Russia, Kemerovo State University. E-mail: maker@kemsu.ru

Markdorf Natalia Mikhailovna, Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of Social Sphere Management, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: nmmark@mail.ru

Martynov Anatoly Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of Archaeology Chair, Kemerovo State University. E-mail: prof_martynov@mail.ru

Milkova Elena Viktorovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Social Pedagogy, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: milkva@rambler.ru

Mineralov Aleksey Yurievich, Candidate of Philological Sciences, Doctoral student of M. Gorky Literary Institute (Moscow). E-mail: mineralov@yandex.ru

Nasonov Aleksandr Aleksandrovich, Leading Researcher of Scientific Management, Lecturer of Chair of Museum Scienc, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Nasonova Elena Nikolayevna, Candidate of Historical Sciences, Leading Methodist of Department of Information Resources in Foreign Languages and Languages of the Peoples of Russia, Fedorov Kemerovo Regional Scientific Library. E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

Neveleva Vera Sergeyevna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Chair of Philosophy, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. E-mail: kaf-fil@chgaki.ru

Omelichkina Elena Olegovna, post-graduate student, Assistant of French Philology Chair of Faculty of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University and University of Haute Alsace (France). E-mail: elenamel@mail.ru

Павлов Андрей Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории литературы и истории зарубежных литератур, Кемеровский государственный университет. E-mail: 12312@rambler.ru

Привалова Галина Федоровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: privalova-gf@mail.ru

Родионова Дарья Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Романова Наталья Ивановна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: feniks@kemnet.ru

Салимьянова Гузелия Вазировна, аспирант очной формы обучения кафедры лингводидактики и переводоведения факультета романо-германской филологии, Башкирский государственный университет. E-mail: lingvo87@mail.ru

Семенкова Татьяна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебно-организационной работе, Кемеровский государственный университет. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Старцева Татьяна Валерьевна, аспирант, ассистент кафедры английской филологии № 2, Кемеровский государственный университет. E-mail: ultimaratioregis@mail.ru

Фалилеев Вячеслав Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной педагогики, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: Falileev48@yandex.ru

Фаломкина Ирина Павловна, старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин, Кузбасский региональный институт развития профессионального образования. E-mail: falomkina@mail.ru

Pavlov Andrey Mikhailovich, Candidate of Philological Sciences, Docent of Chair of Literature Theory and History of Foreign Literature, Kemerovo State University. E-mail: 12312@rambler.ru

Privalova Galina Fedorovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Social Pedagogy, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: privalova-gf@mail.ru

Rodionova Darya Dmitrievna, Candidate of Philosophical Science, Docent of Chair of museum science, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Romanova Natalia Ivanovna, Candidate of Culturology, Docent of Chair of Philosophy, Law and Socio-political Disciplines, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: feniks@kemnet.ru

Salimyanova Guzel Vazirovna, post-graduate of full-time training of Chair of Translation and linguodidactics of Faculty of Romance and Germanic Philology, Bashkir State University. E-mail: lingvo87@mail.ru

Semenkova Tatiana Nikolayevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Academic and organizational work, Kemerovo State University. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Startseva Tatiana Valerievna, post-graduate student, Assistant of English Philology Chair № 2, Kemerovo State University. E-mail: ultimaratioregis@mail.ru

Falileev Vyacheslav Vasilievich, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Social Pedagogy, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: Falileev48@yandex.ru

Falomkina Irina Pavlovna, Senior Lecturer in general studies, Kuzbass Regional Institute of Vocational Education. E-mail: falomkina@mail.ru

Филатова Елена Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы, Кемеровский государственный университет. E-mail: mar tt@kemsu.ru

Филиппов Валерий Леонидович, ректор, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Луганский государственный институт культуры и искусств. E-mail: lugiki@ua.fm

Чепурина Елена Владимировна, кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой культуры и искусства речи, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: chepurina1@mail.ru

Шестакова Ирина Валентиновна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории искусства и культурологии, Алтайский государственный университет. E-mail: irinaal tkino@rambler.ru

Filatova Elena Vitalievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Social Work and Social Sphere Management, Kemerovo State University. E-mail: mar tt@kemsu.ru

Filippov Valery Leonidovich, Rector, Docent of Social and humanitarian disciplines Chair, Lugansk State Institute of Culture and Arts. E-mail: lugiki@ua.fm

Chepurina Elena Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Chair of culture and art of speech, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: chepurina1@mail.ru

Shestakova Irina Valentinovna, Candidate of Culturology, Docent of Chair of Theory of Art and Culurology, Altai State University. E-mail: irinaal tkino@rambler.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМГУКИ»

1. Правила оформления статьи:

- объем статей 6–12 страниц формата А 4;
- текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем;
- ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке, в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления;
- статья представляется в бумажном виде и на электронном носителе (по e-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному. При наборе статьи рекомендуется учитывать следующее: шрифт – Times New Roman, размер кегля – 12 пт, межстрочный интервал – одинарный, форматирование – по ширине; все поля – по 20 мм.

2. Сопроводительные документы к статье:

- аспиранты КемГУКИ при предоставлении статьи должны в обязательном порядке приложить рецензию ведущего преподавателя, кандидата или доктора наук, соответствующего по профилю кафедры, как правило, научного руководителя, или выписку из протокола заседания кафедры;
- аспиранты сторонних организаций прилагают рецензию доктора или кандидата наук соответствующего профиля;
- кандидаты наук и докторанты предоставляют рецензии, написанные доктором наук соответствующего профиля;
 - в рецензии обязательно должны быть указаны, кроме фамилии, имени, отчества (полностью), должность, ученая степень, ученое звание эксперта, его служебный адрес и телефон, а также дата написания рецензии. Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена печатью учреждения, где работает рецензент;
 - сведения об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах): фамилия, имя, отчество (полностью на русском и английском языках), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы или соискательства), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый адрес с индексом;
- название статьи, аннотация статьи (до 400 символов с пробелами) и ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- указание раздела журнала, в котором должна быть размещена статья (перечень рубрик см. в п. 3);
- индексы УДК (Универсальная десятичная классификация).

3. Перечень основных разделов журнала:

1. Гуманитарное знание.
2. Социально-экономическое знание.
3. Культурология.
4. Педагогика и социально-педагогическая деятельность.
5. Искусствоведение.

Статья направляется в редакцию журнала по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, отв. секретарю Кагакиной Елене Андреевне; e-mail: nir@kemguki.ru.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 24.02.2012.

Формат 60x84¹/₈.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Заказ № 30.

Уч.-изд. л. 18,2. Усл. печ. л. 27,5.

Тираж 500 экз.

Signed for print 24.02.2012.

Format 60x84¹/₈.

Offset paper. Font «Times».

Order № 30.

Author's sheets 18,2. Printer's sheets 27,5.

Number of copies 500.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного университета
культуры и искусств:
650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture and Arts:
650029, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru